

*200-летию Института востоковедения
Российской академии наук посвящается*

ОТ ВЕКА БРОНЗОВОГО ДО ВЕКА ЦИФРОВОГО: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
Ministry of Education and Science of Russian Federation
ALTAI STATE UNIVERSITY

**MIGRATION THROUGHOUT TIMES:
FROM THE BRONZE AGE
TO THE CENTURY
OF THE DIGITAL**

Barnaul

Altai State
University Press
2018

Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОТ ВЕКА БРОНЗОВОГО ДО ВЕКА ЦИФРОВОГО: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Коллективная монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

УДК 902/904
ББК 63.4
О80

Редакционная коллегия:

академик РАН В. В. Наумкин,
д-р ист. наук А. А. Тишкин,
д-р ист. наук П. К. Дашковский
канд. ист. наук С. А. Панарин

Рецензенты:

д-р ист. наук С. Н. Абашин,
д-р экон. наук Ю. Г. Александров,
д-р полит. наук А. С. Железняков

Editorial Board:

Vitalii A. Naumkin, acad., RAS
Alexei A. Tishkin, Dr. Sc. (History),
Petr K. Dashkovskiy, Dr. Sc. (History)
Sergei A. Panarin, Cd. Sc (History)

Peer-reviewed by:

Sergei A. Abashin, Dr. Sc. (History),
Yurii G. Alexandrov, Dr. Sc. (Economics),
Aleksandr S. Zheleznyakov, Dr. Sc. (Political Studies)

О80 От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени [Текст] : колл. монография / [сост., науч., лит. ред. С.А. Панарин; ред. англ. текстов А.А. Космарский]; Ин-т востоковедения РАН; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 436 с.
ISBN 978-5-7904-2258-4

Предлагаемая коллективная монография – результат едва ли не первой в российской науке попытки сотрудничества специалистов по современным и историческим миграциям. Ее авторы рассматривают феномен миграции, используя подходы, принятые в истории, археологии, этнологии, демографии, социологии, политологии и других отраслях гуманитарного знания. Хронологическими рамками книги охватывается огромный промежуток времени. Его нижнюю границу образует нашествие на Ближний Восток в первой половине XII в. до н.э. «народов моря». Верхняя граница совпадает с так называемым миграционным кризисом, случившимся в Западной Европе в середине второго десятилетия XXI в. н.э. Книга структурирована так, чтобы легче было соотнести различные case studies из репертуара прошлых и нынешних миграций. Это позволит читателю самостоятельно увидеть на протяженной временной шкале возможное типологическое сходство в причинах, факторах и последствиях миграций, принадлежащих разным историческим эпохам и разворачивавшихся в различных регионах мира.

УДК 902/904
ББК 63.4

Migration throughout Times: from the Bronze Age to the Digital Age : a collective monograph / [Compiled and edited by Sergei A. Panarin; editor of texts in English Artyom A. Kosmarskii]; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Altai State University. – Barnaul : Altai State University Publishers, 2018. – 436 p.

This multi-authored monograph is the result of the fruitful collaboration between the experts in contemporary and historical migrations – probably a first example of such a collaboration in Russian academic practice. The authors of the book study migrations through the lens of history, archeology, ethnology, demography, sociology and other social sciences. Chronologically speaking, the timeline of the book begins with the intrusion of the “Sea Peoples” into the Eastern Mediterranean (1200–900 BC) and ends with the mid-2010s European migration crisis. The structure of the book facilitates the comparison of different case studies of past and present migrations. It allows the reader to compare and contrast the causes, factors and consequences of migrations that have taken place in different regions and historical eras.

ISBN 978-5-7904-2258-4

- © Панарин С.А., сост., предисл., заключение, указатели, 2018
- © Институт востоковедения РАН, 2018
- © Алтайский государственный университет, 2018
- © Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2018

- © Panarin, Sergei A., 2018
- © Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018
- © Altai State University, 2018
- © Altai State University Press, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Миграции на шкале <i>longue durée</i> . <i>Сергей Панарин</i>	11
---	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОМПОНЕНТЫ МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА: ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Глава I. Беженцы и насильственно перемещенные группы	31
---	----

1.1. Три примера принудительных миграций из истории евразийских степей. <i>Николай Крадин</i>	31
1.2. Миграция евреев в Шанхай: вторая половина XIX – первая половина XX в. <i>Евгения Диденко</i>	39
1.3. Syrian Refugees and Turkish Society. <i>Soner Dursun</i>	46

Глава II. Номады прошлого и настоящего	54
--	----

2.1. Кочевники Внутренней Азии в домонгольский период: причины и факторы миграций внутри региона и переселений в Восточный Туркестан, Семиречье и Среднюю Азию. <i>Сергей Васютин</i>	54
2.2. Современные трансграничные миграции и цифровой номунизма. <i>Мариям Арпентьева</i>	64

Глава III. Главный поток современной миграции: трудовые мигранты	77
--	----

3.1. Трансграничные миграции в международных экономических отношениях. <i>Нина Цветкова</i>	77
3.2. «Китайцы никогда не умирают»: чем отличается китайская иммиграция в Италии и как итальянцы ее воспринимают. <i>Уго Перси</i>	85
3.3. Из России в Южную Корею: что ищут российские мигранты в «Стране утренней свежести». <i>Юлия Файзрахманова</i>	93
3.4. Феномен «монголтауна» в Сеуле. <i>Марина Балдано, Светлана Кириченко</i>	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МИГРАЦИИ: ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Глава IV. Вытесняющий эффект природных процессов	114
---	-----

4.1. Природно-климатический фактор трансграничных миграций в прошлом и настоящем. <i>Ирина Лебедева, Тимур Василенко</i>	114
4.2. «Черная смерть» и миграции населения Золотой Орды. <i>Тимур Хайдаров</i>	123

Глава V. Роль миграционного процесса и миграционного режима: опыт Российской империи	132
5.1. Западная Сибирь в эпоху трех трансграничных миграций (конец XVI – начало XVIII в.). <i>Владимир Пузанов</i>	132
5.2. Суд и местное самоуправление у мигрантов из Средней Азии в России XVIII – первой четверти XIX в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи). <i>Роман Почекаев</i>	140
5.3. Эхо истории: миграционная политика России в Бессарабии в первой половине XIX в. в контексте современных политических процессов в Молдове. <i>Василий Сакович</i>	144
5.4. Политика правительства в отношении миграции российских мусульман во второй половине XIX – начале XX в. <i>Петр Дашковский, Елена Шеринёва</i>	152
Глава VI. Социальные детерминанты миграционных решений ...	159
6.1. Nascent Youth Labour Migration from Ethiopia to the Middle East: Historical Roots and Theoretical Explanations. <i>Zelalem Teferra</i>	159
6.2. Казахстан: трансграничные миграции и социальные сети. <i>Айгуль Есимова</i>	171
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ: НАБЛЮДАЕМЫЕ И РЕКОНСТРУИРУЕМЫЕ ЭФФЕКТЫ	
Глава VII. Демографические и этносоциальные эффекты миграций	179
7.1. Этнические кластеры в России на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв.: ушедший в прошлое и ожидаемый в будущем осадок миграционных процессов. <i>Виктор Дятлов</i>	179
7.2. Казахстан: миграции и особенности суверенных этносоциальных процессов. <i>Александр Алексеенко, Ольга Колесникова</i>	186
7.3. Влияние внешней миграции монголов на демографические и социальные процессы в Монголии. <i>Нямаа Галиймаа</i>	192
Глава VIII. Этноареальные, этногенетические и этноэкономические изменения под воздействием миграций	201
8.1. Переселения народов первой трети XII в. до н.э. и хурритский мир. <i>Александр Немировский</i>	201
8.2. Трансформация этнической идентичности гагаузов в контексте их миграции с Балкан в Бессарабию. <i>Елизавета Квилинкова</i>	211

8.3. Миграция как фактор формирования отраслевых этноэкономик: региональный аспект. *Елена Шевцова* 219

Глава IX. Следы исторических миграций в языке и алфавите ... 228

9.1. Миграции в Древнем Египте в свете языковых заимствований. *Анастасия Петрова* 228

9.2. Миграции в регионы древней Бактрии с IV в. до н.э. по IV в. н.э. и социокультурная дистрибуция алфавитов (к проблеме социоскрипторики). *Виктория Вертоградова* 237

Глава X. Разнонаправленность миграционных эффектов: опыт Европы 245

10.1. Миграция из ареала присутствия так называемого Исламского государства и радикализация мусульманских общин Европы. *Сергей Саркисян* 245

10.2. Мигранты из Ирана в Германии: пример успешной интеграции. *Александра Атрашкевич* 253

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. МИГРАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ:
ОТ БЫТОВОГО ВОСПРИЯТИЯ К НАУЧНОЙ ТЕОРИИ**

**Глава XI. Мигранты и принимающее общество:
разброс отношений 261**

11.1. Социальные представления о мигрантах-мусульманах старшеклассников Московской области. *Изумруд Керимова* 261

11.2. От настроженности к неприязни: динамика отношения в России к трансграничным трудовым мигрантам в 2002–2016 гг. *Дмитрий Полетаев* 267

11.3. Новый этап миграции с Ближнего Востока: восприятие и отношение европейцев. *Маргарита Любарт* 284

Глава XII. Миграции сквозь призму историографии и теории 296

12.1. Особенности изучения миграций в археологии. *Алексей Тишкин* 296

12.2. Теория миграций в Германии: обзор дискуссий во Франкфуртской школе. *Святослав Шачин* 308

Миграция во времени: мысли вдогонку. *Сергей Панарин* 319

Библиографический список 329

Summary 378

Сведения об авторах 393

Указатели 397

CONTENTS

Migrations on the scale of <i>longue durée</i>. Sergei Panarin	11
---	-----------

PART ONE. CONSTITUENTS OF THE MIGRATION STREAM: THEN AND NOW

Chapter I. Refugees and forcibly displaced groups	31
1.1. Three cases of forced migration from the Eurasian steppes history. <i>Nikolai Kradin</i>	31
1.2. Jewish migration into Shanghai in the end of the 19 th – the first half of the 20 th century: reasons and outcome. <i>Evgenia Didenko</i>	39
1.3. Syrian Refugees and Turkish Society. <i>Soner Dursun</i>	46
Chapter II. Nomads of the Past and nomads of the Present ...	54
2.1. Nomads of Inner Asia: causes and factors of migrations within and out of the region in pre-Mongolian period. <i>Sergei Vasiutin</i> ...	54
2.2. Contemporary cross-border migrations and a digital nomadism. <i>Mariam Arpent'eva</i>	64
Chapter III. The mainstream of contemporary migration: labour migrants	77
3.1. Cross-border migrations in the framework of international economic relations. <i>Nina Tsvetkova</i>	77
3.2. “The Chinese never die”: the characteristic features of Chinese immigration in Italy and their perception by Italians. <i>Ugo Persi</i>	85
3.3. From Russia to South Korea: what Russian migrants are looking for in the Land of Morning Calm. <i>Iulia Faizrahmanova</i>	93
3.4. The phenomenon of Mongol town in Seoul. <i>Marina Baldano, Svetlana Kirichenko</i>	101

PART TWO. MIGRATIONS: INCENTIVE CAUSES AND ATTENDANT FACTORS

Chapter IV. Happenings in the nature as a force of push out ...	114
4.1. The nature-cum-climate impulsion of cross-border migrations: past and present. <i>Irina Lebedeva and Timur Vasilenko</i>	114
4.2. “Black Death” as a factor of migration in the Golden Horde. <i>Timur Khaidarov</i>	123

Chapter V. The role of migration regime and migration process itself: an experience of Russian empire	132
5.1. Western Siberia in the era of the three cross-border migrations (the end of the 16 th – beginning of the 18 th century). <i>Vladimir Puzanov</i>	132
5.2. Court and local self-government of migrants from Central Asia into Russia in the 18 th and the first quarter of the 19 th century (according to the Complete Collection of the Russian Empire Laws). <i>Roman Pochekaev</i>	140
5.3. A tool of history – an echo of history: the Russia’s migratory policies in Bessarabia in the first half of the 19 th century versus the current political process in Moldova. <i>Vasilii Sakovich</i>	144
5.4. Muslim migration and government policies in Russia in second half of the 19 th and the beginning of the 20 th century. <i>Petr Dashkovskiy, Elena Shershniova</i>	152
Chapter VI. Social determinants of decisions to migrate	159
6.1. Nascent youth labour migration from Ethiopia to the Middle East: historical roots and theoretical explanations. <i>Zelalem Teferra</i>	159
6.2. Kazakhstan: cross-border migrations and social networks. <i>Aygul’ Esimova</i>	171

**PART THREE. MIGRATIONS’ EFFECTS:
OBSERVED AND RECONSTRUCTED**

Chapter VII. Demographic and ethnic-cum-social effects of migrations	179
7.1. Ethnic clusters in Russia at the turn of 19 th – 20 th and 20 th – 21 st centuries: outlived and projected sediments of migration process. <i>Viktor Diatlov</i>	179
7.2. Kazakhstan: migration and characteristic features of ethnic-cum-social process since sovereignty. <i>Aleksandr Alexeenko, Ol’ga Kolesnikova</i>	186
7.3. The impact of Mongolian external migration on demographic and social process in Mongolia. <i>Niamaa Galiymaa</i>	192
Chaptert VIII. Under the impact of migrations: changes in ethnic areas, ethnic consolidation and ethnic economics	201
8.1. Migrations in the first decades of the 12 th century BC and the Hurrian world. <i>Aleksandr Nemorovskii</i>	201
8.2. The Gagauz: transformation of ethnic identity in the context of their migration from the Balkans into Bessarabia. <i>Elizaveta Kvilinkova</i>	211

8.3. Migration as an impact factor of the formation of ethnic branch economies: a regional focus. <i>Elena Shevtsova</i>	219
Chapter IX. Legacy of historical migrations in language and writings	228
9.1. Migrations in Ancient Egypt in the light of lexical borrowings. <i>Anastasia Petrova</i>	228
9.2. Migrations and socio-cultural distribution of the alphabets in ancient Bactria from the 4 th century BC to 4 th century AD: towards the problem of socio-cryptoric. <i>Viktoria Vertogradova</i>	237
Chapter X. Migration effects as extracted from the European current experience: divergences and discrepancies	245
10.1. Migration from the areas of the ISIS activities and the radicalization of the Muslim communities in Europe. <i>Sergei Sarkisian</i>	245
10.2. Migrants from Iran in Germany: a case of successful integration. <i>Aleksandra Atrashkevich</i>	253
PART FOUR. MIGRATION REPRESENTED: FROM EVERYDAY PERCEPTION TO A HIGH THEORY	
Chapter XI. Migrants in host societies: a range of attitudes ...	261
11.1. Social representations of Muslim migrants by senior pupils in Moscow region. <i>Izumrud Kerimova</i>	261
11.2. From wariness to animosity: the dynamics of Russians' attitude towards cross-border labour migrants (2002–2016). <i>Dmitrii Poletaev</i> ...	267
11.3. The new phase of migration from Middle East: the perception and attitude of Europeans. <i>Margarita Liubart</i>	284
Chapter XII. Migration through the prism of historiography and theory	296
12.1. Study of migrations in archaeology: particular qualities. <i>Alexei Tishkin</i>	296
12.2. The theory of migration in Germany: a synopsis of discussion in Frankfurt School. <i>Sviatoslav Shachin</i>	308
Afterthoughts on “Migration throughout times”. <i>Sergei Panarin</i> ...	319
Bibliography	329
Summary	378
About authors	393
Indexes	397

МИГРАЦИИ НА ШКАЛЕ *LONGUE DURÉE*

Nec manet ulla sui similis res: omnia migrant.

Lucretius, V, 826

Двадцать пять лет назад в ответ на вопрос Эммы Ротшильд¹, чем бы я хотел заниматься в рамках международного проекта по продвижению и дальнейшей разработке новой концепции безопасности, я предположил, что это могла бы быть тема «Миграция и безопасность». С тех пор, куда бы меня ни уводил исследовательский интерес, прихотливым сменам которого я всегда, не особо сопротивляясь, следовал, миграционные сюжеты никогда не выпадали полностью из моего поля зрения. Я возвращался к ним даже после длительного, в несколько лет, перерыва – с опасением, конечно, что безнадежно отстал за пропущенное время и не смогу найти общего языка с небольшой, но очень активной, постоянно общающейся и, увы, не слишком интенсивно обновляющейся когортой миграционистов. Однако эти страхи оказывались преувеличенными. Я действительно отставал в знании новых фактов и теоретических наработок, но не в понимании проблематики. Что не было, однако, моей заслугой. Ибо, хотя менялись ее акценты, одни аспекты выходили на передний план, другие на время отступали в тень,

¹ Эмма Джорджина Ротшильд (1948), экономический историк, профессор истории в Гарвардском университете, директор Центра истории и экономики там же, почетный профессор истории на историческом факультете Университета Кэмбриджа (Великобритания). Автор нескольких книг, в том числе “Economic Sentiments: Adam Smith, Condorcet and the Enlightenment” (2001) и “The Inner Life of Empires: An Eighteenth-Century History” (2011). В 1980-х гг. была экономическим экспертом Независимой комиссии Улофа Пальме по разоружению и безопасности, с 1992 г. и по настоящее время входит в состав научно-исследовательского совета международного проекта “Common Security Forum” (Emma Rothschild, 2017).

в целом круг вопросов, требовавших ответов, почти не менялся, и в почти неизменном виде повторялись варианты этих ответов. В то же время, как раз благодаря перерывам, все более отчетливо выдвигалась способность миграции и мигрантов противостоять, при попытках перевести их в разряд «предметов и объектов исследования», отчуждению в форме объективации и концептуализации, способность вторгаться в исследование всей полнотой жизненного восприятия «их» «нами». И тем самым нарушать столь необходимую для исследователя дистанцию.

Но разве могло быть иначе? Ведь мигранты вошли в нашу жизнь. Из своего окна, выходящего во двор старого сталинского дома, я в течение уже лет десяти невольно наблюдаю за работами и заботами сменяющихся дворников – мигрантов из Средней Азии. Какие среди них попадались неутомимые, добросовестные труженики – как, впрочем, и мастера имитировать трудовую деятельность! Одна из квартир в моем подъезде давно сдается интеллигентным девушкам-киргизкам, тоже периодически сменяющимся. Как-то в ней даже была сыграна пышная свадьба. А однажды я был вынужден вмешаться, когда разозленный киргизский кавалер свою хрупкую киргизскую подружку, с виду вполне современную девушку, стал вполне «по традиционному» бить ногой по самым чувствительным местам... Да что перечислять эпизод за эпизодом! Уверен, что из личных воспоминаний о встречах с мигрантами тех немногих, кто исследует миграцию, и тех многих, кто ею профессионально не занимается, можно составить толстенный том, а то и два, под условным названием «Какими Мы видим Их». И том этот был бы в первую очередь не о мигрантах, а о нас.

Что приходит из жизни и задевает лично, заставляя забыть, иногда надолго, об успокаивающем лекарстве рефлексии, то не так-то легко отстранить и анализировать. Так и с миграцией. Намного сильнее, чем традиционные исторические сюжеты, проблемы Южно-Китайского моря или очередная встреча в рамках ШОС, апеллирует она напрямую, поверх ограды затверженных научных интерпретаций, к тому, как ее исследователь видит мир и себя в нем, какие ценности разделяет и отвергает. Злободневная по определению, успешно взывающая подчас даже к индивидуальному темпераменту, она оказывает на любого субъекта ее восприятия – будь тот ученым, политиком, социальным работником или полицейским –

такое давление, что парадоксальным образом объективирует уже самого этого субъекта. Объективирует в том смысле, что, провоцируя запуск в сознании процессов категоризации¹, хотя бы отчасти подменяет индивидуальное восприятие стереотипным. И это давление мешает выстроить непротиворечивое объяснение феномена миграции.

Есть и другая почти непреодолимая трудность – соединение вечного течения миграций с их текущей изменчивостью. Миграции длятся и длятся: от огромной по длительности эпохи антропогенеза до ничтожного кусочка времени, гордо объявленного эпохой пост-модерна; от господства каменной индустрии до наводнения информационных потоков и обслуживающих их технологий; от Саргона Великого и фараона Джосера до Путина и Трампа. При этом в каждый данный, относительно протяженный, отрезок исторического времени в большей или меньшей степени обновляется социальный состав миграций, происходят изменения в композициях и балансах вызывающей их совокупности причин и миграционных следствий, как ожидаемых, так и непредвиденных. Эта вечность миграций, их непрерывное – то более выраженное, то менее, но неизбывное – присутствие в истории человечества и вечная изменчивость, непрекращающаяся процессуальность, обостренная реагентность на смену обстоятельств оборачиваются настоящими преградами для тех, кто жаждет их «разъять алгеброй» анализа, подчинить законам. Ученые подступаются к миграциям как к объекту исследования, властители – как к объекту управления; но и те, и другие равно уподобляются борцам с мифическим Протеем, вечно меняющим облик и потому ускользающим от понимания первыми и не поддающимся регулирующим мерам вторых.

Поэтому я скептически отношусь к концепциям миграции, поэтому решил воздержаться от того, что обычно занимает самую большую часть предисловия – от их краткого изложения и, шире, от «историографии проблемы». Вместо этого я сосредоточусь на методе исследования, способном, как представляется, обеспечить

¹ Понятием «категоризация» в социальной психологии определяется произвольный процесс деления людей на группы в ситуации, когда эти группы взаимодействуют лишь случайно и поверхностно и когда их не сближает сходство в мировидении (Hogg M.A. et al., 1986, p. 24). Категоризация может вести – и нередко приводит – к предвзятому отношению и дискриминации (Oakes P., 2003, p. 14).

необходимое отстранение от дышащего в затылок «предмета», различить под маской частых и частных изменений его едва ли не вечные в их устойчивости, «гранитные» черты.

I

Одно тысячелетие за другим землю населяют одни мигранты, и завтра мы будем мигрировать еще больше. Будут мигранты политические, мигранты экономические, мигранты климатические. Но люди – это бабочки, возомнившие себя цветами: как только они где-нибудь обосновываются, они забывают, что у них нет корней, они принимают собственные крылья за лепестки, придумывают себе иную генеалогию, отличную от блуждающей гусеницы и летающего зверя.

Эрик-Эмманюэль Шмитт. Улисс из Багдада

Начну со слова. Уже в своем римском «далеке» латинский глагол *migrare* и существительное женского рода *migratio* обладали многими значениями. Чаще всего их употребляли, когда надо было сказать о переселении, переезде кого-либо или перемещении чего-либо; об уклонении от чего-либо, оставлении чего-либо (например, своего поста); об отступлении от закона, его нарушении; о вступлении в новый брак; о смерти как переходе, расставании с жизнью; в целом – об изменении и всеобщей изменчивости (Дворецкий И.Х., 1976, с. 635). В дальнейшем, в течение столетий бытования латыни в качестве международного языка высокой культуры, значения слова «миграция» продолжали множиться – как и после вхождения этого слова в национальные языки. В итоге за время длительного пребывания и в повседневном языке, и в языках политики, журналистики и науки понятие обросло множеством смыслов и коннотаций, а заодно и эмоциональных мировоззренческих и идеологических реакций на него.

В зависимости от контекста использования любого понятия на первый план выходят лишь некоторые его значения или вовсе единственное. Понятие «миграция» – не исключение. С уверенностью можно предположить, что для энтомологов, изучающих вид *Coccinellidae*, оно в первую очередь ассоциируется с перелетами целой популяции божьих коровок. Но и при переходе от языка узких специалистов к языку общенаучному и литературному опережающее всплывание какого-то смысла тоже определяется

контекстом, только теперь контекстом, создаваемым не столько профессиональными занятиями, сколько обстоятельствами места и времени.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона вместо статьи о миграции дается отсылка к статье «Переселение», а в той речь идет исключительно о миграциях в животном мире. И хотя затем следует большая статья «Переселения» – о переселениях русских крестьян на окраины империи, и есть в «Словаре» статьи «Иммиграция» и «Эмиграция», как *родовое понятие* миграция всё-таки не отождествляется в нем напрямую с перемещениями людей (Энциклопедический словарь, 1896, т. XIX, с. 234; 1898, т. XXIII, с. 260–281). Спустя столетие в академическом словаре, предназначенном для фиксации изменений в русском языке к концу XX в., миграция толкуется исключительно как движение людей (Толковый словарь..., 2002, с. 385–386). Причем и в его толковании, и в иллюстрациях медийного употребления это слово прочно привязывается к движениям населения в пространстве бывшего СССР после его распада.

Другой пример контекстуальной аранжировки смыслов. В онлайн-словарях итальянского языка, при сугубо политкорректном толковании самого термина, в поясняющих примерах прорывается его эмоциональное восприятие, обусловленное европейским миграционным кризисом. Например, в авторитетном «Вокабулере Треккани» вслед за нейтральным объяснением значения слова «мигрировать» приводится фраза из текста Карло Сгорлона¹, отражающая отношение к миграции как к бедствию: «Орды варваров прихлынули к пределам (*migravano verso confine*) Римской империи – и ее жители были вынуждены бежать (*erano costrette a migrare*), бросая свои земли, становиться людьми, рассеянными по свету, лишенными будущего» (Трессани, 2017). В другом словаре сначала объясняется, что мигрировать = поселиться не в том месте, откуда ты родом – разумеется, без указания этого самого места. Но в иллюстрирующем предложении оно обозначено четко

¹ Карло Сгорлон (1930–2009), итальянский писатель родом из области Фриуле. Обладатель множества престижных литературных премий. Автор трех десятков романов, сборников рассказов и пьес. В том числе – автор романа о мигрантах из Фриуле, участвовавших в строительстве Транссиба (Carlo Sgorlon, 2007; *The Friulian Language*, 2014, p. 10–11).

и – весьма симптоматично: *popolazioni che sonoigrate dall'Oriente* (выделено мною. – С.П.) (Aldo G., 2015).

Как хорошо видно из этих примеров, понятие «миграция» откликается на перемены в его восприятии, а те обусловлены не только исторической динамикой контекста социальной среды, в которой разворачивается миграционный процесс, но и его собственной динамикой. Благо богатый смысловой арсенал понятия это позволяет. Вместе с тем не стоит забывать, что все смыслы слова «миграция» крепятся, подобно роскошной кипени цветов, вдруг облепивших невзрачную ветку, к элементарному представлению о движении в пространстве. Миграция немислима без движения, без этой природной способности человека как живого существа, которой он, уже как существо социальное, придал созидательную историческую функцию окультуривания, очеловечивания природного пространства, его колонизации. А ключевой характеристикой колонизации, включая самую древнюю, начальную – ту, что совпала по времени с началом человеческой истории – и была «стратегия движения (власть над пространством)» (Головнёв А.В., 2015, с. 20).

Можно, наверное, сказать, что миграция сама – исконная человеческая способность. Пусть у многих людей, глубоко погруженных в жизнь – да простится мне неологизм! – домоседную, эта способность до поры остается свернутой, она так же имманентна любому человеку, как его способность дышать или спать. Даже парализованный человек свободно перемещается в *воображаемом* пространстве. Он может развить в себе способность к *творческой* миграции. К той, например, которой буквально живет герой детективов Джеффри Дивера Линкольн Райм, которому почти полная неподвижность не мешает мысленно двигаться за логикой замыслов и пространственными перемещениями преступника (Дивер Д., 2005; 2010).

Вернемся, однако, к мигрантам реальным, способным к физическим перемещениям. Как бы ни варьировались их цели, для их достижения все они прибегают к помощи одного средства – движения в пространстве. Именно такое движение – обязательное условие и универсальное средство решения самых разных проблем, возникающих на личностно-групповом уровне и на уровне этнической общности. Более того, миграции были необходимой составляющей самого становления человека как вида, процессы антропогенеза

и миграции – куда большие «близнецы-братья», чем партия и Ленин в поэме Маяковского. Поэтому история миграций – в отличие, скажем, от истории революций, государств, международных отношений и т.д. – соизмерима с историей человечества во всей ее протяженности. Что позволяет при поиске первичной, базовой характеристики совокупного мигранта использовать парафраз из Шефтсбери (1974, с. 8): мигрант – это человек, *каков он сам по себе*, т.е. человек еще не исторический, человек естественный в руссоистском понимании термина. И вместе с тем именно посредством миграционного движения «естественный» человек расстается со своей изначальной включенностью в мир природы, начинает долгий путь к антропоцену. Это путь от свободных просторов – к пространствам, человеком-мигрантом одновременно расширяемым, разграничиваемым и изменяемым. От родовой территории он ведет к национальному государству и глобальному миру, от стоянки в сотню квадратных метров – к мегаполису, от устного известия в узком кругу – к всемирной информационной паутине и т.д., и т.д., и т.д.

Omnia migrant.

II

...Прошлое и настоящее взаимно освещают друг друга.

Fernand Braudel. History and the Social Sciences: The Longue Durée

Итак, способность к миграции была присуща человеку еще тогда, когда человеком он только становился. Миграции, в ходе которых люди расселились от Бретани до Чукотки и от Гренландии до Огненной земли, охватили *всю* Землю, прослеживаются на протяжении *всей* истории человечества. Такая соположенность миграций «времени мира»¹ и такая их соразмерность земному пространству требуют использования, наряду с широко распространенными исследованиями, сфокусированными на происходящем сейчас, исследований, обращенных в прошлое.

Мне тут же скажут – и вполне обоснованно, – что с пафосом ставить такую задачу все равно, что ломиться в открытую дверь. Исторические миграции давно стали предметом внимания и реф-

¹ Метафора заимствована из названия третьего тома главного труда Фернана Броделя (1992).

лексии. Что такое вторая и четвертая книги Моисеевы («Исход» и «Числа»), как не описание исторической миграции евреев из Египта в страну Ханаан? И не просто описание, а еще и задним числом легитимирующее объяснение причин и целей этой миграции? И дано оно было задолго до первых претендовавших на научность интерпретаций непосредственно наблюдаемых миграций, сводивших миграционные перемещения к разновидности броуновского движения (Абылкаликов С.И., Винник М.В., 2012). В настоящее время нет недостатка внимания к историческим миграциям со стороны ученых – историков, этнологов, археологов. В Институте археологии РАН даже существует специальное подразделение по изучению миграций прошлого – Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. Однако само по себе наличие «древников», занимающихся миграциями далекого прошлого, ровно ничего не значит для «современщиков», и наоборот. Ибо располагаются они на разных концах временного континуума, в своем поиске друг с другом не взаимодействуют и, похоже, совсем не тяготеют взаимной изоляцией. Между тем, по моему глубокому убеждению, для того чтобы миграционные исследования обрели новые объяснительные возможности, необходимо устранить этот разрыв, поместив их на единую временную шкалу – шкалу *longue durée*.

Написание или произнесение слов *longue durée* служит сейчас таким же бесспорным свидетельством пребывания каждого, кто так делает, на теоретическом Олимпе и историографическом Парнасе, как и почтительные упоминания ризомы Делёза или инвективы *à la Said* в адрес пресловутого ориентализма. Однако частое использование понятий столь же часто не идет им на пользу. Они стираются, превращаются в функцию, в статусные символы и ненаучные интерпелляции, чей исходный смысл оттесняется так далеко на периферию сознания, что он, а вслед за ним и само слово словно бы умирают. А мертвые слова, как давно было замечено, «дурно пахнут»¹. Поэтому, несмотря на видимую всеобщую осведомленность в вопросе, что это за конструкт такой *longue durée*, я уделю ему далее целый раздел. Благо сам творец и пропагандист конструкта разбросал в своих текстах немало кратких пояснений на его счет. Есть у него

¹ Из стихотворения Николая Гумилёва (2012, с. 260) «Слово».

и специальная статья, в которой он раскрывает содержание своей излюбленной метафоры и – что еще более важно с точки зрения замысла книги, предвараемой этим предисловием, – доказывает методологическую *необходимость* использования *longue durée*.

Еще в 1948 г. Бродель представил историю Средиземноморья в виде здания из трех этажей. Первый этаж – это почти неподвижная (*quasi immobile*) история взаимоотношений человека с окружающей средой; второй – история медленных ритмов = социальных групп; третий – «быстрая» «индивидуальная» история, под которой он понимал как бы размеченную деяниями исторических фигур и потому преимущественно политическую историю. Или, по определению Франсуа Симиана, историю событийную (*l'histoire événementielle*). И поскольку эти три истории различались для Броделя не только силами и акторами, но и скоростью протекания, он и время истории разделил соответственно ее этажам на время географическое, социальное и индивидуальное (Braudel F., 1949, p. 13–14).

В дальнейшем Бродель фактически отождествил событийную историю с историей времени как мгновения – *un temps instantané* – и противопоставил ее истории процессуальной, время которой – *longue durée*, продолжительное, длащееся. Однако его противопоставление нельзя назвать жестким: он уточняет, что какие-то события, короткие в пределах их самостоятельного существования, могут, условно говоря, растягиваться во времени, поскольку оказываются важными или даже ключевыми звеньями в цепи причин и следствий. Поэтому «лучше говорить не о событиях, а о коротких промежутках времени, соразмерных отдельной личности, повседневной жизни, нашим заблуждениям и скоропалительным умозаключениям, – прежде всего, о времени хроники, времени журналистском». В этом времени царит событийная усредненность, к тому же «из всех возможных промежутков времени самый короткий – и самый капризный и обманчивый» (Braudel F., 1980, p. 28).

Этажи истории различаются и по их структуре. Структуру Бродель определял как «связный, хорошо фиксируемый ряд отношений между действительностью и социальными массами». «Одни структуры, вследствие их долгого существования, становятся прочными элементами жизни бесчисленных поколений: встают на пути истории, препятствуют ее течению и тем самым формируют ее. Другие изнашиваются быстрее. Но все они служат и опорой, и по-

мехой. В качестве помех они образуют границы, за которые человек и человеческий опыт не могут ступить. Только представьте себе, как трудно вырваться из рамок, устанавливаемых географией и биологией, преодолеть пределы производительности, даже какие-то специфические духовные ограничители – ведь ментальные рамки тоже могут быть темницей *longue durée*» (op. cit., p. 31).

Совокупность ограничивающих структур Бродель называл структурами повседневности. Чтобы прояснить содержание этого понятия – и заодно доставить читателю удовольствие от высокой исторической прозы, – позволю себе еще одну пространную цитату (Braudel, 1977, p. 6–7).

«Я начинаю с инерции – с истории того, довольно-таки неопределенного на первый взгляд сорта, что выходит за пределы ясного осознания. Эта история – как игра, в которой человек не столько играет сам, сколько она играет им. <...> Начинаю с повседневной жизни, с тех ее сторон, что контролируют нас, а мы этого даже не замечаем: с привычек, или, лучше сказать, с рутины – с того множества актов, процветающих и вызревающих независимо от чьего-либо решения, которое мы себе и не представляем. <...> Бесчисленные унаследованные нами акты, накопленные вперемешку и до сих пор периодически нами повторяемые, и помогают нам жить, и лишают нас свободы, принимая за нас решения на протяжении всей жизни». Что это за акты? «Это побуждения, влечения, образцы и способы действия и реагирования, которые – куда чаще, чем мы в состоянии подозревать – восходят к началам человеческой истории. Древнее, но всё еще живое, это многовековое прошлое втекает в настоящее подобно Амазонке, изливающей в Атлантический океан половодье своего мутного потока».

III

...Сегодня в Европе мы имеем дело не с иммиграцией. Мы наблюдаем феномен миграции. Разумеется, она лишена стремительности и жестокости вторжения германских племен в Италию, Францию и Испанию, ярости арабской экспансии после Хиджры и неторопливости неисчислимых людских потоков, которые перенесли загадочные народы из Азии в Океанию и, возможно, в обе Америки через исчезнувшие ныне сухопутные перешейки. Но это другая глава истории планеты, которая видела цивилизации, образовавшиеся и исчезнувшие на гребнях великих миграционных волн. Сначала – с Запада на Восток (но мы об этой волне

очень мало знаем), потом с Востока на Запад, начиная тысячелетнее движение от истоков Инда к Геркулесовым столбам и потом <...> от Геркулесовых столбов в Калифорнию и к Огненной Земле.

Умберто Эко. Картонки Минервы

Мы не сможем глубоко проникнуть в современность, если, обязательно помня о вопросах, которые она задает нам, не обратимся к поиску ответов также и в прошлом. В нашем случае – к поиску ответов на вопросы о миграции. В методологическом отношении такое обращение – при условии, что это будет не точечный укол, не выхватывание подходящей по видимости аналогии, а именно погружение в Амазонку *longue durée*, – откроет некоторые потенциально эвристические возможности.

Обогащение представления о структуре миграционных процессов. Как это может получиться при сопоставлении сущностей, разделенных временем, Бродель показал с помощью простого сравнения сущностей, разделенных пространством. «Прожив в Лондоне год, вы не так уж и много узнаете об Англии. Зато по контрасту, на фоне того, что вас там удивило, вы внезапно придете к пониманию глубоко запрятанных характерных особенностей Франции – вещей, которые вы не знали раньше потому, что знали их слишком хорошо. Так и с современностью: прошлое – способ от нее дистанцироваться» (Braudel F., 1980, p. 37). То есть речь не идет о том, что, проследив, предположим, движение гуннов на запад в V в. или переселение горстки зулусов под началом Мзилизикази на север в первой четверти XIX в. (Риттер Э.А., 1968, с. 264–267), мы непременно обнаружим нечто такое, что хорошо выражено и в современных миграциях. Куда более вероятно другое: на «экзотическом» фоне исторических миграций мы сможем разглядеть в миграциях наших дней то, что раньше в них не замечали, на что не обращали внимания. Аналогичный результат представляется возможным и в том случае, когда фоном, способным проявить нечто, скрытое в привычном облике прошлого, может, наоборот, послужить картина современных миграций. Но этим не исчерпывается ожидаемый эффект от сравнения миграций, разделенных столетиями. В узких хронологических рамках, будь то рамки текущих событий или короткого периода прошлого, нередко видится только то, что само бросается в глаза, тогда как все остальное, быть может, более

важное, ускользает от взгляда исследователя. Когда же прошлое и настоящее соположены и, благодаря этому, корректно сопоставлены, определение исследовательских приоритетов, главного и второстепенного в предмете исследования может оказаться значительно более точным, чем при рассмотрении разновременных миграций изолированно друг от друга. И открываются альтернативы привычному видению современной миграции: *историзируя* ее, мы приобщаемся к той способности истории, о которой прекрасно сказал Юваль Харари: «В отличие от физики и экономики, история не берется давать точные предсказания. Мы изучаем ее не затем, чтобы выяснить будущее, но чтобы расширить наши представления, понять, что нынешняя ситуация не так уж естественна и неизбежна. А значит, и сейчас перед нами множество дорог, гораздо больше, чем мы полагали» (Харари Ю.Н., 2017, с. 287).

Проверка исследовательского инструментария. Современными миграциями занимаются разные науки, более всех – социология, особенно качественная, и антропология, особенно культурная. Для изучения миграций они сделали больше, чем другие дисциплины. Однако и сегодня актуальны слова Броделя, некогда адресованные им социологам: вы склонны игнорировать исторические объяснения под тем предлогом, что каждое такое объяснение зиждется на небесспорной реконструкции.

С точки зрения социолога или антрополога их методы позволяют сделать точный срез действительности, ее, образно говоря, фотоснимок. И сколько бы его авторы ни демонстрировали на публику скептицизма в отношении получаемых ими результатов, в глубине души большинство из них верит, что на снимке – всё как есть на самом деле (или как было, когда «птичка вылетела»). С точки зрения историка – всё ровно наоборот: «исследователь, занимающийся современностью, сможет очертить... контур искомой структуры лишь в том случае, если сам займется реконструкцией, если на первое место поставит теории и толкования, не будет затянут в плен непосредственно явленной реальности...» (Braudel F., 1980, p. 36). Совместное пребывание в школе *longue durée* специалистов по современности и по древности и в этом отношении будет взаимовыгодным. Это не означает, конечно, что стороны будут с легкостью обмениваться методами. Скорее следует рассчитывать на перспективу *тестировать* «замеры» происходящего здесь и сей-

час историческими реконструкциями произошедшего там и тогда. Ибо при всей уязвимости реконструкции любой исторической миграции, ее хода, составляющих, связей с другими процессами, итог ее именно как процесса нам *явлен*. Снимки же, делаемые социальными науками, при всей их впечатляющей детальности суть не более чем фиксации промежуточных, исторически минутных, сменяющихся состояний. Несомненно, и они могут сказать, и немало, о процессе, но лишь после того, как мы его *мысленно сконструируем*, выработаем методику «улова» гипотетического процессуального и с ее помощью разрозненные фотографии времени как момента соединим в единый свиток времени как протяженности. Что касается «навара» для историков, то тут дело обстоит более сложным образом, поскольку сам принцип снимка им недоступен. Невозможно включенное наблюдение крестовых походов или восстания сипаев. Стоит рассчитывать на то, что не сам по себе методологический багаж «современщиков», а их, если можно так выразиться, методическая изобретательность будет усвоена «древниками» и принесет им несомненную пользу.

Углубленное понимание следствий миграций. Когда в исследовательском поле прочерчивается только верхняя хронологическая грань – текущее десятилетие XXI в., нижняя же теряется в глубине тысячелетий, открывается возможность увидеть действительно долговременные эффекты исторических миграций – долговременные и как *долго проявляющиеся*, и как *долго длящиеся*. Конечно, на протяженной временной шкале происходило много такого, что существенным образом могло повлиять и влияло на последствия миграций; это «много чего» могло вообще кардинально изменить непосредственные эффекты миграций, элиминировать их кумулятивный эффект. Сами эффекты заявляли о себе в разных областях жизни, на разных этажах истории. Однако если попытаться обобщить это множество в наиболее значимое следствие, то можно, как мне представляется, утверждать: и массовые миграции по типу переселения целого народа, и тихие, скромные по масштабам, но надолго растянувшиеся во времени миграции-инфильтрации чреваты *сменой одного субъекта истории другим*.

Когда смена действительно случалась, происходила она по-разному. Самый радикальный способ – завоевание, в ходе которого аборигенное население уничтожалось полностью или в огромных

масштабах и заменялось населением пришлым. Но более распространенными были либо синтез новой субъектности на основе социокультурных характеристик пришлого и коренного населения, либо полная утрата автохтонами своей идентичности, принятие ими идентичности мигрантов. Ближайший пример синтеза – результаты завоевания варварами Западной Римской империи. Здесь мы видим и сложение нового общественно-исторического строя, и замену одного государства многими, и формирование, на основе слияния германоязычных варваров с романизированными автохтонами, сначала народностей, потом современных наций. И, конечно же, мощное влияние культурного наследия античности на становление Запада как сообщества *nation-states*, как особой цивилизации, как родины науки и капитализма. За примерами поглощения аборигенного населения населением пришлым и вовсе не надо далеко ходить: вспомним о полностью растворившихся в славянском племени балтских и финно-угорских народностях – голяди, веси, мери, муроме (Петрухин В.Я., Раевский Д.С., 1998, с. 320–321).

Не меньшими по значимости оказались периодические перемещения в пространстве сравнительно немногочисленных групп людей, для которых эти перемещения были, по сути, смыслом жизни, – торговых мигрантов, паломников, странствующих проповедников, ученых, артистов, поэтов. Следствием в данном случае стала всепроникающая кросс-культурная миграция вещей, идей, понятий, образов, целых текстов, отдельных слов и алфавитов и других артефактов культуры (примеры чему есть и в настоящей книге). Эти миграции в большинстве случаев не были катастрофическими. И даже там и тогда, где и когда они были частично травматическими, такими они становились лишь постольку, поскольку вызывали в личностном и групповом сознании болезненную эрозию привычной картины мира и/или провоцировали репрессивные меры со стороны ее властных охранителей. Зато, пусть с перерывами и пятными движениями, они работали на трансформацию той или иной культуры и на сплавление культур¹. Они же рыхлили почву для культурных гибридов, проверяли практики неконфликтных гетерогенных взаимодействий, открывали новые возможности – ко-

¹ Не случайно исторические миграции с самого попадания их в поле научного анализа рассматривались в качестве инварианта объяснения всего хода истории (Амальрик А.С., Монгайт А.Л., 1966, с. 262–272).

роче, создавали исторические предпосылки глобализации и «сети-зации» мира на всех их будущих направлениях.

Этими следствиями то, что было завещано нам историческими миграциями, конечно же, не исчерпывается. Приведены они здесь лишь для того, чтобы показать, к каким масштабным, многосторонним, то противоречивым, то комплементарным результатам – нередко не ожидавшимся, не предполагавшимся и даже во время их течения не подвергавшимся сколько-нибудь углубленной рефлексии, – могут приводить миграции. Но также для того, чтобы показать: и то, что миграции могут выступать демиургами исторического процесса, и то, какова сила их воздействия на него, и то, что эта сила способна сделать – все это в короткой перспективе современности капитально помогает увидеть опыт прошлого.

Создание сквозной типологии миграций. Юрий Лотман назвал некогда типологии «инструментом историко-культурного изучения» (Лотман Ю.М., 2010, с. 388), но аналогичную роль они способны играть и на других дисциплинарных полях. Здесь имеется в виду типология, выстраиваемая на протяженной временной шкале и на этом основании претендующая на относительную историческую универсальность. Она не будет конкурировать с давно используемыми типологиями миграций по критериям продолжительности, ритмичности, мотивирующих обстоятельств, причинам и целям и т.д. Она будет полезна как первичный ориентир при рассмотрении слабо или вовсе не исследованных миграций. Ее наличие поможет – через сравнение – придать этим типологиям качество историчности.

Для получения типологии *longue durée* потребуется найти типы миграционных перемещений, присутствовавшие в истории постоянно, хотя и не обязательно явно, в четкой определенности. Для их выделения тоже возможно использование различных критериев. Однако они не должны быть полностью идентичны критериям, до сих пор использовавшимся. Во-первых, было бы анахронизмом экспортировать в прошлое все применяемые «современниками» критерии типологизации: заранее можно предположить, что некоторые из них после переноса в глубь времен окажутся лишь кажущимися подобиями, а не подлинными соответствиями. Во-вторых, при перемещении в древность или средневековье вряд ли возможна и та высокая степень расчлененности критериев типологизации, какая

в случае современных миграций диктуется реально существующей дробностью современной жизни. Вместе с тем исторические миграции обязательно должны типологизироваться по нескольким, как минимум по двум, критериям. Например, сразу по их целям и по вызывавшимся ими социокультурным эффектам в принимающем и отпускающем обществе¹.

IV

...Недавние исследования показывают, что, к примеру, сравнительно с миграцией столетней давности современная глобальная миграция более разнообразна, но по масштабам они удивительно схожи, тогда как наблюдения, уводящие нас еще дальше, – что миграция изначально была структурным аспектом человеческой жизни. Однако до сих пор работы историков миграции не очень-то повлияли на текущие дебаты о ней, и в дискуссии о проблемах глобальной миграции не использовались преимущества того понимания долгосрочного в миграции, что было выработано в области ее истории.

*Migration History in World History:
Multidisciplinary Approaches*

Только в XXI в. начались попытки преодолеть разобщенность миграционистов, специализирующихся на изучении прошлого и настоящего. В 2003 г. на базе Института этнических и миграционных исследований при Лейденском университете был начат многолетний международный проект «Глобальная история миграций». Он действительно объединил специалистов по историческим и современным миграциям и к тому же представителей разных дисциплин. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на содержание двух последних по времени издания книг, подготовленных в рамках проекта. Одна из них в пространственном отношении охватила Россию, Индию, Юго-Восточную Азию, Китай и Японию, во временном – период с 1500 по 2000 г. (*Globalising Migration History*, 2014). Во второй книге феномен миграции совместно рассматривается историками, биологами, лингвистами и антропологами (*Migration history in world history...*, 2010). Также была раз-

¹ Попытка построить типологию по этим двум критериям была уже мной предпринята (Панарин С., 2016). О ее восприятии и критике см.: (Панарин С.А., 2017, с. 185–186).

работана макроуровневая типология способов (*modes*) миграций в Новое время – с конца XVI до начала XX в. Ее достоинство, по мнению авторов, – в «формализованном сравнении развития в мировом масштабе и на протяжении длительных периодов времени». С помощью этого сравнения они надеются «выявить, какими были основные тренды миграций, что они означали в плане инноваций и для экономики» (Lucassen J., Lucassen L., 2011, с. 307). Говоря же языком историка, преимущество своего подхода и предлагаемой типологии авторы видят в возможностях, открывающихся для *синхронистического* изучения миграций по единой модели сопоставления пространственных перемещений в разных историко-культурных регионах. Их подход, как они полагают, обладает эвристикой и в *диакронии* – позволяет протянуть казуальные связи между миграцией и изменениями в затронутых ею обществах. Стоит также упомянуть недавно изданную книгу, авторы которой, используя методы археологии и социальной и культурной антропологии, сравнивают современные трансграничные миграции, преимущественно в США, с миграцией англов и саксов на Британские острова, с завоеванием арабами Андалусии и с крупными перемещениями населения в доколумбовой Америке (см.: *Migration and Disruptions...*, 2015).

В России примеров сотрудничества «современщиков» с «древниками» практически нет. Попыткой изменить эту ситуацию стал проект по изучению миграций, начатый в 2014 г. в Институте востоковедения РАН Центром исследования общих проблем современного Востока. Предполагалось охватить те миграции, как исторические, так и современные, что подпадают под предложенное в концепции проекта определение трансграничных миграций. В соответствии с этим определением исследовательским полем охватываются любые пространственные перемещения, в ходе которых мигранты пересекают видимую или воображаемую черту, осознаваемую живущими по обе ее стороны людьми как черта преимущественно разделяющая, как граница. Это может быть граница между государствами, между ареалами населения, различающегося в расовом и этническом отношении, между культурно-историческими регионами и т.п.

Первоначально был проработан концепт трансграничных миграций. Сделано это было на материале только современных миграционных потоков, хотя исторические экскурсы, протяженностью

хотя бы в несколько десятилетий, однозначно приветствовались. Результатом стал монографический сборник статей «Восток на Востоке, в России и на Западе», опубликованный в 2016 г. петербургским издательством «Нестор-История». В качестве следующего этапа была запланирована конференция со сходным названием, конкретизирующим, однако, временной замах организаторов, – «Трансграничные миграции с Востока на Восток, в Россию и на Запад: в прошлом и настоящем». Предполагалось, что на нее удастся собрать многих известных специалистов и по историческим, и по современным миграциям и, сведя их вместе в проблемных секциях конференции, поставить в ситуацию диалога людей, исследующих миграции, по времени разделенные столетиями и даже тысячелетиями. Мы широко закидывали сеть и предвкушали богатый улов. Вот тогда и обрисовалась главная проблема – ярко выраженная склонность и «современщиков», и «древников» оставаться в своих доменах. Парадоксальным образом люди, занимающиеся изучением движения, в большинстве своем оказались закоренелыми домоседами. Положительных откликов на идею соединения усилий пришло немало, но этим дело и ограничилось, расчет на массовую мобилизацию потенциальных участников с их последующим тщательным отбором не оправдался. Справедливости ради надо отметить, что такой результат был обусловлен не только «домоседством» миграционщиков, но и другим обстоятельством, которое не так уж трудно было предвидеть. Именно: проект, претендующий на преодоление границ между давно разграниченными исследовательскими делянками, может рассчитывать на реальную поддержку лишь тогда, когда его инициаторы уже признаны удачливыми хозяевами аналогичной делянки. Делянки хорошо ухоженной и известной своей высокой урожайностью, то бишь многочисленными публикациями в изданиях, которые министерская наукометрия наделила высшими рангами. При таких способах оценки научной работы желающих с большими усилиями окультуривать целину и не может быть много.

Не хочу сказать, что конференция, состоявшаяся в Институте востоковедения в ноябре 2016 г., была малолюдной либо только московской по составу участников. На ней было сделано 48 докладов, 13 представили иностранные участники, 20 – участники из других, помимо Москвы и Петербурга, российских городов. Если судить по содержанию докладов и их обсуждению, идея проблемно-тематиче-

ских секций («Причины», «Следствия», «Восприятие») полностью себя оправдала. А вот «вербовка» авторов будущей итоговой книги оказалась не столь успешной. Еще на этапе подготовки конференции не все известные специалисты откликнулись, некоторые из приехавших отказались прямо на конференции, другие «выпали» в течение ближайших месяцев после нее.

Возможны были два пути подготовки монографии об исторических и современных миграциях. Идеальным представлялся путь, когда тщательно подбирается коллектив авторов-единомышленников. Единомыслие в этом случае означает общую всем широту взгляда на миграцию, сходную ее проблематизацию, способность к диалогу поверх границ между дисциплинами, периодами времени, сегментами пространства. Люди, которых мы приглашали специально, судя по их работам, в целом отвечали этим требованиям. Но они не приехали, а знакомство со многими приехавшими, более основательное, чем позволяли присланные в заявках тезисы, состоялось по ходу их выступлений. В таких условиях решено было выбрать иной путь, одновременно прагматический и экспериментальный. Мы получили порядка тридцати текстов, написанных историками, международниками, этнологами, археологами, социологами, антропологами, политологами, социальными психологами и филологами. Таким образом, с дисциплинарным разнообразием в подходах к миграции всё было в порядке. В статусном отношении диапазон авторов – от начинающих (студенты, магистранты, аспиранты, для которых представленный ими текст – первый для публикации или один из первых) до известных специалистов (доктора наук, имеющие в своем багаже сотни печатных листов). То есть сочетание молодости и опытности, дерзости и мудрости тоже присутствовало. По параметру времени тексты делились почти поровну, перекос в пользу «современщиков» был небольшой. А если учесть, что некоторые из них в своих текстах затронули историю формирования рассматриваемых ими миграционных потоков, то текстов о чисто современных миграционных ситуациях точно не набиралось больше половины. Значит, и по этому параметру баланс был соблюден. В целом же формирование будущей монографии по принципу «исходим из того, что имеем, чем обладаем» как будто не грозило заведомой неудачей. Более того, это самое «имеющееся» как раз и позволяло поставить своего рода решающий опыт.

Ибо, хотя собранные тексты все укладывались в широкие рамки конференции, и авторы, выбрав секцию, уже этим обозначили свои проблемно-тематические предпочтения, вся совокупность их текстов разнообразием сюжетов и источников, различиями в полноте и методах анализа и т.д. явно тянула на звание случайной выборки. Естественно возникали вопросы. Может ли из этой пестроты получиться – без редакторского насилия над текстами и без их переписывания авторами *a posteriori* – нечто большее, чем механическое собрание докладов, переделанных в статьи? Можно ли из такого строительного материала сложить коллективную монографию? Такую, в которой под пестроцветьем сюжетов и исследовательских техник уже кристаллизовалась некая внутренняя, объективная, логика, связывающая все собрание текстов воедино, так что мне, как редактору, остается лишь ее проявить и, следуя ей, структурировать весь корпус текстов, убедительно разбив его на части, главы и разделы глав? Или, еще жестче, – возможен ли в принципе успех эксперимента в тех условиях, в каких он был проведен?

Я хорошо вижу, сколь многого в книге не хватает. Но, несмотря на это, лично у меня ощущение определенного прорыва возникло: даже простая встреча исследователей, разошедшихся при изучении миграций по разным временным полюсам, дала реальные результаты, даже самый первый, можно сказать, стихийный, приступ к совместной работе на шкале *longue durée* оказался в целом удачным. В какой-то мере я попробую обосновать достоверность этого ощущения в заключении к нашей книге. Но решающее слово все равно, конечно, принадлежит читателям.

Сергей Панарин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОМПОНЕНТЫ МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА: ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Глава I

БЕЖЕНЦЫ И НАСИЛЬСТВЕННО ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ГРУППЫ

1.1. Три примера принудительных миграций из истории евразийских степей¹

С тех пор как человек начал осваивать ойкумену, миграции стали постоянной и одной из ключевых составляющих исторического процесса, распространенным способом ответа на природные, экономические, социальные и политические вызовы. Существует широкий перечень типов миграций: добровольные и принудительные, постоянные и временные, ближние и дальние по расстоянию, краткие или долговременные по срокам. Миграции могли различаться численностью вовлеченных групп населения (например, только торговцы или всё население), количеством путей перемещения и т.д. И вызываться они могли самыми разными причинами – истощением ресурсов, ростом населения, изменениями климата, военной угрозой и др. (Kardulias N., Hall T., 2007). Мне хотелось бы обратить внимание на *насильственные* перемещения больших масс людей на дальние расстояния. Я не буду оценивать этическую сторону данных событий. Они не имеют и не могут иметь никако-

¹ Раздел подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-21-03001а(м).

го исторического оправдания. В то же время их следствием, как это ни парадоксально, нередко были интенсификация культурного взаимодействия между людьми разных культур, взаимное обогащение народов, создание новых культурных форм.

В разделе будут рассмотрены три примера, выявленные по археологическим данным: сначала насильственные переселения кочевниками хунну китайских ремесленников и земледельцев; затем перемещение из Маньчжурии в Монголию бохайцев во времена империи Ляо; в завершение будут показаны исторические и археологические факты, свидетельствующие о масштабных переселениях монголами чжурчжэней.

Переселение хуннами китайцев

Хунну неоднократно нападали на империю Хань и угоняли в плен земледельческое население (Крадин Н.Н., 2002). Размещалось оно в поселениях и городищах, которых у хунну было около двух десятков (Киселев С.В., 1957; 1958; Hayashi T., 1984; Данилов С.В., 2004). Из оседлых памятников хунну наиболее изучено Иволгинское городище около Улан-Удэ, материалы его раскопок и синхронного ему могильника опубликованы практически полностью (Давыдова А.В., 1985; 1995; 1996).

Хотя в китайских хрониках нет никакой информации о городе, существовавшем на северной окраине Хуннуской империи, он играл важную роль в экономике северных хунну. Мы также можем предполагать наличие культурных контактов между оседлым и степным населением на данной территории, в том числе обусловленных насильственным переселением.

Приведем археологические свидетельства факта переселения. Технология земледельческих орудий на Иволгинском городище определенно связана с Китаем. Обнаруженная на нем лопата (Давыдова А.В., 1985, с. 99, рис. VIII.-26; 1995, табл. 132.-9, 186.-51) и кельты (Давыдова А.В., 1995, с. 32, табл. 198.-22-3) аналогичны ханьским (Крюков М.В. и др., 1983, с. 152; Давыдова А.В., 1995, с. 32-33, 44, 52); хуннские насады на пахотные орудия (Давыдова А.В., 1985, с. 99, рис. VIII.-23, 25; 1995, табл. 31.-1) очень похожи на древнекитайские (Крюков М.В. и др., 1983, с. 150); серповидные ножи (Давыдова А.В., 1995, табл. 24.-5, 31.-3, 61.-5, 95.-7, 149.-25, 154.-17, 186.-40-4) подобны традиционным китайским серпам. Истоки хуннуской ремесленной гончарной традиции, по

всей видимости, также находятся в земледельческом мире (Давыдова А.В., 1995, с. 27–28; Филиппова И.В., Амоголонов А.А., 2000; и др.). Из всех типов сосудов особенно хотелось бы выделить изделия с отверстиями в дне (Давыдова А.В., 1995, табл. 20.-4, 26.-8–9, 43.-11-2, 58.-10–11, 143.-19, 169.-8, 175.-7, 177.-20-11, 35). Они использовались для широко распространенного в Ханьском Китае способа приготовления риса и иных круп на пару (Крюков М.В. и др., 1983, с. 202–203).

Кроме этого, на городище был обнаружены предметы со знаками китайской письменности. К их числу относится, например, каменное точило (Давыдова А.В., 1995, табл. 15.-15): надписи на трех его сторонах были интерпретированы китайским археологом Ся Наем (Давыдова А.В., 1995, с. 37) как *суй* (количество лет), *чу* (враг, соперник, ненавидеть, мстить; этот иероглиф использовался в качестве фамилии) и *дан* (партия, административная единица в 500 дворов; этот иероглиф также мог использоваться в качестве фамилии). Интересна надпись на днище сосуда из жилища 21 (Давыдова А.В., 1995, табл. 38.-7, 179.-3), которая по интерпретации Ся Ная (Давыдова А.В., 1995, с. 28) является иероглифом ханьского времени *и*, переводимым им в значении «заслуженно». Не менее интересны: оттиск на доньшке сосуда из жилища 50 (Давыдова А.В., 1995, табл. 107.-8; 179.-1), похожий на иероглиф *чжу* (хозяин, правитель); оттиск на дне сосуда из жилища 13, схожий с иероглифом *ту* (картина); процарапанная надпись на внутренней части венчика, похожая на иероглиф *цзин* (колодец) (Давыдова А.В., 1995, табл. 29.-1, 179.-6, 9). Некоторые оттиски на керамике не поддаются прочтению (Давыдова А.В., 1995, табл. 134.-4, 179.-2, 5, 7), не исключено, что это клейма мастеров. Поскольку даже верхи хуннского общества не отличались особым знанием китайской письменности, можно предположить, что надписи на предметах из Иволгинского городища были сделаны не хуннами, а выходцами из оседло-земледельческого мира, скорее всего, иммигрантами или военнопленными из Китая.

Преобладание в остеологическом материале городища костей таких животных, как собака (29%) и свинья (15%) (Гаррут В.Е., Юрьев К.Б., 1959, с. 81–82; Давыдова А.В., 1995, с. 47), наводит на мысль о том, что некоторая часть жителей городища были выходцами с Дальнего Востока. Ведь собака – традиционный деликатес народов Китая,

Маньчжурии и Корейского полуострова, а свинья с глубокой древности входит в число излюбленных лакомств «восточных иноземцев», т.е. народов, обитавших к северо-востоку от Китая (Крюков М.В. и др., 1983, с. 155). В то же самое время показательно, что в остеологических коллекциях из могильника Ильмовая падь, где были погребены кочевники, на долю собак приходится всего 6%, а кости свиньи не упоминаются совсем (Коновалов П.Б., 1976, с. 209). Также население Иволгинского городища активно занималось рыболовством (Давыдова А.В., 1995, с. 48–49; 1996, с. 14, 81–82).

Традиция сооружения в домах отопительных устройств *канов* (кор. *ондоль*) – не местного происхождения и фиксируется в Байкальской Азии только в хуннуское время (Давыдова А.В., 1985, с. 21). Согласно исследованиям последних лет, самые ранние сооружения данного типа обнаружены на севере современной КНДР и в приграничных с ней районах Китая, впоследствии кан распространился и на сопредельные территории Маньчжурии, Дальнего Востока России и Корейского полуострова (Shizuo O., 1996). Появление кана на территории Бурятии, скорее всего, объясняется привнесением с юго-востока на более холодную территорию Байкальской Азии соответствующей строительной традиции ее носителями – какими-либо группами «восточных иноземцев»/китаеязычных переселенцев.

Анализ социальной структуры на основе изучения погребального обряда позволяет выделить четыре-пять групп населения городища с разным статусом (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004). В целом погребальный обряд населения Иволгинского могильника отличался от хуннуского и был беднее. Данное обстоятельство, возможно, свидетельствует о том, что статус местных жителей был ниже статуса кочевников-скотоводов. По мнению И.И. Гохмана (1960), физико-антропологические исследования погребенных в Иволгинском могильнике показали, что жители городища относились к трем различным антропологическим группам: 1) к хуннуской, точнее, согласно А.В. Давыдовой, к некочевой ее части; 2) к аборигенной, возможно, из числа потомков «плиточников»; 3) к китайской – из перебежчиков и военнопленных (Давыдова А.В., 1985, с. 22, 85–86; 1996, с. 26–30).

Таким образом, скорее всего население Иволгинского городища составляли и кочевники хунну, и выходцы из оседло-земле-

дельческого мира, в первую очередь ханьцы. Нужно отметить, что генетически хунну с территории Бурятии были близки к хунну монгольских степей (Pilipenko A.S. et al., 2017). Особенный интерес представляет вопрос о так называемой аборигенной группе. Если выводы антропологов прошлого найдут подтверждение в палео-генетических исследованиях в будущем, то структура населения Иволгинского городища окажется этнически более сложной.

Перемещение киданями бохайцев

Киданьская империя Ляо (907–1125 гг.) отличалась от классических кочевых империй, занимавшихся в основном «дистанционной» эксплуатацией – вымоганием у Китая подарков на расстоянии. Кидани завоевали большую часть Северного Китая, создали комплексное земледельческо-скотоводческое государство, дуальную систему раздельного управления кочевниками и китайцами, возводили крупные города, где воздвигались пышные дворцы и храмы, селился императорский двор и чиновники (Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., 2014).

По мере расширения границ империи возникла необходимость обеспечить защиту земледельцев и горожан на северных и западных территориях от набегов местных номадов. Этой цели служила целая сеть городов, небольших фортов и укрепленных усадеб, остатки которых сохранились на территории Монголии в долинах Керулена и Толы (Очир А. и др., 2005).

Более десяти лет совместная российско-монгольская экспедиция ведет раскопки городищ киданьского времени (Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А. и др., 2011). Особый интерес представляет раскапывавшееся в 2004–2008 гг. городище Чинтолгой балгас, расположенное в центре Монголии, примерно в 200 км к западу от Улан-Батора. Оно образует почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2×0,6 км, ориентированный почти по сторонам света, и окружено двумя валами. На основном вале – 35 башен и 5 ворот с Г-образным захабом¹. Городище разделено внутренним валом на северную (административную, элитную) и южную (жилую) часть. Прослеживаются следы трех улиц киданьского времени, были выявлены следы компактной застройки: жилая часть города состояла из кварталов, разде-

¹ Захаб – фортификационное сооружение, защищавшее крепостные ворота.

лявшихся улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища.

В ходе исследований 2004–2005 гг. в северо-западном углу раскопа были найдены остатки наземного жилища с каном, часть двора и кирпичная стенка, отделявшая жилище и/или квартал от улицы. В 2006–2008 гг. на другом раскопе, расположенном к западу от раскопа первых двух лет, были найдены остатки еще двух жилищ верхнего строительного горизонта с Г-образными канами в каждом из них. Остатки канов типичны для бохайской и чжурчжэньской археологических культур.

Помимо канов, найдены многочисленные категории артефактов, имеющие аналогии в культуре государства Бохай, которое находилось на территории Приморья, Восточной Маньчжурии и частично Северной Кореи. В первую очередь это так называемые игральные «фишки», сделанные из обломков глиняных сосудов, черепицы и камня. Другая важная черта – типичные бохайские горизонтальные ленточные ручки глиняных сосудов. Имеются и другие археологические аналогии. Они подтверждаются сведениями из *Ляо ши*: в этой официальной истории династии, в 37 *цзюане* (главе) указано, что в 1004 г. в долину р. Толы было отправлено для несения воинской службы две «тьмы», т.е. 20 тыс. киданьских воинов, а для их обеспечения продовольствием было перемещено 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которых расселили в Чжэньчжоу – на территории городища Чинтолгой балгас – и в подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу (Kradin N., Ivliev A., 2008).

Последующие исследования позволяют углубить наши представления о сложных социально-экономических и этнокультурных процессах, происходивших в киданьском пограничье. Но уже сейчас можно утверждать, что совместное проживание на этой территории киданей, аборигенного населения и перемещенных сюда бохайских, а также китайских и чжурчжэньских земледельцев и ремесленников вело к взаимному влиянию друг на друга различных этнических групп, к смешению разных культур.

Переселение монголами чжурчжэней

Наиболее крупномасштабный период миграций и депортаций целых сегментов народов связан с созданием империи Чингис-хана и монгольскими завоеваниями XIII в. Монголы замкнули сухопут-

ные и морские пути международной торговли в единый комплекс, впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в единую цепь (Abu-Lughod J., 1989). С этого времени границы ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других частей (Allsen T., 2001; Biran M., 2004; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006; Rossabi M., 2013).

Монголы очень быстро осознали нехватку подготовленных кадров в различных областях деятельности, еще быстрее поняли, что квалифицированный специалист – такой же ресурс, как скот или золото. Уже в первые десятилетия существования империи они провели масштабную мобилизацию человеческих ресурсов. По утверждению Рашид ад-Дина (1952, с. 217), только после захвата Хорезма в Монголию, в столицу Монгольской империи Каракорум было угнано 100 тыс. ремесленников. Пусть эта цифра фантастическая, но и уменьшив ее в три-четыре раза, мы всё равно получим впечатляющие масштабы насильственных переселений. Одной из важнейших функций Каракорума было обеспечение монгольской армии металлическим вооружением и транспортными средствами, для чего и сгонялись на Орхон ремесленники из многих завоеванных стран.

Вторая волна насильственной депортации ремесленников последовала за походами на государство Цзинь. Тогда в Каракорум было привезено много искусных ремесленников и мастерового люда. Они занимались украшением внутренних покоев дворца и производством для него утвари и различных украшений (Рашид ад-Дин, 1960, с. 40). Многих из ремесленников послали в Среднюю Азию. Третья масштабная волна относится уже к 1255–1259 гг., когда Хулагу присоединил к владениям империи Иран.

Поначалу многие из пленников бежали, иногда – до 80% перегоняемой партии. Поэтому были введены жестокие правила: всем, кто приютил беглецов, грозила смертная казнь. Люди боялись давать приют, и дороги были завалены трупами умерших от голода и холода пленников (Мункуев Н.Ц., 1965, с. 77). Суровость грозящего наказания сдерживала массовые побег, и с течением времени пленники обживались на новом месте. Если они обладали трудолюбием и талантом, их статус постепенно повышался, они

даже могли сделать карьеру при дворе. При этом важно отметить, что людские ресурсы завоеванных народов использовались крайне нерационально. Согласно *Юань ши* (Истории династии Юань), «в то время изделия ремесленников транжирились и восемь-девять десятых казенных вещей присваивались частным образом» (Мункуев Н.Ц., 1965, с. 195).

Масштабные переселения чжурчжэней, а также их участие в военных походах монголов хорошо подтверждаются археологическими материалами. Так, чжурчжэньские каны и производные от них обогревательные сооружения были найдены на большой территории, начиная от Каракорума и Забайкалья (Древнемонгольские города, 1965, с. 29, 33, 41, 74–75, 103–104; Артемьев А.Р., 2005, с. 9; Pohl E., 2010, р. 95, 112, 116, 117; Крадин Н.Н. и др., 2012) до средневековых городов на территории Казахстана и городов Золотой Орды на Волге (Байпаков К.М., Пешков Ю., 2004; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 45–59; Масловский А.Н., 2013). На городище Дён-терек в Туве найдены скульптурные украшения – головы дракона и птицы феникс (Древнемонгольские города, 1965, с. 94–95), почти идентичные находкам из Приморья (Шавкунов Э.В., 1990, с. 226). Типичные чжурчжэньские замки и ключи зафиксированы в Золотой Орде (Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л., 2013, с. 27). На Северном Кавказе найдены типичные же чжурчжэньские рыбки (Нарожный Е.И., 2007, с. 61–62), а из предметов вооружения – чжурчжэньский наконечник копья с боковым крюком, а также элементы пояса и сбруи (Нарожный Е.И., 2007, с. 63). Количество подобных примеров можно расширить. Все это свидетельствует о масштабных перемещениях индивидов, народов и технологий.

* * *

Были рассмотрены три примера масштабных насильственных переселений людей в истории Внутренней Азии. Во всех трех случаях речь шла о перемещениях ремесленников и земледельцев в поселения, специально созданные в степной среде для обеспечения кочевых империй необходимой продукцией. Первые два примера похожи между собой, хотя нужно иметь в виду, что это были разные типы кочевых империй (Крадин Н.Н., 2002; Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., 2014). Депортации стимулировали взаимодействие различных оседлых и кочевых культур. Вместе с тем и Хуннская

держава, и империя Ляо являлись составной частью более крупной восточноазиатской мир-системы, тогда как в монгольское время была создана единая евразийская мир-система. Нельзя не согласиться, что именно создание среды, благоприятной для развития культурных и торговых сетей, – главный вклад монголов в мировую историю (Abu-Lughod J., 1989, p. 154). За короткое время были сломаны барьеры между странами и цивилизациями, открылись пути, по которым мощным потоком двигались товары, люди и идеи, появились возможности для возникновения новых связей и расширения старых, для формирования новых мод и вкусов.

Не следует, однако, забывать, что монголы не ставили своей целью создать, выражаясь современным языком, сеть глобальных информационных коммуникаций. Они были одержимы идеей покорения мира. Злу и насилию, которое они принесли народам Евразии, нет оправданий. Многие результаты их деятельности стали в большей степени непреднамеренным результатом политической воли, нежели следствием внутреннего развития экономики и торговли. Так или иначе, последовавший за этим новый подъем средневекового мира стимулировал образование широкомасштабной сети культурных обменов, раздвинул горизонты ойкумены и тем самым способствовал сотворению нашего современного мира.

Николай Крадин

1.2. Миграция евреев в Шанхай: вторая половина XIX – первая половина XX в.

Основная цель данного раздела – представить русскоязычному читателю, какое отражение феномен еврейской миграции в Шанхай в конце XIX – первой половине XX в. получил в сочинениях современных китайских авторов. Одновременно была поставлена задача показать, как еврейская миграция в Шанхай воспринимается современным экспертным сообществом КНР и как это восприятие влияет, – если влияет, – на современные китайско-израильские отношения, а также проследить причины миграции евреев в Китай из России и Европы в указанный период.

В еврейской иммиграции в Шанхай выделяются три крупные волны (Shanghai Jewish History, 2017). Первую из них, датируемую серединой XIX в., составили евреи-сефарды из Ирака, Индии

и Египта (наиболее известные семьи – Сассун, Кадури и Эзра), учредившие в городе свои фирмы и представительства. Первые еврейские поселенцы появились в городе еще в 1848 г., после превращения Шанхая в город, открытый для иностранцев. Но особенно привлекательным он стал с образованием в 1863 г. на части городской территории, арендованной американцами и англичанами, так называемого Шанхайского международного сэттлмента. Сэттлмент жил торговлей, и его двери были открыты всем желающим жить тем же (Евреи в Китае, 2017; Тан Пейцзи, 1994).

В отличие от первой волны, захватившей исключительно азиатских евреев, притом в небольшом количестве и по чисто экономической причине, вторая и третья волны еврейской миграции в Шанхай были более многочисленными, происходили из России и Европы и явились следствием более сложного комплекса причин. Поэтому они вызывают больший интерес, и их описание и составит основное содержание раздела.

Вторая волна миграции: русские евреи

К концу XIX в. в мире насчитывалось около 4,7 млн евреев, из них 2,5 млн составляли евреи русские (Тан Пэйцзи, 1994). Об их дискриминации и притеснениях в России известно достаточно, добавим только пару штрихов. Наставник и советник Александра III Константин Петрович Победоносцев высказывался по поводу будущего русских евреев следующим образом: «1/3 (евреев. – *Е.Д.*) будет уничтожена, 1/3 – депортирована и 1/3 – ассимилирована» (Тан Пэйцзи, 1994). А знакомство в 1894 г. Николая II с «Протоколами сионских мудрецов», в которых были изложены якобы подлинные планы евреев по установлению мирового господства, с новой силой подняло градус антисемитизма властей, соответственно, – волну наветов и кровавых погромов, что не могло не стимулировать еврейскую эмиграцию. И одним из ее направлений стала эмиграция в Китай.

Первоначально русские евреи оседали в Дунбэе – на северо-востоке Китая, в районе строительства КВЖД и в первую очередь в Харбине. Здесь образовался крупнейший до начала 1930-х гг. очаг европейского еврейства в Китае. На рубеже столетий, в ходе постепенного движения евреев вдоль побережья Желтого и Восточно-Китайского моря к югу (Цай Цифу, 1993), начался ***первый этап***

миграции русских евреев в Шанхай. В 1902 г. их здесь насчитывалось 25 семей, проживавших компактно в одном районе отдельной общиной. При этом, по утверждению китайского историка Тан Пэйцзи (1994), в отличие от ранее обосновавшихся в городе сефардов, евреи – выходцы из России были довольно бедны. **Второй этап** миграции русских евреев в Шанхай – следствие Октябрьской революции и Гражданской войны. На этот раз приток был более значительным: к 1920 г. численность русских евреев в Шанхае увеличилась до 800–1000 человек и значительно превысила численность сефардов (Тан Пэйцзи, 1994). На **третьем этапе**, последовавшем после событий 18 сентября 1931 г., в историографии известных как Маньчжурский инцидент, когда после взрыва на Южно-Китайской железной дороге японцы захватили Мукден, а затем и всю Маньчжурию (Тан Пэйцзи, 1994), в Шанхай устремились русские по происхождению евреи, оказавшиеся на оккупированной японцами территории. В результате численность русских евреев в Шанхае поднялась до 4 тыс. человек, на их долю приходилось несколько менее 1/5 всех эмигрантов из России, проживавших в Шанхае (Тан Пейцзи, 1994; Селиверстова Ю.А., 2013, с. 24).

Специфика русской волны заключалась, во-первых, в том, что и российские власти, и японские оккупанты не чинили каких-либо препятствий эмиграции; во-вторых, в том, что прибывшие в Шанхай ашкеназы стремились к обособленности. В то же время все три этапа миграции российских евреев в Шанхай с конца XIX в. до начала 1930-х гг. объединяет стремление избежать дискриминации; также на втором этапе доминировал, а на третьем присутствовал мотив поиска безопасности.

Третья волна миграции: европейские евреи

С приходом к власти Гитлера в 1933 г. и введением в 1935 г. Нюрнбергских законов в Германии начались жестокие притеснения евреев (Эванс Р., 2010, с. 586–632). Антисемитизм стал характерной чертой и для политики ряда стран – сателлитов Германии. Между тем сохранившиеся европейские демократии и страны двух Америк либо вовсе отказывали еврейским беженцам в приеме, либо его ограничивали. Так, США установили квоту в 25 тыс. человек в год («Любовь в Шанхайском Ноевом ковчеге», 2015). Палестина нечасто оказывалась пунктом назначения еврейских эмигрантов: Великобри-

тания, под чьим мандатом она находилась, в соответствии с «Белой книгой 1939 года» ввела мораторий на иммиграцию в Палестину на пятилетний срок. К тому же будущее государство находилось в процессе создания, в том числе буквально руками поселенцев – такие условия не могли привлекать всех. В целом ситуацию хорошо иллюстрирует международная Эвианская конференция 1938 г. по проблеме еврейских беженцев: ее участники выражали глубокое сочувствие еврейскому народу, но значительных результатов в решении проблемы достигнуто не было («Любовь в Шанхайском Ноевом ковчеге», 2015). Из-за отказа западных стран принять всех ищущих в них убежища и из-за того, что планы по расселению в Палестине не осуществлялись в нужном объеме, европейские евреи стали рассматривать в качестве места возможного переселения и такую далекую, экономически отсталую и культурно им чуждую страну, как Китай. Правда, при этом они выбирали для жительства почти исключительно два города – английскую колонию Гонконг и Шанхай, а в Шанхае – Международный сеттлмент и Французскую концессию.

Миграция в Шанхай европейских евреев в 1930-х – начале 1940-х гг. разделяется, как и миграция евреев из России, на три этапа (Ган Пэйцзи, 1994).

Первый этап: 1933 – середина 1938 г. Евреи-беженцы из Европы еще немногочисленны. Прибывшая в начале 1933 г. первая их группа насчитывала всего 12 семей (100 человек), еще несколько сотен иммигрировали до лета 1938 г.

Второй этап: середина 1938 – лето 1939 г. Немецкие евреи массово покидают Германию, после «аншлюса» к ним присоединяются евреи из Австрии, а с июля 1939 г. – евреи из Чехословакии («Девять ворот», 2016). Для выезда необходимо было представить нацистским властям визу страны назначения (Инь Шанси, 2015). Китайский консул в Вене в 1938–1940-х гг. Хэ Фэншань, известный как «китайский Шиндлер», массово подписывал такого рода «визы в Шанхай» и этим спас около 5 тыс. человек, за что в 2001 г. был признан в Израиле Праведником Мира (Рико С., 2017). Визы не обязывали беженцев оставаться в городе и часто использовались как своего рода транзитный билет. Но многие поехали в Шанхай, так что к середине 1939 г. численность в нем евреев превысила 14 тыс. человек.

Третий этап: сентябрь 1939 – декабрь 1941 г. На этом этапе расширяется география исхода, евреи бегут из всех за-

хваченных нацистской Германией стран. В то же время достичь Шанхая становится труднее. Дело в том, что в августе 1939 г. японские оккупационные власти ввели ограничения на количество беженцев, размещаемых в шанхайском районе Хункоу, где и селилось большинство евреев (Цай Цифу, 1993). Кроме того, после вступления в войну Италии морские пути в Шанхай оказались перерезанными, и беженцы мигрировали по суше, в том числе по Транссибу и КВЖД через Мукден, что было значительно сложнее. В декабре 1941 г., с приходом войны на Тихий океан, оккупационные власти Японии вообще закрыли город для дальнейшей иммиграции (Тан Пейцзи, 1994). А в феврале 1943 г. в районе Хункоу была создана специальная «изоляционная зона» для беженцев без гражданства, куда в течение месяца были переселены все беженцы, прибывшие в город после 1937 г. Фактически в Шанхае появилось еврейское гетто, жизнь в котором подробно описана в мемуарах Бетти Гребеншикофф «Меня звали Сара» (Grebenschikoff I.B., 1993).

Всего с 1933 по 1941 г. в Шанхай прибыло из Европы около 30 тыс. еврейских беженцев, из них около 5 тыс. вскоре покинули город. Так Шанхай стал «Ноевым ковчегом», как его заслуженно называют множество китайских интернет-платформ, включая информационное агентство «Синьхуа» («Восточный Ноев ковчег», 2015).

Русскую и европейскую волны миграции объединяет стремление евреев избежать дискриминации, притеснений, физического насилия в странах проживания. Вместе с тем Тан Пэйцзи (1994) выделяет следующие различия между двумя волнами.

1. В китайских источниках применительно к евреям русской волны используется термин «мигранты», тогда как термин «беженцы» фигурирует, когда речь заходит о европейской волне. Этим различием акцентируется более высокая степень угроз для жизни эмигрантов из Европы сравнительно с эмигрантами из России.

2. Численность мигрантов второй и третьей волны значительно различается: русских евреев – около 4 тыс., европейских – около 25 тыс., а по некоторым данным – даже более 30 тыс. («Девять ворот», 2016).

3. Выбор европейскими евреями именно Шанхая в качестве конечного пункта эмиграции был сильнее обусловлен давлением внешних факторов, чем его выбор русскими евреями.

Послевоенный отток и его причины

После окончания Второй мировой войны начался отток евреев из Шанхая. Первыми снялись с места представители сефардской общины. Во время войны Великобритания и США отказались от концессий в Китае, права экстерриториальности и прочих льгот. Виктор Сассун об этом писал: «Дни, когда в Китае можно было реализовывать множество бизнес-проектов, закончились, теперь иностранцы могут лишь сторонне помогать их развитию, предприятиями теперь могут управлять только китайцы, а не иностранцы» (Евреи в Китае..., 2015). Соответственно, начиная с 1946 г. еврейские предприниматели преимущественно из числа сефардов распродают недвижимость и предприятия или перемещают их, главным образом в Гонконг, а с 1948 г. и сами покидают Шанхай. К тому же вскоре после окончания мировой войны в Китае вспыхнула гражданская война, в которой Гоминьдан терпел поражение за поражением, что также побуждало к отъезду богатые сефардские семьи (Евреи в Китае..., 2015).

Одновременно с сефардами стали покидать Китай и многие из европейских евреев. Точное количество евреев в городе на момент провозглашения в 1949 г. КНР неизвестно. Самое высокое их число, встречающееся в китайских и русских источниках, – от 9 до 10 тыс. человек, по самым низким оценкам их на тот момент насчитывалось не более 5–6 тыс., причем бóльшую часть составляли русские евреи (Тан Пейцзи, 1994). В течение следующего десятилетия отток евреев из Китая оставался постоянным. Это можно объяснить следующими причинами (Евреи в Китае..., 2015):

– *во-первых*, среди уехавших много было тех, кто изначально планировал эмигрировать после окончания войны;

– *во-вторых*, после создания в 1948 г. Израиля его представитель в Шанхае Моше Юваль выдал местным евреям около 7 тыс. виз на въезд в Израиль, и 4–5 тыс. человек ими воспользовались;

– *в-третьих*, в условиях обострявшейся Холодной войны и китайского противостояния Западу, особенно усилившегося после Корейской войны 1950–1953 гг., евреи, скептически относившиеся к социализму и коммунизму, стремились к выезду за границу;

– *в-четвертых*, проводившаяся в КНР политика в отношении частной собственности сделала положение немногих оставшихся

в Китае евреев тяжелым, что также усилило их эмиграционные настроения;

– *в-пятых*, ухудшение с 1960 г. советско-китайских отношений заставило уехать евреев, имевших советские паспорта.

Завершили исход евреев из Китая «Великий китайский голод» 1959–1961 гг. и «Культурная революция». Динамику еврейской эмиграции из Шанхая демонстрируют следующие цифры: в 1950 г. в Шанхае насчитывалось около 2 тыс. евреев, в 1954 г. – 310, в 1958 г. – 84, в 1959 г. – всего 72 человека (Тан Пейцзи, 1994). Вместе с тем, констатируя исход, китайские авторы обращают внимание на то, что среди его причин отсутствовал антисемитизм, проявлений которого, по их мнению, в Китае не было, несмотря на сложную послевоенную политическую обстановку (Тан Пейцзи, 1994).

Современная ситуация

В 1998 г. евреев в Шанхае насчитывалось немногим более 200 человек. В 2002 г. их было уже около 500, в 2005 г. – более 1000, в 2006 г. – около 1500. Рост числа евреев в Шанхае продолжается и в настоящее время. Пан Гуан объясняет его ведением бизнеса, а также работой и учебой в городе (Инь Шанси, 2015). Параллельно наблюдается укрепление культурных связей Шанхая и Китая в целом с Израилем. В 1993 г., спустя лишь год после установления дипломатических отношений между двумя государствами, Шанхай стал городом-побратимом израильской Хайфы, что способствовало культурному обмену между этими городами (Инь Шанси, 2015). А в 2015 г. произошли два события, напрямую связанные с миграцией прошлого века. Накануне 70-летия окончания антифашистской войны, 26 августа, напротив мемориального музея еврейских беженцев в Шанхае было восстановлено еврейское кафе времен Второй мировой войны «Белая лошадь». На открытии присутствовал сын основателей кафе Рон Клиндер – еврей, рожденный в Шанхае. Мероприятие широко освещалось в китайской прессе. А 1 сентября 2015 г. Генконсульство Израиля в Шанхае в благодарность за предоставление евреям убежища в годы войны разместило видеоролик «Спасибо, Шанхай!», что тоже получило отклик в китайских СМИ (Инь Шанси, 2015).

Феномен шанхайской миграции прошлого века интересен еще и тем, что в экспертной среде КНР он используется как один из основных аргументов в пользу развития китайско-израильских от-

ношений. Так, Сяо Сиань, исследуя современное состояние этих отношений, часть работы посвящает еврейской миграции в Шанхай как доказательству «давних исторических и крепких культурных связей китайского и еврейского народов». Наряду с Тан Пэйцзи, Пан Гуанем и Чжоу Гоцзянем, он фактически предлагает легитимировать историческими связями двух народов современные отношения государств (Сяо Сиань, 2016). Китайские эксперты прибегают и к практическим доводам, отмечая высокий уровень развития в Израиле наукоемких отраслей экономики и его военную мощь. Не исключено, что историческая память о прошлых связях китайского и еврейского народов, получивших столь яркое выражение в истории еврейской диаспоры Шанхая, в какой-то мере влияет и на позицию Пекина в отношении арабо-израильского и палестино-израильского конфликтов.

Евгения Диденко

1.3. Syrian Refugees and Turkish Society

Civil war in Syria has become the largest human and security issue in the world for more than five past years. The conflict destabilized the geo-political situation in the Middle East and led to the formation of a huge army of refugees. Almost half of the population of Syria has moved since 2011, both internally and across the state borders. For the first turn, Syrian refugees flooded into neighboring countries. The first group of them that came to Turkey on 29 April 2011 was only 252 in numbers. Since then, these figures have risen to nearly three million: according to the data released by the office of the United Nations High Commissioner for Refugees, the total number of registered Syrian refugees in Turkey amounted to 2,967,149 on 23 March 2017. One can compare this appalling figure with the corresponding amounts registered in the other Middle East countries: Lebanon – 1,055,984; Jordan – 638,633; Iraq – 245,909 (Syria Regional Refugee Response, 2017).

Turkey has built rather comfortable camps for refugees from Syria. Syrians appreciated the higher standards of these camps, and that, besides spatial proximity, was another reason for them to choose Turkish territory as a favorable place for asylum seekers. “No other state may be compared to Turkey. Our aid has reached 10 billion

dollars”, said president Erdogan (Özkaya S., 2016). A question is here whether this aid is further sustainable without the comparable amount of assistance from other states.

The Distribution of Syrians throughout Turkey

Syrian refugees have settled very unevenly in Turkey. The majority of them were concentrated in the border regions of Turkey, namely, in Şanlıurfa, Hatay and Gaziantep (see table). One of their biggest clusters, probably exceeding in actual numbers the figure in table, is in Istanbul and its vicinity.

The Population of Syrians in Turkish *İl*s (provinces)

<i>İl</i>	<i>Number</i>	<i>İl</i>	<i>Number</i>
Adana	150,108	K. Maraş	84,100
Adıyaman	24,247	Karabük	272
Afyon	3,120	Karaman	382
Ağrı	874	Kars	125
Aksaray	859	Kastamonu	557
Amasya	158	Kayseri	49,021
Ankara	59,267	Kırıkkale	438
Antalya	144	Kırklareli	2,072
Ardahan	61	Kırşehir	551
Artvin	38	Kilis	129,211
Aydın	6,484	Kocaeli	22,591
Balıkesir	1,639	Konya	67,957
Bartın	27	Kütahya	278
Batman	18,109	Malatya	18,003
Bayburt	30	Manisa	5,534
Bilecik	436	Mardin	97,759
Bingöl	699	Mersin	138,632
Bitlis	570	Muğla	8,095
Bolu	850	Muş	669
Burdur	7,742	Nevşehir	4,901
Bursa	96,825	Niğde	2,428
Çanakkale	3,323	Ordu	515
Çankırı	262	Osmaniye	39,973
Çorum	1,268	Rize	517
Denizli	6,164	Sakarya	5,476
Diyarbakır	29,389	Samsun	3,298
Düzce	426	Siirt	2,840

Окончание таблицы

<i>İl</i>	<i>Number</i>	<i>İl</i>	<i>Number</i>
Edirne	6,532	Sinop	65
Elazığ	4,579	Sivas	1,253
Erzincan	173	Şanlıurfa	401,068
Erzurum	439	Şırnak	14,839
Eskişehir	1,556	Tekirdağ	5,333
Gaziantep	325,140	Tokat	604
Giresun	135	Trabzon	1,559
Gümüşhane	60	Tunceli	96
Hakkari	970	Uşak	1,072
Hatay	386,077	Van	1,551
Iğdır	81	Yalova	2,476
Isparta	5,929	Yozgat	2,780
İstanbul	394,556	Zonguldak	296
İzmir	90,607	TOTAL	2,749,140

Source: (En fazla mülteci..., 2016).

Effects of Syrian migration being various and growing up increasingly, what catches the eye immediately is rapid population burgeoning in towns and cities situated in *İls* with the highest concentration of refugees. There is just one example: while the 2009 Census registered in Kilis, the capital for the province of the same name, population of 70,670 (Population of province/district centers..., 2009), now it is about 160,000, of which no less than 80,000 are Syrian refugees. "In the 1960 census, Kilis was less than 1% Arab, but that number is now 49.2%" (Çagaptay S., Oktas O., Özdemir C., 2016). The very balance of population has changed abruptly and drastically, and the urban infrastructure is about to collapse under the burden of the migrants' hordes (Spencer S., 2016).

Refugee Camps

There are 26 camps for refugees in Turkey, where 272,811 refugees live (Pinna M., 2016). The camps have education courses for primary and secondary levels, nurses' facilities, social areas, play boards, laundry rooms, even refrigerators inside (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 12). The registered refugees can get a credit card they use to purchase food and pay for services.

The main state actor responsible for the accommodation of refugees and organization of their life in camps is AFAD: *Afet ve Acil Durum Yönetmeliği Başkanlığı* (Disaster and Emergency Management Presidency). Previously, it successfully coordinated Turkey's response to a number of devastating earthquakes and floods, among others, and helped survivors get their lives back on track; nowadays, it makes its best to cope with a lot of refugees' problems. AFAD provides services to all the refugee communities, not paying attention to their differences in terms of religion or ethnicity. Unfortunately, AFAD has no central registering policy. Police officers register Syrians with an identity card, but due to the lack of central system, one refugee can easily go to other camp and it becomes difficult to find where she/he is (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 14). More to that, as AFAD is originally a civil defense organization, it cannot ensure enough efforts for the security of camps.

That is why the security issues in and around the camps are under control of private security companies. According to a recent survey, 62% of the camps' residents have a positive opinion about these guards (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 14). The camps are generally closed to individuals from the outside, but if a civil organization asks permission for *ad hoc* visit or because of systematic help it renders to refugees in need, it is allowed in¹. Quite a few of Syrian militiamen and insurgents also enter these camps, frequently paying visit to their families (Pinna M., 2016). Despite allegations that these men come armed, the Turkish government allowed them to enter. The refugees themselves must follow strict rules concerning entering and leaving the camps.

Syrians in Turkish Cities

Outside of camp areas, most Syrian refugees live in the cities, side by side with Turkish citizens, and do not enjoy any special benefits, unlike the Syrians within camp areas. The majority of them rent apartments but the prices are higher for them: normally one small flat is 500 liras per month (equivalent to 160 dollars) in the border cities such as Gaziantep, Şanlıurfa, Adana, but right now, the prices are more than 1000 liras (330 dollars) (Suriyeliler sınır, 2014). In big

¹ Persons and agencies interested can find the entry permission regulations at the Presidency site (AFAD, 2017).

cities – in Istanbul, Ankara and Izmir – rent is even higher: more than 1500 liras (500 dollars) (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 17). Some of refugees have relatives in Turkey so that can stay in their houses. In contrast to those who were so lucky, some other refugees have to stay in parks, barracks and unused houses. During winter nights, they can freeze to death. There are charity organizations collecting donations to help these neglected refugees: Kızılay, Deniz Feneri, İnsani Yardım Derneği.

The biggest problem for refugees who live outside of camp areas is that they do not have identity cards given by the state and cannot take benefit of AFAD organization. To solve this problem, state branch of SMIKM – *Suriyeli Misafirler İl Koordinasyon Merkezi* (Syrian Guests City Coordination), a special government-run body for managing migration in the cities – opened offices in 2013 in the cities of Gaziantep, Kilis and Osmaniye (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 18). For the time being, these offices register only the people in their cities, but the similar procedure should cover the refugees in all other cities and this procedure has kept running since 2013. The corresponding Law on Foreigners and International Protection was adopted in General Assembly of the Parliament, approved by the President on 10 April 2013 and published in the Official Gazette No. 28615 dated 11.04.2013. According to its article No.7, Turkey grants temporary protection to the people forced out of the homeland by their governments who cannot come back, to groups or individuals who are to find urgent and temporary protection and come to Turkey's borders or pass these borders. The law does not apply to those who were involved in criminal activities in the past (Law on Foreigners..., 2014).

The education is still a major problem for refugees. Only 10 percent of them can continue it in Turkey because only the Syrians who have Turkish passport may attend Turkish schools. Alternatively, they may go to private schools teaching in Arabic. Now there are more than 50 of such schools in the country, but Turkish Ministry of Education did not confirm their education standards. If anything, their enrollment of 1,500 refugee students registered appears to be rather symbolic (Evin M., 28.01.2014). The government was planning to solve the problem to a certain extent by making non-registered students accepted as registered ones in the future (Suriyeli Mülteciye..., 2012). However, there is more awkward obstacle to overcome: many refugees do not know

Turkish altogether or are too low in speaking and/or understanding skills. At first, they were supposed to reside temporarily in Turkey, so they did not wish to learn Turkish but the reality has been different afterwards. Most of them wish to learn Turkish now. Some national civil organizations have started to give courses of Turkish language for Syrians. AFAD also supports such lessons.

Internally Displaced Persons

Another serious problem stems from the situation of internally displaced people (IDP) within Syria proper. IDP have not crossed an international border to find security and shelter in Turkey but have remained inside their home country. One of the most populated camps in Syria is Bab-es Selame, where nearly 15,000 Syrians live. Although the inmates of the camp say that are content with staying there, in fact many of them wish to move to Turkey, but do not have documents to stay there legally (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 27).

Currently, Turkey helps somehow 135,000 IDPs, of which about 100,000 found their temporary lodgments in the camps and the remaining shifted to the villages in the north of Syria (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 22). Turkey implements its cross-border assistance activities widely, but is not and could not be sufficient to help to all the IDPs because of the scarcity of resources needed. Clashes of armed groups that are in control of the border areas undermine these supportive efforts. From the zero point, the government distributed its cross-border assistance through chain of outlets. AFAD poured approximately 128 million dollars into the Turkish Red Crescent and the Syrian Human Rights and Freedoms and Humanitarian Relief Foundation (IHH) dealing with the refugees. This aid first reaches the buffer zone¹ and then Syrian groups transport it to the hinterland. As IHH can provide assistance only to those who abide in the zone of Syrian government control, Turkish authorities take on the task to transfer the aid to the inhabitants of temporary IDPs camp located near the Turkish-Syrian border. Moreover, unknown bilateral donor funds, non-governmental organizations, opposition groups and other actors play significant role in supporting the IDPs (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 22).

¹ Buffer zone is generally an area that serve as a barrier between two or more other areas which are or can fall in violence.

At the same time, IDPs are objectively one of the sources of threat to the Turkey's security because many of them engage in surreptitious activities of various kind and the authorities cannot get sufficient information about them.

Problems That Syrian Migrants Pose for Local Communities

From the legal point of view, Turkey calls Syrian refugees "guests". Due to accelerated numerical growth after 2011, their status changed to "under temporary protection". However, there is a problem of valid passports: those Syrian refugees who have not entered Turkey with a passport cannot apply to obtain a work permit legally. Then, many passport holders have to accept involuntarily those low wages the Turkish companies suggest to them. Besides, emergence of a good number of poorly paid Syrians on the labor market provokes growing opposition of local workers: the latter are afraid to lose jobs because of the high demand for the former. Consequently, there have been some minor clashes between Syrians and Turks. The employment and wages problem is most sensible in cities with highest Syrian people concentration such as Kilis (Dinçer O.B., Federici V., Ferris E. et al., 2013, p. 27).

As I have already mentioned, the influx of Syrians into Turkish cities boosted rents; additionally, it stimulated frequent sales of houses. Furthermore, the economic impact of Syrian migration concerns not only question of housing or the state expenses allocation. What urged everybody out of balance was the fact that food prices have doubled or tripled. All these spikes deeply affected local people in Kilis, Gaziantep, Mersin and Hatay: they became so angry that keep accusing the government and refugees (Suriyeliler smır..., 2014).

The problems are also mounting within the previously untouched framework of family life. Turkish Civil Law does not allow multiple marriages. On the contrary, in Syria, they are free and widespread. With the arrival of attractive stock of poor young women, Turkish men illegally get married with Syrian girls, taking them as second wives. This is causing increase in depression cases among local women in the southern part of Turkey. More to that, such marriages tend to turn into commercial relations. According to national newspaper *Milliyet*, half of men living in Hatay *il* have second or third Syrian wife, and the numbers are growing (Evin M., 21.01.2014).

* * *

I would like to conclude this essay by quoting Ahmet Umit's words: "The world is like this: you live a rich and happy life, but the people in other places live in poverty and violence. It is impossible now. There is only one way we need to follow. We shall share. We have to share welfare, we have to share peace, we have to share smiles. I will earn too much, maybe 100 times more. The others will lose all the time. And we will start wars for oil in their lands. This is not fair. The world is not like this" (Ahmet Umit's speech..., 2015).

In my opinion, the world divides into two parts: the North and the South, or the East and the West. What should we do despite of the division? Umit shows the way to follow: we *need* to share. Turkey, as a moderately prosperous country, has tried its best to help Syrian refugees so that their numbers have reached three million, or the whole population of some of the smaller states in Europe. Meanwhile, Europe is less inclined to share this burden...

Soner Dursun

Глава II НОМАДЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

2.1. Кочевники Внутренней Азии в домонгольский период: причины и факторы миграций внутри региона и переселений в Восточный Туркестан, Семиречье и Среднюю Азию¹

Скотоводы-кочевники всегда отличались от земледельцев подвижностью из-за необходимости выпаса скота и регулярного перехода на новые пастбища (Хазанов А.М., 1975, с. 10–11; 2002, с. 112–113, 129–130; Марков Г.Е., 1976, с. 105–110; Масанов Н.Э., 1984, с. 46–49; 1995, с. 65–66, 87–114; Крадин Н.Н., 1992, с. 55; Курылев В.П., 1998, с. 31–33). Однако эти циклические «мини-миграции» по большей части ограничивались передвижениями на сравнительно небольшие расстояния – до 100 км в течение сезона. В обычных условиях сезонные перекочевки редко вели к перемещению на большое расстояние стационарных зимников и мест, традиционно избираемых для айлов отдельных домохозяйств и семейно-клановых групп. Лишь в отдельных случаях, когда губительно обострялась зависимость кочевого хозяйства от природно-экологического фактора, номады преодолевали со скотом более тысячи километров (Толыбеков С.Е., 1971, с. 498, 520–522, 544, 565; Масанов Н.Э., 1995, с. 66; Курылев В.П., 1998, с. 3). Засуха, продолжительное понижение температуры, бураны, глубокий снежный покров без возможности тебенёвки, затяжная холодная весна, эпизоотии – всё, что приводило к массовому падежу животных (Толыбеков С.Е., 1971, с. 58, 79–83; Крадин Н.Н., 1992, с. 52, 54; Масанов Н.Э., 1984, с. 38, 72, 123–124; 1995, с. 41, 87–88; Хазанов А.М., 2002, с. 153, 158, 159), периодически вынуждало кочевников пере-

¹ Раздел подготовлен в рамках госзадания Минобрнауки РФ №33.1175.2014/К.

селяться на довольно значительные расстояния, чтобы найти новые пастбищные территории, благоприятные в климатическом и эпидемиологическом отношении. Однако определяющее значение в миграциях кочевников как внутри отдельных регионов Внутренней Азии или более привычной для отечественных историков Центральной Азии и в направлении Китая, так и в рамках всей аридной зоны Евразии играли военно-политические факторы.

Внутреннюю Азию мы ограничиваем пространством Внутренней и Внешней Монголии, Забайкалья, Прибайкалья, Саяно-Алтая и Джунгарии. В период поздней древности и средневековья ее история проходила под знаком доминирования различных кочевых империй. Завоевания и грабительские походы кочевников вызывали многочисленные миграции к северным границам Китая и в широтном направлении с востока на запад. Довольно типичным было переселение кочевых групп, порой крупных этнических общностей и надплеменных объединений из монгольских степей в западные регионы аридной зоны, особенно в Восточный Туркестан, Семиречье и степные районы Средней Азии и Южного Казахстана. И как причины, так и факторы этих миграционных потоков, что внутри-, что межрегиональных, в домонгольский период были достаточно разнообразны.

Миграции внутри Внутренней Азии и на ее территорию

Одна из самых показательных и длительных миграций такого рода – тюркская. Реконструкция С.Г. Кляшторным этногенеза тюрков предполагает значительные перемещения одной из хуннских кланово-племенных групп, составившей, по его мнению, основу тюркского племени ашина.

В середине III в. 20 тыс. семей хунну бежали из монгольских степей на территорию Северного Китая. Их расселили на северо-западе империи, в Хэси, где у ряда племен сложились тесные связи с турфанским населением; тогда предки ашина располагались на р. Эдзин-гол (Жошуй). Затем потомки хуннов из Хэси вместе с хуннами во главе с племенем хэлян, мигрировавшими из Ордоса в Хэси, создают царство Северное Лян. В 439 г. оно было разгромлено династией Северная Вэй и часть входивших в него племен откочевывает к Гаочану, где они попадают в зависимость от жуань-жуаней. Далее следует переселение жуань-жуанями тюрков на Алтай (после 460 г.). На Алтае образуется племенной союз

тюрков, они подчиняют теле, побеждают жуань-жуаней, захватывают Центральную Монголию (бассейн р. Орхон, Тола, восточные отроги Хангая). После чего и провозглашается каганат (Кляшторный С.Г., 1964, с. 106–114; 2003, с. 154–160; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 78–79, 196).

Вместе с тюрками на просторах Монголии в середине VI в. расселилась часть племен теле. В VII – начале VIII в. отдельные их племенные союзы следующим образом располагались в разных районах Монголии. Пугу обосновались на р. Толе. Уйгуры кочевали в бассейне той же Толы, где была ставка эльтебера Пусы и где в конце 680-х гг. Тоньюкук сражался с токуз-огузами, и в бассейне Селенги (отсюда уйгурский эльтебер бежал в Китай от войск Бильге-кагана). Байырку заняли долину Онона, сеяньто перебрались с запада в район Хангая и т.д. (Бичурин Н.Я., 1950, с. 301–302, 339–344; Малов С.Е., 1950, с. 42; 1959, с. 17; Liu Mau-tsai, 1958, S. 142, 350; Малявкин А.Г., 1980, с. 113–114).

Следует заметить, что Центральная Монголия играла ключевую стратегическую роль в деле осуществления военно-политического контроля над всей Восточной Азией. Поэтому стремившиеся к созданию кочевых империй племенные группы, будь то хунну или сяньби, жуань-жуани или тюрки, уйгуры и др., целенаправленно ее захватывали и на ее территорию переселялись (Материалы по истории сюнну, 1968, с. 39, 43; Кляшторный С.Г., 2010, с. 114, 142–144, 148–151, 156–152, 193–195, 203–204, 216–217, 243–246; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 20–21, 45–47, 49–54, 82–83, 89–90, 101, 112–113; и др.). Лишь кидани преследовали в Центральной Монголии несколько иную цель. В конце X в. они создали здесь укрепленный район с пятью городами: этот мощный форпост защищал степные владения империи Ляо от непокорных номадов Северной Монголии. Вместе с киданскими войсками в бассейне Толы оказались семьи бохайцев, китайцев и, возможно, уйгуров (Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., 2014, с. 48–49). В целом **завоевательные миграции** – отличительная черта военно-политической истории Внутренней Азии.

Хунну, жуань-жуани, тюрки, уйгуры и другие не ограничивались в своих завоеваниях-переселениях Центральной Монголией. Они покоряли народы Саяно-Алтая, Прибайкалья и Забайкалья, киданей и си на самом востоке степного ареала, кочевников Запад-

ной Монголии и Джунгарии – карлуков, басмылы, ягма и др. Объектом завоевательных миграций были и китайские земли в периоды ослабления династий и политической раздробленности Китая. Наиболее известны завоевательные миграции номадов после падения Хань («шестнадцать варварских царств», 304–439 гг.) и Тан (династии Поздняя Цзинь и Поздняя Тан, основателями которых были тюрки-шато, а также созданная киданями империя Ляо).

Нельзя не отметить **миграции в монгольские степи оседлого населения**. Особенно массовыми были насильственные, а в некоторых случаях добровольные переселения китайцев (ханьцев). Еще хунну уводили в плен мирных жителей и сдавшихся в плен солдат (Материалы по истории сюнну, 1968, с. 42, 47, 49, 51 и др.). В последующем китайские пленные и мигранты известны у тюрков, но особенно значительной была китайская община в Уйгурском каганате. По данным Терхинской надписи и текста из Могойн Шине-Усу они имели своего главу, участвовали в строительстве городов и крепостей (Малов С.Е., 1959, с. 43; Кляшторный С.Г., 2010, с. 43, 66). Китайцы, в конце IX – начале X в. оказавшиеся волей судеб в родовых землях киданей, строили города, добывали соль; они же более тесно познакомили киданьские элиты с буддизмом и культурой Китая. Некоторые ханьцы были советниками Абаоцзи и занимали высокие придворные посты, учили киданей гражданскому управлению (Е Лун-ли, 1979, с. 43, 45; Материалы по истории древних кочевых народов..., 1984, с. 176, 186–187, 189; История Железной империи, 2007, с. 47).

Значительную роль в истории раннесредневековых кочевых империй сыграли и согдийцы, переселявшиеся в Монголию из Средней Азии, Восточного Туркестана и Китая.

С тюрками сотрудничество согдийцев началось еще до создания каганата: в 545 г. к тюркам из Западной Вэй прибыл посол Ань Нопаньто (An-po-p'an-t'о), согдиец по происхождению (Liu Mau-tsai, 1958, S. 6). Появление в Монголии уже целой согдийской общины относится ко времени Первого тюркского каганата, чему свидетельством – Бугутская стела с согдийской надписью (Кляшторный С.Г., 2003, с. 49–52). В Восточно-тюркском каганате известна согдийская община во главе с Шишухуси (*Schi-schu-hu-si*), а также диаспоры из Бухары, Самарканды, Восточного Туркестана. В частности, бухарская община при капитуляции Тан в 630 г. насчитывала, по

разным сведениям, от 5 тыс. человек до 5 тыс. семей (Liu Mau-tsai, 1958, S. 87–88; Кляшторный С.Г., 1964, с. 114–116, 117–119; 2003, с. 160–165; Малявкин А.Г., 1980, с. 106; 1981, с. 105). Есть известия и о согдийских общинах из Ордоса и Восточного Туркестана, захваченных тюрками Второго каганата при Капаган-кагане (693–716 гг.), пожаловавшем главе одной из таких общин как предводителю крупной общности титул эльтебера (Кляшторный С.Г., 1964, с. 120–122; 2003, с. 167–168).

В Уйгурском каганате согдийцы образовывали значительную и влиятельную диаспору. Из нее вышло немало манихейских первосвященников, купцов, участвовавших в международной торговле, чиновников, занимавших посты министров, военачальников (Бичурин Н.Я., 1950, с. 331, 334; Mackerras С., 1990, р. 329–334; Материалы по истории уйгуров..., 1974, с. 26–29; Кляшторный С.Г., 2010, с. 265–267, 272–275).

Китайское направление миграций

На этом направлении миграции кочевников заключались в их переселении к границам Китая и в его пограничные округа – в Ордос, Ганьсу и другие северные и северо-западные районы. Вызывались подобные переселения разными причинами.

Причина первая: бегство к границе Китая части доминировавших во Внутренней Азии племен после их поражений от других групп кочевников и ликвидации их империй. Вот три ярких примера.

В середине 80-х гг. I в. н.э. под ударами сяньбийцев, динлинов, южных хунну и других противников значительная часть северных хунну бежала в Китай. Там они разместились в пограничных округах Юньчжун, Уюань, Шофан, Бэйди и др. (Материалы по истории сюнну, 1973, с. 80–81).

552–555 гг.: разгром тюрками жуань-жуаней, бегство побежденных в Западную Вэй с последующей выдачей тюркам до трех тысяч аристократов и воинов жуань-жуаней, подвергнутых затем жестокой казни (Бичурин Н.Я., 1950, с. 208, 229, 231; Liu Mau-tsai, 1958, S. 7).

В начале 740-х гг. после победоносного восстания против тюрков карлуков, басмылов и уйгуров и свержения наследников Бильге-кагана тюркская знать и часть рядовых номадов откочевывают во владения империи Тан (Бичурин Н.Я., 1950, с. 309; Liu Mau-tsai,

1958, S. 229–231; Малов С.Е., 1959, с. 39; Кляшторный С.Г., 2003, с. 121; 2010, с. 43, 44, 61).

Внешне похожими были причины переселения тюрков, пугу, седе, согдийцев и других кланово-племенных групп в 630 г. после разгрома Восточно-тюркского каганата. Но в событиях 627–630-х гг., наряду с природными катаклизмами, восстанием сеяньто, уйгуров и союзных им племен, мощное значение имела **вторая причина: дипломатическое и военное давление Китая на тюрков**. Под этим давлением тюрки во главе с Хели (Эль-каганом) вынуждены были в 630 г. сдать империю. Тюрков Хели-кагана численностью от 100 до 190 тыс. человек и покорившихся вместе с ними пугу, согдийцев, эдизов разместили на северных территориях от Линчжоу до Ючжоу (Ордос, север современных провинций Шэньси и Шаньси) в четырех округах: Шуньчжоу, Ючжоу, Хаучжоу, Чанчжоу. Каждый из этих округов делился на генерал-губернаторства *дудуфу*, малые округа и другие административно-территориальные единицы, установленные в местах расселения кочевников (Кляшторный С.Г., 1964, с. 119; Малявкин А.Г., 1980, с. 105–106; 1981, с. 28, 30, 78–80, 90–93; 1989, с. 15–16, 18).

Близка, но не равнозначна первой причине – и во многом обусловлена наличием второй – **причина третья: смуты, усобицы, военные столкновения в степях**. Они провоцировали регулярные миграции небольших групп кочевников (чаще всего отдельных семей и кланов) в северные владения Китая. Так, по этой причине в конце VI – начале VII в. было несколько обращений киданей к китайским императорам с просьбой о подданстве. Обращения не всегда вели к переселению на земли Поднебесной, но в ряде случаев источники фиксируют миграции отдельных племенных групп/кочевий киданей в Северо-Восточный Китай (Материалы по истории древних кочевых народов..., 1984, с. 155–158).

С 630-х гг., а особенно после 647 г., когда Танская империя разделила степь на генерал-губернаторства и поставила местных вождей в качестве генерал-губернаторов *дуду*, любые междоусобицы в степи приводили к откочевке в южном направлении разных по численности групп кочевников. Например, после разгрома сеяньто в 645–646 гг. фиксируется бегство отдельных семей и кланов из племен теле в уезд Шофан округа Сячжоу на территории Ордоса. Здесь в малых округах наряду с дансянами (тангутами)

и тюрками разместились седе (аде, эдизы), яньто (сеяньто), пугу. На территории округа Линчжоу (современный уезд Линьфу в северной части Нинся-Хуэйского автономного района КНР) в малых округах разместились представители племен теле, часть из которых входила в токуз-огузское объединение: сицзе (сыцзе), аде (эдизы), хунь (кун). В середине VII в. «на территории округа Линчжоу кочевало более 10 тыс. юрт представителей телеских племен хунь и хусе (хуса)» (Малявкин А.Г., 1980, с. 115–118; 1981, с. 28, 83, коммент. 29, 97–99; 1989, с. 19–20, 23–24).

В конце VII в. после возвращения тюрков в степь из Китая (кстати, вот еще одно направление миграций!) и воссоздания военным путем каганата в Поднебесную вместе с союзными силами сыцзе, циби, хунь бежал «уйгурский каган» Фудифу (Малявкин А.Г., 1981, с. 148–149, коммент. 178; Кляшторный С.Г., 2010, с. 240). Восстание против тюрков практически всех подчиненных кочевых объединений, убийство Капаган-кагана в 716 г., военное вмешательство Китая вынудили Бильге-кагана и Кюль-тегина жесткими методами восстанавливать единство империи, что нередко вызывало откочевки к китайской границе некоторых этнических групп (уйгуры, часть тюрков, согдийцы, эдизы и др.). В надписи в честь Бильге-кагана упоминается его поход на Селенгу, из-за чего эльтебер уйгуров вынужден был сначала бежать на восток к киданям, а затем мигрировать в Китай (Малов С.Е., 1951, с. 22). Любопытно, что тюркская элита осуждала в теории переход в китайское подданство: так, принявшие его токуз-огузы утратили «свое имя и славу» (Малов С.Е., 1959, с. 22). На практике же переходы такого рода были частым явлением.

Четвертая причина миграций кочевников на китайском направлении – *влияние мир-системного ядра (центра) на кочевую полупериферию*. Мощное политико-экономическое воздействие Поднебесной вело к Китаизации номадной знати, к внутренним конфликтам в кочевых империях, борьбе за контроль над китайскими поставками шелка и других престижных вещей. Передкий итог этих конфликтов – политический раскол и создание марионеточных анклавов на китайско-кочевом пограничье.

Уже в Хуннуской империи длительные междоусобицы в середине I в. до н. э. вызвали сначала откочевки в Китай отдельных князей, а затем, в 52 г. до н.э., принятие шаньюем Хуханье вассаль-

ных обязательств перед императором Хань. Пришедшие с Хуханье хунну были размещены «около укрепленной линии» на севере Китая и получили право укрыться в случае нападения из степи в городе Шоусянчэн (Материалы по истории сюнну, 1973, с. 34, 35–37). В дальнейшем, начиная с правления внука Хуханье шаньюя Би (Сило шичжу ги), раскол хунну на южных, зависимых от Хань, и северных приобрел системный характер (Материалы по истории сюнну, 1973, с. 68–83).

В Первом Тюркском каганате аналогичные события фиксируются с момента объединения Китая под властью династии Суй. Каган Ша-бо-люэ, опасаясь нападений со стороны главы западных владений каганата Кара-Чурин Тюрка, а также Або, сына Мухан-кагана, своего брата Чолухоу и других противников, признал себя вассалом Поднебесной. Каган принял письмо китайского императора, стоя на коленях, и обязался платить дань лошадьми. За это он получил возможность разместиться вместе со своими людьми у границы Китая, получать дары, пищу, одежду и проч. (Бичурин Н.Я., 1950, с. 236–239; Liu Mau-tsai, 1958, S. 51, 52). Показательна и судьба малого (удельного) кагана Тули (Жангара), который при многосторонней поддержке со стороны Китая (династический брак, получение шелка и зерна, военная помощь) выступил против кагана Юн-юй-лю. После того, как противники разгромили в 599 г. его ставку, убив при этом его братьев и сыновей, Жангар укрылся в Китае. Там он по воле суйского императора был провозглашен Кежинь-каганом (Кеминь-каганом) и основал в пограничных владениях тюркский анклав (Бичурин Н.Я., 1950, с. 241–244; Liu Mau-tsai, 1958, S. 57–6).

Особый случай миграции к границам Китая обязан своим происхождением **пятой причине – попытке возрождения кочевой империи на новом месте**. После разгрома кыргызами в 840 г. Карабалгасуна/Орду-балыка 13 племен (родов) сплотились вокруг тегина У-цзе, стремившегося восстановить Уйгурский каганат, и провозгласили его каганом. Боясь карательных акций кыргызов, уйгуры перекочевали в степи к югу от Гоби, что вызвало беспокойство танской администрации. Не получив разрешения поселиться в Чженьу, уйгуры стали совершать набеги на китайские земли. После нескольких столкновений с танскими войсками часть уйгуров сдалась, и сдавшиеся были расселены по пограничным округам. Позже и многие сторонники У-цзе признали китайское подданство.

С тремя тысячами воинов каган вынужден был укрыться у племен шивэй, где в 847 г. был убит недовольными соплеменниками (Материалы по истории уйгуров..., 1974, с. 26–30).

Миграции в западном направлении

Очевидно, что мощные и разнонаправленные миграционные импульсы создавались, как правило, вследствие падения кочевых империй. Эти политические события вызывали, помимо перекочевков в пространстве Внутренней Азии и движения в сторону Китая, миграцию кочевников в западном направлении. Наиболее известны переселения в домонгольский период в западные по отношению к прежнему месту обитания степи юэчжей (середина II в. до н.э.), хунну (I–II вв. н.э.), аваров (550-е гг.), тюрков (вторая половина VI – первая треть VII в.), карлуков (VIII в.), огузов (VII–VIII вв.), кыпчаков (VIII–IX вв.), уйгуров (840-е гг. – начало X в.), киданей во главе с Елюй Даши (1120–1140-е гг.). К этому можно добавить многочисленные миграции отдельных племенных групп и кланов в Восточный Туркестан, Джунгарию, Семиречье, Юго-Восточный Казахстан и другие регионы. В качестве примера можно назвать переселение теле (гаоцзюй, гаогюй) в конце V в. в Джунгарию и миграции их отдельных племен под давлением жуань-жуаней на запад, вплоть до Северного Причерноморья. С.Г. Кляшторный предполагал, что на протяжении первой половины I тыс. н.э. происходила периодическая инфильтрация постхуннского населения Центральной Азии, из которого формировались такие тюркоязычные кланово-племенные объединения, как дулу, нушиби, барсилы, оногундуры, кутригуры, утигуры и др. (Бичурин Н.Я., 1950, с. 216–217; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 54, 62–63).

Говоря о переселениях кочевников из Монголии в западные регионы, можно выделить несколько различающихся причин и, соответственно, типов таких миграций.

1. ***Миграция с целью присоединения к уже существующей империи западных территорий.*** Примеры: походы хунну, походы тюрков при Истеми в 554–558 гг., попытки захвата Семиречья Капаган-каганом в начале VIII в. и др.

2. ***Миграция на дальние расстояния после утраты главенствующего положения в Восточной Азии с целью создания политических объединений и государств на вновь освоенных землях:*** юэчжи, жуань-жуани, тюрки, сеяньто, уйгуры, кидани.

3. **Миграция отдельных племен с целью избавиться от поборов, грабежей, военного террора со стороны доминирующих племенных групп:** часть карлуков, ягма, чигилей, вынужденных перекочевать в Семиречье, где после падения в 840 г. Уйгурского каганата возник Караханидский каганат.

4. **Вынужденная миграция «по цепочке» под давлением других мигрантов.** Вытеснение сюнну юэчжэй из Центральной Монголии привело к перемещениям других кочевых объединений: сэ, тохаров, ассианов. Миграции уйгуров в середине – второй половине IX в. также вызвали волну передвижений, в частности, кимаков и огузов (торков и гузов), в свою очередь вынудивших печенегов двинуться на запад, перейти Волгу и вторгнуться в причерноморские степи.

5. **Миграция как одно из следствий борьбы за ресурсы Китая.** Она имела место в Тюркском каганате на рубеже VI–VII вв.: после поражения западно-тюркского правителя Кара-Чурина-Тюрка часть подразделений тюрков и теле переселилась в Семиречье и империя окончательно разделилась на Западно-тюркский и Восточно-тюркский каганаты.

Помимо военно-политических, стоит упомянуть еще как минимум три фактора миграций в западном направлении:

1) только на западе располагались относительно свободные и обширные степные и предгорные пространства, пригодные для скотоводства и привлекательные для кочевников;

2) в Восточном Туркестане, Семиречье и Средней Азии взаимодействие кочевников с жителями городов и оазисов традиционно было более мирным и тесным, чем на китайском направлении;

3) в Семиречье, межгорных долинах Киргизии, Южного Казахстана, степях Верхнего Прииртышья, Прикаспия, тем более в Северном Причерноморье и Подунавье природно-климатические условия (температурный режим, количество осадков, влажность) были лучше, а в некоторых случаях значительно лучше, чем в Монголии.

* * *

Подводя итоги, следует акцентировать разнообразие причин и факторов миграций кочевников во Внутренней Азии и за ее пределы. Преобладающее значение имели, несомненно, военно-политические причины переселения. Вместе с тем достаточно значимыми,

иногда чуть ли не решающими оказывались причины и факторы иного рода: природно-климатические условия, истощение старых пастбищ, территориальная близость к источникам высоко ценимых кочевниками ресурсов, доступность товарного обмена с оседло-городским населением.

Сергей Васютин

2.2. Современные трансграничные миграции и цифровой нomaдизм

Совмещение синхронического и диахронического исследовательских контекстов, анализа перспектив и ретроспектив миграций расширяет само их понимание как неотъемлемого феномена человеческой истории. С другой стороны, реальная практика миграций наделяет некоторую часть их участников, а значит, и человечество в целом, новым опытом бытия. Это бытие, при сравнении его с исторически известными образцами соотношения человека с пространством и временем, предстает и внепространственным, и вневременным. Речь в данном случае идет о людях – журналистах, путешественниках, бизнесменах, всё чаще и о студентах, – ведущих мобильный образ жизни. За ними уже закрепилось название «цифровые нomaды» или «кочевники», так как они постоянно меняют места проживания, а для выполнения своих профессиональных обязанностей и решения иных вопросов используют цифровые телекоммуникационные технологии.

Цифровой нomaдизм всё чаще привлекает внимание исследователей¹. При этом используются различные в дисциплинарном плане подходы. Наиболее полно отражающим сущность цифрового нomaдизма является, на наш взгляд, подход социально-психологический. В свою очередь, с точки зрения социальной психологии при изучении цифровых нomaдов главное внимание должно уделяться эволюции их идентичности.

Под идентичностью здесь понимается система более или менее осознанных переживаний личностью тождества с собой – *личностная идентичность*, и своей принадлежности к той или иной группе, воспринимаемой исторически непрерывной и пространственно

¹ См., например: Кужелева-Саран И.П., 2014; Gussekloo A., Jacobs E., 2010; Friebe H., Lobo S., 2006; Fernández V.A., 2010; Makimoto T., Manners D., 1997; Urry J., 2000.

целостной, – *социальная идентичность*. Иметь идентичность означает: 1) ощущать себя более или менее независимым и постоянным в конкретной ситуации; 2) переживать собственную непрерывность и ее признание другими людьми; 3) понимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое, строить жизненные планы, опираясь на прошлое и осмысляя настоящее. Исследования идентичности, начатые Э. Эриксеном (2006), который и ввел данный термин, продолжаются до сих пор. Идентичность человека и/или группы предполагает: 1) отличительность – уникальность и непохожесть; 2) континуальность – непрерывность и целостность; 3) принадлежность – включенность/близость; 4) подтверждение бытия другими людьми через принятие, внимание и уважение. И как раз одно из главных следствий трансграничных миграций заключается в проблеме неподтвержденности, возникающей по месту прибытия. Игнорирование мигрантов новой средой воспринимается теми как непризнание самого их бытия, небрежение – как отрицание значимости их личности и идентичности, неприятие – как тотальное отвержение той и другой. Однако в случае «кочевников» проблема неподтвержденности извне отступает на задний план, а на авансцену выходит своеобразие их личностной и социальной идентичности.

Далее будут предложены описание и осмысление феномена цифрового нomaдизма и типологизация цифровых нomaдов» посредством соотнесения каждого гипотетического типа с определенными особенностями личностной идентичности и социальной идентичности, как она выражается в отношениях с другими. Соответственно, «личностная идентичность» и «межличностные отношения» – ключевые понятия в нашем разделе. Они отражают меру принятия и понимания человеком себя и мира, степень гармоничности отношения индивида и/или группы к себе и к другим людям, в том числе в контексте мультикультурных отношений. Ведь сообщества, в которых и между которыми «кочуют» цифровые нomaды, в большинстве случаев – мультикультурные. Это создает как иллюзию легкости перехода из одной культуры в другую, так и противоречия и дисгармонии в идентичности. Наиболее явно дисгармонии обнаруживаются в сфере межличностных отношений цифровых нomaдов, следовательно, в их социальной идентичности, а закрепляются – в их личностной идентичности.

I

Пребывающий в постоянном движении цифровой кочевник – «гражданин мира», «человек без корней» – одна из загадочных реалий современного мира. Цифровой кочевник не понимает «мечты о родине», так как благодаря цифровым технологиям может находиться и, при необходимости, трудиться в любом месте. Правда, он при этом часто прибегает к «кочевой близости»: вопреки собственным декларациям о всепоглощающей «любви к новизне», предпочитает и поддерживает отношения со «старыми» знакомыми, что не мешает ему искать и находить собственные ответы на важнейшие вопросы жизни: прекращая «крысиные бега» в замкнутых пространствах, он заново открывает себя и мир. «Кочевники» – приверженцы и продолжатели сложившейся у предшествовавшего поколения «цифровых аборигенов» идеи *fun* как повседневного удовольствия и счастья. Они живут под множеством «флагов»: множественность идентификаций помогает им, интернационализируя все аспекты жизни, тем самым обогатить ее, повысить ее качество. Определенный вещный минимализм они сочетают с «жизнью по своим правилам», так достигая – рассчитывая достичь – идеала, в том числе идеала свободы и гармонии (Кужелева-Саган И.П., 2014; Gussekloo A., Jacobs E., 2016; Howe N., Strauss W., 1991; McLuhan M., 2001; Peters J.D., 1999; Sisson N., 2013; Urqu J., 2000).

Цифровому номадизму близок феномен фриланса – удаленной работы и/или самозанятости. Фриланс – форма трудовой деятельности и жизнедеятельности в целом, мотивируемая ценностями личной и трудовой независимости. Особый вид фриланса – «электронная самозанятость» профессионалов, преимущественно работающих удаленно. Рынки труда для фрилансеров постоянно растут, аккумулируя значительный человеческий и социальный капитал, разрушая изоляцию культур и людей, усиливая их взаимосвязь (Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С., 2013; Пинк Д., 2005; Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина, М.О., 2015; Horton J., 2010).

Цифровые номады полагают, что стремятся к личной свободе. Однако это может быть стремление *от* чего-либо, *против* чего-либо и *для* чего-либо. В первом случае в мотивациях доминируют игнорирование и отрицание, во втором – отрицание и противопо-

ставление, в третьем – установка на автономность и, одновременно, на интеграцию. Но все три варианта подчинены цели достижения и поддержания психофизиологического и социально-статусного благополучия, в том числе разнообразия, постижения себя и мира с разных сторон. В то же время, убегая от одиночества, «непонятости», «несвободы», «однообразия», «кочевник» не участвует в решении проблем, стоящих перед его народом, общностью, семьей, в конечном счете, и перед ним. Из-за этого он может оказаться в худшем, чем прежде, положении: попасть в серию конфликтных ситуаций, испытывать фрустрацию из-за того, что не удовлетворяются его претензии на собственную значимость и силу, уникальность и востребованность, на любовь окружающих. Все это трансформирует его личностную и социальную идентичность в маргинальную, расщепленную или лоскутную, гибридную.

Основная часть жизни «кочевника» протекает в мире виртуальных коммуникаций, из-за чего он нередко практически полностью утрачивает связь с «корнями», ассимилируясь там, где живет. К тому же, когда у человека нет постоянного дома, ему просто нечего бояться потерять; и в попытке доказать свою способность «справляться», быть успешным, жить без других, т.е. доказать свою уникальность как независимость и силу, он готов – ему даже хочется – потерять всё, что можно. Впрочем, иногда формируется интегрированная *транс*-идентичность «человека вселенной», в ходе кочевания по миру, обмена значимыми моментами жизни с другими людьми «наращивающая» палитру способов жизнедеятельности. Причем модусы такого сближения зависят от его продолжительности. Для кратковременных циклов взаимодействия это будет модус «соприсутствие – включенность», для долговременных – модус «близость – отчуждение».

Вместе с тем цифровой номадизм альтернативен иному, по сути, всеобъемлющему способу отчуждения – полностью виртуальным отношениям и контактам. Свойственные ему моменты соприсутствия, сотрудничества помогают «кочевникам» поддерживать более-менее нормальное социальное бытие даже тогда, когда основные составляющие бытия разделены весьма значительными пространственно-временными и культурно-историческими «расстояниями» (Cohen I., 2000; Cohen R., 1997). Кроме того, частые путешествия, столь характерные для «кочевника», обеспечивают ему как соци-

альному существу «доступ к своей части социального наследия» (Bottomore T., Marshall T.H., 1992, с. 6).

Цифровой номадизм произведен от эпохи «текучей современности» (Бауман З., 2008), в которую мы живем и в которой и самое частное больше не является полностью личным, национальным, прочно связанным с определенной территорией и народом, их культурой. Поэтому цифровой номадизм и непереносимое для него сетевое общение – как, впрочем, любое повседневное либо частое общение в интернете – лишь «дополнение к частному личному общению, а не его замена» (Putnam R., 2001, с. 179).

Изначально цифровой номадизм имел локальный характер: «кочевники» были жителями мегаполисов. С расширением беспроводных средств связи они появляются повсеместно. Постоянно улучшающиеся возможности передвижения и ненормированный рабочий график стимулируют мобильность типа «перекати-поля», а соответствующая ей идентичность формируется на основе идеологий и ценностей мировой информационно-коммуникативной сети. Между тем ни те, ни другие не отличаются целостностью и постоянством, сама субкультура «умной толпы» цифровых номадов становится супермобильной. Всё это не может не влиять на базовые характеристики «кочевнической» идентичности: рано или поздно они нарушаются. Мало того, что мы становимся, как образно заметил З. Бауман, «свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости» (Бауман З., 2008, с. 20), – «кочевники» всё чаще лишаются того самого «ума», которым многие из них явно или неявно гордятся, подвергаются деиндивидуализации, присущей «вульгарным» толпам (Бард А., Зодерквист Я., 2004; Makimoto T., Manners D., 1997).

II

Цифровое кочевничество – одно из следствий и причин активных изменений материальной и духовной культуры человечества, формирования в ней новых типов идентичности, систем духовно-нравственных ориентаций, моделей общения. В отдельных регионах, например, там, где седентаризм одной, большей, части населения сочетается с традиционными кочеваниями другой части, меньшей, и где миграции, таким образом, не нарушают целостности идентичности, цифровой номадизм выражен слабо. В других регио-

нах и при оседлости, и при постоянных перемещениях почти в равной мере происходит фрагментация идентичности, ее разрушение. Имеются в виду регионы, «изжившие» традиционные ценности под натиском глобализации и ее «вестернизированной» культуры «перекати-поля». Ярким символом этой культуры, авторитетным образцом жизненной стратегии и действенным орудием вестернизации является собственно вестерн: его сценарий предполагает бесконечный путь к лучшему, «своему» и отказ от всего «чужого», мешающего, вызывающего затруднения, от всех запретов. Между тем духовно-нравственное более, чем что-либо, основано на запретах и создает «затруднения». Однако его устойчивость даже в отдаленных регионах мира часто и быстро нарушается. Лишенная стабильных духовно-нравственных основ идентичность неустойчива, цифровой номадизм становится одним из результатов этих метаний.

По прогнозам исследователей, геоклиматические, экономические, социально-политические и социально-психологические изменения в мире, включая трудовую и семейную миграцию и интернационализацию бизнеса, должны стимулировать рост численности «кочевников», разбухание номадических потоков, становление развернутой системы в разной степени глобальных информационно-коммуникационных «хабов» планеты (Кужелева-Саган И.П., 2014; Ле Коадик Р., 2005; Минигалиева М.Р., 2012; Носова С.С., Кужелева-Саган И.П., 2013). В результате может радикально измениться расстановка сил на рынках труда и брака, структура поселений будет приведена в соответствие с новым стилем жизни. Изменения коснутся духовно-нравственной ориентации самих «кочевников», траекторий их мобильности, организации и масштабов мультикультурного взаимодействия и в реальной, контактной, и в виртуальной среде социальных сетей и коммуникативных платформ. При этом может возникнуть, да уже и возникает конфликт между цифровыми номадами, перемещающимися в пределах одного-двух полисов/регионов, номадами «глобальными», ищущими для себя место уже и в самых «заповедных зонах» мира, и людьми, привязанными к определенной территории и идентичности.

Обратимся к общей теории мультикультурных отношений. Исследователи отмечают, что «принадлежность мигранта расщеплена между опытом “домашнего очага” и “беспределом улицы”» (Толкачев С.П., 2013, с. 1). Представители разных культур меньшинства

и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, и ищут пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения или ассимиляции, который идет параллельно с рождением нового, «гибридного». У субъекта мультикультурного контакта – переходная (двойственная, «гибридизированная») идентичность, идентичность «между», «над схваткой». В ней отражается диалектика оппозиций «общность – необщность» с той или иной группой людей, той или иной нацией, религией, профессией, «принадлежность – непринадлежность» к ним (Касавин И.Т., 1997, с. 84). Особенно трудно процесс мультикультурного взаимодействия протекает там, где нация и ее идентичность длительное время подвергались масштабному игнорированию, где их бытие было скорее «инобытием» или «квазибытием», чем «самобытием». В такой ситуации формируется идентичность, лишенная нравственных опор, живущая ощущением тотального преследования. Переживание преследования и связанное с ним «бегство» от реальности, от себя (своего) и от других (чужого), т.е. от реальных отношений с собой и миром, всегда было одним из симптомов идентичности «человека без корней». Напротив, человек с корнями, хотя и нуждается в автономности, периодически пересматривает свою идентичность и принадлежность, реинтегрируясь в общество на тех или иных основаниях, направлен именно на реальность, стремится к глубоким и разносторонним отношениям с собой и миром (Эрикссон Э., 2006). Наличие таких отношений – критерий социально-психологического здоровья, их отсутствие свидетельствует о его нарушениях, проблемах разной степени длительности и интенсивности.

Возвращаясь к цифровымномадам, отметим, что обсуждаемые способы решения вопроса об их идентичности как индивидов и членов группы отражают старый спор между либералами и коммунистами о приоритетности и соотношении личной свободы и социальной принадлежности. Либералы утверждают, что индивид может свободно определять свое собственное понимание жизни, ибо разделяемый ими принцип примата личности над общностью предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять существующие культурные традиции и практики, то общность не обладает правом препятствовать их модификации или вообще от-

казу от них. Коммунитаристы же убеждены, что личность встроена (*embedded*) в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он – результат социальных практик, а приоритет личной свободы ведет к разрушению общества. На наш взгляд, более продуктивен подход Сейлы Бенхабиб, которая ситуацию культурного плюрализма, поддерживающего, в частности, и феномен цифрового номадизма, определяет как наличие «радикального», «лоскутного», «мозаичного» мультикультурализма. Под ним она понимает сосуществование, совмещение в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы – подобно кусочкам смальты, составляющим мозаику. «Мозаичный» или «лоскутный» мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарную взаимность, добровольное самопричисление, свободу выхода и ассоциации (Бенхабиб С., 2003, с. 9).

Некоторые виды миграции, как «традиционной», так и «цифровой», в перспективе их вероятных долговременных последствий могут рассматриваться и как территориальная экспансия (Панарин С., 2016, с. 257–260). На первый взгляд, миграция «кочевников» не обладает «захватническим» характером даже в потенциале. Ведь они не настолько многочисленны, как «обычные» трудовые мигранты; к тому же даже мелкие диаспоры нередко разбиты на подгруппы, различающиеся по некоторым особенностям языка или верований и находящиеся в сложных отношениях друг с другом. Самое главное, многие из «кочевников» опираются исключительно на личную идентичность. Не стоит, однако, забывать о быстром росте не так давно вообще отсутствовавшей совокупности «кочевников» и о том, что, хотя их личная идентичность вынесена за пределы обусловившего ее культурного поля, отщепилась от него, сформировалась она все-таки в лоне родительской культуры. Поэтому можно предположить, что в случае значительного усиления потоков цифровых мигрантов, они внесут ощутимый вклад в размывание однородности того или иного государства, сформируют в пределах его территории очаги различных культур. Будет происходить «колонизация наоборот». Кроме того, цифровые номады – уже не потенциальные, а реальные субъекты *нетократии* – сетевой власти. Они активно вовлекаются в процессы овладения новыми формами управления, установления контроля не над материальными ресур-

сами, а над информационными, над капиталом не денежным, а человеческим (Бард А., Зодерквист Я., 2004; Putnam R., 2001).

Всё же более вероятен иной вариант эволюции цифрового нomaдизма. А.И. Куропятник описывает его как «балансирование между полюсами “исключения” и “включения” иммигрантов в культурный контекст»¹. Это вариант адаптации в форме «сдержанной интеграции», когда забота о сохранении культуры большинства не мешает принятию культур меньшинств. В итоге может сформироваться общая региональная/гражданская/человеческая идентичность, препятствующая размыванию границ и традиций взаимодействующих культур с последующей утратой запретов и долженствований, налагаемых духовно-нравственными нормами культуры, а затем и с переходом к полному бескультурью.

III

Анализ историографии цифрового нomaдизма позволяет выделить три основных типа «кочевников».

1. *Интегрированный тип*, или человек вселенной. Его идентичность позитивна и целостна, он сохраняет связь с родной культурой и в то же время нацелен на установление связей с представителями иных культур. Кочевничество он воспринимает как фрагмент жизни, обусловленный целями саморазвития в профессиональной и учебной, досуговой и семейной сферах, как путешествие в страну смыслов и ценностей, к самому себе. Отношения, которые преимущественно строят люди данного типа, – это отношения поиска и любви, личной значимости и соприсутствия.

2. *Амбивалентный тип*. Его идентичность маргинальна, двойственна, размыта, цифровой нomaдизм практикуется им как способ уйти от решения личных и социальных проблем. Для «кочевников» второго типа характерны ориентация на территориальную экспансию и поиск удовольствий, отсутствие структурированного представления о целях собственных перемещений, стремление жить по своим правилам, избегая ограничений повседневных обязательств. Их кочевничество в данном случае – способ существования, позволяющий сочетать обременительные и необременительные аспекты жизни: минимизировать ее напряженность и увеличить насла-

¹ Цит. по: (Русских Л.В., 2014, с. 85).

ждение ею. Это путь к удовольствиям – и путь *от* самого себя. Отношения таких людей в большей степени описываются как со-присутствие и включенность, чем как соприсутствие и личностная значимость.

3. *Лоскутный тип*, или человек без корней. У этого типа идентичность фрагментарна и негативна, он неспособен к построению прочных и глубоких отношений ни с людьми, окружающими его сейчас, ни с теми, от кого он когда-то ушел. Его номадизм выглядит как спорадическое перемещение «перекати-поля» в направлении, определяемом внешними по отношению к личности обстоятельствами. Кочевничество третьего типа есть не что иное, как способ удовлетворять желания, не обременяя себя обязательствами, как скрытый протест и несогласие с миром, путешествие *против* самого себя и мира. Ведущий модус отношений здесь – избегание, отказ от близости в форме значимых отношений и соприсутствия; вместо них – перманентное отсутствие «вечного путешественника».

Эта типология подтверждается и уточняется результатами нашего собственного эмпирического исследования психологов, занимающихся продажей своих услуг посредством устройства семинаров и тренингов личностного роста и организационного развития. Оно проводилось в 2015–2016 гг., в выборку вошло 40 человек, общение с ними было виртуальным и проходило в форме свободных интервью. Полученные результаты были обработаны методом контент-анализа. Размеры выборки и использованные методы предопределили акцент на качественных аспектах.

В зависимости от специфики перемещений респондентов они были поделены на три группы. Первую из них, в таблицах 1–2 обозначенную римской цифрой I, численностью в 10 человек, составили «командированные» – те, кто выбывал в иную страну проживания на относительно короткое время. Следующую группу (II) образовали «эмигранты» – люди, переехавшие в неродную страну в режиме смены постоянного места жительства; их набралось 20 человек. В последнюю группу (III) вошли 10 «чистых» номадов, постоянно кочующих по России и миру. Такая структура выборки отражает возможные (но, естественно, в каждом случае не обязательные) этапы эволюции постоянно использующих цифровые технологии мигрантов высокой квалификации – от временных выездов к смене жительства и затем к кочевничеству (табл. 1).

Таблица 1

Три группы мигрантов: этапные характеристики идентичности

Группа	Личностная идентичность/ отношения с собой	Социальная идентичность/ отношения с людьми
I	<i>Амбивалентная:</i> двойной стандарт. <i>Конфликтная:</i> проблемы в отношениях с окружающими, подстройка к новой культуре за счет разрушения связей со старой. <i>Асимметричная:</i> разные представления о себе и мире, требования к ним.	Деструкция отношений с миром, необходимость, для реинтеграции, столкновения с серьезными испытаниями. Страх вернуться в родную культуру, стремление диктовать ей свои правила.
II	<i>Отчужденно-изолированная:</i> формирование капсулы, из которой субъект судит о мире, предьявляя ему свой образ-маску. <i>Игнорирующая</i> внутренние конфликты из-за расхождения маски и личности. <i>Ожидаящая</i> жизни в будущем или <i>инкапсулированная</i> в прошлом.	Дистанцирование. Стратегия руководства: отказ от взаимодействия «на равных». Нет понимания других людей, нет значимых отношений. Формирование подвижных и поверхностных, в разной мере широких отношений с миром.
III	<i>Фрагментарно-лоскутная:</i> неравномерно ассимилированный опыт жизни в разных культурах. <i>Внутренне конфликтная:</i> стремление диктовать свои правила наряду с «полным пониманием себя и мира». <i>Нестабильно-изменчивая:</i> готовность и стремление меняться в любом направлении.	Стремление к широким, но поверхностным отношениям при сохранении немногих глубоких, как следствие – конфликты и разрывы, предательство – как отказ от себя и значимых других. Потребность поддерживать минимальный уровень сотрудничества во избежание тотального коллапса.

Всем собеседникам предлагались соответствующие их профилю деятельности варианты сотрудничества, затем выделялись предпочитаемые ими стратегии решения задач, требующих сотрудничества, и темы, интересовавшие респондентов в первую очередь. Затем эти темы были сгруппированы в три аспекта значимых для респондентов отношений между людьми: психологический, правовой и нравственный (табл. 2).

Таблица 2

Три группы мигрантов: тенденции изменений их идентичности по значимым аспектам отношений

Группа	Аспекты:		
	психологический	правовой	нравственный
I	Исследование себя в новой среде, попытки пересмотра своей жизни. Претензии к миру, «обращение» к нему. Конфликты в отношениях с представителями своей культуры.	Освоение новых законов без их понимания. Конфликты с законом как отражение конфликтов: а) культур и б) интенций субъекта (измениться/выделиться, принадлежать/соответствовать). Попытка утвердить значимость, уникальность, нужность средствами права.	Нравственные коллизии. Попытки перевести нравственные и психологические проблемы на язык законов страны пребывания, исходя при этом из знаний о законах «своей» страны.
II	Неполная реализация, стремление к интеграции. Перенимание моделей отношений к себе и миру без рефлексии по поводу отношений с представителями своей культуры.	Перенос новых законов на старые отношения. Неудовлетворенность правовыми гарантиями. Стремление закрепить правовые аспекты жизни как гарантии стабильности. Попытка утвердить свою значимость, уникальность, нужность посредством формализации отношений.	Нравственная anomia, отказ от нравственных регулятивов как вторичных относительно права и психологии. Сосредоточение на повседневном, забвение «высокого».
III	Сравнение моделей отношений к миру и себе, попытки выделить общее и подходящее себе. Ситуативные конфликты = неадекватность новых типов отношений в контексте связей с представителями родной культуры.	Правовой нигилизм при видимом стремлении соответствовать требованиям страны пребывания наряду с навязыванием «своих правил».	Попытки встроить в психологическое и правовое нравственное, установить соотношения общечеловеческих и индивидуальных ценностей. Ощущение невстроенности, поиск своей группы и системы отношений. Попытка гармонизировать чувства значимости, уникальности и нужности через обращение к «высшему».

IV

В заключение определим ведущие модусы отношений, структурирующие сознание/идентичность цифрового номада. Это антитезы свободы и зависимости, близости и отчуждения, труда и отдыха, новизны и привычности, развития и стагнации. С их помощью можно и далее подразделять «кочевников»: на зависимых/дезинтегрированных и свободных/интегрированных; на включенных и отчужденных; на строящих бизнес и улучшающих профессиональные навыки и просто странствующих и отдыхающих; на жаждущих новизны и уставших от нее; на стремящихся к развитию или к стабильности («назад к корням»). Либо пассивно «зависающих» между этими категориями в неудовольствии от мира и от самих себя.

Еще одна типология выстраивается по критерию различий в функции, предписываемой пространству «кочевниками». По этому критерию выделяются такие типы номадизма: 1) «цифровое бегство», когда человек перемещается, чтобы уйти из мира обязательств и травм; 2) «цифровой туризм» с целью структурирования времени и пространства жизнедеятельности; 3) «цифровое путешествие» в мир иных смыслов, за самим собой и гармонией своего мира; 4) «цифровые захваты» новых территорий, в первую очередь мест, где «не ступала нога человека», и мест, «похожих на рай» (Aguinis H., Lawal S.O., 2013).

Выделенные выше устремления «кочевников» определяют их особое отношение к себе и миру. Позитивные моменты творчества, развития, наслаждения жизнью сочетаются у них с потребительством, стагнацией, утратой культурной укорененности, разрывом или разрушением личностной и социальной идентичности из-за отказа от духовно-нравственных ориентиров, отождествления свободы с комфортом и отсутствием обязанностей.

Мариям Арпентьева

Глава III

ГЛАВНЫЙ ПОТОК СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ: ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ

3.1. Трансграничные миграции в международных экономических отношениях

В 2015–2016 гг. всеобщее внимание привлек миграционный кризис в Европе, созданный массовым наплывом беженцев. Число подавших заявление на получение статуса беженца в странах ОЭСР в 2015 г. достигло 1,65 млн, в том числе в Германии – 440 тыс. (International Migration Outlook, 2016, p. 10, 15). Еще больше беженцев насчитывалось в странах, заметно уступавших европейским по богатству и возможностям обустройства ищущих убежища. Так, в 2016 г. в Турции насчитывалось 2,5 млн беженцев, в Пакистане – 1,6 млн, в Ливане – 1,1 млн, в Иране – 950 тыс. Даже в Эфиопии – одной из беднейших стран мира – нашли приют 730 тыс. беженцев (Forcibly displaced, 2016, p. 6, 21).

Беженцы вливаются в потоки трансграничной миграции, не особенно задумываясь об уровне доходов, наличии социальных пособий и т.д. там, куда они приходят, спасая жизни. Факторы, определяющие их миграцию, – исключительно или преимущественно экстренные и выталкивающие, а в их миграции безусловно преобладает стремление сохранить жизнь, обрести элементарную физическую безопасность. Но у трансграничной миграции выявляются и другие аспекты: социальные, социокультурные, этноконфессиональные, социально-психологические, экономические. Именно последние и определяемая ими трудовая миграция и будут находиться в центре внимания в настоящем разделе.

I

С точки зрения современной экономической теории, *economics*, международное движение факторов производства во многом похоже на торговлю товарами, оно «возникает по сути по тем же причинам». Трансграничная трудовая миграция представляет собой международное перемещение одного такого фактора – фактора «труд», рабочей силы. А вызывается это перемещение прежде всего различием в уровнях заработной платы в экономике, исходно «отечественной» для мигранта, и в экономике, исходно для него «зарубежной» (Кругман П., Обстфельд М., 2004, с. 192–194). Для трудовых мигрантов факторами притяжения (*pull*) служат различия в уровне заработной платы, уровне жизни, возможность получения социальных пособий, факторами выталкивания (*push*) – низкий уровень доходов и высокий уровень безработицы, причем особенно критичным является уровень безработицы среди молодежи, в том числе образованной.

В «великую эпоху» перемещения рабочей силы, которая пришла на конец XIX – начало XX в., зависимость трансграничной трудовой миграции от соотношения этих двух групп факторов проявилась особенно наглядно. «Реальная зарплата в тех странах, откуда уезжала рабочая сила, была намного ниже, чем в странах, куда она направлялась». Если принять уровень зарплаты в США в 1870 г. за 100%, то в странах исхода иммигрантов она составляла: в Ирландии – 43%, в Швеции и Норвегии – 24, в Италии – 23% от уровня США (Кругман П., Обстфельд М., 2004, с. 198–199).

Значительные разрывы в уровнях заработной платы сохраняются и сегодня, и это служит одним из основных мотивов миграции в развитые страны не только для трудовых мигрантов, но и для беженцев (рис. 1). В 2016 г. среднемесячная зарплата за вычетом налогов составляла в Германии 80% от уровня США, в Польше она равнялась 33,1% от уровня Германии, в Турции – 27%, в Нигерии и Тунисе – по 12%, в Египте – 7% от уровня Германии¹.

Фактором притяжения иммигрантов в Европу является и «социальное государство». Европейские страны ОЭСР предоставляют официально имеющим вид на жительство иммигрантам различные социальные пособия. Во Франции, Швеции, Великобритании, Нор-

¹ Подсчитано по данным рисунка 1.

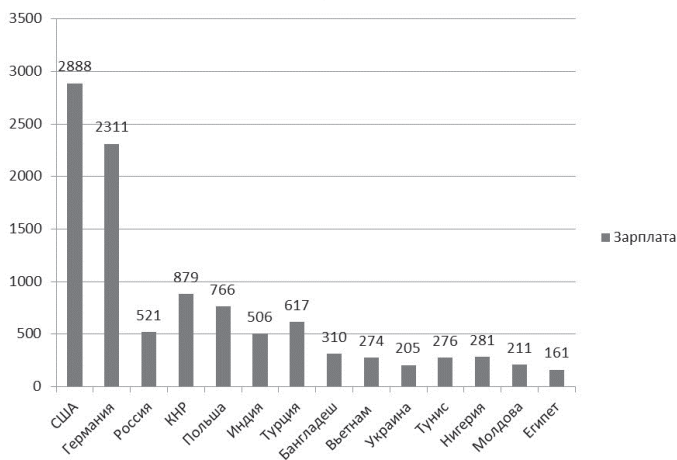

Рис. 1. Средняя месячная зарплата за вычетом налогов, 2016 г. (долл. США). Составлено по: Rankings by Country..., 2016

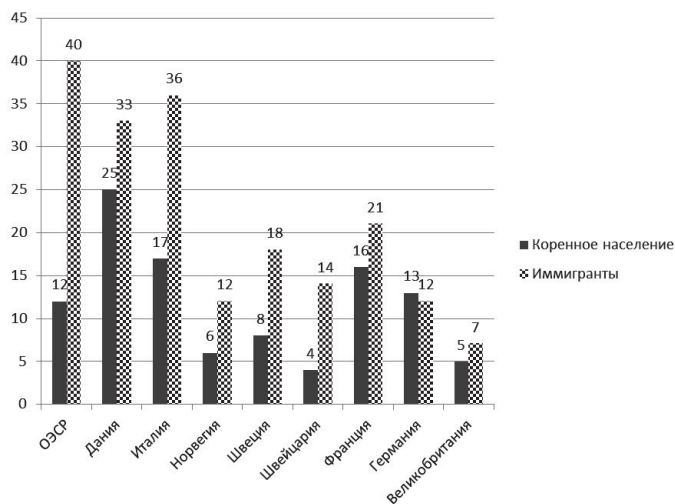

Рис. 2. Доля домохозяйств, получающих семейные пособия, среди иммигрантов и коренного населения, 2011–2012 (%). Составлено по: International Migration Outlook, 2016, p. 145

вегии, Дании, Швейцарии доля лиц, получающих семейные пособия, среди иммигрантов заметно выше, чем среди коренного населения (рис. 2). Семьи иммигрантов получают немалые пособия на детей – притом, что эти семьи, как правило, более многодетные, чем среди коренного населения.

II

В трансграничной трудовой миграции налицо три группы акторов: сами мигранты; принимающие страны, куда они иммигрируют; и страны отпускающие или страны исхода, откуда они эмигрируют. Коротко остановимся на каждой из них.

Мигранты. В экономической литературе и статистике принимающих развитых стран и в статистике ОЭСР выделяются различные категории для обозначения мигрантских по происхождению групп населения. Во французской статистике используются категории *immigré* («иммигрант») и *étranger* («иностранец»). Национальный институт статистики и экономического анализа (l'Institut national de la statistique et des études économiques, INSEE) считает иммигрантом «лицо, родившееся за границей и не имевшее гражданства Франции при рождении». С 1990 г. INSEE проводит переписи иммигрантов, независимо от того, есть ли у них французское гражданство или нет. «Иностранец» на языке юридических терминов – это «индивид, который не имеет гражданства государства, в котором проживает». Категории «иностранец» и «гражданин Франции» используются в переписях населения (Noiriel G., 2002, p. 60–61). В статистике и аналитических материалах ОЭСР аналогичные сведения приводятся также по двум категориям. В первую категорию включают *foreign-born* («родившихся за рубежом» – в противоположность «родившимся в стране» *native-born* и за исключением детей граждан страны, рожденных за рубежом); эту категорию считают тождественной категории «иммигранты». Вторую категорию образуют *foreigners* («иностранцы»), не имеющие гражданства страны, в которой они проживают (International Migration Outlook, 2016, p. 316). Разумеется, в обоих случаях речь идет только о лицах с легальным статусом.

По данным на 1914 г., численность иммигрантов была наиболее высокой в США, Германии, Великобритании, Франции, Испании, Италии, а их доля в населении – в Люксембурге, Швейцарии,

Швеции. В то же время очевидно, что доля иммигрантов в занятости во всех представленных в таблице странах была достаточно высокой и повсюду, кроме Франции, превышала их долю во всем населении. Особенно значительными были эти показатели в Люксембурге и США.

Все иммигранты, работающие иммигранты и их доля в населении и занятости: страны ОЭСР, 2014–2015 гг.

Страна	2014 г.		2015 г.	
	Численность, тыс. чел.	% в населении	Численность работающих иммигрантов, тыс. чел.	Доля работающих иммигрантов в занятости, %
Франция	7921	12,4	2846	11,2
Германия	10689	13,2	6292	16,2
Люксембург	249	45,3	142	61,4
Великобритания	8482	13,3	4857	16,4
Испания	6155	13,2	2477	15,0
Италия	5805	9,6	2873	12,8
США	42391	13,3	25280	18,0
Швейцария	2355	28,8	1298	30,4
Швеция	1604	16,6	806	17,5

Составлено по: International Migration Outlook, 2016, p. 364–365, 94.

Принимающие страны. Как видим, иммигранты достаточно активно участвуют в создании добавленной стоимости, увеличении ВВП принимающих стран, что обуславливает заинтересованность в притоке трудовых мигрантов. Свою роль играет и то обстоятельство, что «вес» в мировой экономике и политике имеют более крупные страны, с большей численностью населения. Сегодня интерес развитых стран Европы к приему иммигрантов связан и с повышением соотношения пенсионеров и экономически активного населения (хотя появились и новые ответы на этот вызов – трудосберегающие технологии). Даже расходы на беженцев оборачиваются определенной выгодой, поскольку увеличивают внутренний спрос, который стимулирует рост ВВП: в Германии, по мнению Коммерцбанка, – на 0,2%, с 1,7 до 1,9%. Дополнительные расходы Германии на жилье и питание для беженцев в 2015 г. оценивались в 4, в 2016 г. – в 10 млрд евро. Заинтересованы в приеме беженцев

производители продовольствия, в том числе фермеры, пострадавшие от российских санкций, ТНК пищевой промышленности, производящие дешевую мебель и предметы домашнего обихода, например, ИКЕА. Возрастает спрос на услуги, например, нужно больше учителей (The Migrant Crisis, 2015, p. 49).

Рис. 3. Структура занятости иммигрантов во Франции, 2015 г. (%).
Составлено по: International Migration Outlook, 2016, p. 94

Важное значение имеет структура занятости иммигрантов. В 1975 г. во Франции 60% иммигрантов были заняты в промышленности, 10 – в домашнем услужении, 8% приходилось на транспорт и обслуживание, еще по 8 – на сельское хозяйство и торговлю. В строительстве иммигранты составляли 18% всех занятых (Noiriel, 2002, p. 18). К 2015 г. структура занятости иммигрантов во Франции заметно изменилась (рис. 3): ведущие места по числу занятых иммигрантов во Франции заняли здравоохранение, государственная администрация и поддержание общественного порядка, торговля, только потом шли промышленность и строительство. В Великобритании на первом месте тоже находилось здравоохране-

ние (14,7%), на втором – торговля, на третьем – промышленность. Только в Германии структура занятости иммигрантов сохраняла в некоторой мере следы образца, господствовавшего в конце XX в.: в 2015 г. 24,1% занятых среди иммигрантов приходилось на промышленность, 13,6% – на торговлю, 11,3% – на здравоохранение (International Migration Outlook, 2016, p. 94).

Очевидно, что западноевропейские страны уже сегодня решают свои проблемы медицинского обслуживания, в особенности обслуживания пожилого населения, за счет привлечения иммигрантов. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но в ряде развитых стран доля иммигрантов среди врачей значительно выше, чем среди среднего медицинского персонала. В 2010–2011 гг. доля врачей, родившихся за рубежом, достигла в Ирландии 48%, в Швейцарии – 42, в Люксембурге – 40%, в Великобритании – 36, в Швеции – 30, в США – 26, во Франции – 20 и в Германии – 17%. Доля родившихся за рубежом медсестер составляла в Швейцарии 33%, в Люксембурге – 31, в Ирландии – 28, в Великобритании – 22%, в Бельгии она равнялась 18%, в США – 16, в Швеции и Германии – 15% (International Migration Outlook, 2016, p. 130). Получается, что в здравоохранении трудовые мигранты занимают две ниши – высококвалифицированного персонала «сверху» и сиделок, низкоквалифицированного персонала «снизу».

Для трудовой миграции в целом характерна дихотомия: с одной стороны, «номадные касты транснациональных менеджеров» (Tra-vail flexible..., 2008, p. 126), с другой – неквалифицированные работники. Зигмунт Бауман выделял миры «туристов» и «бродяг». «Для жителей первого мира – всё более космополитичного, экстратерриториального мира глобальных бизнесменов, менеджеров культуры, ученых – государственные границы открыты...» Обитатели второго мира «путешествуют тайком, зачастую нелегально; иногда им приходится выкладывать больше денег за место в переполненном четвертом классе вонючего видавшего виды судна, чем первым – за позолоту и роскошь бизнес-класса, и при этом их встречают хмурыми взглядами, а если не повезет, то и вовсе арестовывают по прибытии на место, а затем депортируют обратно» (Бауман З., 2004, с. 128–129).

Страны исхода. В них феномен трудовой миграции в первую очередь оборачивается последствиями в социальной сфере, напри-

мер, изменениями во внутрисемейном распределении и содержании гендерных ролей или поведенческими инновациями и традиционалистскими реакциями на них. Собственно в экономической сфере самое бросающееся в глаза следствие – приток иностранной валюты, переводимой иммигрантами. Масштабы этих переводов у ряда стран весьма значительны (рис. 4), составляют весьма весомую часть от ВВП: в 2013 г. 44% у Таджикистана, 23 – у Молдовы, 13 – у Грузии, 11 – у Сенегала и 10% – у Кабо-Верде¹.

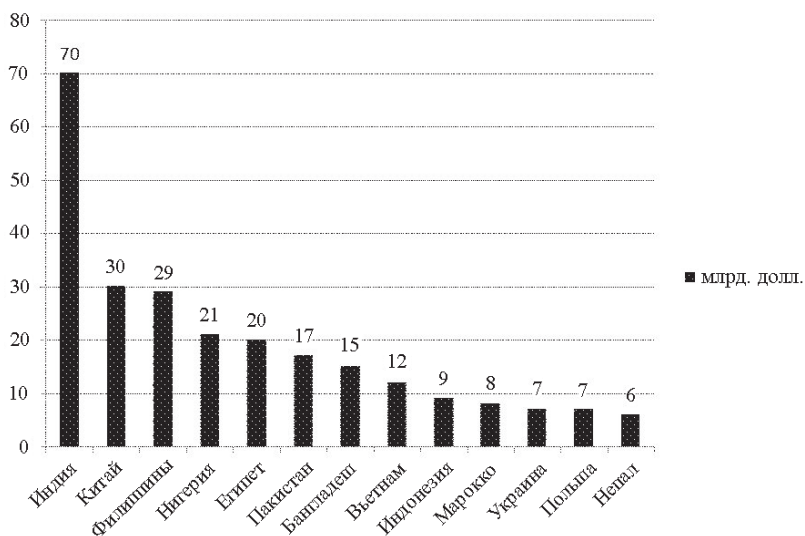

Рис. 4. Переводы эмигрантов в страны исхода, 2014 г.
Составлено по: World Development Indicators, 2016

III

Из-за автоматизации и робототехники уровень безработицы в странах Европы и Северной Америки, по некоторым прогнозам, к 2050 г. достигнет 20–25% (Glenn J.C., 2015). Потребность в привлечении иммигрантов у принимающих стран резко сократится. Однако может усилиться действие факторов выталкивания: глобаль-

¹ Подсчитано по: World Development Indicators, 2015; 2016.

ного потепления, засух, нехватки воды, голода и нищеты, не говоря уже о гражданских войнах и политических конфликтах. А. Фурсов прогнозирует численность населения трущоб Юга в 2030–2040 гг. в 2 млрд человек. «Трущобники начнут штурмовать сначала более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая государства-буферы, – Европу, Северную Америку и, по-видимому, Россию <...> Более того, выходцы с Юга на Север – а, согласно прогнозу, в 2020–2030 гг. они составят 30–40% населения крупнейших городов Севера, т.е. его андеркласс, – оказываются объективными союзниками новых волн мигрантов из мира трущоб» (Проекты и риски, 2011, с. 125).

Нина Цветкова

3.2. «Китайцы никогда не умирают»: чем отличается китайская иммиграция в Италии и как итальянцы ее воспринимают¹

Неожиданное название моего раздела, заимствованное из названия книги Рафаэля Ориани и Риккардо Стальяно (Oriani R., Stagliano R., 2008), имеет свое обоснование: старые или тяжелобольные китайцы, сколько бы они ни жили в Италии, обычно хотят провести последние дни на родине, так что китайских похорон итальянцы действительно никогда не видели.

Однако, на мой взгляд, есть и другое объяснение этому выражению – менее конкретное, так сказать, более «философское», которое с первым объяснением переплетается. Несмотря на языковой барьер, на чуждость традиций, нравов и интересов принявшего их окружающего «некитайского» мира, на тяжесть беспрестанной, чуть ли не круглосуточной работы, часто в крошечных помещениях и в почти бесчеловечных условиях (многие, чтобы не отвлекаться от работы, даже пьют редко, чем объясняется распространенность в китайской среде тяжелых заболеваний почек, выявленная врачами итальянских больниц); несмотря на всё это, китайцы бесстрастно, с невозмутимой решимостью стремятся добиться своей цели; а цель эта – накопить денег и начать самостоятельный бизнес. По этим причинам, особенно в первые годы наплыва в Италию китайского миграционного потока, их воспринимали почти как «сверх-

¹ Раздел написан автором на русском языке.

людей», в какой-то мере превратив в миф; а мифы, неважно – положительные или отрицательные, умирают с трудом.

Я не специалист по миграциям и диаспорам и ни в коей мере не претендую на всестороннее раскрытие темы «Китайцы в Италии». Мой текст – это, скорее, эссе, чем всестороннее тщательно аргументированное исследование. Когда его писал, я в равной мере опирался и на то, что мог увидеть собственными глазами, и на то, что прочитал. В самой Италии опубликовано немало работ о миграции в нее китайцев, в России же, насколько я знаю, таких работ практически нет, и это обстоятельство изначально придавало моей публикации не столько аналитическую, сколько информационную функцию.

I

Первые китайцы появились в Италии в начале XX в., но то были отдельные изолированные случаи – как, например, случай господина Ван Сана, торговца в Милане. Он приехал в Италию в 1935 г., начал с продажи галстуков, а к концу 2010-х гг. стал известным, признанным коммерсантом, родоначальником бесчисленной семьи (Oriani R., Stagliant R., 2008, p. 74–75). Настоящая иммиграция в Италию началась с приходом к власти Дэн Сяопина и развитием государственного капитализма в Китае. Сегодня китайцы, родившиеся в Китае, или итальянцы китайского происхождения проживают по всей территории страны. Если говорить только о тех китайцах, которые оставались гражданами Китая (а таких – подавляющее большинство), то на 1 января 2016 г. их официально насчитывалось в Италии 271 330 человек; при общем населении страны в 60 млн 666 тыс. человек их доля была незначительной – 0,45%. При этом, однако, они занимали четвертое место среди всех резидентов, не имеющих итальянского гражданства, – после граждан Румынии, Албании и Марокко – и первое среди выходцев из Азии (Cittadini Stranieri..., 2016; Popolazione Italia, 2015).

Есть центры довольно значительной концентрации китайского населения, самые большие из них – это Милан, Рим и Прато. В Милане так же, как и в других городах мира, существует свой чайнатаун и по численности проживающих в нем он в Европе уступает только чайнатаунам Лондона и Парижа (Latham K., Bin Wu, 2013, p. 34). Находится он на улице Паоло Сарпи и примыкающих к ней улицах. Милан – всеми признанная китайская столица Ита-

лии, в нем на 1 января 2016 г. проживало 26 889 китайцев, а в провинции Милан в целом – 35 746 (Cittadini Stranieri – citta metr. di Milano, 2016). Согласно анализу, проведенному в 2014 г., в городе и провинции действует около 9 тыс. фирм, владельцы которых – китайцы (Pmi, 2014). На улице Паоло Сарпи все говорят по-китайски, всё исписано иероглифами, из ресторанов пахнет жареным маслом, повсюду – магазины и мастерские, где шьют одежду и сумки; итальянских магазинов не видно.

На этот факт многие смотрят уже не озабоченно, а со смирением или разве что с досадой. Думают: «Мы итальянцы – уже иностранцы в своей стране». В прошлом эта улица, находящаяся рядом с центром города (точнее, в 2,5 км от Piazza del Duomo – Соборной площади), была заполнена маленькими магазинами и мастерскими ремесленников, но в середине первого десятилетия нашего века начался экономический кризис. К тому же многие торговцы закрывали заведения из-за своего почтенного возраста или из-за того, что дети не хотели продолжать коммерческую деятельность отцов. В результате год за годом на улице становилось все больше опущенных ставней. А китайцы являлись перед торговцами, предлагали платить за их помещения даже больше рыночной цены, открывали свои спортивные сумки, переполненные наличными деньгами, и – сделка сделана. Кто выгодно продал, порадовался, но в целом китайцы симпатии не внушали. Теперь на коммерческой сцене появились новые поколения, интегрированные в социокультурный контекст города, более готовые взаимодействовать с итальянскими партнерами и, в нередких случаях, более склонные с интересом смотреть и на гедонистическую сторону жизни¹.

Если Милан – город китайских ремесленников и продавцов, то Рим – город китайских импортеров. Итальянская столица и в этом подтверждает свое политическое преимущество перед Миланом: там тоже процветает импорт-экспорт, но больше все-таки занимаются изготовлением товаров к продаже, ресторанным и гостиничным бизнесом. В Риме действуют «последние мандарины китайской диаспоры» (Oriani R., Staglianò R., 2008, p. 156) – настоящая пуловина между метрополией и китайской общиной в Италии. Это

¹ Подробнее см.: Cologna D., 2002.

они, римские импортеры, ведут на привилегированном уровне переговоры с Китаем, выступая при этом от имени соотечественников, живущих не только в Италии, но и в Германии, Франции, Греции и т.д. Деятельность китайских торговцев и импортеров Рима сосредоточена в районе Esquilino, в русской транслитерации – Эсквилино или Эсквиллино, примерно между Площадью Витторио Вэнето и центральным вокзалом Рома Тёрмини. Римляне, живущие в Эсквилино, как и миланцы на улице Сарпи, недоброжелательно смотрят на китайских менеджеров, но ответ последних на возражения «туземцев» один и тот же: «Наши заработки остаются здесь. Мы покупаем дома, машины, питаем экономику. Двадцать лет тому назад в Эсквилино жили только привидения. Сегодня стоимость недвижимости не упала, а выросла, и это благодаря нам. Но наш драгоценный вклад – не в импорте, а в экспорте. Мы распространили в Китае итальянскую культуру: вашу моду, ваше качество, ваш стиль жизни»¹.

II

Самая многочисленная китайская колония находится в Милане, самая богатая и статусная – в Риме, однако самый китайский город Италии – это, несомненно, Прато. Определение «самый китайский» означает, что в Прато живет больше китайцев относительно общей численности населения, чем в любом другом городе или в любой другой части Италии. В 1989 г. в Прато насчитывалось всего 38 китайских граждан; к 1991 г. их численность перевалила за тысячу, а через 15 лет – за 10 тыс. (Johnson G., Smith R., French R., 2009, p. 4). По оценке же мэрии Прато, на 30 июня 2016 г. из 191 749 жителей города китайцами были 18 989 человек, или 9,9% всего населения города и свыше половины (52,2%) от общего иностранного населения в нем. При этом численность китайцев, в отличие от численности других диаспор, колебавшейся на одном уровне, практически все время увеличивалась (рис. 1). Их присутствие в экономике еще значительнее: по данным коммерческой палаты Прато, относящимся к 2015 г., китайцам в провинции Прато принадлежало свыше 5 400 фирм

¹ Слова тогдашнего председателя Ассоциации китайских торговцев Рима Ли Мэйшина (цит. по: Oriani R., Stagliano R., 2008, p. 160–161).

в обрабатывающем, коммерческом и гостиничном секторах экономики. Причем почти $\frac{3}{4}$ из них (72%) были сосредоточены в первом секторе (Camera di commercio..., 2016).

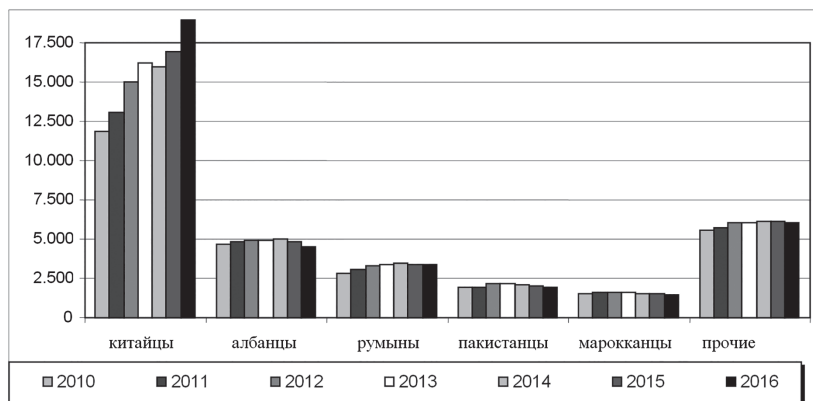

Рис. 1. Динамика численности проживающих в Прато иностранцев: по стране происхождения, 2010–2016 гг. Источник: Commune di Prato, 2016

Китайцы, живущие в Прато, – родом в основном из густонаселенной приморской провинции Чжэцзян, в частности, из ее крупнейшего города Вэньчжоу и его сельского округа. Отток из последнего местных жителей в Прато и в другие итальянские города был столь значительным, что тамошнее сельское хозяйство стало приходить в упадок, поля забрасываются, зарастают лесом и бамбуковой порослью (Dei Ottati G., Cologna D.V., 2015, p. 33). Первоначально, в 1990-х гг., приезжали и жили, как правило, мужчины без семьи, но довольно быстро одиночек заменили нуклеарные семьи.

Прато находится в 25 км от Флоренции. В административном отношении эти города считаются отдельными, с урбанистической точки зрения они полностью слились. Разница между ними всегда состояла в том, что Флоренция – это полюс художеств, а Прато – полюс промышленности, в первую очередь текстильной. Промышленная направленность Прато осталась, но у нее – новые очертания. В отличие от традиционной специализации китайских мигрантов в торговле и сфере услуг, четко выраженной у китайских общин в Милане и Риме (Tu Lan, 2014, p. 14), китайцы, обосновавшиеся в Прато, устремились преимущественно в производст-

во, концентрируясь при этом на пошиве готового платья. В 1992 г. на этом специализировались практически все китайские фирмы в Прато. В дальнейшем их деятельность стала более разнообразной, однако изготовлением одежды все равно занимается большинство китайских фирм: при небольших годовых колебаниях доля пошивочных фирм в 2004–2010 гг. держалась на уровне 70% (Dei Ottati G., Cologna D.B., 2015, p. 40).

Еще одна отличительная особенность китайских фирм в Прато заключается в том, что они быстро освоили производство модной одежды класса *fast fashion (pronto moda)*. Имеется в виду производство, очень быстро откликающееся на колебания моды, на индивидуальные, не стандартизированные запросы потребителей и потому организованное таким образом, чтобы удовлетворять этому требованию быстрого отклика, – производство, «в котором фазы дизайна одежды, ее изготовления и продажи так сближены по времени, что накладываются одна на другую» (Dei Ottati G., Cologna D.B., 2015, p. 41). Наконец, следует согласиться с мнением, что, сравнительно с местными предпринимателями, китайцы обладают «комбинированным преимуществом локализации в индустриальном дистрикте, дающей право на ярлык “Сделано в Италии”, и транснациональной протяженности их этнических сетей», – не говоря уже о таких преимуществах, как низкие цены на их продукцию и быстрое выполнение заказов (Johnson G., Smith R., French R., 2009, p. 14).

Все эти особенности китайских предпринимателей позволили им существенно потеснить своих итальянских конкурентов. Неудивительно, что в Прато, как и в других городах, «китаизация» города не принесла китайцам симпатии его жителей. Огорчение от утраты первенствующего положения вкупе с экзотичностью и замкнутостью китайцев породили обычные стереотипы и предрассудки. Авторы книги, на которую я уже ссылался, цитируют, например, слова водителя автобуса; имея в виду, что местные фирмы «уходят» из города, чтобы китайцы не копировали их производство, он говорит: «Впрочем, только это они и умеют делать; еще не родился ни один китайский модельер! Без них город умер бы, но и с ними он умрет... Налоги – они вообще не знают, что это такое... А еще плюют всюю, это люди из деревни и ведут себя, как у себя дома» (Oriani R., Staglianò R., 2008, p. 117). Стереотипы, как известно, упрощают реальность, однако, если можно простить водителя, никогда не слы-

шавшего о приобретшем уже немалую известность модельере Цзи Вэнь Бо, вызывает улыбку ситуация, когда обвинение китайцев в нежелании платить налоги слышишь из уст итальянца. По данным налоговой инспекции г. Прато, в 2007 г. доля уклонявшихся от уплаты налогов предпринимателей – итальянских граждан была почти такой же, как и у китайцев: 13,8% у первых против 14,3% у вторых (Oriani R., Staglianò R., 2008, p. 127–128).

Чайнатаун Прато находится на улице, ведущей в соседний город Пистойю и, соответственно, называемой Пистойезе. На примыкающей к ней улице Фабио Фильци расположена районная почта; ее директор, осознав, что именно требует местонахождение почты, нанял культурного посредника, чтобы помочь иностранцам в разных почтовых операциях. Рядом с почтой – контора money transfer (для перевода денег); невозможно было узнать у ее очень скрытного работника, какой у них примерно оборот. Однако в конце первого десятилетия XXI в. налоговая инспекция г. Прато оценила, что сумма денег, ежегодно переводимых из Прато в Китай, приближается к 500 млн евро (Oriani R., Staglianò R., 2008, p. 119).

В Прато живет и работает первый китайский член *Confindustria* – Конфедерации итальянских предпринимателей промышленности и торговли. Это Сюй Цю Лин, владелец фирмы «Giupel», производящей кожаную одежду. Он удостоился чести сопровождать бывшего президента Итальянской Республики Карло Адзельо Чампи в его официальной поездке в Китай¹. В фирме работает около 30 китайских и итальянских рабочих. Причину смешанного этнического состава фирмы – феномена весьма редкого – сам владелец объясняет так: «Итальянцы сильнее в воображении, фантазии и в маркетинге. Китайцы же шьют точно, быстро и молча». Когда, обсуждая планы ведения производства с соотечественниками, Сюй Цю Лин выразил намерение нанять и итальянцев, друзья его отговаривали: «Ты что, с ума сошел? Они не такие, как мы, много требуют и мало работают» (Oriani R., Staglianò R., 2008, p. 122). А на упрек в приписываемой китайцам склонности к копированию он возразил: «У кого мы вообще можем копировать? В Прато больше нет итальянских фирм готовой одежды...» (Oriani R.,

¹ См. интервью с ним, размещенное в интернете по адресу: <http://www.principiditalia.com/xu-qui-lin.html>

Staglianò R., 2008, p. 123). Впрочем, таких фирм в городе было очень немного и до приезда китайцев, его текстильная промышленность специализировалась на производстве пряжи и тканей. При появлении китайцев, непобедимых в искусстве шитья, пратовские текстильные предприниматели увидели в них выгодную возможность сэкономить на зарплате и удлинить часы работы. Вначале это была *win-win situation*, но в течение нескольких лет она перестала быть взаимовыгодной. По государственному статистическому отчету 2008 г. на вопрос, являются ли иммигранты, – а в Прато это в основном китайцы – ресурсом для города, утвердительно ответили 23,5% пратовцев, тогда как в 2001 г. давших такой ответ было больше – 31,2%. В то же время в отчете за 2005 г. констатируется, что «без вклада иммигрантов итальянские фирмы имели бы пассив в 4,255%» (Il Capitolo..., 2005).

При оценке отношений итальянцев и китайцев надо подчеркнуть важность фактора времени. Как уже отмечалось, молодое поколение китайцев, не отказываясь от традиций предков, более склонно принимать стиль жизни итальянцев, более открыто к итальянскому культурному контексту. Подтверждением тому можно считать, например, тот факт, что в 2016 г. шествие Страстной пятницы проследовало через чайнатаун Прато. Или сбор китайской колонией города 34 тыс. евро в пользу населения региона Абруццо, пострадавшего от страшного землетрясения в августе 2016 г. (Sisma..., 2016). Эти примеры подтверждают возможность активного взаимодействия между двумя этническими группами не только на экономическом уровне, но и на социальном.

III

Восприятие любого мигрантского сообщества, любой диаспоры определяется не только местом на национальном рынке труда, вкладом в экономику. Важной предпосылкой восприятия китайской колонии в Италии является и то, что ее нельзя считать ощутимым фактором распространения в стране преступности. Китайские криминальные структуры в Италии не перенимают мафиозную модель аналогичных местных организаций, составляют скорее проблему для китайского населения, поскольку их излюбленное поле действия – нелегальная иммиграция соотечественников, подделка товаров, привезенных из Китая, и эксплу-

атация рабочих фирм, принадлежащих китайским владельцам (Весусси S., 2011).

В целом китайская иммиграция, со всеми ее плюсами и минусами и всеми стереотипами ее восприятия, образует важный компонент жизни современной Италии, требующий постоянного внимания со стороны и властей, и граждан. Ведь «китайцы никогда не умирают»...

Уго Перси

3.3. Из России в Южную Корею: что ищут российские мигранты в «Стране утренней свежести»

В разделе, как явствует из его названия, речь пойдет о российских мигрантах в страну, официально именуемую, – чтобы не смешивать ее с другим государством на Корейском полуострове, КНДР, – «Республика Корея», а гораздо чаще называемую Южной Кореей. Оба названия будут использоваться мною как взаимозаменяемые.

Не исключено, что первые встречи русских с корейцами имели место во второй половине XVII в., когда русские казаки дошли до Тихого океана. Однако точно зафиксированный контакт русских с корейцами произошел лишь в 1854 г., когда к корейским берегам подошла русская эскадра во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятым (Селищев А.С., 2013, с. 5). После присоединения к России Приморья стали регулярными пограничные контакты, началось переселение корейцев на российскую территорию (Пак Б.Д., 1971, с. 34–37). Первым официальным дипломатическим представителем России в Корее был Карл Иванович Вебер, который на протяжении 12 лет (1885–1897 гг.) развивал и укреплял отношения между двумя дальневосточными соседями (Пак Б.Б., 2013). Первым же российским подданным, жившим и работавшим в Корее, стал Афанасий Иванович Середин-Сабатин (корейское имя – Саль Пхачжин), архитектор, приглашенный корейским императором Коджоном. Его самый известный проект – это мемориальные Ворота независимости, возведенные в Сеуле в 1897 г. (Симбирцева Т.М., Левашко С.С., 2010). После установления официальных межгосударственных отношений и учреждения в 1890 г. российской дипломатической миссии в Корее образовалась небольшая русская

община, состоявшая в основном из православных миссионеров, дипломатов и купцов. В то время Россия играла важную роль в корейской политике, особенно после государственного переворота 1895 г., когда на нее стали ориентироваться «антияпонски настроенные феодалы и сановники во главе с ваном Коджоном» (Пак Б.Б., 2010, с. 72). Однако после поражения России в русско-японской войне ее влияние в Корее пошло на убыль, присутствие в стране русских стало минимальным.

Разделение Кореи после 1945 г. на два государства своим следствием имело полное прекращение не то чтобы миграционного обмена – даже дипломатических контактов между ее южной частью, оформившейся в отдельное государство, и СССР. Только с установлением в 1990 г. дипломатических отношений с Южной Кореей ее границу стали пересекать граждане Советского Союза, затем – постсоветских государств, включая, разумеется, граждан России. С конца XX в. активно развиваются двусторонние отношения между Республикой Кореей (далее – РК) и Российской Федерацией. Сотрудничество ведется в научно-техническом, экономическом, культурном направлении. Растет обмен туристами, с 1 января 2014 г. введен безвизовый режим для туристов обеих стран (Южная Корея..., 2014). А в последнее десятилетие начался процесс, о котором еще 20 лет назад нельзя было подумать, – миграция российских граждан в РК.

Далее я постараюсь показать масштабы этого процесса и его характеристики, помогающие понять, чем привлекает Южная Корея граждан России, выбирающих в качестве жизненной стратегии длительное проживание в этой стране.

Трудовая миграция из РФ: масштабы

Масса трудоспособного населения РК сжимается из-за падения естественного прироста. С 1958 г., когда он был наивысшим, до 2017 г. ежегодный прирост населения в Южной Корее сократился более чем в семь раз: с 3,57 до 0,48%. И, хотя коэффициент общей демографической нагрузки пока невелик (37,1%), в стране отмечается быстрый процесс старения населения на фоне низкого уровня рождаемости (Население Южной Кореи, 2017). В этих демографических условиях правительство поощряет трансграничную трудовую миграцию. Приток трудовых мигрантов в Южную Корею

исчисляется десятками тысяч человек; так, в первое десятилетие XXI в. он выглядел следующим образом: 2001 г. – 55 тыс., 2007 г. – 148 тыс., 2010 г. – 97 тыс. человек (Тен В.А., 2014, с. 75).

Россия не входит в число ведущих миграционных доноров Южной Кореи. По данным Росстата, общая численность выбывших из России в Южную Корею за период с 2010 по 2015 г. составила 1846 человек, прибывших – 1545 человек. Следовательно, чистый «выигрыш» РК в миграционном обмене с РФ за весь период – 301 человек¹. По сведениям Статистического управления РК, соответствующие цифры были на порядок больше: 20 721 гражданин РФ прибыл в РК за 2010–2015 гг., 14 779 – выбыло, чистая миграционная прибыль Южной Кореи в обмене с Россией – 5 942 человека², и большая ее часть пришлась на один 2015 г. – 3 997 человек. Предположительно, столь большое различие объясняется тем, что корейское статистическое ведомство включает в число прибывших туристов, а Росстат этого в отношении выбывших из РФ в РК не делает.

Трудовая миграция из РФ: от инженеров и научных работников до инвесторов

По критерию легальности трудовых мигрантов в Южную Корею делят на три категории. В первую входят те, кто оформляет свое трудоустройство через Министерство труда и благодаря этому приезжает по долгосрочной рабочей визе. Вторую категорию образуют мигранты, начинавшие работу в Южной Кореи таким же образом, но затем «ушедшие в нелегалы». Третья категория охватывает тех, кто изначально работает нелегально, не оформляя трудового договора; эти мигранты обычно въезжают в Корею по туристической или гостевой визе и в дальнейшем устраиваются на работу на нелегальной основе (Ким Г., 2011). Очевидно, что более-менее надежные данные о численности и структуре занятости можно получить лишь относительно тех, кто принадлежит к первой категории. Для их выявления мною была сделана выборка из общей базы статистических данных по миграционному потоку в РК. Отбор производился по трем критериям: а) по гражданству (by nationality) Российской Федерации; б) по периоду времени

¹ Подсчитано по: Международная миграция, 2016.

² Подсчитано по: International migration..., 2016.

(by time), охватывающему 2010–2015 гг.; в) по видам занятости (by qualification), дающим основание для пребывания по долгосрочным визам.

Распределение трудовых мигрантов из РФ в РК
по видам занятости и годам пребывания, 2000–2005 гг., чел.

Вид занятости как основание для пребывания	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Профессорско-преподавательская работа	20	22	18	15	9	9	93
Преподавание иностранных языков	2	7	3	7	9	3	31
Исследовательская работа	40	42	27	39	27	15	190
Связи с общественностью	12	22	26	43	23	43	169
Производственная стажировка и обучение	0	2	0	0	0	0	2
Инвестирование	12	23	8	10	6	6	65
Торговые/деловые операции	55	36	35	34	43	45	248
Обучение посредством высоких технологий	1	0	0	0	0	0	1
Виды занятости, требующие высокой квалификации	1	1	1	1	1	12	17
Определенные виды занятости	43	29	41	22	17	23	175
Другое	8	9	19	3	3	5	47
ВСЕГО	194	193	178	174	138	161	1018

Составлено и подсчитано по: Number of incoming foreigners..., 2016.

Самой многочисленной была группа российских мигрантов, так или иначе занятых в предпринимательской сфере (торговые и деловые операции, инвестирование, связи с общественностью): 482 человека. (Не исключено, что сюда же входит и некоторая часть тех, кто числится под рубрикой «определенные виды деятельности».) Второй по численности – группа тех, кто занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью: 314 человек. В обучающих видах занятости российские мигранты практически не участвовали. Слабо они были представлены и в сфере высокопрофессиональной инженерно-технической занятости, хотя нельзя исключить, что в действительности немалая часть их трудилась нелегально. Вообще в южнокорейских СМИ инженеры-иностранцы

упоминаются очень редко, что, скорее всего, объясняется соображениями национального престижа.

Трудовая миграция из РФ: гастарбайтеры

Миграционный приток приносит из РФ в РК и так называемых гастарбайтеров. Этот термин возник в ФРГ для обозначения временных («гостевых») работников из менее развитых, чем Германия, стран, занятых в промышленных отраслях, не обладавших на момент приезда квалификацией и получавших меньшую зарплату, чем местные работники (Begriffswelten, 2011). Если верить данным официальной статистики, то получается, что за 2005–2015 гг. на территорию РК не въехало ни одного россиянина с рабочей визой статуса E-9 (рабочая непрофессиональная), выдаваемой как раз тем категориям мигрантов, которые подходят под определение «гастарбайтер». В действительности многие неквалифицированные рабочие из Российской Федерации попадают в Южную Корею либо нелегально, либо по визам других типов. Например, они въезжают в Корею по краткосрочным туристским визам, а затем устраиваются на работу нелегально. Виза дается на два месяца, ближе к концу второго месяца можно слетать ненадолго домой и снова получить визу на тот же срок. Есть и другие способы продлить свое пребывание, иногда – на годы¹.

Российские гастарбайтеры начали появляться на корейском рынке труда еще в 1990-е гг., когда население России оказалось в непрестом экономическом положении. Продолжается этот поток, особенно из районов Дальнего Востока, и сегодня, в условиях экономического кризиса. Ведь среднемесячная зарплата гастарбайтера в Южной Корее колеблется в пределах от 900 до 2 000 долл. США (Romanova M., 2016), что в перерасчете на современный курс доллара к рублю – немалые деньги.

Еще один регион, активно поставляющий гастарбайтеров в РК, – это Республика Бурятия. Пользуясь своим внешним сходством с этническими корейцами, буряты-мигранты приезжают в Корею под видом не только туристов, но и «русских корейцев», что позволяет избежать дополнительной проверки на

¹ Жителем Владивостока, одним из посетителей форума на якутском сайте Ykt.ru, на основе собственного опыта была составлена настоящая инструкция насчет того, как, приехав туристом, надолго остаться в РК (см.: Кореяга баран..., 2016).

границе. Правда, чтобы считаться «русским корейцем», нужно, наряду с соответствующей внешностью, иметь еще и корейскую фамилию. И уже не первый год кочует в интернете известие о том, что почти все трудоспособные жители двух деревень Кижингинского района республики, поменяв свои фамилии на корейские, уехали работать в РК и хорошо там устроились (Банзаров М., 2017; Родионов Д., 2016; Romanova M., 2016). Было ли так на самом деле, установить можно, только проведя полевое исследование. Знаменательно, однако, само возникновение этого слуха, указывающее, куда направлены взгляды бурят, рассчитывающих обустроить свою жизнь посредством трудовой миграции. В любом случае в социальной сети «ВКонтакте» зарегистрирована группа «Буряты в Южной Корее» с общей численностью подписчиков в 1348 человек¹.

Численность гастарбайтеров из России иногда завышается из-за того, что в нее включают трудовых русскоговорящих мигрантов из Средней Азии. Как отметил бывший посол РФ в Сеуле Г.А. Ивашенцов, «южнокорейцы на бытовом уровне за русских считают всех выходцев из СНГ». Далее он ссылается на слова южнокорейской журналистки, которая писала в одном из своих репортажей из «русского» квартала Сеула: «Никогда ранее не думала, что у большинства русских азиатская внешность...» (Ивашенцов Г.А., 2012, с. 8). По мнению Г.А. Ивашенцова, журналистку ввели в заблуждение вывески магазинов и ресторанов в этом квартале, написанные на кириллице².

В качестве примера привожу сделанные в этом квартале фотографии вывесок (рис. 1–2).

Впрочем, о наличии в Южной Корее русскоязычной группы трудовых, и не только, мигрантов свидетельствуют, помимо вывесок и мест пространственной концентрации в Сеуле и Пусане, существование двух русскоязычных газет («Сеульский вестник» и «Окно в Корею») и открытие в 2015 г. русскоязычного канала RusKorTV. На русскоязычном сайте «Russian Korea» на 16 сентября 2016 г. было зафиксировано в качестве пользователей 6 448 человек.

¹ По состоянию на 13.09.2016.

² О результатах специального исследования этого квартала см.: (Балдано М., Галиймаа Н., Кириченко С., 2016).

Рис. 1. Перечень услуг магазина сотовой связи на русском и монгольском языках. Фото автора

Рис. 2. Трехязычная вывеска паба, где в надпись на русском языке попала буква из монгольского алфавита. Фото автора

Прочие виды миграции

Для понимания других, кроме экономических, причин миграции в РК важную роль играет такое понятие, как *халлю* (한류), в переводе с корейского – «волна». Им обозначают распространение корейской культуры за пределы страны. Корейская культурная экспансия началась с телесериалов, корейской поп-музыки и популярных онлайн-игр. Сегодня «волна» не только захлестнула Японию и Китай, но и вышла далеко за пределы Азии, накрыв Европу и Америку, да и Россия не осталась в стороне.

Кроме того, что «корейская волна» имеет чисто культурный эффект, она еще вносит вклад в развитие экономики страны. По данным Корейского агентства содействия внешней торговле и инвестициям (КОТРА), в 2013 г. экономический эффект халлю, проявляющийся в получении дохода от продажи товаров и услуг корейской поп-культуры и туризма, только в Европе дал 620,9 млн долл. (Корейская культурная волна..., 2014).

Те, кто под влиянием халлю или независимо от него приезжает в Южную Корею с целью интеллектуального и культурного обогащения, должны быть выделены в отдельную, отличную от трудовых, группу мигрантов. К ней мною были отнесены студенты, туристы и люди культуры и искусства. С 2010 по 2015 г. их общая численность в РК составила соответственно 2 543, 2 091 и 316 человек, в сумме – 5 052 человека¹.

Наконец, особую, хотя и очень небольшую группу мигрантов образуют русские партнеры в смешанных браках с гражданами Южной Кореи. Таковых в 2015 г. насчитывалось в общей сложности 1305 человек, из них 144 человека были этническими корейцами из РФ. При этом абсолютно преобладали брачные партнеры-женщины: всего их было 1215 человек, из них 136 были кореянками из РФ (Status of Marriage Migrant..., 2016).

* * *

В настоящее время Россия и Южная Корея активно расширяют научно-техническое сотрудничество, в том числе обмениваются специалистами высшей квалификации, приглашаемыми как на индивидуальной основе, так и в рамках двусторонних соглашений

¹ Подсчитано по: Number of incoming foreigners..., 2016.

разного уровня. Из восточных регионов РФ продолжается миграция в РК гастарбайтеров. Однако Россия не является для Южной Кореи значимым источником и квалифицированной, и неквалифицированной рабочей силы, тем более страной-донором, граждане которой эмигрируют в РК на постоянное жительство. Несмотря на экономическую, отчасти и культурную привлекательность Южной Кореи, практически все россияне, за исключением разве что россиянок замужем за корейцами, рассматривают РК как временное место пребывания. Причиной тому, как отмечает высококвалифицированный российский мигрант, профессор университета Кунмин Андрей Ланьков, «особенность корейской культурной традиции, которая не слишком охотно принимает иностранцев. В Корее можно жить десятилетиями, оставаясь при этом гостем» (Ланьков А., 2013). Нельзя говорить и о наличии таких удерживающих от возвращения факторов, как глубинная аккультурация или, наоборот, возможность сохранения исходной идентичности в рамках единой и сплоченной русской общины в Южной Корее. Профессора, инженеры, студенты, русские жены – все эти группы живут обособленно, общаются в узком кругу; и все они в большинстве своем почти не поддерживают интенсивных контактов с окружающим их корейским обществом.

Юлия Файзрахманова

3.4. Феномен «монголтауна» в Сеуле

В 2015 и 2016 гг. мы проводили полевые исследования в Южной Корее и Монголии. Их главной целью было изучение «монголтауна» – сложившегося в Сеуле полиэтничного квартала мигрантов из Монголии, России и Центральной Азии. Ниже представлены предварительные результаты этих исследований.

Отправной точкой для понимания локального феномена «монголтауна» в столице Южной Кореи может послужить мировой феномен чайнатауна. Как известно, чайнатаун – это «анклав, социокультурно, лингвистически отличающийся от остального городского пространства, где живет и трудится формальное или неформальное китайское сообщество» (Lin J., 1998, p. 9). Или, если кратко, «чайнатаун – это место проживания и сфера приложения труда мигрантов» (Zhou M., Logan J., 1989, p. 811). Но это

и способ коммерческого использования территории, привлечения туристов. В анклав локализуются сети, связи, структуры, институты, необходимые для многого: для обеспечения миграционного трафика; для создания условий эффективной экономической деятельности; для поддержания отношений с исторической родиной; для решения социокультурных и бытовых проблем (Дятлов В.И., 2000; 2008). Хорошо изучены китайские, итальянские, индийские и другие анклавы. Много общего с ними имеет и мигрантский анклав, сформировавшийся в центре Сеула, в квартале Тондэун. Сама возможность отслеживать в режиме реального времени процесс формирования и развития подобного феномена – большая удача для исследователей.

Этот квартал – и «монголтаун», и «рашатаун», и он же может быть назван кварталом центральноазиатским, так как в нем проживают и интенсивно взаимодействуют выходцы из России, Монголии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана. Это многообразие принципиально отличает сеульский квартал от классических чайнатаунов с их обязательным этническим единством обитателей. Наша гипотеза, возникшая в процессе непосредственных наблюдений, а также при изучении официальных документов и масс-медиа, заключается в том, что здесь объединяющими и организующими факторами стали русский язык и общее социалистическое прошлое. Они позволяют понимать друг друга, создавать разветвленные сети, сложную инфраструктуру, призванные облегчить адаптацию мигрантов к чужому культурному окружению.

В Тондэуне происходят серьезные внутренние трансформации. На первых порах основной организующей силой здесь были монголы, к ним примыкали остальные выходцы из постсоветского пространства. Сейчас явно начинают преобладать граждане центральноазиатских республик. Возможно, эта динамика отражает этапы адаптационного процесса.

I

Тондэун (*Dongdaemun*) занимает несколько улиц и улочек в историческом центре Сеула, напротив гигантских торговых центров «Мильоре» (*Migliore*), «Дута» (*Doota*), «Хэлло» (*Hello*) и по соседству с центром дизайна «Тондэун Дизайн Плаза». Большая часть его новых поселенцев начала прибывать после 1990 г. До того времени

район был центром швейной промышленности, где трудились временные рабочие из России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Украины. Начало особости квартала было положено открытием специально для мигрантов небольшой аптеки, магазинчика одежды, пункта обмена валюты и двух-трех кафе. С ростом числа долговременно и постоянно живущих сложился анклав из монголов и россиян, к которым подтянулись представители Центральной Азии. В последнее время сюда стремятся индийцы и пакистанцы.

Для русскоязычных мигрантов власти города организовали большие промышленные предприятия, чуть позже появилось русскоязычное радио и стали выходить газеты «Сеульский вестник» и «Окно в Корею». Сформировался специфический облик района, мигранты создали разветвленную инфраструктуру, особый уклад жизни, многообразные сети отношений и связей. Это не просто место механической жилищной и деловой концентрации, а сложный социальный организм.

По меркам Сеула, Тондэмуна – район небольшой, удобный для проживания и работы и в то же время необычный и яркий. Совсем рядом – станция метро «Историко-культурный парк “Тондэмуна”» (*Dongdaemun History and Culture Park*), многочисленные автобусные остановки и стоянки такси. Вывески на домах – на нескольких языках, преимущественно на русском и монгольском. Основное здание в квартале, «Дом для бизнесменов», – это своеобразный деловой центр для предпринимателей из Монголии, России и стран СНГ. Также здесь есть иммиграционный центр и пункты обмена валюты, ориентированные на мигрантов аптеки, склады, авиа- и железнодорожные кассы, фирмы, осуществляющие адвокатские услуги и доставку грузов и т.д. Многие горожане ходят сюда, чтобы по относительно невысоким ценам запастись сушеными кальмарами, водорослями, лапшой, чаем, а главное, рыбой. Здесь продается форель, сельдь, скумбрия, окунь и различные экзотические виды рыб. В многочисленных кафе и ресторанчиках – монгольская, русская, узбекская, корейская кухня. В некоторых можно заказать блюдо из тут же выбранного мяса, рыбы, морепродуктов, необычных овощей, грибов. Есть магазины, где можно найти традиционные для мест, откуда прибыли жители квартала, молочные и мучные продукты и алкогольные напитки. Много магазинчиков, торгующих видео- и аудиозаписями на монгольском и русском языках. В общем,

Тондэмун – уникальный многоликий мир. Рынок работает здесь 24 часа в сутки, ночью – это большой восточный базар, шумный и многоцветный.

II

Монгольская диаспора в Южной Корее – одна из самых крупных и быстро растущих. В 2003 г. здесь проживало почти 20 тыс. монголов, в 2008 г. – 33 тыс., что было больше общего числа американцев и японцев (Alгаа, 2013, р. 33). По данным Корейской иммиграционной службы, на июль 2014 г. монгольских мигрантов насчитывалось 41 979 человек (Kim J.-Yo., Lee Yo.-J., 2015, р. 62). Работа в Корее – важный источник дохода для многих монгольских семей, ибо сложная социально-экономическая ситуация в Монголии является мощным выталкивающим фактором. Коллективизм и быстрое усвоение установки на кропотливую работу позволили монголам занять заметные позиции на рынке труда Южной Кореи. Основная масса монголов трудится в тяжелой промышленности, в сфере общественного питания, туристической индустрии.

Граждане Монголии лидируют и по количеству незаконно проживающих в Южной Корее иностранцев. Из общего количества монголов, получивших визы, ежемесячно оставались проживать в Южной Корее на незаконной основе: в ноябре 2016 г. – 211 человек, в декабре 2016 г. – 213, а в январе 2017 г. – 221 человек. Для сравнения: с октября 2016 г. по март 2017 г. ежедневно подавали в посольство документы на получение визы до 600 монгольских граждан. В годовом же исчислении поток желающих попасть в Южную Корею выглядел следующим образом: в 2012–2014 гг. подавали документы на получение визы около 33 тыс. монголов, за один 2015 г. это сделали 55 тыс., в 2016 г. – 67 тыс. (Монголы – лидеры..., 2017).

В последние годы растет число мигрантов из России. Причины: 1) в 2010 г. между Российской Федерацией и Республикой Корея было заключено соглашение о двойном гражданстве; 2) российские корейцы (*корё сарам*) стали получать специальные визы для корейцев-соотечественников; 3) сказывается политика Сеула в сфере образования, рассчитанная на привлечение молодых иностранцев в южнокорейские университеты через грантовые системы. Основной российский контингент – это жители Приморского и Хабаровского краев, Якутии и Бурятии. По словам профессора университета

Кунмин (Сеул) Андрея Ланькова, «на начало 2016 г. в Республике Корея проживало 10 547 граждан России. Если же речь идет о русскоязычном населении, то эта цифра резко возрастает, где-нибудь тысяч до тридцати, может, даже до сорока. Среди них большинство – это бывшие советские корейцы, в основном, из Узбекистана и других стран Средней Азии» (Интервью с А. Ланьковым, 2016).

Бурят, работающих в Южной Корее по непрофессиональной рабочей визе Е-9, в настоящее время насчитывается около 2 тыс. человек. В основном они заняты в промышленности Большого Кванджу, но часть остается в Сеуле. Всего в Южной Корее находятся, по данным СМИ и интернет-форумов, около 5 тыс. жителей Бурятии, работающих как легально, так и нелегально (Romanova M., 2016). Некоторые издания приводят цифры, в которые трудно поверить, зато их можно считать своего рода свидетельством устремленности на работу в Южной Корее. Вот пример: «по данным последней Переписи населения, бурят в республике менее 30% населения, то есть нет и 300 тысяч. Из них в трудоспособном возрасте – примерно 180 тысяч. В Южную Корею ездят около 130 тысяч бурят, тогда как в самой Бурятии постоянно трудятся всего 50 тысяч человек» (Важдаева Н., 2016).

Если работа легальная, то наши соотечественники не спешат возвращаться домой. Сергей, медицинский работник из Улан-Удэ, работает на заводе по переработке кур, получает 1 500 долларов в месяц: *«Насчет возвращения домой стоит хорошенько всё обдумать. Когда уезжал из дома, я думал, что на шесть месяцев, сейчас уже не уверен. Доллар растет, работать становится все выгоднее, а в России тем временем зарплата стоит на месте, цены же ползут вверх, медленно, но верно. В общем, поживем – увидим. Если обстановка на родине не изменится, то, думаю, стоит забрать сюда семью, в Бурятии мне такой работы не найти, да что там работа, зарплату такую получать дома, в Улан-Удэ, нереально для меня, с моим образованием»* (Степанова З., 2016).

Южная Корея все более привлекательна и для едущих на заработки граждан Узбекистана. В особенности после того, как российские власти существенно уменьшили квоту на иностранных работников, из-за чего объемы денежных переводов из России в страны Центральной Азии за девять месяцев 2016 г. сократились по сравнению с 2014 г. в 2,5 раза (Узбекские мигранты..., 2015).

Официально в Южной Корее трудоустроены 16,5 тыс. граждан Узбекистана, однако их численность может быть больше, поскольку многие участники программы «Системы свободного найма» после окончания шестилетнего срока работы остаются и работают нелегально. В «монголтауне» рост числа узбекских мигрантов очевиден.

В 2016 г. представители двух стран подписали меморандум о взаимопонимании по вопросу о расширении возможностей для трудоустройства узбекистанцев в Южной Корее (Узбекистан..., 2016). Годом ранее офис Агентства по международному сотрудничеству Республики Кореи, помимо прочего занимающегося отправкой в страну трудовых кадров из-за рубежа, был открыт в Бишкеке (Посол Кореи..., 2016). Аналогичные офисы есть в Казахстане и Таджикистане.

III

Для мигрантов «монголтаун» – это место для работы, досуга, внутриабщинной жизни. И это место сосуществования нескольких землячеств.

Сколько же человек живет и трудится в «монголтауне»? На наш вопрос попытался ответить монгол Алтанхуяг: *«Я живу здесь уже третий год. На мой взгляд, численность «монголтауна» – где-то 15–20 тысяч человек. Но каждый день сюда приезжает много людей, а многие уезжают. Кто-то приезжает на два месяца, кто-то – на две недели, а кто-то остается надолго».*

По словам Михаила, работающего в Сеуле уже несколько лет, *«дух русского Тондэмуна уходит. Наши живут и работают в разных городах Кореи. Раньше здесь было много русских. Приезжали из Приморья и Сибири за покупками, но после падения курса рубля почти не ездят. Доминируют монголы, у которых в Корее довольно внушительная диаспора».* При этом он отмечает, что *«и монголы, и среднеазиаты для русских – вроде не чужие».* Выходцы из Монголии, России, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана поддерживают в Южной Корее друг друга, особенно на первых порах. «Монголтаун» – средоточие потенциальной взаимопомощи мигрантов, в этом смысле он не отличается от других мигрантских кварталов в городах мира. Особенность его в том, что он сформировался не на этнической, а на культурной основе. И если общий язык, как правило, является дополнительным, а не ведущим фактором фор-

мирования сообщества, то в данном случае русский язык – его базис как лингва франка.

Михаил продолжает: *«Основная часть русскоговорящих – буряты, узбеки, киргизы, казахи. Немало монголов, которых тоже можно отнести к русскоязычным. Они, во-первых, неплохо говорят по-русски, а во-вторых, сильно обрусели, годами живя в этом районе, где без русского языка – никак. А как иначе могут между собой общаться те же узбеки с казахами или монголы с туркменами?»* Мигранты, независимо от этнической принадлежности, не задумываясь, говорят: *«Мы хорошо понимаем друг друга, у нас общее прошлое».*

Возможно, сохраняется некий культурный фундамент, обуславливающий собрание в одном месте выходцев из бывшего социалистического лагеря. Его создавала единая общеобразовательная школа, благодаря ей «во времена СССР формировались общий понятийный язык и общая мировоззренческая матрица» (Замятин Д.Н., 2011, с. 92). М. Тен (2009, с. 73), имея в виду корейцев СНГ, писал: «Все мы являемся носителями смешанной культуры, в основе которой соединились русская, традиционная корейская и среднеазиатская компоненты. Однозначно это смешение ближе к европейским ценностям. Ведь корейцы СНГ в большинстве своем говорят на русском языке, смотрят российское телевидение, читают русскую литературу, имеют фактически евроцентричное мировоззрение».

Надо заметить, что для исследователей с каждым годом общение с соотечественниками становится всё более проблематичным – если и идут на контакт, то только через общих знакомых. Объясняли это нам так: появились люди из числа «своих», которые «сдают» земляков-нелегалов корейским иммиграционным службам и получают за это деньги.

IV

«Монголтаун» представляет собой живущий по своим правилам малый город в большом городе. В нем встречаются уголки не то что русской, монгольской или узбекской, а, скорее, советской культуры. Большинство его обитателей – предприниматели, занимающиеся торговлей. Часть работает в кафе и ресторанах. Некоторые трудятся на предприятиях малого и среднего бизнеса, если нет квалификации, то большей частью – на складах и рабочими на покраске

и упаковке продукции. Если удастся устроиться на завод, то там обычно предоставляют жилье: квартиру или общежитие. Живут по трое-четверо, стоимость вычитается из зарплаты. В поиске работы помогают соотечественники и посредники. Стоимость их услуг – 100–150 тыс. вон, некоторые предлагают расчет от 100 до 200 долларов.

Но не все мигранты проходят через этап адаптации анклавом: некоторые приезжают в качестве высокопрофессиональных специалистов по приглашению на работу, некоторые остаются после обучения в университетах. Те, кто приехал в Сеул на учебу, как правило, живут не в «монголтауне», а в общежитиях или арендуют тип съемного жилья, очень популярный среди холостяков и обеспеченных студентов: *one room* (крохотная студия). Ежемесячная плата в среднем составляет 300–400 долларов плюс разовый залог в 1500–2500 долларов. При нехватке денег на *one room* приходится жить в *кошивоне* для студентов. Это длинный коридор с множеством отделенных тонкими перегородками комнат размером 1,5×2 м без окон, в них можно только переночевать.

Проживающие в «монголтауне» предпочитают снимать более или менее пригодное жилье, хотя коммунальные услуги стоят дорого. На территории анклава есть корейские гостиницы, хостелы и общежития, а также «постоялые дворы», принадлежащие монголам. Съемное жилье не всегда имеет кухню. И если в России и Монголии дешевле готовить самим, чем питаться в кафе и ресторанах, то в Корее наоборот: дороже закупать продукты и готовить, поскольку по корейским меркам кафе дешевые.

В Сеуле масса объявлений о сдаче жилья, но многие пользуются услугами различных форумов в соцсетях, к примеру, форума *хамкке* – «Русскоязычное население Южной Кореи» или группы на форуме «ВКонтакте» «Буряты в Южной Корее». Вообще в целях взаимопомощи созданы разнообразные общественные организации, к примеру, монголы учредили организацию *Dalain Salkhi* («Морской Бриз») (Монголы..., 2017).

Жители анклава делятся на тех, кто живет в Корее постоянно, и тех, кто приезжает время от времени. Постоянные жители, как правило, открывают собственное дело. Говорит Мухаё, хозяйка кафе «Самарканд»: «Я в Сеуле уже два года. У нашей семьи – еще две точки в “монголтауне”, все они называются “Самарканд” <...> У нас

узбекская и русская кухня. Можно заказать шурпу, лагман, плов, домляму, машкичири, а можно борщ, пельмени, разные салаты. Днем мы сами печем и продаем узбекские лепешки – нон. Вечерами здесь собираются узбеки, русские, узбекские и российские корейцы, таджики, общаются, узнают новости. Раньше больше помогали друг другу, сейчас в основном рассчитывают на свое землячество». «В последнее время к нам приходят местные корейцы, семьями и по одному, чтобы попробовать нашу кухню». «По-корейски знаю немного, могу объяснить с поставщиками. Здесь есть специальные курсы корейского языка для русскоговорящих мигрантов, где обучение идет на русском. Но у меня совсем нет свободного времени, приходится учить язык на ходу». «Сегодня приедет моя мама, она уже не первый раз приезжает. Сначала сюда приехали брат и дядя, а потом и мы с семьями. Тут все так делают. Уезжать пока не собираемся».

Повар киргизской столовой «Ала-Тоо» Мухабат: «Я здесь уже третий год. Раньше работали в России, но из-за скачка курса доллара стало невыгодно. Приехала сюда с сестрой. Здесь уже работали наши родственники. Живем вместе и дело ведем вместе. В этом квартале живут люди разных национальностей. Поэтому мы стараемся учитывать это. Кухня у нас среднеазиатская и русская. К нам приходят студенты из России, корейцы, много туристов из Монголии, России и Средней Азии. Кто к нам приходит, в основном говорят по-русски. Корейский язык, конечно, нужен. Те, кто свободно знает корейский язык, могут работать в других районах города без проблем. А здесь можно обойтись и так».

«Монголтаун» напоминает слоеный пирог, отношения между людьми имеют в нем несколько уровней. Его земляческие сообщества – это в первую очередь пространства символической и смысловой безопасности, достигаемой за счет их высокой однородности. «Монголтаун» – своего рода защитный и адаптационный буфер для новоприбывших, плохо знающих или совсем не знающих корейского языка, не ориентирующихся в социальном пространстве Сеула. Но он же не способствует социокультурной адаптации: вновь прибывшие не учат язык, не посещают места проведения досуга корейцами. Механизм адаптации мигрантов к принимающему обществу, он одновременно и средство сегрегации.

Особый интерес представляют многочисленные кафе и рестораны, выполняющие не только функции общепита, но и служа-

щие для членов сообщества зоной отдыха, местом встречи, переговорной, информационным центром. (Эти их функции мы оценили в полной мере, так как собственно в «монголтаун» нам проникнуть не удалось, пришлось довольствоваться беседами, сопровождавшими обедами, что на первых порах тоже неплохо.) Общение способствуют модификации сети личных знакомств, обретению ресурсов. Иногда такие функции выполняют магазины.

Продавец-консультант магазина косметики Елизавета рассказывает: *«Работаю здесь уже полгода, я из Казахстана. Хозяйка магазина – кореянка из Узбекистана. Немного говорю по-корейски. Работать мне нравится, здесь бывает много покупателей из России, Монголии, в основном – русскоязычные. Они любят обсуждать новинки корейской косметики и разные другие вопросы, заводят знакомства. У меня здесь сестренка учится в университете, мы с ней снимаем жилье. Она устроилась подрабатывать в кафе, так нам легче прожить».*

Оказавшиеся в Сеуле русскоязычные про Тондэmun говорят так: *«В случае ностальгии можно пойти в этот район, поесть борща, купить хлебушка с шоколадкой «Аленка». А еще можно пообщаться с соотечественниками, узнать новости».* В русском магазинчике «Russian Mart» – привычные русские продукты: сыр, чай, конфеты, колбасы, пиво, водка, довольно большой обменный книжный фонд. *«Наши покупатели – предприниматели и студенты из стран СНГ. Часто и корейцы приходят в магазин купить русские продукты, потолковать о последних новостях»*, – говорит продавец Виктория. Также местные корейцы (*хангук сарам*) держат здесь отели, аптеки, сауны, овощные лавочки, магазины одежды и кафе. Хозяин магазина косметики коренной кореец Пак: *«Я уже много лет работаю здесь. Мне нравится. И для меня это выгодно, поскольку здесь часто бывают оптовые покупатели из России, Монголии, Узбекистана, Казахстана и Китая. Обороты моего магазина небольшие, но стабильные. Товар всегда новый. Есть постоянные покупатели, с которыми у нас сложились хорошие отношения».*

V

Сообщества «монголтауна» довольно эффективно контактируют с властями города. Показательна состоявшаяся в октябре 2015 г. встреча мэра Сеула Пак Вонсуна с представителями монгольских

граждан, живущих и работающих в Республике Корея. Монголы, поблагодарив за решение прежде возникших вопросов, поставили новые. Они попросили увеличить число студенческих общежитий, создать в «монголтауне» улицу в монгольском стиле, улучшить освещение, обеспечить залы и холлы для обучения, отдыха и спортивных мероприятий необходимым оборудованием, помочь создать новый библиотечный фонд. Мэр дал указания работникам администрации изучить и решить эти вопросы (Монголы..., 2017).

Подобные встречи, свидетельствующие об особом внимании местных властей к миграционной политике, происходят периодически и с представителями других сообществ «монголтауна». Тем не менее, несмотря на благие намерения властей, иммигранты, изначально стремящиеся интегрироваться, со временем вытесняются в анклав. Здесь мы видим определенное противоречие: на уровне элит, в том числе и властных, декларируется намерение сделать интеграцию в новую среду эффективной, лишь бы люди приезжали и работали; а на уровне повседневности выстраивается внешний культурный барьер, практически блокирующий интеграцию и в конечном счете ограничивающий социальную мобильность мигрантов. Правда, самих мигрантов это не слишком напрягает, поскольку формальные и неформальные сети помогают им осваиваться в социальном пространстве города, удовлетворяют спрос на базовые потребности.

Основная плата за это – подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, принятие места в негласной иерархии. Ибо в каждом сообществе есть своя элита и свои рядовые члены, «бригадиры» и «подчиненные». Что касается иерархии самих сообществ внутри Тондэмуна, то на основании визуальных наблюдений можно предположить, что в 2015 г. явными лидерами анклава были монголы, в 2016 г. стала очень заметна активизация узбеков. Вместе с тем при складывании сообществ-землячеств на первый план выходит все-таки не этническая идентичность, а идентификация по региону происхождения: например, в сообщество самаркандцев включаются и узбеки, и таджики из этого города.

Члены сообществ поддерживают связи с отправляющей страной, что придает им транснациональный характер (Basch L., Schiller N.G., Blanc C.S., 2013, p. 106).

Местное население вполне спокойно относится к приезжим. Большинство гастарбайтеров рассматривают свое пребывание в Ко-

рее как временное, не особо стремятся укорениться в стране и, соответственно, не воспринимают свое положение как проблему. Корейцы, в свою очередь, относятся к гастарбайтерам как к временным пришельцам – и не без оснований: корейское общество устроено так, что у иммигрантов куда меньше шансов закрепиться здесь, чем, например, в Европе. Они – именно «гастарбайтеры», в Корее они в гостях. И это положение вполне устраивает хозяев, которые к гостям относятся достаточно корректно.

Войти в ряды среднего класса, уважаемого большинства корейского общества вообще можно только через фильтры жесткой конкурсной системы образования, в которой у детей иностранных рабочих шансы на успех – практически нулевые. Исключение составляют монгольские мигранты второго поколения, получившие высшее образование в Корее. Нескольким из них даже удалось стать депутатами региональных парламентов (Монгольские граждане..., 2015).

На первый взгляд может показаться, что легче адаптируются в южнокорейском обществе этнические корейцы. Однако это не совсем так: «Со стороны южнокорейцев часто приходится слышать о том, что мы “ненастоящие” корейцы, что мы слишком сильно ассимилировались в иной этнокультурной среде, утратили язык, многие традиции и стали далеки от своих предков. Да, во многом это так. Но *корё сарам* создали свою неповторимую культуру. И она имеет право на признание как полноценная часть мировой культуры, являя собой синтез разных культур народов, населяющих пространство СНГ <...> мнения представителей Южной Кореи, что мы все давно превратились в русских или узбеков, по крайней мере, не имеют доказательной основы. Да, мы другие, нежели корейцы полуострова, но мы корейцы. Мы являемся ни “более настоящими”, ни “менее настоящими”, нежели корейцы из Кореи, мы просто другие корейцы и являем собой иную этническую реальность» (Хан В.С., 2001, с. 54).

VI

В заключение приведем некоторые предварительные выводы, безусловно, нуждающиеся в дальнейшем уточнении. «Монголтаун», на наш взгляд, – гибридная культурная зона, где проживают выходцы из России, Монголии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана.

Это место, где мигранты группируются для жизни, работы, досуга, общения, где локализуются их сети, связи, структуры. Анклав состоит из трех основных землячеств – монгольского, российского и центральноазиатского, которые предоставляют своим членам помощь в поисках работы и адаптации в обществе и выполняют функции социального контроля и регулирования, поддержания связей с родиной, удовлетворения минимальных этнокультурных потребностей. Большинство живущих в «монголтауне» – предприниматели, часть работает по найму здесь же в кафе и ресторанах или за пределами анклава на предприятиях малого и среднего бизнеса. И в массе своей обитатели «монголтауна» рассматривают свое пребывание в Корее как временное, корейцы тоже относятся к ним как к временным пришельцам.

Русский язык, ценности и нормы, унаследованные напрямую или через родителей от советского и, шире, социалистического прошлого, служат в «монголтауне» ментальными механизмами адаптации и консолидации. Поэтому его можно определить как постсоветский анклав, где, возможно, происходит некоторая ревитализация «советскости». В любом случае это чрезвычайно интересно и требует дальнейшего углубленного изучения.

Марина Балдано, Светлана Кириченко

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИГРАЦИИ: ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Глава IV

ВЫТАЛКИВАЮЩИЙ ЭФФЕКТ ПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

4.1. Природно-климатический фактор трансграничных миграций в прошлом и настоящем

При поиске сквозных причин миграций целесообразно обратить внимание на изменения климата. Они на всем протяжении истории человечества и в самых разных местах его обитания побуждали людей к перемещениям, входя в соотношение факторов, выталкивавших (*push*) население из климатически неблагоприятных районов, и факторов, притягивавших (*pull*) его в другие, более благоприятные для проживания регионы. Обоснованию «климатической гипотезы» и посвящен настоящий раздел.

Кризис позднего бронзового века

По мнению ряда исследователей, затяжная засуха и вызванный ею голод привели в движение «народы моря», что, в свою очередь, могло инициировать масштабные миграционные процессы в восточном Средиземноморье. Впервые гипотеза о климатической подоплеке так называемого коллапса бронзового века – почти синхронного упадка и/или гибели старых политических центров восточного Средиземноморья и Передней Азии (микенской Греции, Хеттского государства, египетского Нового царства) – была

высказана Рисом Карпентером. Карпентер предположил, что засухи и спровоцированный ими голод привели к гибели микенских дворцов и миграции населения как за пределы Ахейского региона, так и внутри него. В то время как вторжение дорийских племен, считавшееся причиной гибели микенской цивилизации, согласно Карпентеру, произошло по крайней мере веком позднее (Carpenter R., 1966). В пользу того, что дорийцы лишь заполнили политический вакуум, образовавшийся в Греции до их появления, говорит снижение численности населения, разрушение и запустение поселений в материковой Греции и относительно малое количество предметов иностранного происхождения во всех поселениях (Carpenter R., 1966; Knapp A.B., Manning S.W., 2016, p. 107). Причем запустение фиксируется в областях Пелопоннеса, традиционно относимых к основному ареалу расселения дорийцев в Южной Греции, что плохо согласуется с сообщениями греческих авторов о стремительном захвате и последующем разделе этой территории между завоевателями (Андреев Ю.В., 2015, с. 39). Эти факты, противоречащие традиционной точке зрения о завоевании микенских государств извне, наряду с практически одновременным движением хеттов в Северную Сирию, и послужили основой для теории Карпентера. Однако его гипотеза была довольно критически воспринята учеными (Knapp A.B., Manning S.W., 2016, p. 108). По замечанию Р. Саллареса (1995, с. 86), «такое объяснение было бы заманчивым, если бы опиралось на имеющиеся в распоряжении палеоэкологов свидетельства, но они, к сожалению, отсутствуют».

В дальнейшем идею Карпентера развил Барри Вайс. На основании климатического моделирования он предположил, что засуха могла инициировать в начале XII в. до н.э. миграцию лувийцев из западной Анатолии в Северную Сирию, вторжение в Египет в правление Рамзеса III «народов моря» и расселение остатков завоевателей вдоль Левантийского побережья, откуда они проникли в Северную Сирию и в верховья Евфрата (Weiss B., 1982, p. 173, 184). Согласно Вайсу, поскольку сельскохозяйственная продуктивность долины Нила не зависела от количества осадков в самом Египте, это делало страну притягательной для отрядов отчаявшихся, голодных людей. Таким же благодатным краем, вероятно, должна была представляться им равнинная Северная Сирия, где воды Евфрата через ирригационные системы могли быть направлены на полив урожая. Другие области

Ближнего Востока были недостаточно надежны для того, чтобы полагаться на них в периоды нехватки атмосферных осадков (Weiss B., 1982, p. 174). Вайс рассматривал засуху как возможную причину обеих миграционных волн в Средиземноморье в XIII–XII вв. до н.э.; вторая из них, более разрушительная, чем первая, вызвала окончательную политическую и экономическую дезинтеграцию во всем регионе. Однако его исследование не могло считаться полноценным естественнонаучным доказательством изменений климата в эпоху поздней бронзы, поскольку Вайс экстраполировал на прошлое современные климатические модели, полагая, что они повторяются во времени, пусть и с различной частотой. Более основательную естественнонаучную базу подвели под теорию Карпентера недавние палеоклиматические исследования. Они довольно убедительно свидетельствуют об аридизации средиземноморского климата в XIII–X вв. до н.э. Засушливые климатические условия в тот период были установлены для средиземноморской зоны Сирии (Kaniewski D., Paulissen E. et al., 2010, p. 207) и Кипра (Kaniewski D., Van Campo E. et al., 2013). Анализ средиземноморских донных отложений показал значительное, на два градуса Цельсия снижение температуры поверхности Средиземного моря в период между 1350 и 1124 гг. до н.э. Это неизбежно должно было привести к сокращению осадков в регионе из-за уменьшения разницы температур моря и суши (Drake B.L., 2012, p. 1862–1870). И палеоэкологические данные, свидетельствующие об изменении климата в ту эпоху, находят косвенное подтверждение в аккадских, египетских, хеттских, угаритских текстах о нехватке зерна и голоде (табл.).

При всех возможных разночтениях в трактовке каждого отдельного документа, при сравнении всей их совокупности со свидетельствами более раннего периода очевидно, что в источниках конца XIII – начала XII в. до н.э. упоминания поставок зерна, нехватки продовольствия и возможного голода встречаются необычайно часто (Knapp A.B., Manning S.W., 2016, p. 137–138)¹. Более того, исходя из данных этих источников и археологии некоторые исследователи квалифицируют голод конца XIII – первых десятилетий XII в. до н.э. как беспрецедентный (Cline E.H., 2014, p. 144) даже с учетом того, что в Средиземноморье засухи и голод не были редкостью (Sandars N.K., 1987, p. 19).

¹ Кстати, здесь можно вспомнить и рассказ Геродота (I, 94) о жестоком голоде в Лидии, вынудившем царя отправить в эмиграцию половину своего народа.

Древневосточные тексты XIII–XII вв. до н.э.
о голоде и нехватке зерна

Текст	Датировка	Местонахождение	Содержание
KUB 21.38	XIII в.	Богазкёй	Хеттская царица просит Рамзеса II принять ее приданое – лошадей, скот и овец – из-за отсутствия зерна в ее землях.
KUB 3.34	XIII в.	Богазкёй	Отправка хеттской делегации в Египет с целью доставки ячменя и пшеницы.
Kitchen 1982, 5.3	Конец XIII в.	Египет	Мернептах сообщает об отправке зерна, чтобы «сохранить в живых землю Хатти».
RS 94.2002+2003	Конец XIII в.	Дом Уртену, Угарит	Мернептах сообщает об отправке зерна в Угарит для облегчения голода.
№. 52055/1	XIII в.	Тель-Афек (Израиль)	Наместник Угарита информирует наместника Ханаана об отправке зерна из южного Леванта в Угарит.
RS 20.212	XIII в.	Угарит	Хеттский царь выговаривает правителю Угарита за срыв поставки зерна из Мукиша в Ур, названной им «вопросом жизни и смерти»
RS 26.158	?	Угарит	Поставка зерна в Ур
RS 18.038	?	Угарит	Отсутствие зерна в Угарите
RS 34.152	Около 1185 г.	Дом Уртену, Угарит	Письмо (возможно, из Эмара) о повсеместном голоде: «В твоём (нашем) доме голод. Мы все умрём от голода. Если ты быстро не придёшь сюда, мы сами умрём от голода. Ты не увидишь живой души из твоей земли»

Составлено по: Кларр А.В., Manning S.W., 2016, р. 121; Cline E.H., 2014, р. 143–145.

Таким образом, сопоставление древних текстов и данных, полученных с помощью современных естественнонаучных методов, делает вполне корректным предположение, что кризис эпохи

поздней бронзы действительно развивался под влиянием серьезных и затяжных изменений климата. Особенно сильно эти изменения затронули дворцовые центры, зависевшие от высокого уровня продуктивности сельского хозяйства (Drake B.L., 2012, p. 1862). Ослабление дворцовой экономики, вероятно, усугубило внутренние противоречия в прежде процветающих цивилизациях Восточного Средиземноморья и сделало их более уязвимыми для внешнего вторжения. Одновременно аридизация должна была приводить в движение мигрантов, поскольку в древности «малейшее изменение климата вело к тому, что худшие сельскохозяйственные территории становились совершенно непригодными для земледелия, а эксплуатация лучших земель существенно возрастала» (Салларес Р., 1995, с. 87).

Миграции эпохи Великих переселений

Современные исследователи важнейшей причиной массовых переселений кочевых племен в первых веках новой эры считают ухудшение климата Центральной Азии. Похолодание и аридизация приводили к оскудению пастбищ, что и вынуждало кочевников к масштабным миграциям (Schlütz F., Lehmkuhl F., 2007, p. 112–115; McCormick M., Büntgen U. et al., 2012, p. 190). По-видимому, продвижение гуннов из Алтайского региона в Европу тоже было спровоцировано похолоданием IV–VI вв. Причем, по мнению климатологов, если в засушливых районах оно могло давать преимущества кочевым обществам за счет более эффективного увлажнения, то в подобных Алтаю высокогорных областях длительное похолодание должно было привести к недостатку пастбищ и повторяющейся гибели домашнего скота в ходе суровых зим, что и заставляло кочевников мигрировать в поисках лучших земель (Schlütz F., Lehmkuhl F., 2007, p. 114).

В пользу того, что именно климатические причины вызывали массовые переселения кочевников в IV–VI вв., говорит и направление их движения с востока на запад: оно соответствует уменьшению континентальности и засушливости климата (Тутковский П.А., 1915, с. 17). Неизменное преобладание восточных кочевых объединений над западными, вызывавшее соответствующие миграции, Д.А. Мачинский (1993, с. 9) назвал «основным законом» кочевников Евразии. Единственное в IV–VI вв. исключение из этого

правила – обратное движение племен с запада на восток – наблюдалось лишь после смерти Атиллы, в ходе борьбы за власть между его наследниками (Ермолова И.Е., 2016, с. 90–98).

Изменения климата воздействовали и на «принимавшую сторону» – Римскую империю. Политические, экономические и военные кризисы 200–400 гг. н.э., особенно затронувшие ее северо-западные провинции, проходили на фоне климатической нестабильности, пришедшей на смену исключительно благоприятному периоду так называемого римского оптимума. В меньшей степени эта нестабильность сказалась на восточных провинциях, что способствовало их экономическому и политическому доминированию (McCormick M., Büntgen U. et al., 2012, p. 185, 188). Вместе с тем изменения климата все же повлияли негативным образом на сельскохозяйственную продуктивность «хлебной корзины» империи – Египта (McCormick M., Büntgen U. et al., 2012, p. 186–189). Несомненная чувствительность аграрной римской экономики к такого рода переменам (Huntington E., 1917; McCormick M., Büntgen U. et al., 2012, p. 173) позволяет говорить о том, что, как и в случае позднего бронзового века, изменение климата могло двояко воздействовать на ход Великого переселения народов. С одной стороны, оно подталкивало кочевников к массовым перемещениям, активизировавшим миграционное движение в племенном пространстве, с другой, вносило вклад в расшатывание экономического фундамента Римской империи, что ослабляло ее в военном отношении. Тем самым облегчалось проникновение на ее территорию нового населения, ускорялось развитие процессов, приведших к гибели ее западной части.

Подводя промежуточный итог, можно сказать следующее. Климат оказывал влияние на ход миграционных процессов древности. Но оценка степени этого влияния сильно затруднена недостатком данных о его опосредованном воздействии, например, о возможной связи изменений климата с демографическими флуктуациями и, соответственно, с ослаблением или усилением демографического давления на то или иное общество. Однако это не означает, что вопрос о влиянии климатических изменений на колебания численности населения в древности можно сбрасывать со счетов, – хотя бы потому, что подобная связь зафиксирована в отношении более поздних эпох (Салларес Р., 1995, с. 87).

Аральский кризис

В современную эпоху причинно-следственную связь между изменением климата и миграцией можно проследить на примере двух кризисов: экологического аральского и политического сирийского.

Испаряемость Аральского моря непосредственно формировала климат Приаралья и оказывала значительное воздействие на климат всей Центральной Азии (Матмуратов Д., 1991, с. 92). Высыхание моря повлияло на климатические условия в масштабах региона и кардинально их изменило на примыкающих к Аралу территориях. Наряду с ухудшением среды обитания, изменение климата повлекло за собой и экономические трудности: практически исчезла такая отрасль, как рыболовство, сократились возможности занятости в растениеводстве. Теряя из-за этого работу по специальности, люди не могли найти ей замену по месту жительства (Ни В., Тонкобаева А., Ильясова А., 2013, с. 30). Как следствие, в Приаралье активизировалась и внутренняя, и внешняя миграция.

Внутренняя миграция населения в Приаралье началась еще в 1970-е гг. Часть каракалпаков, проживавших в районах, наиболее пострадавших от экологического кризиса, перебиралась в другие, удаленные от усыхающего моря и потому относительно благополучные районы Каракалпакской АССР. Стремление удержаться в республике объясняется тем, что для каракалпаков она – единственное место компактного проживания «своей» этнической группы. Приверженность традиционному укладу и методам хозяйствования, слабое знание других языков сильно снижали возможности адаптации каракалпаков к жизни за ее пределами. По этой причине, несмотря на тяжелые экологические и социально-экономические условия существования, отток титульного населения за пределы автономии долгое время был незначительным (Бурнакова Е.В., 2002, с. 161). Однако в последние годы он усилился. Косвенное подтверждение этому – почти двукратное увеличение в соседнем Казахстане численности каракалпаков (впрочем, очень небольшой): с 1387 человек в 1989 г. до 2 828 – в 2009 г. (Зимовина Е.П., Агаджанян В.С., 2012, с. 114).

К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы установить модель миграционного поведения узбеков Приаралья. А вот казахи, в отличие от каракалпаков, активно уезжали

в 1990-е гг. в соседний Казахстан. Надо, однако, учитывать, что их внешняя миграция тождественна репатриации. После обретения Казахстаном независимости правительство нового государства стало проводить целенаправленную и последовательную политику собирания в нем этнических казахов. И многие из казахов, проживавших в Каракалпакстане, уехали не только потому, что захотели поменять природную среду, но и потому, что соблазнились возможностью превращения из этнического меньшинства в большинство и теми социальными льготами, которые полагались им как *оралманам* (репатриантам) по закону Республики Казахстан «О миграции населения». Трансграничная миграция из Приаралья русскоязычного населения тоже была вызвана целым комплексом причин, в котором воздействие природно-климатического фактора соединилось с экономическими и политическими причинами, производными от распада СССР. В целом же только за период с 1980 по 1996 г. из Каракалпакстана выехала, по некоторым данным, почти треть населения (Кульпин Э.С., 2007, с. 153).

Несмотря на то, что экологическая миграция из Приаралья – явление достаточно локальное, ее изучение может способствовать выработке универсальных подходов к решению схожих проблем в других регионах мира. В качестве примера такого решения можно привести строительство в северной части Аральского моря плотины, стабилизировавшей ситуацию и с экологической, и с экономической точки зрения. Действительно, с ее появлением частично восстановился приемлемый микроклимат, ожили некоторые заброшенные приморские поселки, вновь стало развиваться рыболовство и животноводство (Садуакаскызы К., Кужамбердиева С.Ж., Абжалелов Б.Б. и др., 2015, с. 21).

Сирийский кризис

Сирийский конфликт возник из-за ряда нерешенных внутриполитических проблем, однако толчком к нему послужила засуха, спровоцировавшая внутреннюю миграцию. Сирия – страна преимущественно неполивного земледелия, $\frac{3}{4}$ посевов пшеницы производятся в ней на богарных землях (Erian W. et al., 2010). Урожайность богарных полей отличается нестабильностью, поскольку в значительной мере зависит от количества осадков в вегетативный период (Филоник А.О. и др., 1992, с. 251). Довольно долго это не

мешало зерновому самообеспечению страны и даже позволяло ей вывозить зерно на экспорт. Но со временем засушливые годы стали случаться все чаще и чаще.

Проанализировав данные о погоде в Сирии с 1931 г., ученые обнаружили тенденцию к значительному сокращению количества осадков и росту температур (Kelley C.P., Mohtadib Sh. et al., 2015), и ее устойчивость во времени позволяет говорить об аридизации климата. В 2008 г. Всемирная сельскохозяйственная и продовольственная организация (ФАО) подготовила доклад, посвященный Сирии. Согласно этому докладу, малочисленные и нерегулярные осадки вызвали в стране сильнейшую за последние четыре десятилетия засуху. От нее пострадали как растениеводы, так и животноводы, потерявшие большую часть своего урожая и стада (Drought Appeal, 2008) и лишившиеся в результате единственного источника средств к существованию. Усугубили ситуацию власти Турции, периодически использующие регулирование стока в верховьях рек, орошающих сирийские поля, в качестве «водного» рычага политического воздействия (Нестерова И.Е., 2011, с. 21). На макроэкономическом уровне засуха и дефицит воды превратили Сирию из экспортера пшеницы в ее импортера (Дятловская Е., 2016).

Только в 2009 г. в Сирии от засухи пострадало 1,3 млн человек. Их собственная оценка ситуации однозначна: «Люди не могут жить в таких условиях, они вынуждены стать мигрантами» (Drought driving farmers..., 2009). И они ими стали: заметно усилился отток сельского населения в города. По оценке Шахрзада Мохтади, за 2006–2010 гг. – годы засухи – отток составил 1,5 млн человек (Война в Сирии, 2012). Ситуация осложнялась тем, что за несколько лет до этого Сирия приняла из Ирака и Ливана до 2,5 млн беженцев (Wilkes S., 2010). Не говорим уже о давних палестинских беженцах, численность которых оценивалась в 600 тыс. человек – почти 3% населения Сирии (Балмасов С.С., 2012). В результате образовался обширный маргинальный социальный конгломерат, не способный обрести себя ни в перенаселенных городах, ни на истощенной до предела природно-географической периферии Сирии. Эта масса обездоленных людей и стала спусковым крючком конфликта. Правительство пыталось удержать ситуацию под контролем, но скудные внутренние возможности, последствия мирового финансового кризиса и внешнее политико-экономическое давление

на Сирию из-за ее тесного сотрудничества с Ираном не позволили этого сделать.

Характерно, что конфликт начался в засушливых районах страны, где дефицит воды и экономические потери с наибольшей силой способствовали созреванию напряженности в обществе, его недовольству властью. Первоначально мирные и светские лозунги – демократизация, борьба с коррупцией и произволом местных властей – трансформировались в экстремистские религиозные требования в адрес узурпировавшего власть алавитского меньшинства. Ситуацию в Сирии перед началом вооруженного конфликта можно охарактеризовать как масштабный социально-экономический кризис, на гребне которого оказались внутренние перемещенные лица и беженцы со всего региона. Подстрекательство их извне привело к локальным конфликтам, подготовившим почву для гражданской войны. Далее последовали насилие, жертвы, массовая эмиграция.

«Революция началась из-за воды и земли, страну же я покинул из-за войны и безработицы» (Уэндл Д., 2016, с. 70–71) – этой емкой и точной фразой беженца из Сирии можно подвести итог рассмотрению сирийской ситуации.

* * *

Воздействие природно-климатического фактора на миграционный процесс фиксируется в различных регионах мира на всем протяжении человеческой истории, в большей или меньшей степени определяет масштабы и направление миграций, а иногда и самый их тип. Иначе говоря, этот фактор обладает универсальностью и во времени, и в пространстве и потому может рассматриваться как сквозная причина миграций. Следует, однако, помнить о том, что обычно его влияние проявлялось и проявляется опосредованно, например, через связь изменений климата с экономикой, демографией и политикой.

Ирина Лебедева, Тимур Василенко

4.2. «Черная смерть» и миграции населения Золотой Орды

«Черная смерть» отделила Средние века от Нового времени, схоластику от антропоцентризма и рационализма, феодализм от капитализма. В мировом масштабе число умерших исчислялось

десятками миллионов человек. Результатом пандемии стали колоссальные социальные и политические потрясения и – одновременно – мощный технологический рывок (Herlihy D., 1997). Возникавший на зачумленных руинах старого новый мир постепенно находил и утверждал в жизни людских сообществ иные, чем бытовавшие до «Черной смерти» представления о государственном и административном устройстве, отношениях между народами и сословиями, религиями и культурами. Впрочем, для современников событий эти изменения очень долго не были очевидными.

В последние десятилетия были предприняты успешные попытки комплексного осмысления «Черной смерти» и ее влияния на экономическое и общественное развитие. Особенно впечатляющие результаты были получены по Западной Европе. Что касается Золотой Орды, а также расположенных по соседству с ней русских княжеств, стран Восточной Европы, Малой и Центральной Азии, об аналогичной степени изученности проблемы пока нельзя говорить¹. В разделе предпринята попытка частично восполнить имеющиеся здесь пробелы посредством соотнесения друг с другом, на материале Золотой Орды, двух феноменов: «Черной смерти» и миграций.

I

В XIII в. ханам из рода Джучи удалось создать на обширной территории западно-евразийских степей государство татар (тюрков) и монголов. Первый толчок к появлению этого государственного образования дало монгольское нашествие. Изначально подданными Улуса Джучи были обитавшие на Саяно-Алтайском нагорье и близлежащих территориях «коренные» монголы и несколько этнических групп, в отечественной историографической традиции охватываемых понятием «лесные народы». Вопрос, кто входил в эту совокупность, остается открытым. Рашид ад-Дин указывал на тумагов, киргизов и баргутов. Современный казанский исследователь Д.М. Исхаков (2015, с. 124) считает, что скорее следует говорить

¹ Косвенным подтверждением этому можно считать тот факт, что в одной из наиболее полных недавних работ, посвященных «Черной смерти» (Benedictow O.J., 2004), Кавказу, Малой Азии, Ближнему Востоку и Северной Африке отведено лишь 10 страниц – столько же, сколько одной маленькой Дании. Золотая Орда вообще не удостоилась специального раздела и упоминается только когда речь идет о наиболее вероятном очаге эпидемии. Хотя, безусловно, и по ней уже имеются интересные исследования (см., например: Schamiloglu U., 1993).

об обитавших в верховьях Иртыша и в Тувинской котловине тюрко-монгольских кланах теленгутов, хуштем, урсутов, хабханасов, батов (байаутов), тенлеков, тоелесов и тасов. Остальное население нарождавшейся Золотой Орды составили местные тюрские и угорские группы и пришедшие на завоеванные территории кипчаки.

Отличительной чертой этого государства на всем его пространстве была нестабильность природно-климатических условий: резкие перепады зимних и летних температур, неравномерное выпадение осадков. Именно в таких условиях происходило формирование специфических форм рискованного земледелия и животноводства (Мордкович В.Г., Гиляров А.М. и др., 1997, с. 129, 140–142). Степные районы Золотой Орды, где доминировал отгонный выпас мелкого и крупного рогатого скота, еще сильнее зависели от колебаний климата (Иванов И.В., Луковская Т.С., 1997, с. 33–35) и уровня местных водоемов (Бадюкова Е.Н., 2010, с. 103; Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П., 1965, с. 75). Резкое изменение в худшую сторону любого из этих факторов часто оборачивалось катастрофическим сжатием кормовой базы всего региона, что приводило к масштабным голодовкам населения с последующим падением уровня материальной культуры и миграциям за пределы государства¹.

Едва ли не большую опасность для населения Улуса Джучи играл невидимый противник – бактерия чумы *Yersinia pestis* (Баччи Л.М., 2010, с. 104). Первоначально чумная бактерия развивается на территории природных очагов, о наличии которых в дельтах Волги и Дона, в среднем течении Урала, в Западной Сибири, на западе Каспийской области, на Северном Кавказе и в Закавказье свидетельствуют данные систематических исследований (Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П., 1965, с. 230). Дальнейший рост эпидемической активности происходит как в результате активного воздействия человека на эти районы, так и вследствие изменений солнечной активности, климата, миграционных маршрутов живых существ (Павловский Е.Н., 1964, с. 158–160).

Носителем чумы может выступать любое живое существо, будь то мигрирующие синантропные виды грызунов (крысы, суслики, сурки, песчанки, луговые собачки) или птицы, верблюды и сами

¹ По мнению отечественных исследователей, большую роль в этих изменениях играли колебания солнечной активности (Крамаровский М.Г., 1997, с. 69; Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П., 1965, с. 123).

люди. Поэтому эпидемию чумы можно полагать подобной эпидемии тифа, определяемой как атропоноз, т.е. как болезнь, способная распространяться среди человеческой популяции и без посредства синантропных видов (Баччи Л.М., 2010, с. 101). Однако главную роль в возрастании эпидемической опасности чумы всё же играет рост популяции именно этих видов живых организмов, в первую очередь вечных спутников человека крыс. Чем их популяция больше, тем вероятнее шанс перехода от единичных случаев проявления чумы у отдельных особей к масштабной эпизоотии. Резкое сокращение численности прежних хозяев вынуждает возбудителя (блоху) к активным поискам новых хозяев, в том числе приспособляться к человеку и его крови как источнику питания. После укуса у жертвы начинают наблюдаться следующие симптомы: болезненное распухание лимфатических желез («бубоны»), высокая температура, воспаление внутренних органов. Уровень смертности у заболевших может колебаться между двумя третями и четырьмя пятими зараженных. В отсутствии должного лечения может возникнуть легочная форма чумы, летальность при этой форме – почти стопроцентная. Смерть одного хозяина-человека лишь способствует дальнейшему ускоряющемуся распространению эпидемии, поскольку блоха начинает искать другого хозяина. Прочими факторами, существенно влияющими на скорость распространения болезни, являются: «а) размеры, плотность и мобильность популяции крыс; б) выработка крысами иммунитета; в) интенсивность паразитизма блохи – или, попросту говоря, количество блох на одну зараженную крысу, – и ее мобильность; г) соседство человеческих поселений с популяциями грызунов и связь между ними, определяющая быстроту перемещения блохи от крысы к человеку» (Баччи Л.М., 2010, с. 105). Эпидемическому всплеску также благоприятствует длительное недоедание потенциальных хозяев и, как следствие, резкое ослабление у них иммунной системы, масштабные внутриполитические противостояния, быстрый рост населения в городах и его скученность.

II

К моменту сложения Золотой Орды как государства в ее границах уже существовало несколько разрозненных, слабо связанных, различных по уровню развития внутривосточной культуры

и экономических связей городских зон – в Крыму, Хорезме, Закавказье, на территории Волжской Булгарии и русских княжеств (Хайдаров Т.Ф., 2016, с. 317). Ордынские власти учитывали это обстоятельство при строительстве новых городов: они должны были возводиться в степных районах, вблизи важнейших торговых путей, в местах с достаточной ресурсной базой; и они должны были стать важными для окружающих земель центрами (Сергеев В.М., Казанцев А.А., 2007, с. 25). Такой подход к урбанистической политике правителей Улуса Джучи, а также их изначальная ориентация на Великий шелковый путь принесли свои результаты. Нарождавшиеся городские поселения в кратчайшие сроки превратились в крупные центры притяжения людей, культурных идей, информационных потоков, финансов, товаров и услуг (Кульпин Э.С., 2004, с. 136). В то же время, по мнению отечественного исследователя В.Л. Егорова (1985), динамика градостроительства и городской жизни в улусе Джучи коррелирует с основными климатическими изменениями и миграционными процессами.

В самом деле, быстрый первоначальный подъем ордынских городов пришелся на относительно благоприятный природно-климатический период, в течение которого уровень Каспия держался на отметке минус 32 – минус 30 м. А необходимый для подъема быстрый рост населения в новых городах был достигнут благодаря целенаправленной политике властей по переселению в них бусурманского (мусульманского) и русского (христианского) населения (Артюхин Ю.Х., 2010, с. 317). То есть, по сути, посредством миграционной политики, в которой главную роль играла недобровольная миграция, но которая не исключала, может быть, даже стимулировала добровольную миграцию. В пользу последнего предположения говорит позиционный фактор – близость новых городов к Великому шелковому пути и их привязка к станovому хребту золотоордынской экономики – к местным торговым трактам, соединявшим Северную Европу, русские княжества и Великую Пермь через Каспийское море с Персией и Ближним Востоком (Хайдаров Т.Ф., 2016, с. 320). В сочетании с наличием доступных природных ресурсов и привлекательной экономической и религиозной политикой золотоордынских ханов позиционный фактор служил своего рода магнитом, притягивавшим население в города, быстро ставшие важными перевалочными пунктами для западных и восточных товаров

(Барбаро и Контарини о России, 1971, с. 50–52). В результате в ранее малозаселенных районах появилось много новых крупных городских центров. На начало XIV в. общее число ордынских городов равнялось, по подсчетам В.Л. Егорова (1985), 110.

Многочисленные археологические раскопки на местах этих городов позволили, помимо прочего, выделить и основные группы переселенцев в них. Так, наряду с характерными для степной зоны укрепленными усадьбами (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 96–97, 99), обнаружено немало зданий, характерных для мусульманских регионов Анатолии, Средней Азии и Кавказа (Федоров-Давыдов Г.А., 1997, с. 16). Особенно многочисленными они становятся во второй половине XIII в., в период активизации культурно-дипломатических связей ордынских ханов с мамлюками и джучидско-хулагуидских войн, сопровождавшихся перемещением в Золотую Орду военнопленных и насильственно переселенных мирных жителей.

Когда принудительный, когда свободный, но в итоге массовый миграционный приток населения из совершенно иных, чем в Нижнем Поволжье, природно-климатических зон оказался амбивалентным по своему значению. С одной стороны, он во многом обеспечил формирование городской сети и складывание городского сословия в Улусе Джучи (Зеленева Ю.А., 2010, с. 118). С другой стороны, он негативно сказался на экологии региона. В него пришли люди, привыкшие вести хозяйственную деятельность не так, как того требовала местная экосистема, и в избыточном для ее равновесия количестве. Прямым свидетельством чему стало резкое сокращение нижневолжских лесов и ускорение эрозии местных почв (Хайдаров Т.Ф., 2016, с. 321).

Еще один сильный удар, усугубивший негативное антропогенное воздействие, был нанесен начавшимся около 1320 г. падением уровня местных крупных водоемов – Азовского, Аральского и Каспийского морей (Берг Л.С., 1934, с. 20–21; Варущенко С.И., Варущенко А.Н., 1984, с. 65; Вейнбергс И.Г. и др., 1972, с. 86). Оно сопровождалось усилением сейсмической активности с последующим выходом из земных трещин сероводорода, метана и радиоактивного радона и буквально мгновенной аридизацией окрестных степей и плоскогорий (Вознесенский А.В., 1927, с. 780). Прямыми следствиями этих процессов, развернувшихся к тому же на фоне повышенной солнечной активности, явились чрезвычайная даже

для аридных регионов жара, сильнейшие пожары лесов, высыхание болот, засуха (Бараш С.И., 1989) и многолетний голод с последующим ускоренным оттоком населения (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1983, с. 90).

III

И всё же самый сильный удар Золотой Орде нанес разразившийся в 1346 г. в нижеволжских и причерноморских степях «мор на люди велик» (ПСРЛ, 1922, т. 15, вып. 1, стб. 57) – «Черная смерть». Наиболее полные сведения об этом историческом явлении содержится в русских летописях. Самой страшной по последствиям для Улуса Джучи оказалась вторая волна эпидемии, начавшаяся в 1363 г. Согласно летописям, в русских и татарских городах численность умерших за день могла достигать 70, 100, 150 человек (Присёлков М.Д., 1950, с. 76–77). Если сравнить эти цифры с результатами исследования Ю. Шамильоглу, вполне реалистичной представляется сделанная им оценка убыли населения в Золотой Орде в 20–45% (Schamiloglu U., 1993, p. 450).

С 1346 по 1534 г. прошли 17 волн эпидемии, повторявшихся в среднем через каждые 11,1 лет; с 1535 по 1683 г. их было 11, и ритм их немного замедлился: вспышки фиксируются через 13,4 лет (Баччи Л.М., 2010, с. 109). Такая высокая частота объясняется несколькими причинами. Во-первых, общим снижением иммунитета, дополнительно подрывавшегося параллельным хождением нескольких других эпидемических заболеваний – тифа, холеры, моровой язвы. Во-вторых, активизацией сразу нескольких природных очагов чумы, располагавшихся в радиусе 1000 км от побережья Каспийского моря. Вообще широкое распространение эпидемии в континентальном пространстве Евразии ставит под сомнение правомерность господствовавшего в европейской науке представления, будто «Черная смерть» распространялась исключительно из портов, корабельными крысами. Перечисленные выше вспышки эпидемии наводят на мысль, что не менее важным источником были миграции в евразийских степях и за их пределы крупных масс грызунов (Schmid B.V. et al., 2015).

В условиях постоянных эпидемических волн, разразившегося внутривосточного противостояния, культурного и технологического регресса в Улусе Джучи происходит ускорение миграцион-

ных процессов. К сожалению, реконструировать их представляется достаточно затруднительным из-за слабой обеспеченности рассматриваемого периода письменными источниками. Приходится привлекать косвенные данные и использовать метод аналогии.

Ослабленный эпидемией чумы, Улус Джучи становится объектом походов новгородских и вятских ушкуйников, причем наиболее дерзкие из них совершаются сразу после очередной вспышки болезни либо в межэпидемический период: в 1366, 1374, 1471 г. (ПСРЛ, 2000, т. 6, вып. 1, с. 449–450; т. 15, вып. 1, с. 106; т. 18, 1913, с. 116–117; т. 24, 1921, с. 191; т. 37, 1982, с. 93). В ответ на эти действия для защиты Булгарского вилаета Тохтамыш в 1381 г. переселяет в него из Крыма и Причерноморья 17 тыс. татарских семей. И, поскольку среди многочисленных современных татарских фамилий и топонимов на территории республики Татарстан наблюдается множество прямо или косвенно связанных с именами крымских правителей и названиями крымских поселений, можно сделать вывод, что такая миграционная политика ордынских ханов продолжилась и в XV в. (Ахметзянов М., 2016, с. 448).

В 1550-х гг. аналогичная по последствиям чумным волнам 1346–1430 гг. ситуация сложилась в Ногайской Орде. Посетивший ее в 1558 г. английский путешественник Э. Дженкинсон сообщил о гибели ста тысяч жителей от «сопровождавшихся голодом, чумой и всякими моровыми поветриями гражданских уسوبц» и о множестве обнищавших, хлынувших в контролируемую царскими войсками Астрахань. Зная о постигшем ногайцев несчастье, царские власти не стали тем не менее оказывать им серьезной помощи. Ибо с их точки зрения то была Божья кара «татарам» за беды, прежде причиненные Руси. Они отправили в пострадавшие районы некоторое количество продовольствия и отряды стрельцов следить за его распределением, но эта помощь была явно недостаточной (Трепавлов В.В., 2016, с. 256–260). Немалая часть уцелевших разбежались, о чем свидетельствуют опять-таки многочисленные ногайские топонимы, разбросанные по территории бывшего Улуса Джучи.

* * *

В свое время советский исследователь П.П. Иванов (1935, с. 29) определил то, что произошло в Ногайской Орде в конце 1550-х гг., как хозяйственно-политическую *катастрофу*. Это определение

кратко и точно характеризует и те тяжкие последствия, которыми голод, чума, вражеские набеги и внутренние усобицы середины XIV – начала XV в. обернулись для Улуса Джучи. Добавим: в финале они привели к значительным изменениям численности и этнического состава населения на территории некогда могущественного государства.

Эпидемии чумы были одной из главных движущих сил средневековых миграционных процессов в Поволжско-Уральском регионе. Сама по себе чума была здесь эндемом, традиционным природно-климатическим явлением. Социально-демографическую роль она стала играть вследствие чрезмерного роста населения в регионе в благоприятный природно-климатический и политический период и разрушения хрупкого экологического баланса. Миграционные же процессы в связке с чумой оказались и причиной эпидемий – в виде усиленной иммиграции, и следствием – в виде массовой эмиграции.

Тимур Хайдаров

Глава V

РОЛЬ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА И МИГРАЦИОННОГО РЕЖИМА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

5.1. Западная Сибирь в эпоху трех трансграничных миграций (конец XVI – начало XVIII в.)

Период западносибирской истории, длившийся с конца XVI до конца XVII в., захвативший и начало XVIII в., можно определить как период трех исторических миграций в регион. Имеется в виду, во-первых, миграция с запада русских, начатая походом Ермака и продолжившаяся не только как движение завоевательных отрядов, но и как систематическая колонизация покоренного края. Во-вторых, миграция с юго-востока ойратов: их целью было не просто использовать пастбища на юге края, а установить над ним экономический и политический контроль. В-третьих, во многом производная от ойратской миграция с юга казахов, принявшая по преимуществу форму набегов.

Три миграционных волны различались и по началу их движения во времени, и по его направлению, и по целям, и по силе, по другим характеристикам; но что их, несомненно, объединяет, так это быстро образовавшаяся зависимость между ними. Постараюсь показать эту зависимость, но не во всех ее проявлениях, а только в одном аспекте – в том, как кочевые миграции повлияли на социально-структурные характеристики русской колонизации.

Русская колонизация

Первые контакты русских и народов Сибири состоялись еще в XI в., однако ретроспективно их можно считать лишь подготов-

кой к последующей великой колонизации Сибири. К XVI в. опыт этих контактов был уже длительным, но не особо разнообразным, поскольку сводился главным образом к торговле и к попыткам поставить часть родов в отношения зависимости для получения от них дорогих сибирских товаров экономическими средствами, а если возможно, то и политическими.

Традиции подобных отношений были заложены Новгородской республикой, а в ней контакты с народами Сибири и, шире, Востока устанавливали преимущественно частные лица – представители знати и купечества, которые могли на свои средства собирать крупные отряды для экспедиций на север (Бахрушин С.В., 1927, с. 141–148). Позднее конкурентом Новгорода в продвижении на восток стала Москва. После присоединения Новгорода в 1471 г. Москва организовала две крупные военные экспедиции для подчинения севера Западной Сибири: в 1483 и 1499 гг. (Алексеев Ю.Г., 2007, с. 275). Московская военная колонизация XV в. имела ряд успехов, однако они не были значительными и длительными. Роды севера Западной Сибири были вынуждены платить дань под угрозой военных экспедиций из Московского государства. Но еще большей была их зависимость от татар, поскольку те жили на Тоболе и Иртыше, следовательно, находились гораздо ближе к этим родам, чем Русское государство. Подлинная власть над севером Западной Сибири могла быть достигнута только при условии присоединения ее центральной части; а власть над этой частью – только при условии подчинения Русским государством всего Поволжья.

Присоединение Сибири к России началось со знаменитого похода казаков во главе с Ермаком. Казаки разгромили Сибирское ханство, но это не привело автоматически к вхождению Сибири в Русское государство. Сибирское царство было действительно присоединено в 1586–1594 гг. в результате действий русских правительственных отрядов. В 1586 г. отряд воевод Василия Сукина и Ивана Мясного в 300 стрельцов и казаков, посланный царем Федором Иоанновичем, построил русский военный форпост на юге Сибири, г. Тюмень, а в следующем году отряд под началом Данилы Чулкова в 500 служилых людей основал Тобольск. Так центральная часть Сибирского царства оказалась под русским контролем. Затем, в ходе экспедиций 1593–1594 гг., были основаны новые укрепленные центры русской власти: крепости Пелым, Березов, Сургут на

севере и г. Тара на юго-востоке Сибири. В самом конце XVI в. для лучшего обеспечения коммуникаций из Русского государства в Сибирь были основаны еще два важных населенных пункта на притоке Тобола р. Туре: Верхотурье и Туринский острог (ПСРЛ, 1987, т. 36, ч. 1, с. 138).

Первые десятилетия русской колонизации Сибири русское население сосредоточивалось в городах. Не только служилые и посадские люди, но и крестьяне стремились обзавестись двором в городе – под защитой укреплений; города же имели в основном военный характер. Первой по времени появления группой их жителей стали служилые люди, присланные правительством на восток. До конца XVII в. они оставались преобладающей, а часто и единственной группой населения в большинстве городов Сибири. Только после того, как русское военное присутствие в крае, усилившись, начало преобразовываться в *служилую колонизацию*, началась и *крестьянская колонизация* южных земель Сибири (Пузанов В.Д., 2009, с. 278–296).

В 1625 г. во всех 13 сибирских городах насчитывалось 2 700 служилых людей. В 1635 г., в связи с резким обострением отношений с кочевниками-ойратами, городские гарнизоны в Сибири были увеличены, посредством перевода служилых людей из Европейской России, до 5 тыс. человек. В 30-е гг. XVII в. служилые люди составляли около 70% русского населения Сибири. К 1641 г. в ней проживало примерно 8 тыс. семей русского населения, из них 5 146, или 65%, от общего числа были семьями служилых людей, около 2 300 (29%) – крестьянскими и порядка 350 (4%) – семьями посадских людей (РГАДА. Ф. 214. Кн. 110. Л. 1–46; Оп. 3. Ст. 1673. Л. 77–95). Позднее, в 40–90-е гг. XVII в., численный состав большинства входивших в Тобольский разряд старых сибирских гарнизонов (Тюмень, Тобольск, Тара, Верхотурье, Туринск, Пелым, Березов, Сургут) изменялся незначительно. Только в главном городе всей Сибири – Тобольске – постоянно росло количество служилых людей. В результате Тобольск, самый крупный центр Сибири, надолго приобрел особый характер преимущественно военно-служилого города. В 1624 г. служилые и церковные люди владели в нем 78% дворов, а посадские – 17% (Вилков О.Н., 1970, с. 33). Но даже в конце XVII в. две трети (65%) дворов принадлежало различным группам военно-административного населения и только 35% – по-

садским людям. Сходной была структура населения и в большинстве остальных городов Сибири – они тоже оставались в первую очередь административными и военными центрами, а служилые люди – наиболее многочисленной группой русского населения. Всего в Сибири к 1699 г. проживали приблизительно 25 тыс. семей русского населения, из них уже более 2/5 – 11 тыс. (44%) – считались крестьянскими, 11,5 тыс. (46%) – семьями служилых людей и 2,5 тыс. (10 %) – посадских (Никитин Н.И., 1988, с. 151–173).

Понятно, почему во время покорения Сибири и сразу после него субъектами русской колонизации являлись исключительно служилые люди. Но почему их безусловное преобладание в составе русского населения Сибири размывалось столь медленно, что и к концу XVII в., т.е. спустя столетие после завоевания края, они оставались – и по количественным параметрам, и по возможностям, которыми обладали, – главной действующей силой в Сибири?

Конечно, в значительной мере это объясняется внутренними российскими причинами. Такими, например, как прикрепление крестьян к земле или притяжение других районов колонизации, располагавшихся ближе к землям старого освоения и к тому же более пригодных для земледелия. Но были и другие причины, и искать их следует в самой Сибири.

Ойратская завоевательная миграция

В начале XVII в. русские встретились на территории Западной Сибири с западномонгольскими кочевниками-ойратами. В XVII в. ойраты совершают экспансию в трех направлениях – на восток, запад и юг. В первые десятилетия века в ходе и в результате борьбы с другими кочевыми народами – восточными монголами государства Алтын-ханов, казахами и ногаями, ойраты занимают территории по рекам Иртышу, Ишиму, Тоболу, Яику. Степные пространства Западно-Сибирской равнины на протяжении XVII в. становятся частью ойратского мира, раскинувшегося от озера Кукунор на востоке до низовий Волги на западе. В Западной Сибири ойраты вступают в отношения с представителями русской власти, с одной стороны, с русским и ясачным населением уездов Сибири – с другой.

Русские и тюрки Сибири называли ойратов калмыками. По данным Ремезовской летописи, уже в конце XVI в. ойраты кочевали к западу от рек Ишима, Нор-Ишима, Оми и Камышлова (пра-

вый приток Иртыша, современное название Камышловка), которые вообще тогда считались «калмыцким рубежом». В летописи «Калмыцкой землей» названы земли в верховьях Иртыша, области вокруг озера Зайсан, куда совершил свой последний набег за лошадьми Кучум (Богоявленский С.К., 1939, с. 51).

Первоначально русско-калмыцкие столкновения происходили на территории Тарского уезда, по отношению к мигрировавшим на север группам калмыков оказавшегося пограничным (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1542. Л. 135). 27 февраля 1608 г. в грамоте воеводе Тары князю И.В. Масальскому правительство царя Василия Шуйского разрешило ойратам кочевать в Сибирской земле по рекам Иртышу, Оми, Камышлове и других местах, где они захотят быть «под царской рукою». То есть занятие этих территорий обуславливалось принятием русского подданства. А в 1620 г. воевода Тобольска М.М. Годунов, сообщая о перекочевке ойратов, указал и ее причину: «А прикочевали, государь, те колмацкие люди блиско твоих государевых городов для того, что воюют их, колмацких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 122–123).

Перипетии борьбы ойратов с другими кочевническими образованиями имели значимые последствия для уездов русской Сибири, особенно для ясачного населения. В 1615 г. ясачные татары верхних волостей Тарского уезда сообщили, что они не могут платить ясак полностью, так как «на них приходят наши изменники непослушники ойратские люди и воюют их и детей в полон емлют». К этому времени ойраты захватили часть южных промыслов и зверовий, многих ясачных людей там побили и взяли в плен. Служилые люди Тары писали в 1615 г., что к городу «прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи» в семи-восьми днях пути от города, и нападают на город и волости (РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 165–167). В 1628 г. ойраты занимают южную часть Тюменского уезда. Они подходят к городу на расстояние «за 3 днища и ближе», изгоняют ясачных людей Киньурской, Бачкурской и Терсяцкой волостей с их угодий и вотчинных речек и «многих ясачных татар на промыслах всех побивают и мягкую рухлядь у них отнимают» (Миллер Г.Ф., 1941, с. 395).

В целом в 1620-е гг. представители монгольского мира – ойраты и монголы первого Алтын-хана – подчинили своему политическому влиянию всю южную окраину Сибири, от ареала киргизов до

Уфимского уезда. Фактически одним из результатов ойрато-монгольского противостояния стал выход из-под русского контроля всего сибирского юга.

Ойраты стали главным кочевым соседом русских на юге Западной Сибири. Русские власти Сибири не имели достаточных военных сил для защиты южных уездов. В 1634 г. ойраты организовали набеги на важные политические русские центры на юге Западной Сибири – Тару и Тюмень (Миллер Г.Ф., 1941, с. 521). В середине XVII в., когда фактически сложилось Джунгарское ханство – исторически последняя кочевая империя в Евразии – территория, контролируемая ойратами/калмыками, простиралась, по данным Юрия Крижанича, от границ Китая до Астрахани. Летом ойраты кочевали у границ Китая и Бухары, осенью перемещались к рубежам русской Сибири (Алексеев М.П., 1941, с. 558). Здесь их улусы находились на Тоболе и Ишиме, т.е. непосредственно соседствовали с южными уездами Западной Сибири, а отчасти «заезжали» и на их территории. В 1654 г. послы ойратов в Тюмени сообщили, что «на Тоболе кочуют многие тайши» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 455. Л. 1). Чуть позднее, в 60-е гг. XVII в., улусы хошоутов, одного из племенных подразделений ойратского мира, находились всего в трех днях пути от Тары.

Близость ойратских улусов, их пространственная подвижность оказывали значительное влияние на жизнь южных уездов Сибири, в первую очередь на положение ясачного населения, – хотя бы потому, что кочевники занимали вотчинные речки и уголья ясачных людей. Особенно важное значение для южных уездов Тобольского разряда имели отношения с хошоутами (Пузанов В.Д., 2011, с. 127–129).

Вместе с тем к середине XVII в. отношения русских властей и кочевников в Сибири улучшаются, поскольку сторонами была фактически признана ранее установившаяся ситуация *двоеданства* населения на землях, примыкавших к русско-джунгарской границе. В частности, ясачные люди Тарского и Кузнецкого уездов (в XX в. территории этих уездов вошли в современные Омскую, Томскую, Новосибирскую, Кемеровскую области) вынуждены были платить дань и русским, и ойратам, т.е. находиться в подданстве сразу двух государств (РГАДА. Ф. 113. Год 1647. Д. 1. Л. 11–27; Ф. 199. Портфель 478. Ч. 3. Д. 14. Л. 3–6; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6299. Л. 1–3; Ф. 248. Оп. 8. Кн. 473. Л. 127).

Набеговая миграция казахов

В конце XVII в. русские в Сибири встретились еще с одним, теперь тюркским, кочевым народом – с казахами. Первые контакты с ними приняли специфическую форму: казахи совершают набеги на русские поселения юга Сибири, русские пытаются эти набеги предотвратить. Как следствие, здесь, как и в отношениях с ойратами, на первый план выходят военно-политические задачи Русского государства, а значит, и исполнители его воли – служилые люди.

Ранее «казахская проблема» перед Тобольском не стояла, так как в XV–XVI вв. и на протяжении большей части XVII в. политические и экономические интересы России и казахов расходились в разных направлениях, что исключало как союз, так и военные действия друг против друга. Русские после разгрома Кучума начали планомерное наступление на восток Сибири, казахи, завоевывая города Средней Азии, втянулись в борьбу с узбеками Бухары. Приход в 1610–1620-х гг. в степные районы Зауралья и Поволжья ойратов/калмыков окончательно разделил русских и казахов. Во второй половине XVII в., по данным Разрядного приказа, кочевьем «Казачьей орды» оставалась «земля Юргенская (т.е. Хивинское ханство. – *В.П.*) и земля Бухарская» (Книга Большому Чертежу, 1950, с. 182). Однако к концу XVII в. ситуация изменилась. В 1690-е гг. отряды казахов вышли к границам Сибири и совершили ряд набегов на русские слободы. Главный удар был нанесен по слободам на Тоболе. Воеводы Тобольска С.И. Салтыков и А.Ф. Нарышкин сообщали: «В 198-м, и в 199-м и в 200-м, и в 202-м, и в 203-м годах приходили Казачьи Орды... воинские люди в Тобольской уезд под Тарханский острог и под Ялуторовскую, и под Царёво Городище, и под Утяцкую и под Чумляцкую, и под Ишимскую Коркину слободы и под митрополье Воскресенское село, и к пристанищу Ямыша озера войною и многих русских служилых людей, и татар, и крестьян, и ясашных людей побили, и в полон з женами и з детьми взяли и скот отогнали» (Материалы..., 1936, ч. I, с. 95).

Причинами неожиданных для русского населения казахских набегов являлись ойрато-казахские противоречия в Средней Азии, резко обострившиеся к 80-м гг. XVII в., когда джунгары начали борьбу за города Туркестана. В результате серии походов 1681–1685 гг. им удалось отбить у казахов его экономически более развитую восточную часть. Казахи понесли крупные материальные

потери. Компенсировать их ряд казахских родов решил традиционным для кочевников способом: напасть на сельскохозяйственные центры юга Сибири, захватить там пленных с последующей продажей тех в рабство, а также скот и другое имущество.

Обращает на себя внимание факт синхронности нападений казахов на русские поселения и джунгаро-китайских войн. Приоритетной для элиты джунгаров была задача усиления, путем объединения всех монгольских племен, своей империи, которая, в случае успеха, безоговорочно доминировала бы во всей Внутренней и Средней Азии. Попытки осуществления этих планов влекли за собой частые войны с цинским Китаем, во время которых ойраты не оказывали прежнего давления на казахов и те, получив передышку, пускались в набеги на земли северных соседей.

В первые десятилетия XVIII в. джунгары вытеснили казахов из Туркестана. Казахи начали уходить в далекие от ойратов и благоприятные для кочевания районы в бассейнах рек Урала, Тобола, Ишима. Ойрато-казахская война 1717–1718 гг. привела к новым поражениям казахских жузов. Это побудило часть казахских родов, оставив кочевья в прифронтной полосе, прибыть к границам русского Зауралья, где у них начались конфликты с русскими подданными, рассматривавшими верховья Тобола и Ишима в качестве законных мест своей охоты и промысловой деятельности. В декабре 1718 г. полковник Леонтий Парфентьев из Царева Городища сообщил в Тобольск, что на р. Ишим к русским слободам прибыла Казачья орда и «на промыслах, на соленых озерах, и на хмеле русских людей и татар побивают и полон берут» (ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1. Д. 47. Л. 11–12).

* * *

После принятия в 1735 г. ханом Младшего жуза Абулхайром российского подданства и жесточайшего разгрома Цинами в 1757–1758 гг. Джунгарского ханства отношения русских в Западной Сибири с кочевниками перешли на новую стадию. Один из претендентов на контроль над сибирскими степями вообще сошел с исторической арены. Другой был принужден смириться с тем, что главенствующей силой не только на юге Западной Сибири, но и на землях казахских кочевий стала Россия. Однако эти сюжеты выходят за хронологические рамки настоящего раздела.

В заключение подчеркнем следующее. В XVI, XVII и начале XVIII в. на юге Западной Сибири встретились три миграционных потока: русский, ойратский и казахский. На протяжении всего этого периода между русскими и кочевым миром происходило интенсивное взаимодействие. Сложилось так, что в ходе его доминировала военно-политическая составляющая контактов, и это обстоятельство наложило сильнейший отпечаток на сам характер русской колонизации в тот период: она приняла служилый характер. Соответственно, в составе русского населения в Сибири вплоть до конца рассматриваемого времени и по численности, и по значимости преобладал военно-административный элемент – служилые люди.

Владимир Пузанов

**5.2. Суд и местное самоуправление у мигрантов
из Средней Азии в России XVIII – первой четверти XIX в.
(по материалам Полного собрания законов Российской империи)¹**

Первые выходцы из Средней Азии, в России первоначально все именовавшиеся «бухарцами», обосновались в России еще на рубеже XVI–XVII вв., после вхождения Сибирского ханства в состав Московского государства. Уже в этот период российские власти сумели оценить значимость среднеазиатских торговцев как вероятных посредников в установлении и поддержании контактов с государствами региона и потому всячески старались обеспечить им режим наибольшего благоприятствования, нашедший отражение в предоставлении многочисленных льгот и привилегий (Burton A., 1993, p. 67, 70). Такая политика во многом способствовала притоку в пределы Российской империи большого числа выходцев из Бухарского эмирата, Хивинского ханства, Ташкента и Восточного Туркестана и принятию ими российского подданства.

С увеличением числа среднеазиатских мигрантов от собственно бухарцев стали отличать «ташкентцев», «хивинцев», «трухменцев» и прочих «азиятцев». Возникла необходимость закрепления их особого правового статуса, в котором принималось бы во внимание и их положение подданных российских монархов, и особенности их политических традиций и правового сознания. В результате для выходцев из Средней Азии в законодательном порядке были со-

¹ Раздел подготовлен в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322.

зданы органы местного самоуправления и особая система судов. Факт их создания получил отражение в специальном имперском законодательстве, их статус постоянно подтверждался российскими монархами. Это являлось не просто важной составляющей политики империи по отношению к самим мигрантам, но и служило своеобразным сигналом для среднеазиатских государств – свидетельством стремления России к расширению политических и экономических связей с ними.

Отдельные вопросы формирования и функционирования органов местного самоуправления и суда для выходцев из Средней Азии уже были рассмотрены рядом исследователей. В частности, они нашли отражение в работах Х.З. Зияева (1968), С.Н. Корусенко (2011), Г.Т. Бакиевой (2011), К.Р. Ишбулдиной (2016). Однако упомянутые авторы, во-первых, в большей степени сосредоточивались на изучении социально-экономических и этнических аспектов жизни среднеазиатских мигрантов в Российской империи. Во-вторых, они опирались преимущественно на архивные материалы и акты правотворчества региональных властей. В разделе предпринята попытка анализа правовых актов, издававшихся по рассматриваемым вопросам именно центральными имперскими властями, вошедших в Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Привлечение этого источника позволяет не только лучше охарактеризовать официальную правовую политику имперских властей в отношении среднеазиатских мигрантов, но и проследить эволюцию их институтов суда и местного самоуправления. А в ряде случаев – и понять мотивы изменения политики Российской империи по отношению к этой категории ее подданных.

Многочисленные льготы и привилегии, с первой половины XVII в. предоставлявшиеся в России среднеазиатским торговцам, стимулировали их достаточно многочисленные выезды в Россию. В конце XVIII в. число выходцев из различных среднеазиатских государств настолько увеличилось, что в 1789 г. генерал-прокурор А.А. Вяземский направил запрос Екатерине II относительно возможности принимать их в российское подданство. Запрос послужил основанием для издания именного указа от 3 ноября 1789 г. «О дозволении ташкентцам и бухарцам переселиться в Россию», в котором императрица отвечала Вяземскому: «Рассмотрев изъясненное в записке вашей желание ташкентцев и бухарцев переселиться

в пределы империи нашей, мы не находим никаких препятствий к удовлетворению оною» (ПСЗРИ, 1830, т. XXIII, №16814, с. 93).

Из-за роста численности среднеазиатских мигрантов, вступавших в российское подданство, возник вопрос о создании условий для их «компактного проживания» в соответствии с их собственными обычаями и традициями, в том числе и в сфере управления и правового регулирования отношений. Сами «бухарцы» поначалу стремились жить именно в русских городах. В связи с этим 11 октября 1703 г. был принят приговор Сибирского приказа «О непереводе татар и бухарцев из Тобольска на Панин бугор и о наблюдении, чтобы мечети их от русских церквей построены были в отдаленности, и чтобы во время божественной службы соблюдаемо ими было благочиние». Согласно этому приговору, «бухарцам» разрешалось проживать в Тобольске вместе с русскими – равно как татарам и прочим «иноземцам» (ПСЗРИ, 1830, т. IV, №1946, с. 226). Однако со временем власти сочли целесообразным создавать для выходцев из Средней Азии обособленные места проживания.

С самоуправлением бухарцев напрямую был связан и вопрос об их подсудности. И в этом отношении российские власти в течение длительного времени шли навстречу своим подданным, в содействии которых для укрепления отношений со Средней Азией так нуждались. В 1686 г. грамотой царей Ивана V, Петра I и регентши царевны Софьи, изданной в подтверждение положений, которые содержались в грамоте 1642 г. царя Михаила Федоровича, устанавливалось: тобольские бухарцы неподсудны русским судам – «опричь заемных кабал и татиных и разбойных дел с поличным» (ПСЗРИ, 1830, т. II, №1209, с. 816).

Столетие спустя, 9 декабря 1787 г., Екатерина II направила пермскому и тобольскому генерал-губернатору генерал-поручику Е.П. Кашкину именной указ «Об оставлении тобольских бухарцев и ташкентцев на том самом основании, на каковом они были до открытия наместничества». В нем специально подчеркивалось, что преобразование Сибирской губернии в наместничество не умаляет прав и привилегий местных «бухарцев» и «ташкентцев». Надо полагать, поводом для издания такого указа послужило существенное расширение в результате губернской реформы 1775 г. полномочий вновь назначаемых наместников по сравнению с прежними губернаторами. В результате реформы усилился контроль региональных

администраторов за органами местного самоуправления и, соответственно, были урезаны полномочия последних. Однако указом императрицы российским подданным среднеазиатского происхождения по-прежнему дозволялось взаимодействовать по торговым вопросам с городскими магистратами и разрешать имущественные споры в «словесных судах» на родном языке. Самое главное, что впервые нормативно было закреплено их право на создание, при условии значительной численности, органов местного самоуправления: «...С умножением числа их, могут и пожелают они сами иметь собственную ратушу, сообразно правилам, в Учреждениях наших об управлении губерний изображенных» (ПСЗРИ, 1830, т. XXII, №16593, с. 951–952). На основании этого указа в Сибири стали появляться не только городские органы самоуправления среднеазиатских мигрантов, но и целые «бухарские» волости, управлявшиеся выборным руководством на основе их собственных правовых норм и обычаев (Зияев Х.З., 1968, с. 38–43; Ишбулдина К.Р., 2016, с. 247–248).

Право выходцев из Средней Азии (равно как армян и татар) на собственные словесные суды было подтверждено докладом Сената «О разбирательстве дел третейским судом между индейцами, персиянами, бухарцами, хивинцами и другими заграничными азиятцами, пребывающими в Астрахани». Он был утвержден 19 ноября 1800 г. императором Павлом I. Перечисленные «азиатцы» споры между собой должны были решать в собственных судах и управах, но если одной из сторон оказывался «россиянин», дело рассматривалось в российской судебной инстанции. Правда, в случае, когда одной из сторон являлся «бухарец», а другой – иной «инородец», дело рассматривал именно «бухарский» словесный суд (ПСЗРИ, 1830, т. XXVI, №19656, с. 393–395).

В последний раз право «бухарцев» на собственные органы самоуправления (ратуши и волости) было подтверждено знаменитым «Уставом об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., разработанным выдающимся российским законодателем и государственным деятелем М.М. Сперанским во время его пребывания на посту сибирского генерал-губернатора. Вместе с тем одновременно с закреплением этого права «бухарцы» были окончательно приравнены по статусу к другим «оседлым инородцам». Отныне их права в области самоуправления не отличались от прав татар и других оседлых народов Сибири, а большинство прежних льгот, соответст-

венно, отменялось (ПСЗРИ, 1830, т. XXXVIII, №29126, с. 394, 399). Подобная позиция, несомненно, была обусловлена тем, что к этому времени Российская империя установила непосредственные контакты с ханствами Средней Азии и необходимость в бухарцах как посредниках отпала.

Роман Почакаев

5.3. Эхо истории: миграционная политика России в Бессарабии в первой половине XIX в. в контексте современных политических процессов в Молдове

К моменту присоединения к Российской империи междуречье Прута и Днестра было заселено слабо, в особенности его южная часть, область Буджак, откуда в 1806–1812 гг. ушли сами или были выселены почти все мусульмане – ногайцы и турки. Междуречье занимало до 50% территории княжества Молдова, однако в 1812 г. здесь проживало чуть больше 51 тыс. семей. Оценочно это составляло 256 тыс. человек – лишь около четверти всего населения Молдовы (Грек И., 2012, с. 70). И это при том, что со второй половины XVIII в. в Бессарабию с территории Османской империи, а также из княжеств притекало христианское население. Главной причиной его миграции было тяжелое социально-экономическое положение, политическое бесправие и религиозный гнет, усугублявшиеся частыми русско-турецкими войнами, поэтому трансграничная миграция того периода квалифицируется как вынужденная.

Одна из наиболее значительных по численности волн переселенцев была вызвана русско-турецкой войной 1806–1812 гг., завершившейся подписанием Бухарестского мирного договора 1812 г. и образованием Бессарабской области в составе России. Учитывая плодородие земель в крае, а также его важное геостратегическое положение, российское правительство решило ускорить освоение Бессарабии и стало проводить эффективную миграционную политику по переселению в нее задунайских христиан.

Выделение основных компонентов этой политики, оценка ее действенности в качестве своеобразного орудия истории в XIX в. и ее долговременных, вплоть до наших дней, последствий и составляет цель настоящего раздела. При этом особый акцент будет

сделан на том, чему обычно не уделялось значительного внимания – тому, как российская политика преломлялась в духовно-религиозном аспекте обустройства мигрантов.

I

Верховная власть России стремилась продемонстрировать балканским народам новую модель управления. Она декларировалась как христианская, реализовывалась как покровительственная, была на деле довольно-таки толерантной и в то же время – унифицирующей, поскольку постепенно устанавливала для всех ее объектов – хозяйственных, социальных, духовных – единые российские стандарты.

Основания этой политики были сформулированы первым генерал-губернатором Молдовы и Валахии адмиралом П.В. Чичаговым в письме-инструкции его секретарю А.С. Стурдзе следующим образом: «Управляя Бессарабией, вы должны стараться положить основание более прочному зданию; обеспечьте право владения, облегчайте приобретение его вновь поселившимся. Общественные должности должны быть распределены справедливо; добросовестность правителей должна заставить жителей забыть прежнее отсутствие всякой правильности и закона. Доставьте жителям Бессарабии выгоду свободной и отеческой администрации. Обратите ловким образом внимание соседних жителей на страну, которую вы сделаете счастливою. Последняя война подавала большие надежды христианским населением: в настоящее время, когда наша армия действует в другом месте, надобно подумать, как сохранить их привязанность к нам и оградить от влияния наших неприятелей. Болгары, молдаваны, валахи, сербы отыскивают себе отечество: от нас зависит, чтобы они нашли его» (Чичагов П.В., 1871, с. 1550–1551).

В первые годы после присоединения многие бессарабские крестьяне, опасаясь, что их превратят в крепостных по российскому образцу, уходили на территорию княжества Молдова, где крепостничество было отменено еще в 1749 г. Местные власти и лично митрополит Бэнулеску-Бодони неоднократно призывали крестьян к спокойствию, но случаи ухода продолжались до 1820-х гг. (Бенюк В., Волков Э., Степанюк В., 2016, с. 182). Что касается переселенцев, то они не спешили закрепляться на новых землях. Одна из причин заключалась в том, что жители Бессарабии в массе своей

не имели точных сведений о содержании Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией и потому не знали, чьими подданными они станут. Между ними прошел слух, что они опять будут принадлежать туркам. По предположению протоиерея Ф. Малявинского, слух этот разносили «проходимцы-монахи». Ввиду открывшихся обстоятельств епархиальное начальство, дабы ограничить распространение недостоверной и просто ложной информации, постановило, что передвигаться по Бессарабии монахи могут только при наличии на то письменного вида. Одновременно для оповещения всех прихожан о том, что Бессарабия принадлежит и будет принадлежать России, «грамоты о присоединении Бессарабии к России были прочитаны и посланы во все церкви» (А.С., 1891, с. 196–199).

Слухи и борьба с ними имели место в 1813 г., т.е. в то время, когда задунайские переселенцы обосновались на территории Бессарабии, но еще не получили обещанного им льготного статуса иностранных колонистов. Огромную роль в их закреплении на новой родине сыграл Указ Правительствующему Сенату от 29 декабря 1819 г. «О поселении в Бессарабской области болгар и других задунайских переселенцев». Согласно Указу, задунайские переселенцы, включая и тех, кто оказался на частновладельческих землях, могли безвозмездно водворяться на казенных землях и наделялись на них тем же привилегированным статусом, что и другие иностранные колонисты. Те их них, кто переселился до войны 1806–1812 гг., освобождались от налогов и податей на три года, те, кто сделал это во время войны и после нее, – на семь лет. Также всем им предоставлялось право свободного производства и продажи винодельческой продукции (ПСЗРИ, 1830, т. XXXVI, №28054, с. 517–520). Добавим, что каждой семье было выделено в потомственное пользование по 60 десятин земли (позднее – по 50). Кроме того, у колонистов постепенно сложилась своя сеть административных учреждений (Мещеряк И.И., 1957, с. 55–57).

Для подавляющей части задунайских переселенцев Указ 1819 г. имел принципиальное значение при решении ими вопроса о признании России своей новой родиной, несмотря на то, что турецкие власти со своей стороны обещали предоставить ряд привилегий тем, кто согласится вернуться на Балканы. Когда после Крымской войны 1853–1856 гг. часть Бессарабии с 40 переселенческими колониями, где проживало более 40 тыс. человек, отошла, в соответст-

вии со статьями Парижского договора, к Молдавскому княжеству, ее жителям было предоставлено право свободного перехода в течение трех лет в Россию. Однако, как только трехлетний срок истек, обещанные льготы и привилегии были отменены румынским правительством, а протестные выступления колонистов жестоко подавлены. После этого началась их вынужденная миграция на территорию России, правительство которой подтвердило, на основании Высочайшего повеления от 4 июня 1856 г., сохранение дарованных ранее прав на денежное пособие, на освобождение от податей и повинностей на восемь лет, на земли в Екатеринославской и Херсонской губерниях (Белова Е.В., 2004, с. 135–136).

II

Для задунайских переселенцев большое значение имела их религиозная идентичность. Кишиневским епархиальным начальством, приходским духовенством, светскими властями и исследователями неоднократно отмечалась характерная черта новых жителей Бессарабии – их глубокая приверженность православию (Державин Н.С., 1914, с. 35; Манов А.Й., 1938, с. 40; Чакир Д., 1891, с. 736; Квилинкова Е.Н., 2013). О значимости православия для мигрантов говорит в первую очередь тот факт, что они, переселяясь, как правило, всем селом, делали это вместе со своим приходским священником. Свидетельством приверженности православию является и церковное строительство в местах поселения мигрантов.

В тех селах запрутской Молдовы, где болгары и гагаузы жили уже довольно продолжительное время, проблема культовых учреждений для православных переселенцев решалась успешно. Так, они сами построили в конце XVIII – начале XIX в. церкви в с. Чадыр Хотарничанского цынута¹ и в с. Томай Измаильского уезда. После издания Указа 1819 г. жители Чадыра, осевшие первоначально в имении молдавского помещика Бальша, перебрались в Буджак, где основали колонию Чадыр-Лунга. При этом они разобрали и перенесли из Чадыра деревянную приходскую церковь с иконостасом. В течение двух недель они заново возвели ее в своей новой колонии и освятили (НАРМ. Оп. 1. Д. 1924. Л. 14; Список древнейших

¹ Цынут – административная единица в княжестве Молдова, сопоставимая с русским уездом.

церквей..., 1907). Это событие тоже показывает высокую ценность «своего» храма в народно-религиозном сознании переселенцев.

Возведение переселенцами собственной церкви свидетельствовало не только об их религиозности, но и о намерении окончательно осесть на новом месте, прочно связать свою судьбу с новой родиной. Аналогично воспринималось церковное строительство и властями. Как можно видеть из архивных документов, то обстоятельство, что на первых порах новопоселенцы не спешили со строительством церквей, сильно беспокоило и Кишиневскую духовную консисторию, и гражданские власти. Они постоянно выясняли причины данного явления, старались оказать содействие переселенцам в удовлетворении их религиозных нужд и одновременно побуждали их к строительству церквей в тех селах, где они проживали. Но «не уверенные еще в прочности своего водворения, болгары-переселенцы, особенно переселенцы Южной Бессарабии, не совсем охотно строили на первых порах церкви» (Стойков Н., 1910, с. 1277). По этому поводу было даже проведено специальное разбирательство, результаты которого протоиерей Ф. Малявинский изложил 9 июня 1813 г. в рапорте Преосвященному Гавриилу, митрополиту Кишиневскому и Хотинскому, и Преосвященному Димитрию, епископу Бендерскому и Аккерманскому (А.С., 1891, с. 196–199). В нем протоиерей констатировал: «Объезжая селения от Копчака вдоль по Ялпуху реке – до Измаила многие селения, будучи населенными жителями в достаточном количестве и имея в некоторых местах своих священников, не хотят строить церкви».

Массовое строительство церквей в так называемых колониях болгарского водворения (основывавшихся как болгарами, так и официально к ним себя поначалу причислявшими гагаузами¹) началось после принятия Указа 1819 г. Для полноты картины приведем некоторые данные. По архивным документам до Указа церкви значились в следующих колониях: Кирсово (1812), Дезгинжа (1813), Каракурт (1813), Волканешты (1816), Бешалма (1816), Чимекиой (1817), Тараклия (1817), Томай (1818), Долукиой (1818). После Указа церкви были построены в колониях: Авдарма (1819), Татар-Копчак (1819), Чадыр-Лунга (1819), Казаяклия (1819), Бурчи (1819), Кубей (1820), Табак (1820), Валя-Пержа (1821), Гай-

¹ См. об этом раздел Е.Н. Квилнковой в настоящей монографии.

дары (1821), Комрат (1822), Болбока (1826), Чешмеваруит (1826), Этулия (1827), Конгаз (1828), Башкалия (1832), Бешгиоз (1857), Джолтай (1862) и др. В более бедных колониях до второй половины XIX в. были молитвенные дома: в Александровке (1823), Дмитровке (1827), Чок-Мейдане (1825), Кириет-Лунге (1830) и др. (НАРМ. Ф. 205, 208; Квилинкова Е.Н., 2013, с. 44).

Проблема строительства церквей возникла вновь после второй волны переселений из-за Дуная, последовавшей вслед за окончанием русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Это видно из официальной переписки 1833–1835 гг. между Кишиневской духовной консисторией и Комитетом об иностранных поселенцах Южного края России, председателем которого на тот период являлся И. Инзов. Так, в своем донесении протоиерей Болградского собора В. Пуришкевич писал: «В этом году предполагается строительство церквей в 11 колониях. <...> А те села, в которых еще нет средств на строительство церквей по планам в ближайшие три года, желают построить пока молитвенные дома в этом году». Всего в донесении перечислялось 20 колоний (НАРМ. Ф. 208. Оп. 2. Д. 1342. Л. 1–15).

На представленные И. Инзовым данные о количестве жителей в переселенческих колониях и о планах построения церквей Кишиневской духовной консисторией 29 ноября 1832 г. было дано следующее указание: «Объявить всем прихожанам, которые желают строить церкви, на место старой церкви строить новую каменную, ибо деревянные запрещены, чтобы в 1836 г. они представили на простой бумаге просьбу на имя епархиального протоиерея, какие причины побуждают строить новую церковь, какие есть средства, материалы». Населению же тех колоний, которые собрались строить молитвенные дома, предлагалось разъяснить, что в том нет необходимости, поскольку «находящиеся в оных колониях священники могут читать заутреню и вечерню в каком-либо приличном доме, а божественную литургию могут слушать в ближайших церквях. Таким образом располагать их о скорейшем построении церквей, а не о молитвенных домах» (НАРМ. Ф. 208. Оп. 2. Д. 1342. Л. 14–15). Это правило соблюдалось и в дальнейшем; например, до постройки церкви в колонии Твардица (1842 г.) местные священники отправляли служение в соседней чадыр-лунгской Свято-Афанасьевской церкви (Казанаклий П., 1873, с. 662).

Для возведения каменных храмов создавались специальные фонды из пожертвований прихожан. Политика стимулирования церковного строительства оказалась эффективной. К 1845 г. во всех болгарских селах были построены хорошие каменные церкви (Стойков Н., 1910, с. 1361). Несколько позднее А. Защук в описании Бессарабии отмечал, что «во всякой колонии существует церковь или молитвенный дом, содержаемые несравненно лучше, чем в селениях молдаван» (Зашук А., 1862, с. 506).

III

Правительство царской России и в дальнейшем проводило политику, направленную на привлечение в Бессарабию трансграничных мигрантов и их закрепление в местах нового расселения. В начале 1870-х гг. колонии были переименованы в селения, а колонисты – в поселян-собственников. Казенная земля («дача») была обращена в собственность поселян с правом выкупа в течение 20 лет (Малай К., 1875, с. 736). В условиях мира и стабильности, политики поддержки задунайских переселенцев открылись новые возможности для развития всех сфер их жизни. Селения переселенцев стали цветущими, их жители – зажиточными. Местные общества обрели, таким образом, больше возможностей для того, чтобы проявлять заботу о причтах своих церквей и в 1874–1875 гг. установили им хорошее жалованье от общества (чего не было в молдавских селах).

Население Бессарабской губернии к 1859 г. возросло до 941,1 тыс. человек, а по Всероссийской переписи 1897 г. в ней проживало уже 1935,5 тыс. человек. Причем на долю трансграничных иммигрантов и их потомков приходилось около 39% общего прироста населения (Грек И., 2012, с. 74). Интенсивное заселение края, стимулировавшееся активной и, что особенно важно, разносторонней миграционной политикой, стало одним из важнейших факторов, ускоривших его экономический подъем. Площадь зерновых посевов увеличилась более чем в пять раз, сбор урожая – более чем в три раза, а в отдельные годы наблюдался феноменальный рост в шесть раз. Подъему способствовали и реформы Александра II, и то, что в Бессарабии не было войн и внутренних смут. Позитивную роль сыграло и то, что вплоть до конца 1873 г. ее жители не призывались в российскую армию. Всеобщая воинская повинность была введена в 1874 г. (манифест, подписанный императором Александром II –

«Устав о воинской повинности») (Реформы Александра II, 1998, с. 338; Рудник С.Н., 2016, с. 83).

Для массы христианского балканского населения Россия стала новой родиной, с которой они навсегда связали свою дальнейшую историческую судьбу. Здесь они получили хорошую возможность для экономического, социально-культурного и религиозно-нравственного развития и в ответ на протяжении всей истории демонстрировали преданность России и православию. Большинство церквей, построенных в тот период, сохранились до настоящего времени и продолжают действовать.

IV

Следствие разумной миграционной политики, начало которой в Российской империи было положено свыше 200 лет тому назад, хорошо видно при сопоставлении двух вариантов отношения к России в наши дни.

На протяжении всего периода независимости политическая элита Республики Молдова находилась в постоянном и зачастую противоречивом поиске самоидентификации, геополитического статуса страны, путей ее дальнейшего развития. Неоднократно происходила смена векторов внешней политики. Сначала обсуждалась возможность стратегического партнерства с Россией и вступления в союз Беларуси – России. Затем делалась ставка на активизацию сотрудничества со странами ГУУАМ и на вступление в Евросоюз. Потом вновь обозначился курс на расширение сотрудничества с Россией вплоть до вступления в ЕврАзЭС. Сейчас в повестке дня опять вопрос о вступлении в ЕС¹.

На фоне этих колебаний и поворотов совершенно иначе выглядит позиция политического образования, созданного потомками задунайских переселенцев, – Гагаузской автономии, постоянно выступающей за сотрудничество с Россией, а в последнее время на деле наращивающей его экономический и политический потенциал.

Практически сразу после парафирования соглашения между Республикой Молдова и Европейским Союзом Народное собрание Гагаузии на заседании 27 ноября 2013 г. утвердило проект закона об отложенном независимом статусе автономии. В соответствии

¹ Подробнее о политике Республики Молдовы см.: (Сакович В.А., 2016).

с ним, в случае, если Молдова потеряет статус независимого и суверенного государства, Гагаузия автоматически станет независимой республикой. В феврале 2014 г. был проведен референдум, и большинство населения автономии поддержало проект закона «Об отложенном статусе народа Гагаузии на внешнее самоопределение» и курс внешнеполитического развития Республики Молдова на вступление в Таможенный союз – ЕврАзЭС. Выборы башкана (главы) Гагаузии, прошедшие в 2015 г., на которых, под лозунгом евразийской интеграции и сотрудничества с Россией победила И. Влах, – еще один индикатор направленности гагаузского народа на сотрудничество с Россией. В следующем году выборы Президента Республики Молдова в очередной раз подтвердили приверженность гагаузов и болгар ориентации на Россию: более 90% из них проголосовало за И. Додона, выступавшего за восточное партнерство, за сближение Молдовы с Россией.

Так грамотная, умная и дальновидная политика российского правительства и Русской православной церкви в далеком уже XIX в. до сих пор отзывается благодарным откликом потомков переселенцев – болгар и гагаузов, проживающих на юге Молдовы. Это самые преданные друзья современной России.

Василий Сакович

5.4. Политика правительства в отношении миграции российских мусульман во второй половине XIX – начале XX в.¹

В политике Российской империи немаловажную роль играли миграционные процессы на ее территории. Особое внимание властей привлекали миграции мусульман (Dashkovskiy P.K., Sher-shneva E.A., 2015a; 2015b). Изначально это было обусловлено активным оттоком с конца 1780-х гг. мусульманского населения за пределы Российской империи (Кабузан В.М., 1998; 2005). Чтобы минимизировать отрицательные последствия трансграничной эмиграции, правительство прибегало к поощрению внутренней миграции. В то же время мусульмане не только уезжали из России, но и приезжали в нее, так что вопрос о законодательном оформлении

¹ Раздел подготовлен в рамках госзадания Минобрнауки РФ №33.2177.2017/4.6 «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции».

их прибытия и проживания встал уже на рубеже XVII–XVIII вв. В конечном счете массовое появление иностранных подданных на территории государства побудило к принятию законодательных актов, регламентировавших их правовой статус (Иванов С.К., 2010; ПСЗРИ, 1830, Т. XVI, №11720, с. 126–127, №11880, 313–316).

В целом политика Российской империи, имевшая целью регулировать мусульманскую миграцию, производит впечатление политики скорее реагирующей на события, чем упреждающей их. Вместе с тем она была достаточно активной, в особенности в конце XIX – начале XX в., когда происходил подъем национального самосознания мусульман, важным компонентом которого было появление и распространение панисламских и пантюркистских идейных течений, объективно угрожавших сохранности империи в том виде, в каком она вступила в XX в. Ниже мы постараемся дать панораму миграционной политики того времени, сделав при этом акцент на том, как она осуществлялась в Сибири.

I

К концу XIX в. в основном завершается процесс присоединения к России новых земель с мусульманским населением. На разных его этапах наблюдались достаточно сильные волны эмиграции мусульман, которые направлялись главным образом в Османскую империю, позиционировавшую себя в качестве оплота мусульманской веры. Особенно массовым переселение мусульманских народов было сразу после завершения Кавказской войны, когда страну покинуло значительное число кавказских горцев (Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., 2008, с. 302). Османские власти старались разместить прибывших единоверцев преимущественно в арабских землях, на территории будущих государств: Иордании, Ирака, Сирии, а также в Палестине. Впрочем, мусульман – выходцев из России селили и в других частях империи, например, в Болгарии. Размещение уезжавших из России мусульман среди иноязычного и иноверческого для них населения практиковалось турецким правительством еще с конца XVIII в., когда после покорения Крыма Россией образовалась первая волна эмигрантов, состоявшая из крымских татар и ногайцев (Регент Т.М., 2011, с. 54).

Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX в. не сводились только к эмиграции. Постоянством и большим раз-

махом отличалась внутренняя миграция. Так, согласно сведениям А.А. Кауфмана, к началу XX в. ежегодно в приграничные районы Российского государства переселялось примерно по 200 тыс. человек, что составляло 0,14% населения страны. Особенный интерес для государства в его переселенческой политике представляли восточные районы, прежде всего Сибирь и Дальний Восток. Для регулирования миграционных процессов на территории страны в 1896 г. при МВД было учреждено Переселенческое управление. Кроме того, хотя восточные окраины Российской империи все больше обретают к рубежу веков образ колоний, верных своим национальным и религиозным традициям, но лишенных «мусульманского фанатизма», правительство видело своей задачей насаждение русской культуры и быта в мусульманской среде (Ремнев А.В., Суворова Н.Г., 2010, с. 154–158). И возлагало в этом смысле немалые надежды на устремлявшихся на окраины мигрантов-православных¹.

Еще одним направлением миграционной политики на протяжении всего XIX в. был прием иммигрантов из европейских и азиатских стран. О нарастающем числе иммигрантов свидетельствуют данные статистики: с 1828 по 1915 г. прибыло в Россию 4,15 млн человек (Птицын А.Н., 2009, с. 173; Оболенский (Осинский) В.В., 1928, с. 107). При этом выходцы из мусульманских стран с течением времени составляют все более значимую долю миграционного притока (Кабузан В.М., 1998), что постепенно становится причиной опасений, как бы иммигранты не стали проводниками турецкого влияния.

Опасения эти не были беспочвенными. В отдельных случаях контакты с выходцами из мусульманских стран действительно приводили к «заражению» российских мусульман националистическими идеями «младотурков» и панисламизмом. Во второй половине XIX – начале XX в. османские чиновники с целью контроля и наблюдения за жизнью единоверцев на немусульманских территориях посещают молитвенные собрания, в том числе в Петербурге (Мустакимов И., 2008). А российская разведка доносит об активизации в Турции панисламистского комитета, который рассылал своих агентов по странам с мусульманским населением (Машитлев Р.М., 2012; Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б., 1994, с. 28). В ответ один из

¹ См. в связи с этим: (Вощинин В., 1917).

департаментов МВД занялся выявлением лиц, пропагандирующих антиправительственные взгляды панисламистской направленности.

Приведем несколько примеров аналогичной деятельности на региональном уровне. В 1870 г. генерал-губернатору Западной Сибири были предоставлены сведения о том, что прибывший из Турции Хаджи-Ахмед-Эфенди был отправлен в Тюменский ссыльный приказ из-за того, что стремился вызвать среди местных мусульман антиправительственные настроения (ИАОО. Д. 9679. Л. 1–1об.). В 1872 г. стало известно о проживании турецкого подданного в степи, среди казахов. Согласно документам, он получил паспорт в Тобольске, после чего приступил к обучению казахов мусульманской вере и их лечению. Там, где он поселился, имелись свои муллы и медики, и его присутствие было сочтено излишним. Паспорт его был отправлен военному губернатору Акмолинской области, а его самого рекомендовано выслать (ИАОО. Д. 10673. Л. 1–1об.), так как начальник полиции Тобольской губернии усматривал в пребывании турецкого подданного угрозу политическому спокойствию в государстве (ИАОО. Д. 10673. Л. 5). Обязанности по выдворению неблагонадежного иностранца взяло на себя МВД, обратившееся к местным властям с просьбой о предоставлении его примет, чтобы включить его в список лиц, коим запрещен въезд в пределы Российского государства (ИАОО. Д. 10673 Л. 8–9 об.).

Еще один инцидент произошел в 1876 г. в Акмолинской области. Был задержан подданный Османской империи, у него были изъяты паспорт и документы. Задержанный обратился к исполняющему обязанности губернатора области с просьбой их вернуть и разрешить ему какое-то время проживать в губернии и беспрепятственно по ней перемещаться по территории, а затем вернуться на родину. Запросы не были удовлетворены, департаментом полиции было предписано генерал-губернатору распорядиться об отправлении турецкого подданного в Одессу, чтобы затем выслать его из страны (ИАОО. Д. 13353. Л. 2–4).

II

В начале XX в. заметно усиливается политическая активность мусульманского населения страны. Показательно в этом отношении проведение в 1906 г. в Нижнем Новгороде мусульманского съезда. На нем был предложен план создания культурно-конфессиональной автономии. Задачей автономии было объединить всех

мусульман Российской империи. Во главе ее должен был стоять избираемый духовный лидер мусульман, наделенный правом личного доклада императору. Оговаривалось также и общее устройство духовной жизни российских мусульман. В частности, для всех духовных управлений предписывалось выбирать сроком на пять лет лидеров общины, а также формировать советы (меджлисы) с представительством как духовных, так и светских лиц (Дякин В.С., 1996, с. 43; Алов А.А., Владимиров Н.Г., 1996, с. 52).

Значительное влияние на политическое пробуждение российских мусульман оказывала мусульманская интеллигенция, получившая образование за рубежом (Машитлев Р.М., 2012). Следует учесть, что возможность получить достойное образование многим мусульманам виделась прежде всего в учебных заведениях Османской империи. Тем более что там русские мусульмане, в том числе представители духовенства, могли получить еще и видные должности и награды. Например, муфтий М. Султанов был в 1893 г. удостоен ордена «Османие» (Сибгатуллина А.Т., 2010, с. 9), вообще-то выдававшегося за заслуги перед Портой...

Сначала мусульманская интеллигенция, а затем и татарские школы, где преподавали ее представители, становятся оплотом антиправительственных настроений, генерируют призывы к жизни по законам, предписанным в Коране и Сунне. По мнению Департамента полиции, особенно неблагонадежными были волжские татары, влиявшие на всех мусульман империи и тесно сотрудничавшие с мусульманами за ее пределами (Национальная политика России, 1997, с. 131; Старостин А.Н., 2007, с. 35). Это мнение подтверждается проведенной Министерством народного просвещения проверкой в мусульманских школах, в которых была изъята рукописная литература на татарском языке. В ней открыто выражалось недовольство российским правительством, осуждалась его политика в отношении уммы. Кроме того, были изъяты издания константинопольского происхождения, явно враждебные русской государственности и русскому народу в целом. Проверка показала, что проблемы, с которыми столкнулось правительство в мусульманских школах, – следствие слабого контроля за назначением учителей в мусульманские учебные заведения. Основная масса преподавателей в них получала образование за рубежом, много было и тех, кто не имел российского подданства (ГААК. Д. 41. Л. 69).

III

Сделавшаяся очевидной недостаточная эффективность контроля гражданских ведомств за контактами российских мусульман с зарубежными единоверцами побудила правительство передать функции выстраивания межнациональных отношений на Кавказе и в Туркестанском крае Военному министерству. Однако это не означало, что МИД перестанет уделять «мусульманскому вопросу» особое внимание. Предметом этого внимания была не только в целом миграция мусульман, но и такая ее специфическая разновидность, как паломнические поездки, рассматривавшиеся верующими как обязательная составляющая духовной жизни каждого мусульманина (Арапов Д.Ю., 2004, с. 148).

На протяжении всего XIX – начала XX в. мусульмане с трудом добивались разрешения на выезд за пределы Российской империи. Это касалось в первую очередь хаджа в Мекку и Медину (Гусева Ю.Н., 2012). Правительство полагало, что ограничение паломнической миграции существенно сузит общение российских мусульман с мусульманами нероссийскими (Тихонов А.К., 2008, с. 184; Малашенко А.В., 1998, с. 30). Начиная с 1880-х гг. в стране вводятся ограничения на паломнические поездки в Мекку, а также на создание просветительских обществ (Султангалиева А., 2007, с. 14). Паломнический вопрос был на особом контроле у российского правительства и в начале XX в. Так, в «Уставе о паспортах» 1903 г. оговаривались правила и условия отпуска мусульман в паломничество. Согласно данному документу, отправляющиеся в паломнические поездки мусульмане Российской империи получали паспорт особого образца, установленного МВД. Возвращаясь из поездки, они должны были пройти врачебно-санитарную проверку, после чего губернатор должен был проследить, что за ними установлен политический контроль. Аналогичные требования применялись ко всем иностранным подданным мусульманского вероисповедания, прибывавшим в Россию. Уклоняющихся от выполнения этих требований полиция была обязана принуждать к их выполнению и привлекать к уголовной ответственности (СЗРИ, 1912, с. 56).

Обеспокоенность царской администрации вызывала и статистика паломнических поездок. Например, в 1898 г. Мекку посетили 1795 российских подданных, и большая их часть была представлена вы-

ходцами из Средней Азии, особенно из Ферганской долины. Между тем данный регион в тот период считался одним из самых политически неблагонадежных в Российской империи. При этом остановить процесс паломничества государственным органам не представлялось возможным, поскольку паломники часто уходили в Мекку и без паспортов. Неоднократно такие паломники подвергались нападениям со стороны бедуинов или становились жертвами афганских мошенников. Об этом свидетельствовали турецкие газеты, которые обвиняли в бесправном положении российских мусульман органы власти, не выдавшие им паспорта (Нуриманов И.А., 2007).

IV

Миграционная политика российского правительства была противоречивой. С одной стороны, правительство всячески стремилось ограничить свободу передвижения населения за пределы страны, с другой – способствовало легальному внутреннему переселению, освобождая переселенцев от налогов и воинской повинности, выдавая пособия (Кабузан В.М., 2005). По представлению властей доминирующим миграционным этносом, несомненно, являлись православные русские, однако власти понимали, что и мусульмане татары играют заметную роль в заселении окраин Российской империи.

Со второй половины XIX в. миграционная политика Российской империи приобретает черты, обусловленные наступлением нового этапа в развитии миграционных процессов. Самое пристальное внимание правительства привлекают внешние миграции, трактовавшиеся как каналы проникновения и распространения среди российских мусульман антиправительственных настроений. Начинает волновать российские власти и внутренняя миграция мусульманского населения. В целом, однако, попытки ограничить общение русских мусульман с единоверцами из-за рубежа не увенчались успехом. Не получил однозначного решения и вопрос внутренней миграции, так как все русификаторские меры, применявшиеся правительством, оказались малоуспешными.

Петр Дашковский, Елена Шеринёва

Глава VI

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МИГРАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ

6.1. Nascent Youth Labour Migration from Ethiopia to the Middle East: Historical Roots and Theoretical Explanations

In recent years, migration has emerged as a serious point of concern both for sending and receiving countries. The former see it in a positive light as a means to curb domestic unemployment and a source of remittance, which solves economic problems of sending families (micro-level effect) and alleviates to a certain degree shortage of hard currency for sending governments (macro-level effect). On the contrary, it invokes mixed feelings in receiving countries, seen positively as source of cheap labour power and negatively as a source of crime, terrorism and social tension. Irrespective of these contrasting attitudes, over all, international migration is steadily increasing. World migration report indicates that there are about one billion migrants around the world, of which 214 million are international migrants (World Migration..., 2011, p. 49). Despite multilevel institutional barriers set to contain it, international migration has increased since then reaching 244 million in 2015, a little short of the 250 million World Bank predictions for 2015 (A Certain Catalyst..., 2015, p. 13). The magnitude and intensity of cross-border migration has increased with alarming rate in 2016 prompting the emergence of such idiom as “migration crisis”. This has to do largely with the crisis in Syria, Libya, Afghanistan and Iraq, which poured tens of thousands of asylum seeking migrants into Europe. As correctly noted, the Horn of Africa, characterized by a precarious peace and security landscape, and high levels of poverty, induces the desire

to move even if the legal options for migration are bleak (Frouws B., Horwood C., 2015, p. 2). So, even in the absence of war and with considerable economic improvements, young Africans are also heading abroad *en masse*. Among them are Ethiopian migrants, moving both as asylum seekers and economic migrants looking for better opportunities.

Ethiopians are going almost in all directions from their country: northwards to Europe through the Sudan overcoming the Libyan Desert where smugglers help them further to swim across the Mediterranean Sea and end up in Europe. To Israel where they go through Egypt crossing the Sinai Peninsula. Southwards they migrate through Kenya and Tanzania by passing many countries further to reach South Africa, the final destination in that direction. Eastwards, they move through Djibouti or Somaliland crossing the Gulf of Aden or the Arabian Sea to reach the Kingdom of Saudi Arabia and other rich Gulf states via Yemen. Of all potential destinations, the Middle East¹ represents the most preferred region for unskilled labour and thus emerged as the largest migration hub in recent times, particularly for female domestic workers. While most of the female domestic workers follow formal channels to migrate to the Middle East (using the services of labour recruitment agencies and having legal travel documents / overseas visa), the overwhelming majority of male migrants use informal routes which are controlled by brokers and smugglers, and often fall prey to human traffickers.

Currently, Saudi Arabia, the wealthiest and stable country in the Middle East, acts as a regional magnet for Ethiopian migrants seeking better opportunities. Was it like this throughout history, or we see a new trend prompted by contemporary global changes? This paper tries to answer these questions from historical perspective. Towards this end, I first provide an overview of historical relations between Ethiopia and the Middle East with special emphasis on population movement. In the next section, I furnish an explanation for contemporary surge in youth migration from Ethiopia to Saudi Arabia. What follows, is an attempt to connect empirical data on nascent youth migration with the assumptions of the Neoclassical and New Economics Theory of Labour Migration, which I think resonate closely with the local context. Finally,

¹ The Middle East discussed here mainly refers to historical southern Arabia and contemporary Gulf states. It does not include Israel, which represents the biggest site of religious pilgrimage for Ethiopian Christians.

I use empirical data gathered from returnee labour migrants to test the capacity of the two theories to explain local migration dynamics.

Overview of historical relations between Ethiopia and the Middle East, with particular reference to South Arabia

The relation between Ethiopia and the Middle East dates back to the dawn of history. Archaeological evidences gathered from northeastern Ethiopia attest the presence of contacts between the two regions beginning from the first millennium BC (Butzer K.W., 1981; Munro-Hay S., 1991; Phillipson D.W., 1998; 2012; Anfray F., 1981; Erlich H., 1994). Linguists and archaeologists do confirm incidents of the South Arabian people migrating to northeastern parts of Ethiopia in those early ages. Since that time, movement of kind between the two regions continued, albeit rising and ebbing at times.

We have abundant sources pertaining to the vibrant cross-cultural fertilization between migrant population from South Arabia and local population in northern Ethiopia (mid 1st millennium BC). Contrary to that, there is a dearth of such evidence attesting the existence of parallel migration from Ethiopia to the other side of the Red Sea before the rise of Aksum as a political and economic force in the region. Therefore, our discussion here is limited to Aksumite-South Arabian contacts for which we have ample historical and archaeological evidences. Economically, maritime trade in which Aksum engaged through its Red Sea port of Adulis (today's Zulla south of Massawa) played an important role for these relations (Erlich H., 1994, p. 4). Politically, sixth century AD saw a turbulent period when the Aksumite king Kaleb subdued some of the regions in southern Arabia, particularly Himyar (in present day Yemen), and turned Ethiopia into a Red Sea empire (524–590). The relationship between the two regions thus had climbed to its highest level by then. The loss of Aksumite suzerainty over South Arabia because of the Persian invasion into the region in 590 brought about temporary decline in this relation. In the early seventh century, the rise of Islam in South Arabia ushered a new era of relations. This was manifested by arrival of the followers of Prophet Mohamed at the court of the Aksumite emperor escaping persecution by Mecca's authorities (Erlich H., 2006). The spread of Islam across the Arabian Peninsula and subsequently across the Red Sea region including northeastern Ethiopia brought about a shift of relations from political to religious

ties. South Arabia being the center of this religion, and *Mecca* and *Medina* emerging as crucial Islamic pilgrimage sites began to attract Muslims from across the world, including Ethiopia.

Thus, rooted in population migration and cemented by religious ties, Ethiopian and South Arabian relations continued, but taking different courses at different historical epochs. If not a wholesale embracing of one another, early relations largely seem built on mutual respect and tolerance. Yet, while relatively robust historical record exists on ancient and early medieval relations between the two regions, the dearth of such materials pertaining to the late medieval and early modern era does not allow us to say much with certainty. After the seizure of the Red Sea coast by Arabs and destruction of Adulis, cut of its external links, Ethiopia seems to have plunged into era of isolation and obscurity. At its initial stage, Islam played an important role in connecting Ethiopia to the Middle East – at least by exempting it from the Jihadist onslaughts as an expression of gratitude for the support and merciful act extended to the Prophet followers. On the other hand, it served as a major impediment that isolated Ethiopia from the outside world in later ages (Erlich H., 1994, p. 21). Encircled by expansive Islamic polities and developing siege mentality, Christian Ethiopia remained isolated for a long time. Ahmed Gragn's¹ invasion of Christian-dominated northern Ethiopia in the sixteenth century (1529–1543) and persecution of Christians by his followers might have deepened the siege mentality and played a negative role by tarnishing the image of Islamic Middle East as a better place for migration. Thus, it is unlikely that significant inter-regional mobility has happened during those days. What we can say with some certainty is that 20th century relations between Ethiopia and the Middle East, at least at individual level, were more dynamic and predominantly based on economic interests.

The movement of the political center of the country southwards and establishment of a modern Ethiopian state with its boundaries akin to its current limits towards the end of the 19th century, and the subsequent introduction of modern political and economic institutions, particularly trade in early 20th century, brought about a completely new forms of relations. Owing to the opening up of new opportunities,

¹ Ahmed Gragn, or Ahmed the Left-handed was the ruler of Adal, a Muslim principality in southeastern Ethiopia who waged successful war against Christian Kingdom of Ethiopia.

Arab merchants from different parts of the Arabian Peninsula began to come and open business (particularly shops) in Ethiopia. Until the discovery of oil in that part of the world and the reverse movement, Arab merchants dominated commerce in Ethiopia's urban centers. Above all, Yemeni merchants played a significant role in Ethiopia's urban trade until the overthrow of the centuries-old royal rule and deposing of the last emperor in 1974.

Political turmoil, drought, famine, and civil war in Ethiopia that followed the ascendance of the military junta (*the Derg*) to power in 1974, brought about massive out-migration from the country. Even then, while some opposition groups and liberation movements, particularly the Eritrean Liberation Front sought support from some Arab governments, the Middle East rarely served as a major migration haven for Ethiopians escaping political persecution and economic hardship at home. Rather, very limited labour migration masked by religious pilgrimage dominated by adherents of the Islamic faith began to take root as a form of mobility. We can attribute that to the long-standing perception of Islamic Middle East developed by Ethiopian Orthodox Christians, restrictive policies of the government towards out-migration and limited information about the availability of employment opportunities. Added to that is the deeply entrenched poverty and destitution that curtailed overseas migration by denying means for financing human mobility. Indeed, poverty plays a dual role: it forces people to look for alternatives elsewhere and, at the same time, it cripples human mobility not only by denying the needed resources for migration, but also by stifling human desire and aspirations to look for opportunities (real or imagined) beyond limited horizon. Compared to poverty, what drives mobility is relative affluence: people get the means, allowing them to dream and aspire for better life beyond national frontiers and take step forward to achieve the goal.

It is only in the 1980s that purposeful labour migration from Ethiopia to the Middle East, particularly in the form of domestic service began to take hold (Fernandez B., 2010; Regt M., 2010). During this period, female domestic workers began to migrate to Arab countries, particularly to Lebanon, in search of better pay (Fernandez B., 2013). A surge of labour migration from the country on a massive scale took place following the overthrow of the military regime in 1991, the subsequent liberalization of the economy and lifting of restrictions

on population movement (Teferra Z., 2016). No doubt, permissive domestic political and policy environment spurred departures, however, it was a change of labour policy in the Middle East that stimulated the inflow of Ethiopians, both formally and informally (Fernandez B., 2013). Particularly important was a shift in Saudi Arabia's interest from importing Filipino female domestic workers who dominated the service, but whose wage was relatively high, towards more cheap labour from Africa, which have been increasingly replacing Asian domestic workers (Regt M., Medareshaw T., 2015).

***Nascent youth labour migration
from Ethiopia to the Middle East:
Towards a new explanation***

Labour migration has becoming a defining feature of the relationship between Ethiopia and the Middle East in recent decades (Regt M., Medareshaw T., 2015). Can we attribute this to traditional explanation, particularly singling out poverty as the most dominant driving factor? This section tries to challenge the entrenched poverty thesis and provides emerging mutually reinforcing factors as drivers of nascent youth migration from Ethiopia.

For the sake of analysis, I subdivided the factors into two categories: *perceptual* and *non-perceptual*. The perceptual factors primarily relate to:

a) the wind of globalization that has crushed long-standing siege mentality among Ethiopian Christians and ushered a new image of the Middle East as a land of opportunity and better place to find employment, particularly for unskilled workforce;

b) and the fact that Islam, though no less indigenous to Ethiopia than Christianity, has witnessed unprecedented expansion in recent decades, presumably inspired by support from Saudi religious missions and financial generosity,¹ which in turn stimulated the youth in Islamic dominated regions of Ethiopia like Wallo, Jimma, Harar, Somali region and Arsi-Bale to seek job opportunity in Saudi Arabia.

¹ According to Erlich (Erlich H., 2006, p. 5), Saudi money is behind the construction of hundreds of new mosques and quranic schools. The same is true with the establishment of welfare associations and orphanages, the spread of the Arabic language and translated literature, the expansion of the hajj, the organization of conferences of preachers, the monthly subsidies for the newly converted – and with the spread of the contention that Muslims are already an overwhelming majority in the country, and more.

As correctly noted by Haggai Erlich, today's Ethiopia, recuperating from an old siege mentality is no longer an isolated culture "encompassed on all sides by the enemies of [its] religion" (Erlich H., 2006, p. 1). Instead, it is opening up to its own ethnic and religious diversity and intensively reconnecting to the neighboring Middle East. Moreover, today's Ethiopia is not a *Christian Island*¹ as it was falsely perceived earlier. Islam has been there from early days and is currently expanding rapidly there by re-branding the image of the Middle East.

Listed below are the non-perceptual drivers:

a) relative improvement of the economic condition of Ethiopia's rural and urban households, which enabled them to finance migration expenditures for their children seeking to go to the Middle East and elsewhere for that matter;

b) the ease at which information circulates throughout rural and urban environments imparting knowledge about real or imagined opportunities;

c) institutionalization of migration through enactment of relevant laws, rules and regulations that govern the process;

d) establishment of legally authorized private agencies for recruitment, training, financing and exporting cheap labour power;

e) provision of visa services for legally departing migrants and formal consular support in some destination countries when the need arises;

f) proliferation of complex array of illegal service providers, namely: brokers and smugglers who flourish upon permissive policy loopholes;

g) emergence of non-governmental and government affiliated money lending and credit institutions whose services were covertly or overtly utilized for financing migration;

h) diasporic effects, i.e., emergence of transnational communities creating enabling environment for migration through provision of information, finance, invitation, temporary shelter upon arrival in destination countries, etc. and

i) finally, *emerging culture of migration*, which associates migration with success as compared to remaining at home whose image has become mark of failure, incompetence and lack of entrepreneurial grasp.

¹ Edward Gibbon's metaphorical expression of Ethiopia's image, as cited by Erlich (Erlich H., 2006, p. 11).

As could be seen from the brief discussion above, interplay of factors underlie nascent migration surge from Ethiopia to the Middle East. But where does the locus of decision-making lie? Who decides as to who should migrate or not? Are these decision-making processes and causes of labour migration to the Middle East consistent with the propositions of Neo-classics and partisans of New Economics of Labour Migration? Why do these migrations persist despite untold difficulties faced by Ethiopian migrants?

Empirical data nexus: Theoretical explanation

In view of the incessant nature of cross-border migration from Ethiopia, it is imperative to test the existing migration theories to ascertain which of them have major capacity to explain local migration dynamics. Then, owing to the multiplicity of existing theories, an emphasis has been made on selected theories resonating more closely with the realities of migration in less developed societies like Ethiopia. Thus, below I will discuss the content of the Neoclassical Economics Theory and the New Economics of Labour Migration with respect to their capacity to explain labour migration from Ethiopia.

Neoclassical Economics Theory of Migration. Rooted in modernization theory and neoclassical development economics, it perceives migration as the means by which surplus labour in a largely agricultural economy is transferred to the urban industrial sector, providing for economic growth and a psychosocial reorientation of the migrant in the process (Goss J. and Lindquist B., 1995). Proponents of this perspective also argue that international migration is caused by geographic differences in the supply of and demand for labour. Countries with a large endowment of labour relative to capital have a low equilibrium market wage, while countries with a limited endowment of labour relative to capital are characterized by a high market wage. The resulting differential in wages causes workers from the low-wage country to move to the high-wage country (Massey D. et al., 1993; Borjas G.J., 2008).

Within the ambits of neoclassical theory there emerged a microeconomic model of individual choice (Sjaastad L., 1962; Todaro M., 1969; Todaro M. and Maruszko L., 1987). In this scheme, individual rational actors decide to migrate because a cost-benefit calculation leads them to expect a positive net return from movement (Massey D. et al., 1993). But before people can capture the higher wages associated with

greater labour productivity they must undertake certain investments, which include the material costs of traveling, the costs of maintenance while moving and looking for work, the effort involved in learning a new language and culture, the difficulty experienced in adapting to a new labour market, and the psychological costs of cutting old ties and forging new ones. Potential migrants estimate the costs and benefits of moving to alternative international locations and migrate to where the expected discounted net returns are greatest over some time horizon (Borjas G.J., 1987).

The New Economics of Labour Migration. In the 1980s, a “new economics of migration” has arisen to challenge the neoclassical approach to migration (Stark O., Bloom D., 1985). When summarized, the content of this theory is as follows (Massey D. et al., 1993):

1. Families, households, or other culturally defined constituents of production and consumption are the appropriate units of analysis for migration research, not the autonomous individual.

2. A wage differential is not a necessary condition for international migration to occur; households may have strong incentives to diversify risks through transnational movement even in the absence of wage differentials.

3. There are strong incentives for households to engage in both migration and local activities. In fact, an increase in the returns to local economic activities may heighten the attractiveness of migration as a means of overcoming capital and risk constraints on investing in those activities.

4. International movement does not necessarily stop when wage differentials have been eliminated across national boundaries. Incentives for migration may continue to exist if other markets within sending countries are absent, imperfect, or in disequilibria.

5. The same expected gain in income will not have the same effect on the probability of migration for households located in communities with different income distributions.

6. Governments can influence migration rates not only through policies that influence labour markets, but also through those that shape insurance markets, capital markets, and futures markets.

7. Government policies and economic changes that shape income distributions will change the relative deprivation of some households and thus alter their incentives to migrate.

8. Government policies that produce a higher mean income in migrant-sending areas may increase migration if relatively poor households do not share in the income gain. Conversely, policies may reduce migration if relatively rich households do not share in the income gain.

From the perspective of New Economic Theory of Migration, the household bridges the gap between the social and individual levels of analysis. However, critics argue that poor households are often unable to strategize in the sense presented in this literature, and they are least able to apply sanctions to family members in order to ensure their cooperation (Goss J., Lindquist D., 1995, p. 327). The more serious problem is the effective substitution of the rational, calculating individual with a rational, calculating household. This conception of “the household as an individual by another name” repeats the errors of voluntarism in neoclassical approaches to social explanation (Folbre N., 1986, p. 5; cited in Goss J., Lindquist D., 1995, p. 327). The New Economics of Migration while being able to analyze the migration determinants and effects, is sending-side bias and, by emphasizing household decision-making role, it underestimates individual level decision-making which is equally important.

Each of the two theories presented above can show one aspect of migration dynamics leaving the other side in darkness. However, put together / in combination, and corroborated by other perspectives, particularly, those focusing on structural issues like the world systems theory, they can provide a broader understanding of the reality.

Empirical data collected in 2011 from northern Ethiopian returnee labour migrants who were repatriated from Yemen with the help of the IOM (Teferra Z., 2016) has largely supported the notion that individual migrants are motivated by the prospect of high wages overseas and the possibility of accumulating sufficient capital to help their family, buy farm plots (which is scarce in northern Ethiopia), construct a house and/or start their own business despite enormous risks awaiting them. In *Humera* (northwestern Ethiopia), for instance, request for seasonal labour in large-scale sesame farms exceeds half a million labourers during peak harvest time. Nevertheless, most of the youth in the area does not use this employment opportunity. When asked, why they prefer to work in Saudi Arabia instead of seeking employment in places like *Humera*, Amhara and Tigrean returnees replied that they can earn

by far greater money in Saudi Arabia than locally (approximately 2800 Birr per month in the KSA for uneducated laborers as compared to 600 Birr in Ethiopia). The same were arguments by returnee female domestic workers deported from KSA in the wake of the Saudi crack down on foreign labor migrants in 2013. This seems to be consistent with the assumptions of the Neo-classical theory where purportedly differential wage between the sending and receiving country drives migration (Massey D. et al., 1993; Kurekova L., 2011).

In addition to wage differentials, stories of successful overseas migrants play an important role as luring factor. This is because individuals and communities in previously isolated societies are now exposed to life elsewhere through personal contacts, social and broadcast media. These channels disseminate fresh information about existing opportunities, which are often than not taken for granted by potential migrants.

This study further indicated that macro-level neoclassical economic model better explains the motives of educated Ethiopian migrants with experience of wage labor at home, but seeking better pay abroad. This is because such individuals have the capacity and level of maturity to make independent decision based on their free choice, and on comparison of the wage paid for their profession in Ethiopia and the payment expected in destination country. Such individuals maximize their income by exploiting the wage difference between home and the receiving country. In the course of my study over the past couple of years, I encountered many such young people (with university degrees and good wage labour experience, of course *by Ethiopian standards*) seeking job opportunity abroad. Teachers, nurses and doctors are among such labour migrants.

In contrast, the above-mentioned theory is less powerful in explaining the decision-making capacity of rural youth who are not educated, lack any form of trained skills, have never been employed locally for wage labour and barely compare the wage differential between home and destination country. This is because the motive for migration for this category of people is not to earn greater wage in destination area as compared to local wage, but to get employment, in the first place. Comparison of wage differential comes only later, with growing experience and better information. What they need at the initial stage is information about demand for unskilled labour. More

importantly, the prerogative for decision pertaining to migration lies with the household or the family.

My interview with irregular migrant youths, who repatriated from Yemen in 2011, indicated that their migration to the Middle East was primarily initiated by their families and was brokered by those who are connected with smugglers. Their family not only paid for their migration, but also carried out extensive search for information and contact persons. This was corroborated by information I obtained from some deportee female domestic workers from Saudi Arabia interviewed in 2014. They claimed that it is in consultation with their family, and with family's financial help and connections that they processed their visa and migrated to Saudi Arabia. This is consistent with assumptions of the New Economics of Labour Migration instead of the neoclassical model. In other words, New Economics of Labour Migration explains best this form of migratory trend. As to the persistence of migration despite all odds, micro-level theories such as the social network theory, the social capital model and particularly theories related to emerging culture of migration seem to furnish better explanation.

Concluding remarks

By way of conclusion, it is possible to say that, despite long-standing historical relation between Ethiopia and the Middle East, particularly South Arabia, the history of labour migration is a recent phenomenon, and is largely attributed to perceptual and non-perceptual factors mentioned in section 2 of this paper. Geographical proximity and religious affinity between the two regions might have laid the foundation and played a significant role in terms of increasing number of Ethiopians going to the Arabian Peninsula for religious purposes as pilgrims, but not as labour migrants whose ultimate goal is to obtain temporary or permanent job.

When it comes to theoretical explanation of the current surge of labour migration from Ethiopia to Saudi Arabia and other rich Gulf States, Neo-classical and New Economics of Labour Migration theories may serve as relevant explanatory tools, but with some qualifications. While the motives of educated migrants who make migration decision on individual basis could be explained to a greater degree by the former, the behavior and decision making style of uneducated youth whose family / household play an important role in deciding whether

to migrate or not can only be explained by the latter. Yet, one has to bear in mind that, despite the relatively long tradition of research on migration and proliferation of many seemingly complete perspectives, at this historical juncture, there is no single theory that captures the full complexity of migration, and is in a position to provide an overarching and enduring explanation for the ever-increasing international migration. It is, therefore, imperative to juxtapose different theories to explain the interplay of factors driving migration from poor countries like Ethiopia and the reason for perpetuation of migratory trend despite life threatening risks.

Zelalem Teferra

6.2. Казахстан: трансграничные миграции и социальные сети

Как явствует из самого определения, трансграничные миграции представляют собой перемещения людей через границы. И так как «границы эти могут быть государственными, этническими, языковыми, культурными, выявляться по какому-то иному признаку, но в любом случае будут ощущаться/осознаваться как границы между пространственно локализуемыми различиями, значимыми для людей, живущих по обе стороны этих границ» (Панарин С.А., 2016, с. 8), понимание трансграничной миграции представляется довольно объемным и требует постоянного уточнения. В разделе речь пойдет о миграциях, участники которых пересекают границы двух видов: тех, что издавна являлись государственными и как таковые воспринимались; и тех, что из символических границ между союзными республиками вдруг превратились в реальные государственные границы.

Трансграничная миграция, как и другие виды миграций, может быть временной (трудовая, учебная и т.д.) и постоянной (переезд на постоянное место жительства). В разделе будет рассматриваться трансграничная миграция людей, которые пересекли государственную границу с целью смены постоянного места жительства. Именно этот вид миграции оказал наиболее значительное влияние на демографическую ситуацию в Казахстане.

Трансграничную миграцию, целью которой является изменение места жительства, зачастую называют безвозвратной, что не вполне корректно, поскольку в любом миграционном потоке всегда

найдутся люди, не сумевшие адаптироваться на новом месте и поэтому возвращающиеся на прежнее место жительства. Также следует учитывать, что человек включен в социальные сети, которые он не может сразу разорвать, даже уезжая за тысячи километров. Социальные сети, которыми он охвачен, дают ему возможность время от времени физически возвращаться в то место, откуда он уехал, а ментально/виртуально достаточно долго оставаться связанным с этим местом. Но этим их значение не исчерпывается. Как я постараюсь показать здесь, ими в значительной степени определяется, куда устремляется мигрант, принявший решение о выезде, а также, поскольку выбор места и решение о миграции неотделимы друг от друга, и само решение о смене места жительства.

***Трансграничные миграции из Казахстана/в Казахстан:
статистические показатели***

Немногочисленные трансграничные миграции имели место и в советском Казахстане в виде зарубежных командировок и туристических поездок; были также случаи брачной миграции, воссоединения семей и репатриации. Начало же такой активизации трансграничных миграций в Казахстане, что сделало их массовыми, было положено во второй половине 1980-х гг., когда в СССР был взят курс на политические реформы. Именно в это время значительно увеличилось миграционное движение, обусловленное такими очевидными причинами, как разрешение гражданам страны свободно ее покидать и политическая нестабильность на исходе перестройки и сразу после нее. Первая причина значительно умножила число тех, кто пересекал привычные межгосударственные границы, – репатриантов, направлявшихся главным образом в Израиль, Германию, Грецию. А вот под действием второй причины, приведшей к распаду огромной страны, прежняя внутренняя миграция и стала миграцией внешней, трансграничной, поскольку границы между республиками сделались границами между государствами. И это внезапное изменение статуса границ изменило само видение типологии миграции.

С обретением независимости население Республики Казахстан стало постоянным актором трансграничных миграций. Статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что в 1990-е гг. произошло значительное расширение направлений и масштабов трансграничных миграций. При этом адресами эмиграции были

преимущественно Россия, Германия, Израиль и США, тогда как иммигранты прибывали в Казахстан в основном из Монголии, Ирана, Турции, Узбекистана, Таджикистана.

Первый крупный трансграничный миграционный поток составили немцы. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., в СССР их проживало 2 млн 38 тыс. человек, из них 842 тыс. в России и 957 тыс. в Казахстане (Всесоюзная перепись...). В Казахстане они были третьими по численности в этнодемографической структуре населения республики. Масштабы их трансграничной миграции показала первая Национальная перепись населения Казахстана 1999 г.: на момент ее проведения немцев стало на 593 тыс. человек меньше, чем было в 1989 г., их численность сократилась почти в три раза – до 353 тыс.¹ Перепись 2009 г. зафиксировала дальнейшее, теперь двухразовое, падение числа немцев: выбыло 175 053 человека², осталось – 178 409 человек (Итоги национальной переписи..., 2011, с. 21). Это менее 1/5 (18,6%) от численности казахстанских немцев в 1989 г. Неудивительно, что в этнодемографической структуре населения они сместились на седьмое место, уступив по численности не только казахам и русским, но и узбекам, украинцам, уйгурам и татарам. Трансграничная миграция немцев из Казахстана может быть определена как почти тотальная репатриация или, если использовать библейскую метафору, как исход.

Специфику трансграничных миграций Казахстана определяли и два других крупных миграционных потока: миграция русскоязычного населения из Казахстана в Россию и миграция этнических казахов в Казахстан.

С одной стороны, сравнение данных переписей 1989 и 1999 гг. показывает сокращение численности русских на 1 582 401 человека³, за межпереписной период 1999–2009 гг. – еще на 686 911 человек⁴, в сумме – на 2 269 312 человек. Это больше населения Латвии. На такое драматическое сокращение численности русскоязычных повлияла и неблагоприятная ситуация с естественным приростом, но все же главной его причиной была трансграничная миграция. С другой стороны, с момента провозглашения независи-

¹ Подсчитано по: (Всесоюзная перепись...; Национальный состав..., 2000, с. 6–7).

² Подсчитано по: (Итоги национальной переписи..., 2011, с. 21).

³ Подсчитано по: (Всесоюзная перепись...; Национальный состав..., 2000, с. 6–7).

⁴ Подсчитано по: (Итоги национальной переписи..., 2011, с. 21).

мости Республики Казахстан проводится государственная политика по возвращению казахов на их историческую родину. Начиная с 1991 г. Казахстан принял 260 325 семей, или 955 894 репатриантов. Сегодня они составляют 5,5% всего населения. Большинство этнических казахов прибыли из Узбекистана: 61,6%. Остальные репатриировались из Китая (14,2%), Монголии (9,2%), Туркменистана (6,8%), России (4,6%) и из других стран (3,7%) (Информация по этнической миграции, 2015). При этом основная масса репатриантов, называемых в Казахстане *оралманами*, расселилась в областях, прилегающих к стране выхода. Значительная часть репатриантов из Узбекистана обустроилась в Южно-Казахстанской области, из Туркменистана – в Мангистауской области, из Кыргызстана – в Алматинской и Жамбылской областях, из Китая – в Алматинской, из России – в Мангистауской, Костанайской и Западно-Казахстанской области (Есимова А.Б., Полетаев Д.В., 2005, с. 63).

В целом трансграничная миграция привела к сокращению численности населения Казахстана. Согласно данным переписи 1989 г. в республике проживало 16 199 154 человека, по переписи 1999 г. – 14 953 126 человек (Краткие итоги, 1999, с. 11). Таким образом, за межпереписной период население республики сократилось на 1 246 028 человек, или на 7,7%, и произошло это преимущественно в результате трансграничной миграции. Впрочем, уже по данным 2009 г. численность населения страны приблизилась к показателям 1989 г., составив 16 036 100 человек (Казахстан в 2009 г., 2010, с. 22), а к началу 2016 г. превысила этот показатель – 17 670 579 человек (Демографический ежегодник..., 2016, с. 10). Но если естественный прирост и иммиграция казахов постепенно восполняют вызванные трансграничной миграцией потери в общей численности населения, то изменения в этнодемографическом составе населения Казахстана, к которым эта миграция привела, уже не могут быть компенсированы. Страна остается полиэтничной, но структура этой полиэтничности не та, что была накануне распада СССР. Этнодемографическая структура стала менее пестрой: значительно выросла доля казахов (с 40,1 в 1989 г. до 63,1% в 2013 г.) и резко сократилось доля русских (с 37,4 до 23,7% соответственно), немцев (с 5,8 до 1,1%) и украинцев (с 5,4 до 2,1%) (Краткие итоги..., 1999, с. 11; Этнодемографический ежегодник..., 2013, с. 7). Если в 1989 г. русские, немцы и украинцы составляли в совокупности 48,6% от

всего населения республики, то уже к 2013 г. – всего 26,9%. Таким образом, наблюдается тенденция постепенного сокращения «европейских» национальностей и становление Казахстана в демографическом смысле «азиатской» страной.

Описанные выше трансграничные миграции происходили практически одновременно. Пик их активности пришелся на середину 1990-х гг., но они продолжают до сих пор, хотя и не в таких значительных масштабах.

Трансграничные миграции из Казахстана в Казахстан в свете социологических данных

Одним из широко распространенных способов объяснения трансграничной миграции является сведение ее к экономическим причинам. На них указывал еще основатель научной теории миграции Э. Равенштейн. На современном этапе экономическое обоснование трансграничной миграции в исследованиях расширилось от локального уровня (миграция – это рефлексия на сложившуюся ситуацию по принципу «рыба ищет, где глубже, человек – где лучше») до глобального, связанного с потребностями мирового рынка труда. Однако миграция – это сложный процесс, обусловленный различными причинами. В настоящее время наблюдается ослабление экономического детерминизма при поисках причин миграции, все чаще миграционные исследования ведутся сквозь призму социального аспекта¹.

Миграция людей – это, помимо прочего, такое перемещение людей в физическом пространстве, вследствие которого расширяются, удлиняются, возникают социальные сети. Подавляющее большинство людей не едет в никуда. У каждого потенциального и реального мигранта обязательно есть человек, который может «впустить» мигранта в свои социальные сети.

Вот только три доказательных примера. ***Первый пример.*** По результатам социологического опроса немцев-репатриантов в Германии в 2008 г. и немцев-реэмигрантов в Казахстане в 2007 г. был сделан вывод, что для более полного понимания миграции следует изучать индивидуальные стратегии мигрантов, формирующиеся в социальных сетях. Также было отмечено, что в случае реэмигра-

¹ См., например: Алексеев А.Н., Байхонова С.З., 2015; Дятлов В.И., Григоричев К.В., 2014; Бочкарева И.Б., Панарин С.А., 2016.

ции из Германии в Казахстан желание мигранта проживать в своей социальной сети, локализуемой в близкой социально-культурной среде, перевешивало даже соображения экономической целесообразности (Кадацкая Н., 2008, с. 10).

Второй пример. По мнению казахстанских исследователей, большинство репатриантов-казахов предпочитают селиться в южных областях страны вследствие наличия там сложившихся веками родственных связей, схожести природно-климатических условий, образа жизни и менталитета (Положение оралманов в Казахстане, 2006, с. 15). По словам самих репатриантов, их привлекает наличие родственников и схожий климат (Есимова А.Б., Полетаев Д.В., 2005, с. 63). Что касается первой причины, то имеются в виду не только родственники из числа жителей на новом месте. Зачастую уже обосновавшаяся на нем семья в дальнейшем при каждом удобном случае «перетягивает» оставшихся за границей родственников и таким образом словно уплотняет привычную социальную оболочку, поначалу для нее относительно разреженную в месте переезда. Такие предпочтения и такая стратегия во многом обусловлены присущими традиционным и традиционалистским обществам прочными и сильными социальными сетями. Сети же, в свою очередь, воспроизводятся в силу действенности ценностных установок на важность и необходимость сетей, а также практикой активного участия в социальном взаимодействии с родственниками.

Третий пример. Он тем более показателен, что основывается на результатах исследования социальной группы, которую трудно назвать традиционной или традиционалистской. В ходе социологического опроса русских Шымкента (апрель 2004 г., количество респондентов – 118 человек) выяснилось, что у 68% опрошенных имелись родственники в России, а 65% ответили, что поддерживают связь с родственниками, проживающими в России. И это притом, что 43% респондентов никогда не были в России. Далее, в качестве предпочтительного будущего места жительства респонденты, хотевшие уехать в Россию, называли области, где у них были родственники. А большинство тех, кто не собирался менять место жительства, признали, что сдерживающим фактором является наличие у них родственников и друзей в Казахстане (Есимова А.Б., Петровская А.В., 2004, с. 38).

Напрашивается вывод: для понимания трансграничной миграции имеет значение ответ на вопрос, почему мигрантом был выбран для переселения именно тот населенный пункт, где он обосновался.

В поисках этого ответа мною в сентябре 2016 г. было проведено пилотное социологическое исследование среди русского населения Южно-Казахстанской области. Точнее сказать – среди русского и украинского населения. Как отмечала О.И. Брусина (2001, с. 133), «в 80–90-е гг. и те, кто по паспорту русские, и те, кто украинцы, на вопрос об их национальности обычно отвечали, что считают себя русскими». То же самое имело место при проведении моего исследования. Были ответы: «русский по паспорту» и «русский с украинскими корнями», который, выражаясь словами информанта, «всегда чувствует свою хохляцкую душу».

Всего в анкетном опросе приняли участие 32 человека. Анализ результатов показал, что предки всех респондентов прибыли из России и с Украины и в большинстве своем попали в Казахстан в 1930-е гг. вследствие раскулачивания. Однако были и такие, кто вел отсчет укорененности на казахстанской земле со времен Первой мировой войны или, напротив, с конца 1970-х гг. Среди регионов, откуда прибыли предки, чаще других назывались Ростовская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Самарская, Новосибирская области и Алтайский край. Предсказуемым был ответ, что большая часть родственников и знакомых респондентов в 1990-е гг. переехали из Казахстана в Россию. География их вселения в России достаточно обширна, но лишь частично совпадает с указанной выше географией выселения предков (чего и следовало ожидать с учетом высокой подвижности населения внутри СССР). Это преимущественно Краснодарский край, Ленинградская, Московская, Томская, Оренбургская, Липецкая, Белгородская, Саратовская, Самарская, Воронежская области. Предпочтение, оказанное уехавшими друзьями и родственниками респондентов этим регионам, объяснялось следующим образом: «Друг за другом, поддерживая друг друга, помогая с работой»; «Там много чимкентцев»; «В Белгород – где живет пол-Чимкента»; «Туда переехали их друзья и позвали их».

Следует отметить, что всего причин переезда было названо 55, и наиболее повторяющимися оказались ответы: «наличие родственников/знакомых» и «учеба». Первый ответ был дан 22 раза, второй – 15 раз, но их разделение – достаточно условное, поскольку

выбор места учебы также зачастую определяется наличием в этом месте родственников. («Моя подруга выбрала Рязань, так как она поехала туда на учебу. Вообще она хотела в Омск, но так как там нет родственников, она осталась в Рязани у родственников».) Распространенной становится и такая модель, когда к детям, получившим образование в России, перебираются родители.

Заключение

И русские, уезжая из Казахстана, и казахи, в него приезжая, делают и делают свой выбор под влиянием социальных сетей. Но сети эти разные: у казахов – «сильные», у русских – «слабые». Этнические казахи переселялись и переселяются в Казахстан в большинстве случаев вслед за ближайшими родственниками. У русских диапазон «вслед» значительно шире: не только ближние родственники, но и дальние, а также знакомые, друзья, коллеги, соседи. «Сильные» связи обеспечивают большую поддержку, делают ее нормативной, но заранее ограничены критерием кровной (реальной или воображаемой) близости. «Слабые» же связи, согласно социологу М. Грановеттеру (2009), оказываются на поверку сильными в том смысле, что обеспечивают более богатые, более разнообразные источники информации, позволяющие использующему их мигранту минимизировать возможные риски при выборе пункта прибытия, да и при принятии самого решения о миграции.

Мигрируя, человек попадает в новую социальную сеть, но, не теряя связи со старой, часто объединяет их или находится одновременно в новых и старых социальных сетях. С помощью новых и старых, «слабых», и «сильных» социальных сетей «своих» – родственников, друзей знакомых – «подтягивают» на новые территории. Наличие социальных сетей, зачастую имеющих исторические корни, во многом определяет миграционный выбор людей, пересекающих границы, анализ трансграничных миграций в Казахстан и из Казахстана доказывает влияние социальных связей при определении миграционных маршрутов.

Перефразируя применительно к трансграничной миграции уже упоминавшуюся русскую поговорку, можно сказать так: «Рыба ищет, где глубже, а человек – куда ведут его сети».

Айгуль Есимова

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ: НАБЛЮДАЕМЫЕ И РЕКОНСТРУИРУЕМЫЕ ЭФФЕКТЫ

Глава VII

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ МИГРАЦИЙ

7.1. Этнические кластеры в России на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв.: ушедший в прошлое и ожидаемый в будущем осадок миграционных процессов¹

Этнические кластеры – давний продукт внешних и внутренних миграций. Система экономических и социальных связей мигрантов, создаваемых ими формальных и неформальных структур и институций является той средой, в которой формируются и функционируют их территориальные кластеры. Это настолько взаимосвязанные и взаимозависимые феномены, что рассматривать их можно только в комплексе.

Составить достаточно полное представление и об этих кластерах, и о степени их изученности позволяют, как и можно было ожидать, работы американских авторов². Но и в России у них были свои прототипы и исторические предшественники. Это и гетто

¹ Раздел подготовлен в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ №28.9753.2017/БЧ «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России» и поддержанного РФФИ проекта №16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»).

² См., например: Fischer M.J., Massey D.S., 2000; Johnston R., Poulsen M., Forrest J., 2007; Light D.W., 2004; Sanders J.M., Nee V., 1987; Ruble B.A., 2005; Zhou M., 2004a; 2014b.

(в каком-то смысле – вся «черта оседлости»), и «немецкие слободки» и кварталы в городах, и аграрные поселения иностранцев, тех же немцев, которых специально приглашали в империю на жительство. В дореволюционную эпоху инородческие и иноверческие мигранты могли быстро растворяться в общей городской среде; но могли и формировать в ней прочные сегменты, с одной стороны, замечаемые как нечто особое, с другой – воспринимаемые как данность в составе окружающей повседневности¹. Это могли быть религиозные общины с собственной развитой инфраструктурой (храмы, кладбища, школы, благотворительные учреждения), места жилищной концентрации, особые экономические ниши, особый юридический статус. Они вполне органично вписывались в общий сословный тип организации общества и в соответствовавшую ему структуру городского пространства. Говорить о них как об этнических кластерах представляется возможным, только начиная со времени формирования общества массового и, как следствие, актуализации этничности. То есть – в позднеимперскую эпоху.

I

Действительно, по-настоящему свою особую роль феномен этнических кластеров начинает играть с началом массовых трудовых трансграничных миграций, и для России это тоже позднеимперская эпоха. Трансграничные миграции китайцев и корейцев на Дальний Восток привели к появлению мест их жилищной и деловой концентрации («китайские слободки» и «кварталы», корейские деревни), к распространению особого типа экономической деятельности и образованию специфических экономических ниш. Специальные правовые режимы для мигрантов подкреплялись эффективным функционированием общинных структур, которые осуществляли, помимо этнокультурных и конфессиональных функций, еще и задачи внутреннего социального контроля, регулирования и санкций.

Однако в советское время, особенно в годы «великого перелома», ситуация радикально изменилась. Трансграничные мигранты были частично выдавлены за границу, частично подверглись репрессиям (аресты, ссылки, коллективные депортации). Они исчезли из жизни страны и из городского пространства, оставшись только

¹ Такими предстают в одном полузабытом романе Н.С. Лескова (1957, с. 5–192) его персонажи – немцы, проживающие в одном районе Петербурга, на Васильевском острове.

в исторической памяти, быстро ослабевавшей по многим причинам и в том числе потому, что этнические проблемы стали считаться неудобными для рефлексии и публичного обсуждения. Даже при проведении политики нациестроительства, включавшей «коренизацию» партийного руководства и управленческого аппарата в республиках и, по сути, позитивную дискриминацию (хотя самого термина тогда не было), возможность этнической и конфессиональной самоорганизации исключалась. Когда же государство осуществляло крупные миграционные проекты на востоке страны, требовавшие притока рабочей силы из других регионов, оно применяло выработанные им механизмы адаптации мигрантов, препятствовавшие, вне зависимости от степени их эффективности, развитию коллективной субъектности и самоорганизации.

Лишь к концу советской эпохи возобновляется – в крайне ограниченных размерах – деятельность синагог, дацанов, костелов, мечетей, маркирующих не только конфессиональные, но и этнические элементы городского пространства. Тогда же становится хорошо заметным присутствие на специфическом участке городского пространства, на «колхозных рынках», торговцев овощами, фруктами и цветами, преимущественно из республик Северного Кавказа и особенно Закавказья. В массовом сознании принимающего общества они были выделены (и тогда уже стигматизированы) как «грузины», «армяне», «кавказцы» и т.п. Осуждаемая общественным мнением и официальной идеологией полуполегалная торговая специализация, рыночная ментальность, выделяющие непривычные этнокультурные элементы в облике и стиле поведения сделали их предметом пристального недоброжелательного общественного внимания. В целом же, видимое присутствие мигрантов как особой группы в городском пространстве советского города было сведено к исчезающему минимуму, что находилось в разительном контрасте с эпохой поздней Империи.

II

Постсоветские миграции становятся мощным, хотя и не единственным, инструментом актуализации этничности в пространстве повседневности. Возникающие в городах с эпохи «перестройки» объекты, которые можно определить как «мигрантские» – предназначенные мигрантам либо ими созданные или освоенные, – сначала рынки и торговые базы, чаще плодоовощные, позднее стройки –

отчетливые маркеры этой актуализации. По-новому структурируя целые сегменты физического пространства города, они тем самым обозначали в пределах уже социального пространства границы между становящимися всё более заметными локальными «сгустками» этнической идентичности. Эти новые границы обладали выраженной барьерной функцией. Но они не только разделяли, они также служили линиями контакта, иногда болезненного, сообществ, ранее между собой в качестве сообществ *этнических* совсем не контактировавших или контактировавших сравнительно редко и недолго.

Фактически во многом именно «мигрантские» объекты (хотя и не только они) оказались своего рода терминалом, через который совершалось вхождение позднесоветского общества в этническое поле. Здесь определялись межэтнические дистанции, вырабатывались практики их преодоления, а попытки осмысления нового феномена и его включение в «картину мира» стимулировали оживление старых и создание новых образов и стереотипов. Образующиеся в результате новые системы диспозиций, в свою очередь, дали толчок к формированию сложного комплекса мифов, в которых причудливо смешались представления о мигрантах, диаспорах¹, этнических меньшинствах и конфессиональных группах, и оправдываемые мифами фобии. Первые упрощали осмысление меняющейся реальности, вторые – реакции на нее. В непростой ситуации 1990-х процесс мифотворчества с легкостью интегрировал в представления о миграции и мигрантах их связь – и подлинную, прослеживаемую в реальности, и воображаемую, в реальности отсутствующую, – с криминалом, наркотрафиком и иными вызовами и угрозами.

Короче говоря, как часть видимого пространства города, «мигрантские объекты» вошли в число важнейших узлов его ментального пространства, сделались одной из несущих конструкций современного массового сознания горожан. Некоторое исключение составляли Москва и Ленинград. В обоих городах общественная антипатия к «кавказцам» четко обозначилась еще в 1960-е гг., и тогда же в них появились относительно крупные сообщества учебных мигрантов из-за рубежа, среди которых преобладали, заметно выделялись и уже тогда становились жертвами ксенофобских выхонок афро-азиатские студенты.

¹ Примечательно, что этот термин, некогда бытовавший лишь в научном сознании, с началом активизации миграционных процессов в России довольно широко распространился в массовом сознании.

III

Динамично развивающееся взаимодействие городских сообществ с мигрантами и «мигрантскими» объектами (прежде всего, рынками) приводит и к заметным сдвигам в социальной организации российских городов. Если в начале – середине 1990-х гг. этнические рынки и другие «мигрантские» объекты для большей части горожан стали важными элементами жизни, то уже в 2000-х гг. те же объекты действуют как механизмы и маркеры имущественного и социального расслоения. Сформировавшаяся вокруг них инфраструктура вместе с обширным комплексом представлений об их «этничности» все более ощутимо влияет на реструктурирование и зонирование города, причем с тем и другим процессом оказываются увязанными и производимые на основе «мигрантских» объектов статусы и отношения. Иными словами, мигрантская инфраструктура города, этнически маркированная в масс-медиа и обыденных представлениях, становится одной из важнейших несущих конструкций его повседневности с функцией как связывать физическое и социальное пространства города, так и отчуждать отдельные его части от всего остального. Так, в Иркутске центральная историческая часть города, занятая «китайским» рынком, в медийном дискурсе превращается в «клоаку», в объект, чуждый городу, исключаемый из его пространства (Этнические рынки..., 2015). В данном случае *представления* об объекте становятся не менее, а иногда и более действенным инструментом исключения, чем специфика его организации и деятельности.

Исходя из мирового опыта, можно выдвинуть гипотезу о том, что кластеры способны выполнять две противоположные функции. Они могут способствовать сегрегации мигрантов, «сворачивать» их жизни в обособленное русло, собирать мигрантов в непроницаемые для принимающего общества «ядра», общины. Если мигрантов в них будет много, и если в большинстве своем они будут вести транснациональный образ жизни¹, это может стать одной из главных причин переформатирования всего общества на общин-

¹ Имеется в виду включенность в сети, соединяющие мигрантов с обществами исхода и тем самым обеспечивающие воспроизводство, в качестве идеальной цели, установки на возвращение, поддерживающей стремление к обособленности внутри принимающего общества (см, например: Абашин, 2016).

ной основе. С другой стороны, кластеры могут быть механизмом адаптации мигрантов к принимающему обществу, способом коллективной, диаспоральной интеграции с ним. Таким образом, проблема кластеров приобретает стратегический характер, ибо от тенденций их развития зависят судьбы не только мигрантов и их сообществ, но и в значительной мере тенденции развития принимающего общества.

IV

В идеологическом дискурсе и в массовом сознании все описанные выше сегменты городской жизни, связанные с мигрантами, часто концентрируются в категории «чайнатаун». Ее понимают и как место жилищной концентрации мигрантов, и как средоточие этнической экономики, и как социальный организм с формальными и неформальными институциями, и как место встречи обитателей этнического квартала с горожанами и туристами, а тех – с необычными впечатлениями и образами. Наконец, как площадку для продажи «этнического продукта»: экзотических товаров и сувениров, блюд «национальной» кухни. Это понимание сформировалось через знакомство – непосредственное или по чужим впечатлениям – с чайнатаунами в крупных городах Европы и Северной Америки. История этих кварталов насчитывает уже почти двести лет. Возникнув в качестве места концентрации китайских мигрантов, они стали сейчас частью городского пространства, где китайцы живут, работают, вступают в многообразные связи и отношения, создают собственные механизмы социального регулирования, власти и контроля. Это место, где по-китайски говорят, выглядят, ведут себя. Районы с китайскими вывесками, рекламами, запахами, где «китайскость» продается в качестве товара многочисленным туристам.

Такому пониманию не мешает то обстоятельство, что со временем произошла дифференциация функций чайнатаунов, смена их значений и иерархии. Первоначальная основная функция первичной адаптации мигрантов, способа их выживания в чужом и враждебном мире постепенно отступала. Ей на смену шла функция формирования общинных социальных и экономических структур, центра общинной жизни и сохранения культуры предков и, разумеется, центра этнической экономики. И уже затем на первый план

выходит функция «туристического аттракциона», чайнатаун обретает вид места, где люди «работают китайцами»: производят и продают сувениры, национальную еду и экзотику приписываемых им образов. И всё это – внутри, в оболочке территориального анклава¹.

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию, именно через эту категорию стали оцениваться сам процесс и его возможные последствия. Возобладало восприятие чайнатауна как механизма адаптации мигрантов к принимающему обществу и одновременно способа сегрегации, тормоза адаптации. Однако больше всего волнует их предполагаемая экстерриториальность, замкнутость внутренней жизни, закрытость от «чужого глаза».

Чайнатаун стал важной составной частью синдрома китайской «демографической экспансии», в представлении многих публицистов, политиков, а иногда и ученых – реально существующим феноменом. И хотя три десятка лет интенсивной китайской миграции продемонстрировали, что чайнатауны в России не сложились, их образ, ставший частью «виртуальной реальности», регулярно возникает в геополитических построениях и идеологических конструкциях (Дятлов В.И., 2008).

V

Сказанное выше не снимает вопроса о перспективах. Отсутствие чайнатаунов, отрицательное отношение к ним общественного мнения и властей не дают гарантии от возможности их формирования. Пусть не обязательное, но вполне возможное появление этого феномена уже не в представлениях, а в реальности, как минимум, нарушит прежде сложившееся равновесие городского пространства. Чайнатаун обогатит российский город новыми ресурсами и поставит перед ним новые трудноразрешимые проблемы. Его возникновение станет и симптомом формирования новых, сложных и противоречивых по последствиям, миграционных проблем, главная из которых – укоренение тенденции к долговременному, даже постоянному оседанию мигрантов в сочетании со значительным отставанием их культурной и социальной адаптации.

¹ Подробно о чайнатаунах см.: Anderson K.J., 1987; Curtis J.R., 1995; The Encyclopedia..., 1999; Jan Lin, 1995; Wan-Yin Tan W., 2008; Wong B.P., 2002; Zhou M., 1992.

Пока же общинность, функционирование собственных механизмов социального контроля, элементы этнической экономики уже имеются в восточных городах России – но без их территориальной концентрации.

Виктор Дятлов

7.2. Казахстан: миграции и особенности суверенных этносоциальных процессов

Усоциокультурных границ в Казахстане гораздо более длительная история, чем у границ административных. У казахов никогда не было административно-территориального деления: оно препятствовало бы системе рационального выпаса скота. Соответственно, административные границы воспринимались как некая привнесенная извне абстракция. Собственно, суть конфликта с российской администрацией в значительной мере заключалась в отторжении номадами административно-территориального устройства, устанавливавшегося в Казахстане в XIX в. имперскими властями.

Социокультурные границы проходили и внутри массива сельского населения, прибывавшего в Казахстан из «славянских» губерний. Система его этнической дифференциации, стихийно образовавшаяся при расселении, определялась приносимыми переселенцами устойчивыми навыками ведения хозяйства в определенных природных условиях. В конце XIX в. французский исследователь Западной Сибири Жюль Легра отмечал: «Главное побуждение, движущее русским переселенцем, таково: найти вне родных пределов свободную землю большей площади, но привычных качеств. Если это житель лесной полосы, он согласится поселиться в Сибири не иначе как в лесу; если он привык к безлесному Черноземью, то будет способен переселиться только в степь. Причины этого кроются не только в чувствах; дело объясняется главным образом тем, что мужик, по недостатку образования, крайне консервативен, и к новым условиям хозяйства и жизни приспособляется с большим трудом»¹. Эту закономерность подтверждают и более поздние наблюдения: «Великороссы всегда оседают в хорошо знакомом им лесном и лесостепном ландшафте Сибири. Степь для них – необходимая трудноусвояемая земля, тогда как для украинца она является

¹ Цит. по: (Сибирские переселения, 2010, с. 144).

необходимым географическим условием для того, чтобы он имел возможность развернуть свою хозяйственную деятельность» (Бежкович А.С., Могилянская С.Н., 1930, с. 5). Экономическая культура номадизма также отражала природно-климатическую специфику, определяла географию расселения казахов. В советское время значение сельскохозяйственных традиций сводится к минимуму в силу фактического исчезновения номадизма, но основы системы расселения при этом почти не изменились.

Еще более четкая социокультурная граница разделила город и село. «Имперский» город воспринимался казахами как враждебная среда, источник колониальной власти, они не хотели в нем жить, так как у них, по определению Н.Э. Масанова, доминировала «хозяйственно-культурная идентификация» общества. Казахом считался только номад-кочевник, а городской образ жизни был признаком бедности, инородности, непрестижного статуса: «Если вы родились хоть за тридевять земель, но вы кочуете среди казахов – вы кочевник, вы казах. Но если ваши родители казахи, а вы живете в городе Испиджабе, вы – сарт» (Масанов Н., 2007, с. 59). Российские власти тоже не стремились к массовому переселению казахов в города, так что на рубеже XIX–XX вв. подавляющее большинство казахов проживало в сельской местности. По сути, по степи пролегла своего рода государственная граница между двумя цивилизационными системами, заключенными в административные рамки территорий Степного и Туркестанского края, впоследствии объединенных под названием «Казахстан».

В СССР основная масса казахов оставалась сельскими жителями. Советская модернизация предполагала наличие у населения определенного уровня образования, в основном, на русском языке. Поэтому менее затратным и более быстрым способом освоения природных ресурсов Казахстана стало массовое привлечение рабочей силы из России. «Активное стимулирование миграций в советское время в отличие от дореволюционного периода являлось не только и даже не столько следствием политических и экономических интересов государства, сколько результатом недостаточной приспособленности казахского аграрного населения к особенностям промышленного производства» (Масанов Н., 1998, с. 60–61). Ситуация постепенно менялась, число казахов-горожан росло, но входили они в русскоязычное городское пространство, что часто при-

водило к забвению родного языка, отрыву от традиций и обычаев казахского народа.

В 1989 г. 61,7% казахов были сельскими жителями (Итоги Всесоюзной переписи..., 1992, с. 3). Соответствующей была и структура занятости. В конце 1980-х гг. 35,3% казахов были заняты в сельском хозяйстве, а в промышленности – всего 13,0% (Занятость населения..., 2010, с. 147–148). Как образно было замечено, «казахские руководители не озаботились модернизацией (тогда урбанизацией) казахов... не призвали своих соотечественников идти и осваивать городские, рабочие специальности... Как итог – бездарно “прощелкали” наследие советской золотой эпохи» (Сулеев Д., 2015).

Таким образом, досоветский и советский периоды истории оставили после себя этническую дифференциацию системы расселения, экономической деятельности, культуры, языка. Присутствовала четкая и визуально маркированная граница. После распада СССР резко вырастает актуальность миграционной тематики. В первую очередь это касается межреспубликанской миграции, приобретшей статус трансграничной. Эмиграция, сильно сократив нетитульное население в некоторых социальных нишах, в первую очередь городских, в значительной мере стала катализатором суверенных социальных явлений. Благодаря мощному притоку казахов из села в город, они заняли преимущественное положение во всех секторах городского социально-экономического и социокультурного пространства. Напротив, «функциональные возможности казахстанской русской диаспоры к настоящему времени уже недостаточны для выполнения государствообразующих функций в необходимом для этого объеме <...> тем более в перспективе русская диаспора не в состоянии стать ядром образующейся гражданской казахстанской нации» (Ахметжанов А., 2008). Направление и государственного строительства, и городского развития определяют казахи.

Проблема в том, что важнейшие социальные ниши в этом пространстве (во властных структурах, в экономике, культуре) десятилетиями функционировали на «советской» основе и были максимально русифицированы. Инерцию такого наследия не преодолешь в краткосрочной перспективе. Городское пространство, особенно социально активная его часть, сохранило прежний «досуверенный» облик. Сельские казахи, перемещаясь в город, расположенный, казалось бы, в Республике Казахстан, оказываются в «параллельном

мире» – фактически в другом государстве, где языковая среда, социальная структура, экономическая деятельность, социокультурные установки, способы решения социально-бытовых вопросов – всё для них иное, чужое, непривычное. В концентрированном виде эта ситуация нашла отражение в 1990-х гг. в популярном в казахоязычных СМИ вопросе-сентенции: «В каком государстве мы живем?»

«Параллельный мир» в немалой степени представлен русифицированными городскими казахами, которым европейские ценности зачастую ближе «исконно казахских». Поэтому все более явные очертания приобретают границы, фиксирующие социокультурные различия внутри казахского этноса. Роль социокультурных маркеров исполняют термины *шала-казах* (полуказах, т.е. городской казах, отошедший от традиций народа, часто не знающий казахского языка) и *нагыз-казах* (настоящий казах, обычно из аула, знающий родной язык и традиции). Классификация демонстрирует внутриэтническую иерархию по критериям явно «аульного» происхождения. Шала-казахи подвергаются нещадной критике, их чуть ли не объявляют врагами суверенного Казахстана: «Кому нужна национальная независимость без родного языка? Такой человек ностальгирует по временам колониального ига. И именно подобные люди из среды самих казахов – заклятые враги нашей независимости» (Кайратулы Б., 2012).

Стремительная постсоветская урбанизация казахов, проходившая одновременно с массовым отливом из городов неказахов, вкупе с политикой репатриации этнических казахов из-за рубежа привела к «собираению» в городах всего многообразия социокультурных установок, характерных для казахского социума, «прошлое», «настоящее» и «будущее», зафиксированное в сознании автохтонного населения, сконцентрировалось на коротком историческом отрезке. Уместно говорить о многоукладности социокультурных воззрений, отражающей специфику разных эпох.

У русских тоже заметна тенденция к формированию внутриэтнических границ. Особенность их в том, что они совпадают с государственной границей между Россией и Казахстаном. Для эмигрировавших русских ее пересечение было почти незаметно, так как в социокультурном плане для них мало что изменилось. В первую очередь, осталась неизменной языковая среда. В то же время, по мнению самих «казахстанских русских», «российские русские» от-

носятся к ним высокомерно, называют «казахами», необоснованно оценивают себя выше в профессиональном плане. Многие ощутили, что их статус в Казахстане был выше, чем он есть на «исторической родине». И все чаще они отмечают, что «в России – другие русские», «русские Казахстана и русские России – это разные этносы», «казахи мне ближе, чем российские русские» (Алексеев А., 2016, с. 88).

Сказанное выше позволяет, как представляется, предположить, что формируются новые границы – без этнического маркера. Все более зримые очертания обретает социальный слой, не имеющий аналога в истории городского пространства Казахстана. В эпоху суверенитета сосуществование здесь казахов и русских постепенно приводит к тому, что восприятие и социально-экономических, и социокультурных проблем через призму этничности отходит на второй план. Город дает возможность нового общения, у людей появляются общие интересы и ценности, контакты между ними все больше приобретают внеэтнический характер.

Полифоничность городского пространства трудно уловить посредством стандартных полевых исследований, зафиксировать в точных дефинициях, ибо пространство это постоянно меняется. Городской полиэтничный слой еще не оформил четких критериев, отражающих его суть. Но можно сказать, что раньше казахи и русские смотрели друг на друга «из-за границы», каждый – из своего «параллельного мира» и оценивали суть различий этих «миров». Сейчас же все больше и казахов, и русских пребывают внутри одного «мира», не оценивая друг друга как «иных».

Итак, в Республике Казахстан наблюдается эволюция социокультурных границ. В течение длительного времени они были предельно четко дифференцированы этнически и нередко воспринимались через призму межэтнического противостояния. Становление суверенитета способствовало интенсивной миграции казахов в города, исторически формировавшихся, при всем своеобразии их развития, на «европейской» основе. Прибывающим в эти города сельским казахам пришлось встраиваться в русифицированную городскую структуру. Фактически шло переселение из одного «параллельного мира» в другой, и пересечение границы «миров» имело для казахов гораздо более глубокие последствия, чем пересечение государственной границы эмигрирующими русскими.

На этом этапе значимую роль начинают играть внутриэтнические границы, отражающие различия в темпах и содержании социокультурной эволюции разных фракций населения. Формируется полиэтничный слой, оказывающий все большее влияние на развитие городского пространства Казахстана. В значительной степени его определяет казахское население, прибывшее в свое время из сельской местности и адаптировавшееся в городе. При этом меняется качество автохтонного городского компонента. В активный социальный возраст вступает поколение родившихся и социализировавшихся в городе детей казахов-мигрантов 1990-х гг. Это – первое статистически значимое, многочисленное поколение коренных городских казахов, способное с течением времени существенно повлиять на развитие городского пространства Казахстана.

Уже отмечалось, что пространство это постоянно меняется, постоянно находится в движении. Вектор движения зависит от восприятия людьми их исторического прошлого и современного социального и экономического состояния общества, в котором они живут. В силу значительных региональных различий единого рецепта становления казахстанского городского пространства, скорее всего, не существует. Очень многое зависит от специфики структуры занятости городского населения в том или ином регионе, этнически дифференцированной системы расселения, интенсивности миграционного потока из села в город и т.д. В настоящее время сосуществуют варианты всех видов «границ», формировавшихся в длительной ретроспективе. Параметры их неустойчивы по причине сокращения «европейской» части населения и увеличения «азиатской» части благодаря ее высокому естественному приросту и иммиграции. Демографический потенциал села достаточно велик для того, чтобы сохранял актуальность вопрос о том, как проходит адаптация казахской молодежи в городе. Неясно, успели ли горожане, родившиеся в городе, набрать вес, достаточный для того, чтобы самостоятельно «перереформировать» непрекращающийся миграционный приток из села. Не исключен вариант рурализации городского пространства, когда город не в состоянии переварить деревенских мигрантов и сам постепенно превращается в «большую деревню»¹.

¹ Феномен «рурализации» города изучался на опыте стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки. Появились и первые работы, в которых он рассматривается на казахстанском материале (см., например: Abylkhodzhin Zh., 2003).

Подведем итог. Под воздействием миграционных процессов в современном казахстанском городе на равных присутствуют как «традиционные», так и «современные» ценности. Границы, разделяющие их носителей, постепенно лишаются этнической окраски. В то же время весь диапазон социокультурных установок все в большей мере определяют казахи.

Александр Алексеенко, Ольга Колесникова

7.3. Влияние внешней миграции монголов на демографические и социальные процессы в Монголии¹

Монголия стала активным участником трансграничных миграционных процессов после Демократической революции 1990 г. Открытая внешняя политика и динамичное рыночное развитие способствовали тому, что Монголия активно включилась в миграционные процессы в качестве и страны-донора, и страны-реципиента. В 2016 г. за ее пределами – в странах Европы, Азии и Америки – находился каждый одиннадцатый житель Монголии, или 130 тыс. человек (Mongolia, 2017). По более ранней оценке ученых из Монгольского национального университета, в 2013 г. за рубежом в качестве трудовых и учебных, легальных и нелегальных мигрантов пребывали около 200 тыс. монгольских граждан (Солонго, 2014). Что касается иностранных граждан, то в 2016 г. их в Монголии находилось 42 тыс. человек (Mongolia, 2017). Из них 76,3% были мигрантами из Китая («Дэлхийн монголчууд», 2016). По неофициальным оценкам, китайских мигрантов в Монголии значительно больше: минимум 220 тыс. (Сү Жи Сан, Фэн Чзи, 2016).

Миграционные процессы, активно протекающие в Монголии с конца 1980-х гг. до настоящего времени, оказывают глубокое и неоднозначное воздействие на темпы экономического развития страны, состояние ее платежного баланса, на динамику численности населения, а также на отношения с принимающими странами. Постараюсь представить основные характеристики трансграничной миграции монгольских граждан и осуществить макроанализ наиболее значимых последствий миграции монголов на современное монгольское общество методом STEEP анализа, инструментарий

¹ Раздел написан автором на русском языке.

которого позволяет выявлять плюсы и минусы внешней миграции монголов для страны и общества.

Монгольские мигранты: откуда, куда и сколько?

Эмиграция 1990-х гг. была стихийной и хаотичной, преобладали тогда в потоке мигрантов жители Улан-Батора, Дархана и Эрдэнэта: почти 2/3 (62%) внешних мигрантов. Но уже к 2003 г. их совокупная доля снизилась до 33,4% (Монголчууд гадаадад, 2016), в трансграничную миграцию постепенно вовлекаются люди со всей Монголии. И едут они за тем же, за чем устремляются через границы мигранты из других стран – за стабильностью, социальными гарантиями, ради улучшения личной/семейной финансовой ситуации. Наибольшие масштабы приобрела трудовая и образовательная миграция в соседние и отдаленные страны. В качестве «новой родины» монголы выбирают более 80 стран (Одхүү С., 2011). В каждом отдельном случае выбор определяется уровнем социально-экономического развития той или иной страны, социальной защищенности ее жителей, немалое значение имеет и наличие в ней выходцев из Монголии.

Традиционно Западная Европа и Северная Америка воспринимаются монголами как благополучные страны, независимо от реального состояния их экономики в данный момент и имеющихся проблем с мигрантами. Однако больше всего монгольских граждан выезжает в Южную Корею, где сосредоточена самая крупная монгольская диаспора. В 2013 г. в ней насчитывалось 27,1 тыс. человек (Mongolia Migration Profiles, 2015)¹, и с 1991 по 2013 г. в этой стране перебивали в качестве мигрантов порядка 300 тыс. монголов, или 10% всего населения Монголии. В 2015 г., по данным посла Республики Корея в Монголии г-на У Суна, озвученным им в 2016 г. во время лекции в Монгольском государственном университете науки и технологии (МГУНТ), монгольская диаспора в Южной Корее увеличилась до 35,6 тыс. человек. Также страна стала для монголов «окном на Запад».

Второе место по статистике ЮНИСЕФ в 2013 г. занимала Российская Федерация (20,5 тыс.)², третье – Чехия (5,7 тыс.) (Моп-

¹ По данным вице-президента Монгольской Федерации профсоюзов Х. Амгаланбаатара – 29,5 тыс. (Батцэрэн Ц.-А., 2016, с. 37).

² По монгольским оценкам – значительно меньше: не более 6 тыс. в 2011 г. (Батцэрэн-Ц.-А., 2016, с. 37; Одхүү С., 2011).

golia Migration Profiles, 2015). По менее достоверным, во многом оценочным данным, в 2011 г. в США насчитывалось около 28 тыс. граждан Монголии, в Японии их было тогда же 5,6 тыс. (из них в Осаке – не менее 2 тыс.) и 5,5 тыс. – в Китае (Одхүү С., 2011). Общая же численность живущих за границей монгольских граждан, как уже было показано выше, колеблется по разным источникам в широком диапазоне – от 110 до 200 тыс. человек (Галиймаа, 2016б, с. 22), а то и более, что в первую очередь объясняется отсутствием полноценной информации о нелегальных мигрантах.

Последствия внешней миграции монголов

При всей уязвимости приведенных выше цифр с уверенностью можно утверждать, что в миграционных процессах участвует значительная часть населения страны и что мигранты во многом формируют облик современной и завтрашней Монголии.

Начну с демографии. С 1950 по 2017 г. общая численность населения Монголии увеличилась с 780 тыс. до 3 млн 052 тыс. человек (Mongolia population, 2017). Особенно быстро население росло в 1960–1980-х гг., затем темпы роста упали: если еще в 1985–1990 гг. среднегодовой прирост равнялся 2,56%, то в 2010–2015 гг. – 1,49%. Среднегодовая миграционная убыль населения до начала 1990-х гг. вообще отсутствовала, в 1995–2000 гг. составила 4,47 человека на тысячу. Правда, затем она сократилась до 1,07 человека на тысячу в 2010–2015 гг. и до 0,98 – в 2016 г. (Mongolia Migration profiles, 2015). В абсолютных цифрах сокращение населения за счет чистой миграционной убыли исчислялось в 2016 г. в 3 165 человек (Population of Mongolia, 2016). Иначе говоря, понижающее воздействие миграции на численность населения, выраженное в 1990-е гг., в следующее десятилетие настолько ослабело, что его следует признать незначительным.

Иное дело – качественные последствия трансграничной миграции монголов. В данном случае самое главное, пожалуй, заключается в том, что среди лиц, выезжающих за рубеж, подавляющее большинство составляют люди в возрасте 20–50 лет, т.е. в возрасте одновременно репродуктивном, трудоспособном и в наибольшей степени концентрирующем квалифицированных работников. В 2013 г. на их долю приходилось 76% зарегистрированных трудовых мигрантов из Монголии¹.

¹ Подсчитано по: (Mongolia Migration Profiles, 2015).

Важно также, что внутри именно этой совокупности распределение мигрантов по полу часто оказывалось асимметричным. Так, в 2010 г. среди монголов, находившихся за рубежом, доля женщин заметно превышала долю мужчин (соответственно 56,6 и 46,4%) (Батцэрэн Ц.-А., 2016, с. 37), а в 2013 г., наоборот, преобладали мужчины, причем среди мигрантов в возрасте от 20 до 60 лет их преобладание было очень значительным: например, в возрастных когортах от 35 до 50 лет оно было четырех- и даже пятикратным (Mongolia Migration Profiles, 2015).

Эти структурные характеристики мигрантского потока приводят к последствиям как негативным, так и позитивным.

Негативные последствия. Отток населения репродуктивного возраста неблагоприятно сказывается на демографическом потенциале страны. Во-первых, внешняя миграция людей в этом возрасте ухудшает качество брачного рынка (Баярцэнгэл Б., 2016). Во-вторых, она затрудняет сохранение уже заключенных браков и баланса женщин и мужчин брачного возраста. В том, что за 2005–2015 гг. число разводов среди граждан Монголии выросло в 2,3 раза, есть, несомненно, вклад миграции – как и в том, что по показателям равновесия по половому признаку Монголия, где на 1000 женщин приходится сейчас 975 мужчин, находится ниже мирового стандарта (Population of Mongolia..., 2017).

Далее, в монгольских СМИ и социальных сетях трансграничная миграция монголов нередко воспринимается как «утечка умов» из страны. Подчеркивается, что в развитые страны выезжают главным образом лучшие – обладатели высшего образования и ученых степеней, люди, достигшие определенных высот в карьере и высокого социального положения, материально обеспеченные и уверенные в том, что смогут в новой стране добиться не меньшего успеха. Действительно, начиная с 1991 г. страну покидали обученные специалисты, которые не видели никаких возможностей для карьерного роста в Монголии. Эти амбициозные люди, окончившие университеты в СССР и в Восточной Европе, первыми ринулись за рубеж в поисках хорошей жизни. Достаточно качественное образование, знание языков, уже приобретенный навык жизни в инокультурной среде – всё это способствовало их в целом успешной адаптации в принимающих странах. В частности, в США в таких известных и престижных высших учебных заведениях, как Массачусетский

технологический институт, Гарвардский университет и университет Беркли, сейчас насчитывается 8 преподавателей-монголов. В корпорации «Microsoft» работают 12 монгольских инженеров, в Лас-Вегасе выступают 8 акробатов из Монголии, в театрах Бостона и Сиэтла есть монголы – солисты балета (Гадаадад байгаа..., 2016). И уж совершенно точно уровень образования тех, кто выезжает из Монголии, превосходит уровень образования тех, кто в нее въезжает. Ведь основная масса иммигрантов прибывает из деревень в северных провинциях Китая, и их образовательный уровень в подавляющем большинстве случаев – не выше среднего (Галиймаа Н., 2016б, с. 23).

Данные о масштабах «утечки умов» из Монголии отрывочны и не точны. Оценки порой кардинально разнятся – от 5 до 15 и даже до 25% специалистов с высшим образованием, выехавших за последнее 20 лет для работы за рубежом (Монголчууд эх орондоо...). Считается, что отток квалифицированных кадров, в особенности выезд ученых, приводит к снижению научно-технического, образовательного и культурного потенциала страны и что в денежном выражении потери Монголии от их эмиграции достигают 110 млн долл. (Гэсэр гэртээ..., 2016).

Сказанное выше подтверждают результаты социологического исследования, проводившегося автором в 2014 г. среди вернувшихся и не вернувшихся на момент опроса мигрантов. В возрастной структуре респондентов доминировали трудоспособные мигранты в репродуктивном возрасте (из 135 опрошенных 59 человек, или 43,7% имели семью), при этом на долю мигрантов в возрасте от 18 до 24 лет приходилось 47,4% всех участников выборки, остальные распределились так: 25–35 лет – 25,9%, 36–44 года – 14,1%, 45–60 лет – 5,2%, 61 год и более – 7,4%. По данным исследования получается, что наиболее вовлеченный во внешние миграции сегмент населения – это молодые люди в возрасте до 35 лет. Самая старшая возрастная группа включала одних только мужчин, в самой молодой выражено преобладали мужчины, тогда как во всех остальных с небольшим отрывом – женщины (Галиймаа Н., 2016б, с. 22). Высшее образование имели более половины респондентов – 55,5%, среднее специальное – 11,1%, т.е. 2/3 респондентов могли считаться людьми, обладавшими знаниями, необходимыми для получения/подтверждения/повышения той или иной профессиональной квалификации.

Позитивные последствия. Выезжая за рубеж, монгольские мигранты участвуют в экономической жизни государств приема и тем самым вносят свой вклад в их ВВП. Поддержка же мигрантами их семейных хозяйств, заключающаяся, как правило, в переводе своим семьям значительных денежных средств, позитивно сказывается и на экономике Монголии (табл.).

Денежные переводы монгольских мигрантов

Год	Сумма переводов (млн американских долл.)	Сумма переводов как доля ВВП (%)
2000	12	1,4
2002	56	2,1
2004	202	10,0
2006	181	4,8
2008	225	4,3
2010	266	3,8
2012	320	2,3
2014	255	2,1
2015	265	2,3

Источник: Mongolia – Remittances Inflows..., 2015.

Всего за пять лет, с 2000 по 2004 г. включительно, отношение суммы мигрантских переводов к ВВП Монголии поднялось до 10%. Однако затем, несмотря на постоянное, за исключением одного года, увеличение суммарной величины переводов, к 2007 г. это отношение уменьшилось вдвое, а к 2016 г. – еще вдвое, до 2,3% ВВП в 2015 г. Снижение относительной эффективности трудовой миграции монголов в первую очередь было обусловлено быстрым ростом ВВП в самой Монголии, а также удорожанием жизни в ряде принимающих стран. Как бы то ни было, в 2015 г. фиксируемая банковской системой сумма переводов составила 265,3 млн долл., и Монголия по данному показателю заняла 64 место из 165 стран мира. При этом первая по величине переводов монгольских мигрантов на родину пятерка стран выглядела следующим образом: Южная Корея (37,4% от всей суммы фиксируемых переводов), Россия (26,5%), Чехия (7,5%), Китай (5,5%) и Украина (5,2%)¹.

¹ Подсчитано по: (Mongolia – Migrant Remittance, 2017).

Рост трудовой эмиграции из Монголии вызвал необходимость организации «правильных» переводов мигрантов на родину. Монгольские банки их осуществляли, однако комиссионные были велики, и люди нечасто обращались за этой услугой. Мигранты из Монголии были вынуждены везти заработанные деньги с собой или отправлять их через частных лиц – родственников и знакомых. Одна из важных причин роста в 2000-е гг. суммарной величины денежных переводов в Монголию заключается в том, что с каждым годом все большая их часть двигалась по банковским каналам. В качестве примера можно сослаться на сотрудничество с Международной системой денежных переводов CONTACT. Договор между нею и ведущим монгольским оператором денежных переводов Blue Diamond был подписан 1 июня 2007 г. Эффект его был предсказуемым: в первый год действия соглашения среднемесячный прирост объема переводов в Монголию составлял 126%. «Лидерами» оказались монголы, работающие в Чехии: их доля в общей массе переводов в Монголию по системе CONTACT достигла 72%, что в первую очередь объясняется успешной реализацией другого, межгосударственного, соглашения – об обмене рабочей силой (Монгольские трудовые мигранты..., 2008).

Возвращаясь, мигранты привозят материальные ценности и сбережения не меньшие, чем их денежные переводы. По данным на 2012 г., благодаря переводам и накоплениям, почти треть (31%) вернувшихся мигрантов вложили заработанные ими средства в малый бизнес, что способствовало созданию дополнительных рабочих мест (Gadaadad baigaa..., 2016). А сотни магистров и докторов из Монголии, защитивших диссертации и/или повысивших свою квалификацию в развитых странах, вернувшись, положили начало новым научным школам и направлениям в Монголии. Да и в целом продолжительное пребывание в странах с более передовыми технологиями, более высокими трудовыми стандартами повышает общеобразовательный и культурный уровень монгольских мигрантов, получающих опыт и знания, которые пригодятся им на родине.

Последствия миграции на уровне семьи. Выше речь шла о последствиях миграции на макроуровне общества и государства. Ответы на вопрос, каковы эти последствия на мезоуровне посе-

ленческой общности и на микроуровне семьи, требуют отдельных специальных исследований¹. Тем не менее приведу здесь, в качестве предмета для предварительных размышлений, некоторые результаты, полученные на микроуровне. В 2016 г. сотрудниками Института социальных и гуманитарных исследований МГУНТ было проведено пилотное анкетирование 130 семей мигрантов для выявления влияния трудовой миграции на образ жизни мигрантской семьи. Результаты его были представлены мною в июне 2016 г. на семинаре «Дети мигрантов в Монголии» в Министерстве труда и социальной защиты (Галиймаа Н., 2016а).

Из общего количества опрошенных домохозяйств у 53,4% работал и/или учился за рубежом один член семьи, у 37,2% таких было двое, а у 9,4% – трое. На долю денежных переводов трудовых мигрантов в обследованных домохозяйствах приходилось в среднем 53% всех доходов. Более 85% респондентов отметили, что поездка членов семьи за рубеж повлияла позитивно на уровень их жизни. В то же время большинство, или 78%, опрошенных были недовольны самим образом жизни мигрантской семьи – тем, что приходится жить раздельно супругам и одному, а то и обоим родителям и их детям. Конкретизируя причины своего недовольства, наши респонденты выделили в своих ответах следующие основные проблемы, связанные с миграцией членов их семей:

- трудно воспитывать детей, когда нет одного родителя/обоих родителей – 44,1%.
- не хватает сил и времени на выполнение домашних работ – 22,6%.
- возникают трения и недопонимание между членами семьи – 21,0%.
- оставшимся на родине членам семей мигрантов недостает любви и заботы – 12,3%.

Лишь 9,5% респондентов считали, что отсутствие отца/матери или их обоих никак не влияет на воспитание детей, 32% полагали, что оно сказывается на детях отрицательно, а 58,5% определили воспитание детей в семьях мигрантов как неполноценное.

¹ В качестве примера одной из первых в Монголии работ на этом направлении, к тому же изданной на русском языке, сошлюсь на публикацию Ц.-А. Батцэрэн (2016).

* * *

В Монголии, с ее огромной территорией и значительными природными богатствами и одновременно с малочисленным населением, миграционные процессы – один из ключевых факторов экономического и социокультурного развития, потенциальный источник как ресурсов роста, так и блокирующих рост факторов. Можно сказать и так: без трансграничных миграций трудно себе представить ускоренную модернизацию страны, но они же генерируют новые риски, проблемы и конфликты. А вследствие специфики положения Монголии в пространстве Внутренней Азии, сложной и динамичной системы баланса интересов ее самой и ее ближних и дальних соседей, трансграничные миграции могут стать – и становятся – еще и значимым геополитическим фактором.

Тем не менее нельзя отказываться от проведения либеральной миграционной политики, которой Монголия следует уже третий десяток лет, потому что такой отказ может еще больше усугубить и без того непростые экономические и социальные проблемы страны. Другое дело, что необходимо уточнить стратегические направления и приоритеты миграционной, шире – социально-демографической политики, проведя трезвый анализ как достижений, так и неудач в этой области. Но уже сейчас ясно, что первоочередная задача и более общей, и более частной, точнее специализированной, политики заключается в «удержании» Монголией своего населения. Особенно важно, чтобы учащаяся молодежь, получив образование и трудовой опыт за рубежом, возвращалась обратно на родину. Для этого необходимо сформировать базу для реализации полученных мигрантами знаний и навыков, что, в свою очередь, требует поднятия образовательного уровня всей молодежи в стране, создания рабочих мест в сельской местности и в малых городах.

Нямаа Галиймаа

Глава VIII

ЭТНОАРЕАЛЬНЫЕ, ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МИГРАЦИЙ

8.1. Переселения народов первой трети XII в. до н.э. и хурритский мир

Хурритский мир позднего бронзового века¹ (1500–1200 гг. до н.э.) – это пространство, образуемое теми областями Леванта, юго-восточной Малой Азии, верхнего Евфрата и Тигра, севера Верхней Месопотамии и левобережья среднего Тигра до Армянского Тавра и верховий обоих Забов, где этнополитически доминировали хурриты. То было единство не только как механическая совокупность хурритоязычных областей с точки зрения современной лингвистики, но и реальное этнокультурное единство, сознававшее себя таковым, что наиболее ярко выражалось в особой концепции, распространенной у хурритов средних столетий II тыс. до н.э. Согласно этой концепции, хурритский мир, обобщенно именуемый «Страны Хурри», в принципе должен был быть и политически объединен, и держава, которая оказывалась близка к достижению этой цели, принимала, наряду с обычным своим наименованием, соответствующее название-титул «Страна Хурри» в единственном числе. Это словоупотребление разделяли и соседи хурритов – хетты. Таким образом, основная масса хурритов считалась общностью поверх политических границ сразу по само- и по иноидентификации. На протяжении большей части позднего бронзового века «Страной Хурри» именовалось государство Митанни (Ханигальбат) – на самом

¹ См. о нем в целом: (Вильгельм Г., 1992).

деле почти всехурритская империя, несколько раз включавшая в границы своего владычества практически весь хурритский мир и постоянно контролировавшая бóльшую его часть. Митанни служило объединяющим центром для хурритского мира и в области материальной культуры.

Занимая центральную часть древнего Ближнего Востока, где скрещивались его основные пути, хурритский мир оказывался интегрирующим фактором и центральным звеном знаменитой системы международных отношений позднего бронзового века, впервые в истории охватившей весь Ближний Восток. Однако цепи миграций, основные этапы которых будут очерчены ниже, привели к распаду и крушению хурритского мира.

I

Серьезный удар постиг хурритский мир еще в середине XIV в. до н.э. Тогда Супшилулиумас Хеттский, сломив великодержавие Митанни, покорил западную часть «стран Хурри». Львиную же долю могущества Митанни унаследовал Ашшурбаллит Ашшурский, аннексировавший значительную часть хурритского Востока и создавший тем самым Ассирию как крупную державу. Хетты и ассирийцы вступают в противоборство за доминирование в Передней Азии (и прежде всего за господство над Ханигальбатом), а хурритский ареал делается отныне всего лишь главным полем этого противоборства. Однако главный удар по хурритскому миру нанесли, во-первых, великое балканско-анатолийское движение народов конца XIII – начала XII в., в египетских текстах отразившееся как нашествие в первую декаду правления Рамсеса III «северян с их островов» (т.е. жителей эгейско-балканского ареала), вызвавшее около 1190 г. падение Хатти и других государств, во-вторых, последствия этого падения¹.

Напомним, опираясь, в частности, на исследования А.В. Сафронова (2006), что особенно важная роль в этом движении принадлежала ахейским грекам и племенам северной части циркумэгей-

¹ Литература по этой теме огромна, ограничимся отсылками на наиболее доступные обобщающие и отечественные работы, в которых читатель найдет развернутую библиографию: Дьяконов И.М., 1968, с. 102–105, 115–119; Barnett R.D., 1975; The Crisis Years..., 1992; Yakar J., 1993; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л., 1996; Bryce T., 1998, p. 367–384; Сафронов А.В., 2006; Cline E., 2014 (ср. обзор: Немировский А.А., 2002).

ского ареала. Конфликт ахейцев с Илионским царством – Вилусой хеттских источников – известен как Троянская война, в которой на стороне Илиона, по-видимому, выступали попавшие под его влияние южнобалканские племена до бассейна Стримона включительно, по греческой традиции частично перешедшие в связи с войной в Азию. Потерпев поражение вместе с Илионом, они частью остались в Троаде, частью двинулись дальше на восток вперемешку с частью победителей-ахейцев (Немировский А.А., 2001). В надписи пятого года правления Рамсеса III (Сафронов А.В., 2006, с лит.) тот же конфликт ахейцев с Илионским царством предстает как разорение неким врагом страны теккер-тевкров, пелесет-пеластов и турша (тевкры и турша – народы Троады, пеласты – народ Южных Балкан и Троады). В результате эти и другие племена сдвинулись с места и вторглись в Анатолию, Левант и Египет.

Помимо ахейцев, важную роль в описанном движении сыграли следующие группировки племен Южных Балкан и Северо-Западной Анатолии (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015):

1. Мигдоны, аскании и берекинты, занимавшие первоначально территорию к востоку от низовий Стримона. За вычетом части мигдонов, они еще в середине XIII в. до н.э. переселились на северо-запад Анатолии. С ними связывают этноним *фрюг-* («фригийцы»).

2. Племена – носители этнонима *мюс* («*мис*»)/*мёс*, жившие к северо-западу от первой группы, на средневерхнем Стримоне и далее к Дунаю. Одна их часть оставалась на Балканах до римской эпохи включительно, другая, согласно греческой традиции, переместилась в Анатолию еще до Троянской войны, третья сделала это в связи с войной, воевала на стороне Илиона и, добавим, послужила позднее субстратом вифинов (Немировский А.А., Габелко О.Л., 2005).

3. Северные пеласги, жившие в Эпире, где находилась область Палестэ, на том же верхнем Стримоне, имевшем также название Палестинос (Ps.-Plut. De fluv. 11, 1), и в северо-западной Малой Азии в области Илиона. Известны как *пеласты*: это ранняя, связанная с северными, исконными районами их расселения, форма этнонима, более известного в форме *пеласги* (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015).

Древнее название Стримона – Палестинос. С учетом этого можно предположить, что с движением той группировки стримонских племен, которая в греческих источниках упоминается как на-

род, переселившийся в Малую Азию во время Троянской войны и которую греки соотносили с этнонимом «мюс (мис)», именуя то «фракийцами» (в самом широком смысле слова) царя Реса, отца или отчима-эпонима мюсов Мюса (Миса), то просто «мюсами», то «стримониями», надо хотя бы отчасти связывать и пеластов.

Вся стримонская племенная группировка «мюсов», вместе с вероятно вовлеченной в нее частью пеластов, отразилась в ассирийских источниках XII в. как «мушки» (так называемые восточные мушки научной терминологии), а в египетских надписях Рамсеса III, вероятно, могла быть покрыта термином «пелесет» наряду с собственно пеластами-пеластами (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015)¹.

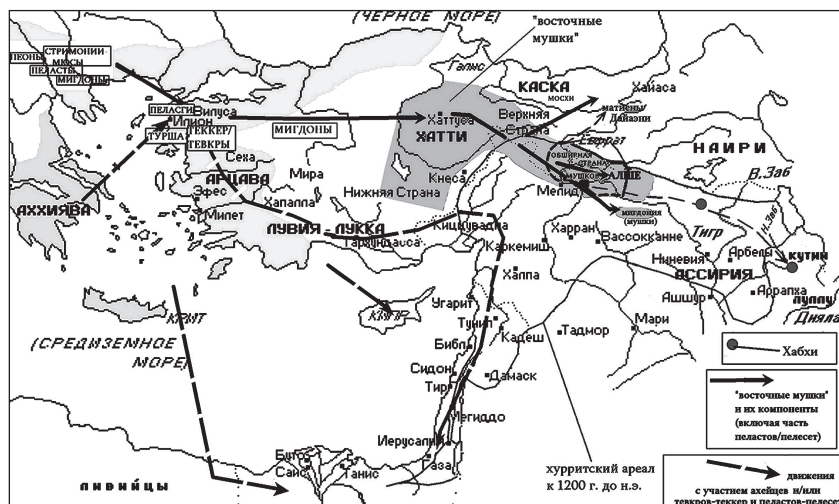
Об участниках самого движения греческая ученая традиция говорит как о «народах, предводимых Амфилохом и Калхантом, какой-то помеси племен, которая последовала за ними из-под Трои. Большинство их осталось в Памфилии, а некоторые <...> рассеялись по Киликии, Сирии и даже вплоть до Финикии (включительно)» (Strabo. 14.3.3). Современные движению надписи пятого и восьмого года Рамсеса III (середина – конец 1190-х гг.) называют его, как уже говорилось, нашествием «северян с островов» (т.е. из бассейна Эгейды), которое началось с разгрома страны теккер, пелесет и турша и продолжилось нашествием как их, так и *дененов* (данайцев) и других племен на восток (Сафронов А.В., 2006). Сокрушив Хатти, они по побережью Киликии и Леванта докатились до подступов к Египту, отбившему их натиск. В ассирийских источниках это движение отразилось в известиях XII в. об атаках неких «мушковых». С ними ассирийцам пришлось сражаться в Верхней Месопотамии близ верхнего Тигра уже при Нинурта-апиль-Экуре (ок. 1180 г.), чуть позднее (ок. 1165 г.) мушки захватили область истоков Тигра в верхнетигрском Алже (Немировский А.А., Сафронов А.В., 2015).

II

Сочетание приведенных выше данных с рядом других позволяет реконструировать ход всего движения на территории Восточной Анатолии следующим образом (см. карту-схему). Главную роль в нем сыграли вышеупомянутые племена со Стримона, соотносимые с этнонимом *мюс*: мушки среднеассирийских источников, про-

¹ Подробнее см.: Немировский А.А., Габелко О.Л., 2005, с. 76–77.

товифинские стримонии/Ресовы «фракийцы» греческих авторов, «восточные мушки» И.М. Дьяконова (1968).

Карта-схема миграционных движений в восточном Средиземноморье и Передней Азии (в первой половине XII в. до н.э.). Составлена автором

Именно восточные мушки разгромили основную территорию Хеттского царства и его столицу Хаттусу и, продолжив миграцию на восток, к 1180 г. вышли на верхний Евфрат и за него, в бассейн верхнего Тигра. В этом движении с Балкан на восток они унесли с собой часть поселившихся ранее в северо-западной Анатолии фригийцев-мигдонов, осевших в итоге в той самой части Верхней Месопотамии, где с «мушками» дрались войска Нинурта-апиль-Экура; здесь, у гор Тур-Абдин, по более поздним ассирийским сообщениям располагалась изолированная область «Мушки», а по античным – соответствующая ей месопотамская Мигдония. Кроме того, они сдвинули со своих мест аборигенов, живших в верховьях Галиса и восточнее, – касков, урумеев и абешлайцев, сместившихся на юго-восток, в область между Галисом и верхним Евфратом и к истокам Тигра. Сами же восточные мушки расселились от Галиса до области истоков Тигра, в итоге обособившись двумя ареалами: галисским и верхнеевфратско-верхнетигрским. Второй из них назывался в ассирийских источниках XII–XI вв. «Обширной

страной Мушков», а сами мушки этого ареала стали этноязыковыми предками армян, галисские же восточные мушки – предками каппадокийцев. Те и другие были носителями так называемой *старофригийской* археологической культуры раннего железного века (Алишар IV) (Немировский А.А., 1999).

Все эти события существенным образом сказались на судьбе хурритского мира. Уже сама гибель великохеттской государственности, выступавшей к этому времени в роли крупнейшего оплота хурритской традиции и культуры, была для хурритов тяжелой утратой, за которой немедленно последовало вымывание хурритского компонента в юго-восточной Малой Азии: здесь хурритов поглотили лувийцы. Прокатившееся вдоль побережья нашествие «народов моря» разгромило этнически хурритские области Сирии и увлекло туда массу лувийцев из Анатолии, так что позиции хурритов ослабели и здесь. Далее, «мюсы», как упоминалось, около 1165 г. разгромили царство Алже, в знак претензий на роль старшего из хурритских царств принявшее к тому времени название «Хурри», и сделали его основную территорию своим важнейшим центром, после чего бассейн верхнего Евфрата и стал именоваться «Обширной страной Мушков». Верхнеевфратские хурритские царства и области Исува и Паххува погибли. Алжейская государственность уцелела, но лишь на его бывшей восточной окраине, и этот остаток продолжал именоваться прежним названием-титолом «Страна Хурри» (аккадоязычный эквивалент в ассирийских текстах – «Шубари/Шубре/Шубриа») (Саркисян Д.М., 1989).

Нагиск с Балкан дал толчок к цепному смещению племен, прежде всего хурритских, на восток, притом в таких масштабах, что его смело можно считать великим переселением хурритских народов. Часть хурритов бежала к северо-востоку, в долину Чороха, где основала царство Диауэхи-Дайаэни (позднее, после картвелизации – Тао). Его хурритская принадлежность определяется по особенностям названия (Хачикян М.Л., 1985, с. 8, прим. 13) и по сообщениям Гекатея (Hecataei, fr. 288) и Геродота (Hdt., I.72, 202) об области *матиенов* (заимствованное греками название хурритов – то же, что «митаннийцы») у правобережья истоков Галиса и у истоков Аракса, что может быть сопоставлено только с Диауэхи-Дайаэни. Хурриты жили здесь анклавом еще во времена Геродота, хотя само царство было аннексировано урартами около 768 г.

Основная масса хурритов, однако, отхлынула вдоль Тигра на юго-восток. Главную роль при этом сыграла, видимо, некая общность «хабов», прошедшая от истока Тигра до излучины Нижнего Заба и осевшая по дороге несколькими анклавами с одинаковыми названиями *Хабхи*, по-хурритски – «хабская» (земля). Этот ключевой факт восстанавливается по характеру упоминаний термина в новоассирийских источниках, знающих несколько областей с названием «Хабхи» от берега Евфрата близ истока Тигра и до излучины Нижнего Заба (Levine L., 1972–1975; Fuchs A., 2000). Главная из них – довольно обширная страна, охватывавшая бассейн Бохтана – верховья Верхнего Заба и простиравшаяся от Армянского Тавра до Тигра с севера на юг. Эта буферная между Ассирией и Урарту область считалась ассирийцами таксономически близкой обеим; отсюда формулы у Саргона II: «Ассирия, Урарту и Хабхи» и «Урарту и Хабхи» (АВИИУ 49; новейшие публикации используемых новоассирийских текстов см.: RIMA 1–3; RINAP 1; Fuchs A., 1994). Другая страна «Хабхи» или «Хабхи, что перед страной Хатти», согласно итинерарию Ашшурнацирапала II, располагалась на водоразделе Евфрата и истоков Тигра, близ гор Эргани-Маден (АВИИУ 23), а третья «Хабхи» – в верховьях Нижнего Заба, в основном по восточную их сторону (АВИИУ 21; АВИИУ 53). Наконец, была еще область «Внутреннее Хабхи», т.е. отрезанное, изолированное от другого/других Хабхи. Она упоминается у Ададнерари II в общем направлении от Ассирии на Алже (АВИИУ 21), а у Ашшурнацирапала II – напротив Тушхана (АВИИУ 26). Географически это либо западная окраина первой Хабхи, либо изолированный анклав недалеко от нее.

III

Итак, мы знаем по меньшей мере три ареала с названием «Хабхи» – приевфратский, бохтанско-верхнезабский и принижнезабский. Между ними лежат совершенно иначе называемые страны, к которым термин «Хабхи» не применяется. «Хабхи» никогда не было обобщающим термином для обширной территории, включающей все ареалы, названные в источниках этим термином; им называются только отдельные страны, упоминающиеся наряду и в общих перечнях с другими, разделяющими их областями с иными наименованиями. Остается признать, что к северу от ассирийских рубежей

располагалось несколько изолированных друг от друга областей с одним и тем же названием «Хабхи». При этом все они находились на правобережье Тигра в исконно хурритском ареале.

Само название «Хабхи» безупречно этимологизируется как алародийское¹ относительное прилагательное на *-hi/e* со значением «хабский». По выражению «хабхийская страна Суги» у Тиглатпаласара I (АВИИУ 10) и упоминанию особого «языка Хабхи» у Саргона II (АВИИУ 49) можно заключить, что этот термин – не потестарно-политический, а этногеографический и этнолингвистический. Наличие мелких изолированных областей с одинаковым названием, растянувшихся цепочкой по одной линии вдоль течения Тигра на южных склонах Армянского Тавра и Загроса, само по себе наводит на мысль о миграции определенной общности как о причине такого явления. Наличие одинаковых имен у нескольких обособленных территорий легче всего объяснять тем, что они произведены от общего этнонимического корня, а приведенная выше этимология названия «Хабхи» подкрепляет эту точку зрения. В целом мы приходим к выводу о миграции вдоль Тигра неких аллародиев *хабов*, скорее всего, именно хурритов; они оседали по дороге различными анклавами, одинаково закономерно получившими название их, т.е. хабской, области.

Термин «Хабхи» впервые появляется у Тиглатпаласара I под 1113 г. в составе выражения «хабхийская страна Суги» (АВИИУ 10). В нее, согласно Тиглатпаласару, входят те же самые области между Бохтаном, оз. Ван и Верхним Забом, которые по составленной на полтора века ранее надписи Салманасара I в совокупности назывались не «Суги», а «Уруатри» (то же, что позднейшее Урарту) (АВИИУ 2). При следующем ассирийском царе Ашшурбелкале пределы Ур(у)атри начинались лишь к северу от этих областей, именно, от Уаткуна. Таким образом, в промежутке между правлениями Салманасара I и Тиглатпаласара I в указанных областях сменилась господствующая племенная организация: на месте племенного союза Уруатри возник хабхийский племенной союз Суги, а Уруатри сместился к северу от него. Эта картина согласуется с тезисом о миграции носителей названия «Хабхи» и объ-

¹ Название языковой семьи (находящейся в пока не выясненном до конца родстве с восточнокавказскими языками), в которую, наряду с хурритским и урартским языками, включаются и другие древние языки Армянского нагорья.

ясняет, почему урартские центры I тыс. лежат вовсе не на основной территории Уруатри Салманасара, а куда севернее, к востоку от оз. Ван. Очевидно, уруатрийская/урартская протогосударственность просто отступила на север от «хабхийцев», вытеснивших ее с ее прежних основных территорий к югу от Армянского Тавра и заместивших ее на этих территориях собственным союзом Суги.

Характерно, что более ранние подробные ассирийские сообщения XIII в. о походах в горы севера и востока еще не знают термина «Хабхи», а новохеттские памятники упоминают к северо-востоку от Галиса и Евфрата, т.е., на месте Дайаэни, совершенно иные образования. Тем самым подтверждается, что Хабхи и Дайаэни – новообразования, появившиеся между ~1200 и ~1120 гг. В сочетании с известиями о вторжении мушков на Верхний Евфрат около 1165 г., географическим распространением термина «Хабхи» и независимо выявляемым миграционным характером его распространения эта датировка дает нам все основания реконструировать общее «разбегание» хурритов из района Верхнего Евфрата в середине XII в. под натиском с запада именно так, как описано выше, и полагать, что «хабы» – это прежде всего верхнеевфратские хурриты.

Об аналогичной хурритской миграции позволяет судить датированное приблизительно 675 г. известие Ассархаддона о неких людях «Мехрану», живущих в Западной Мидии к востоку от истоков Диялы и отличающихся по языку от основного населения этих мест (Дьяконов И.М., 1956, с. 267). «Мехрану» трудно оторвать от наименования страны Мехри, локализуемой в районе горы Джудидаг – в исконно хурритском ареале (упоминается в XIII–XII вв. и в конце X в.), да и окончание у него имеет обычный хурритский вид топонима на *-ан(н)э*. Вероятно, люди «Мехрану» были отселившимися на восток выходцами из Мехри, что дополнительно подтверждается отличиями их языка от речи мидян, согласуется с данными Геродота, по которым область истоков Диялы входила в ареал матиенов (Hdt. V.52), и хорошо вписывается в исторический контекст «великого отступления» хурритов на восток в XII в.

Под натиском арамеев (XI в.) и урартов (XI–X вв.), очевидно, произошел дальнейший существенный отлив хурритов к востоку и северо-востоку за Загрос: они занимают бассейн оз. Урмия и прилегающие районы современного Иранского Азербайджана. Здесь их и помещают под именем «матиенов» античные авторы, у которых

и само оз. Урмия называется Ма(н)тианой. Здесь же возникает несколько царств, из них самым крупным стало в конце IX в. царство Манна. Члены его правящих династий, а также царства Андии в бассейне Кызыл-Узена носят хурритские имена: Ахсери, Уалли и Эрисинни в Манне, Телусина в Андии (см.: Дьяконов И.М., 1956, с. 98, 210, 283). Добавим, что у южного предела Манны лежит область со звучащим по-хурритски названием Месси (Дьяконов И.М., 1956, с. 158). Все это позволяет определять Манну и соседние царства как хурритские. Проникают хурриты, видимо, и в луллубейский бассейн Диялы, так что вскоре после утверждения в начале IX в. над этим регионом ассирийской власти происходит его быстрая хурритизация: в начале IX в. ассирийцы описывают эти места как луллубейские, но античные авторы уже относят бассейн Диялы к ареалу матиенов (Hdt. V.52).

IV

Итак, миграционные волны начала XII в., катализатором части которых послужило нашествие ахейцев на северо-запад Малой Азии – «Троянская война» – привели хурритский мир к сильнейшей трансформации. Он не только перестал существовать как осознанное единство «стран Хурри», но и этноязыковой ареал хурритов оказался разорван, резко сокращен и отброшен на те самые северо-восточные окраины Месопотамии, откуда тысячелетием раньше начиналось их расселение в пределы Плодородного полумесяца. Теперь в этот ареал входили, во-первых, изолированный анклав у истоков Евфрата, Аракса и Чороха, во-вторых, обширное и непрерывное, преимущественно горное, пространство, включавшее долину верхнего Тигра, бассейн части Верхнего и всего Нижнего Заба, области северо-центрального Загроса, бассейн Диялы и Приурмийский район. В таких границах хурритский ареал и существовал всю первую половину – середину I тыс. до н.э.: Гекатей и Геродот, как и позднейшие античные авторы, описывают хурритов в этих границах под именем матиенов, т.е. митаннийцев (Hecat. fr., 288 Hdt. I. 72, 202; Hdt. I. 189; V. 49, 52; Polyb. V. 44,9; Strabo. II. 1.4, XI. 7.2, 8.8, 13.2, 14.8; Ptol. VI. 2, 5). Очевидно, так хурритов, под впечатлением великодержавия Митанни, еще с XIV–XIII вв. называли жители Армянского нагорья, а поздние хурриты, возможно, и сами стали так себя называть.

Александр Немировский

8.2. Трансформация этнической идентичности гагаузов в контексте их миграции с Балкан в Бессарабию

Этноним «гагаузы» отсутствует в источниках вплоть до XIX в. Массовое переселение гагаузов в Бессарабию произошло в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., хотя гагаузы переходили на российскую территорию и до, и после этого события. Поскольку мигранты, направлявшиеся в Бессарабию из-за Дуная, шли в основном из Болгарии и одновременно с гагаузами переселялись и болгары, в русских официальных источниках основная масса переселенцев называется *задунайскими переселенцами*, *болгарскими колонистами* или просто *болгарами*. Гагаузы разговаривали на языке, официально именовавшемся «турецким наречием», и позже их стали обозначать так: «болгаре, говорящие на турецком языке». Это вполне объяснимо: в годы переселения и какое-то время после него большинство самих переселенцев-гагаузов отождествляли себя с болгарами, а грамотное меньшинство – с греками. Последнее объясняется тем, что из-за отсутствия богослужебной литературы на родном языке гагаузы пользовались *караманлийскими*¹ книгами ортодоксального содержания. Кроме того, часть гагаузов прибыла в пределы Российской империи в сопровождении греческого духовенства.

Очевидно, что у гагаузов длительное время «отсутствовало самосознание как отдельного, самостоятельного этнического образования» (Губогло М.Н., 2007, с. 13). Представляется важным выявить причины данного явления, проследить, как проходил процесс становления и трансформации гагаузской этнической идентичности, установить, какую роль в этом процессе сыграла их миграция в Бессарабию.

I

О происхождении гагаузов выдвинуто свыше 20 гипотез, среди них три основные: «тюркская», «болгарская» и «турецкая». Согласно исследованиям значительной части болгарских и некоторых

¹ Термин «караманлы» происходит от названия эмирата Караман в Малой Азии. Караманлийцами изначально называли его жителей независимо от их религии, языка и этнической принадлежности. Впоследствии термин закрепился за тюркоязычным православным населением Каппадокии (Кисилиер М.М., Федченко В.В., 2011, с. 436). Богослужебные книги, написанные на турецком греческими буквами, стали называться караманлийскими. Для передачи текстов на турецком языке использовались также кириллический (болгарская традиция), армянский, грузинский, латинский алфавиты (Федченко В.В., 2010).

постсоветских ученых, гагаузы – это отуреченные болгары, утратившие, в результате османского господства, свой родной язык, но сохранившие религиозную принадлежность (христианство). Турецкие ученые полагают, что гагаузы – это остатки средневековых турок-сельджуков. Наиболее распространена точка зрения о тюркских корнях в этногенезе гагаузов, их происхождении от конгломерата различных северотюркских кочевых племен, оседавших на Балканах в XI–XIII вв. Ее придерживался русский этнограф В.А. Мошков, разделяют многие современные российские и гагаузские ученые¹.

Анализ основных компонентов традиционной духовной культуры гагаузов, проведенный нами в предыдущих монографиях (Квилинкова Е.Н., 2002, 2005, 2007, 2010–2016), позволяет утверждать, что она далека от идеальной целостности. В ней присутствуют различные исторические пласты. При этом главные маркеры этничности у гагаузов выражены четко: православие и тюркоязычие. Это сочетание оказало значительное влияние на менталитет гагаузов, на форму и содержание их культуры.

Формирование гагаузов в качестве самостоятельного этноса происходило на территории Балканского полуострова. На протяжении многих столетий они жили по соседству с болгарами, греками, румынами, сербами, албанцами, турками. Православие коренным образом повлияло на ход этнических процессов у предков гагаузов, объединив их с христианскими балканскими народами на почве конфессиональной общности, способствовало, вопреки языковой близости с турками, сохранению их гагаузской особенности, сыграло роль этнического разделителя между христианами – гагаузами и мусульманами – турецким населением Балкан.

В научной литературе часто используются понятия «этническое самосознание», «этническое сознание», «этническая идентичность». Относительно их содержания нет единого мнения. Если говорить о последнем из них, то, на наш взгляд, одним из важных критериев его определения является осознание индивидом своей этнической принадлежности, отождествление себя с определенным этносом и обособление от других этносов. Вместе с тем под воздействием определенных исторических условий у некоторых народов этниче-

¹ Подробнее о трактовке этногенеза гагаузов в историографии см.: (Губогло М.Н., 1967; Маруневич М.В., 2003, с. 3–6).

ское самосознание не всегда бывает четко выражено. Что в этом отношении можно сказать о гагаузах?

В современный период идентификация себя только с одним этносом характерна лишь для гагаузов Молдовы и Одесской области, к которым в науке применяется термин *бессарабские гагаузы*. Для этнического самосознания других групп гагаузов, проживающих на территориях различных государств, характерна двойная самоидентификация. Так, гагаузы Болгарии, украинского Приазовья, Крыма и Северного Кавказа, а также Казахстана официально идентифицируют себя, главным образом, с болгарами, а гагаузы Греции – с *урумями* (греками), в быту же они называют себя гагаузами. Восприятие ими своей «гагаузскости» при сравнении с болгарами или греками обусловлено главным образом использованием языка *туркчя*, при сравнении с турками – принадлежностью к христианству и культурными различиями (Квилинкова Е.Н., 2005, с. 5; 2011, с. 261; Субботина И.А., 2006, с. 245). Добавим: при сборе полевого материала мы сразу обратили внимание на то, что у бессарабских гагаузов и гагаузов Болгарии и Греции оттенки смысла, вкладываемого в понятие «гагаузы», различаются. У первых оно выступает в качестве бесспорного этнонима; у вторых обозначает принадлежность к конкретной *этнокультурной группе*, тогда как по национальной принадлежности они включают себя в более широкую *этническую общность* болгар или греков, т.е. в общность, связанную «определенной общей культурой в самом широком понимании этого слова» (Арутюнов С.А., 1989, с. 51). Вероятно, можно говорить и о том, что причисление себя к иным этническим общностям («болгары» и «греки») – одна из форм проявления гагаузами этих стран их гражданской идентичности. Однако данное явление не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. В недалеком прошлом часть гагаузов северо-восточной Болгарии, так называемые *причерноморские гагаузы*, именовавшиеся *хасыл гагауз* («настоящие гагаузы»), идентифицировали себя не с болгарами, а с греками. Кроме того, для ряда представителей других названных выше групп гагаузов, проживающих на постсоветском пространстве, также характерна двойная самоидентификация «болгары – гагаузы», не совпадающая с их гражданской принадлежностью. В любом случае собранные нами в ходе полевых исследований данные свидетельствуют о том, что представители всех групп

гагаузов осознают свою принадлежность к этому этносу, в той или иной степени отождествляют себя с ним и одновременно обособляют себя от других этносов.

II

Вернемся в прошлое, в период переселения гагаузов в Бессарабию и последовавшие за ним десятилетия. Документы, найденные нами в Национальном архиве Республики Молдова (НАРМ. Ф. 205, 208 и др.), в определенной мере позволяют прояснить процесс трансформации этнического самосознания гагаузов на рубеже XIX–XX вв. На основе анализа этих документов, а также этнографических и историографических сведений можно говорить о том, что окончательное становление этнической идентичности гагаузов происходило на территории Бессарабии.

Сразу следует подчеркнуть: необходимой предпосылкой этого процесса стала трансграничная миграция. И не просто миграция сама по себе, а две ее отличительных черты. Во-первых, в исторической ретроспективе она предстает сжатой во времени: началась она во второй половине XVIII в., прекратилась вскоре после Крымской войны. В активной фазе массового переселения она уместилась в полтора десятка лет (Анцупов И.А., 2006). Во-вторых, она была уплотненной и в пространстве: подавляющее большинство гагаузов осели достаточно компактно в одном месте – на юге Бессарабии.

Как уже отмечалось, и сторонние наблюдатели за переселенцами, и сами переселенцы первоначально называли переселяющихся болгарами и греками. Мнения исследователей о причинах такой идентификации гагаузов в то время расходятся (Радова О.К., 2006; Шабашов А.В., 2002, с. 357). Декларируя болгарскую или греческую идентичность, они тем самым сразу демонстрировали лояльное отношение к Российскому государству, верность Православной церкви. И все же данный мотив не был основным. По нашему мнению, причисление себя к более крупным народам, болгарам и грекам, в тот исторический период действительно являлось частью самосознания гагаузов.

Формированию в психологии народа принципа двойной самоидентификации во многом способствовали те исторические условия, в которых гагаузы жили на Балканах. Противопоставляя себя туркам по религиозному, этническому и культурному признаку,

они включались в иные, близкие им по целому ряду признаков, этнические общности. Причисление к ним себя гагаузами позволяло не выделяться из общей среды местного христианского населения. Ведь в период османского завоевания и господства самым значимым из этих признаков было, прежде всего, единство религиозной принадлежности: мы все – православные христиане. Данное единство усиливалось за счет значительного сходства с болгарами в области материальной и духовной культуры, проживания на общей территории, переживания общей исторической судьбы. Сказывалось также болгарское и/или греческое влияние в области богослужбного и школьного языка. Способ двойной самоидентификации имеет, вероятно, отношение и к происхождению гагаузов, в этногенезе которых определенную роль сыграл болгарский и греческий компонент. Вместе с тем следует отметить, что и на Балканах, и в Бессарабии гагаузы обособлялись от болгар территориально: селились компактно, по возможности основывали мононациональные села.

Сохранение у гагаузов принципа двойной самоидентификации в течение довольно длительного времени после переселения в определенной степени объясняется тем, что, будучи одновременно православными и тюркоязычными, они из-за этого ощущали на себе давление своего маргинального положения. Особенно это заметно в документах, отражающих взаимоотношения прихожан и представителей местного духовенства. Для некоторых инонациональных священников сам факт прихода тюркоязычных в христианство накладывал на них отпечаток маргинальности, и такие «пастыри» не стеснялись использовать уничижительные для христиан гагаузов выражения: «татары», «турки», «язычники», «еретики», «нечестивцы», «некрещеные» (НАРМ. Ф. 208. Оп. 5. Д. 2638. Л. 80–87; дела за 1905–1906 гг.). Да и у некоторых представителей местной администрации тот факт, что часть «болгар» говорит лишь на турецком языке, совершенно не зная болгарского, вызывал не только недоумение, но и нескрываемое раздражение. Как писал попечитель болгарских колоний И.С. Иванов (1864, с. 29), «весьма неприятно изъясняться на турецком языке с народом, считающим себя происхождения болгарского». А «этногенетическая» версия, озвученная некоторыми священниками и начальниками, усиливала маргинальность гагаузов: дескать, «гагаузы – эта категория болгар, которая,

по местному сказанию, произошла от смешения болгарского племени с турецким» (Казанаклий П., 1873, с. 693). Или: «это незаконные дети турок от болгарок» (Защук А., 1862, с. 169).

Если принять все это во внимание, становится понятно, почему гагаузы до определенного времени не хотели декларировать свою настоящую этническую принадлежность посредством акцентирования своей языковой специфики.

III

Официальное разграничение гагаузов и болгар как в Бессарабии, так и в Болгарии произошло в конце XIX – начале XX в. В известной степени его можно связывать, с одной стороны, с деятельностью ряда исследователей, пытавшихся объяснить происхождение этого загадочного народа (КЕВ, 1905, с. 162; Мошков В., 1900; Иречек К., 1890), с другой – с ростом самосознания самих гагаузов.

В активизации этнического самосознания у бессарабских гагаузов значительную роль сыграл язык в его качестве основного этнодифференцирующего признака. В 1897 г. при проведении Всероссийской переписи гагаузы впервые были исчислены отдельно от болгар. Правда, при этом они были обозначены как «турки-гагаузы», хотя, как подчеркивал академик Н.С. Державин (1937, с. 80–81), «ни сам себя этот народ, ни его соседи никогда не называли и не называют его “турками”, а всегда гагаузами, иногда булгарами».

Процесс трансформации этнического самосознания у бессарабских гагаузов можно частично проследить по архивным сведениям о представителях гагаузского духовенства. Еще в самом конце XIX в. дядя известного гагаузского религиозного деятеля и просветителя протоиерея Михаила Чакира Дмитрий Чакир, написавший брошюру «Биографический очерк рода и фамилии Чакир» (1899), причислял себя к болгарам. Он писал: «Род фамилии Чакир, болгарской нации, славянского племени, восходит к первой половине семнадцатого века» (Чакир Д.Г., 1899). Не исключено, что в данном случае исторически давний и привычный способ идентификации получил у Дмитрия Чакира, так сказать, подпитку на индивидуальном уровне ввиду того, что он всю свою жизнь служил в болгарских приходах. Впрочем, этническая принадлежность других священни-

ков-гагаузов по клировым ведомостям XIX в. указана аналогичным образом: «из болгар» (НАРМ. Ф. 208. Оп. 14. Д. 9. Л. 11; дело за 1854 г.; Ф. 208. Оп. 10. Д. 20; дело за 1863 г.; Ф. 208. Оп. 10. Д. 44. Л. 55; дело за 1873 г.). Тем не менее конец XIX – начало XX в. характеризуются качественным ростом самосознания у бессарабских гагаузов.

В этот период идет становление глоттонима «гагаузский язык» (вместо *тюркчя*). С начала XX в. в официальных документах непродолжительное время используется двойной способ обозначения этнической принадлежности священников-гагаузов: *болгарин-гагаузин* или *гагауз-болгарин*, но их прихожане уже называются гагаузами (НАРМ. Ф. 208. Оп. 10. Д. 134. Л. 3–5; дело за 1909 г.; ф. 208. Оп. 3. Д. 4963. Л. 30). С 1905 г., а особенно с 1917–1918 гг. значительно увеличивается количество прошений от сельских обществ о назначении в их приходы «своих» священников, способных произносить проповеди и исповедовать прихожан на родном языке. Отделение гагаузов от болгар в указанный период проводится в отчетах благочинных и приходских священников (НАРМ. Ф. 208. Оп. 4. Д. 1716. Л. 76; Ф. 208. Оп. 4. Д. 1716. Л. 93–95, 99–100; КЕВ, 1906, №4, с. 126–128). С 1908 г. благодаря усилиям ряда гагаузских религиозных деятелей, сумевших заручиться согласием епархиального начальства и Святейшего Синода, начинается перевод и издание богослужебных книг на гагаузском языке. С 1918 г. в прошениях о назначении в гагаузский приход священники начинают официально идентифицировать себя как гагаузы: «Я по происхождению *гагауз* (выделено нами. – *Е.К.*) и говорю на их языке...» (НАРМ. Ф. 208. Оп. 19. Д. 595. Л. 1). Все это указывает на то, что у бессарабских гагаузов активизировался процесс перехода от двойной самоидентификации «гагаузы – болгары» к идентификации себя только с одним этносом – с гагаузами. Сознание гагаузов постепенно освобождается от давления маргинальности, испытывавшегося ими на протяжении всей их истории.

К началу XX в. относится и более частое употребление в официальных документах слова *гагауз* в значении этнонима (НАРМ. Ф. 208. Оп. 5. Д. 3444. Л. 78; Оп. 5. Д. 3179. Л. 819; Ф. 208. Оп. 4. Д. 2265. Л. 11; Ф. 208. Оп. 3. Д. 4723. Л. 8. 54, 55, 81, 83, 343–351; Ф. 208. Оп. 4. Д. 4056. Л. 19, 21, 29, 106 и др.). Тем не менее, как можно судить из высказывания протоиерея М. Чакира в его «Исто-

рии гагаузов Бессарабии» до Всеобщей переписи населения Румынии 1930 г. гагаузы продолжали упоминаться в официальных документах под именем болгары (Ciachir M., 1934; Чакир М., 2005, с. 82).

IV

Таким образом, спустя почти век после переселения гагаузов в Бессарабию, у них, благодаря новым условиям, в которых они оказались, изменилось соотношение идентичностей – произошло смещение акцентов с религиозной составляющей на составляющую языковую и этническую. На новой «родине» гагаузов усилилось их этническое самосознание, активизировался процесс консолидации гагаузского этноса. Это стало основой для формирования устойчивого этнического самосознания, неотъемлемая часть которого – осознание собственной этнической самобытности.

Культурная идентичность у гагаузов имеет свою специфику. В настоящее время значительной частью гагаузской интеллигенции делается акцент на приоритете тюркского единства, основывающегося на языковой общности. С балканскими и восточноевропейскими христианскими народами гагаузов сближает единая система культурных ценностей и норм. В то же время культурное развитие гагаузов, испытавших, как и другие народы бывшего Советского Союза, огромное влияние русской культуры, во многом связано с русским языком. Соответственно, в самосознании гагаузов Молдовы исследователи выделяют следующие маркеры: конфессиональная принадлежность (православие), этническая идентичность (принадлежность к тюркскому миру) и ориентация на русский язык и Россию (Аникин Н.В., 2009, с. 21).

Пример гагаузов убедительно доказывает, что «этничность», составной частью которой является культурная идентичность, может трансформироваться – возрастать или ослабевать – в ответ на внешние условия. Почему миграция в Бессарабию сыграла основополагающую роль в процессе окончательного сложения гагаузского этноса? Потому что созданные ею условия существования гагаузов-мигрантов способствовали и сохранению их народной культуры, и развитию литературного языка, и формированию национальной интеллигенции. Благодаря этому, этническая идентичность у гагаузов усилилась и трансформировалась, что привело, в конечном счете, к осознанию ими себя как самостоятельного этноса. Обра-

зование в конце XX в., в 1994 г., Автономного территориального образования *Гагауз Ери* – результат этнической мобилизации, но результат закономерный – итог процессов этнической консолидации, запущенных массовой миграцией начала XIX в.

Елизавета Квиликва

8.3. Миграция как фактор формирования отраслевых этноэкономик: региональный аспект¹

Миграция населения оказывает значительное влияние на большинство современных экономик. В том числе она является фактором формирования новых и трансформации уже сложившихся отраслевых этноэкономик. В настоящее время достаточно заметной составляющей трудовых ресурсов Сибирского федерального округа продолжают оставаться иностранные трудовые мигранты, и более четверти (29%) из них направляются осуществлять трудовую деятельность в Новосибирскую область². Было решено на эмпирическом материале установить, можно ли применительно к области говорить о наличии и/или формировании отраслевых экономик, и, если да, проследить воздействие на них миграции. Раздел представляет собой публикацию предварительных итогов исследования на эту тему.

Эмпирическая база исследования получена в ходе анкетного опроса населения муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. Выборка составила 1400 респондентов, дополнительно было проведено 10 фокус-групп с охватом 140 участников и взято более 200 экспертных интервью. Также были использованы статистические данные по миграции населения за 2005–2015 гг., предоставленные Новосибирскстатом и областным Министерством труда, занятости и трудовых ресурсов.

Что такое этноэкономика

В мировой и российской научной литературе существуют различные подходы к определению понятия «этноэкономика». Начало изучению этноэкономики было положено в классических трудах Макса Вебера и Вернера Зомбарта, первыми приблизившимися к поиску ответа на вопрос, как этнические культуры влияют на

¹ Раздел подготовлен в рамках поддержанного РФФИ проекта №16-13-54002.

² Оценка сделана по: (Социально-экономическое положение..., 2016, с. 56).

развитие экономики¹. Современных зарубежных исследователей этноэкономики отличает преимущественное внимание как раз к ее связи с экономической деятельностью мигрантов (Bonacich E., 1973; Light I., Gold S., 2000; Chua A., 2003; Strüder I.R., 2003), в особенности с этническим предпринимательством (Zhou M., 2004). В России трактовка этноэкономики как сферы этнического предпринимательства представлена в работах В. Радаева (1993), В. Дятлова (1996), С.В. Рязанцева (2000), В. Тишкова (2005) и др. В то же время целая группа российских авторов посвятила свое внимание изучению этноэкономики коренных народов².

С учетом обоих подходов этноэкономикой может быть определена как совокупность сфер экономической деятельности, частично или полностью контролируемых этническими группами. В состав таких групп входят собственники предприятий, оплачиваемые наемные работники и часто неоплачиваемые семейные работники и клиенты. Одна или даже две категории могут отсутствовать, но постоянным остается этническое доминирование в конкретной сфере экономики, что предполагает зависимость отрасли от деятельности данной этнической группы, в дальнейшем перерастающую в частичный или полный контроль над этой отраслью.

Этноэкономикой следует разделять на мигрантскую и этноэкономикой коренных народов, но и та, и другая помогают воспроизводству этнической общности, и в той, и в другой ее субъекты обязательно и широко используют для своей предпринимательской деятельности этнические, родственные и сетевые ресурсы. В мигрантской этноэкономике механизмы этнической сети облегчают адаптацию мигрантов, помогают им на начальном и последующих этапах трудовой деятельности, позволяют сохранять культурную идентичность. В этноэкономике коренных народов приверженность к традиционному компоненту трудовой деятельности способствует сохранению языка, культуры и быта автохтонных этнических групп³.

¹ Сосредоточиваясь на религиозной составляющей хозяйственных этик, М. Вебер (1994, с. 44) не забывал подчеркнуть, что на нее воздействовала и «национальная» составляющая.

² См., например: Колесников Ю.С., 2003; Шандиров М.О., 2003; Сурнина Н.М., Печура О.В., 2009; Печура О.В., 2010; Паникарова С.В., Власов М.В., Чебодаев В.П., 2011.

³ См., например: Light I., Gold S., 2000; Chua A., 2003.

Влияние миграции на этническую экономику в целом заключается в том, что происходит диверсификация экономической деятельности. Мигрантская этноэкономика предполагает частичный или полный контроль конкретных диаспор над определенными сферами экономики. Здесь роль миграции может быть двойкой: при значительной возвратной миграции этот контроль может ослабнуть, в случае притока новых мигрантов, одноэтнических с главенствующей в этноэкономике диаспорой, образуется зависимость целых отраслей от труда мигрантов. Одновременно нарастает процесс конфронтации между представителями «старых» мигрантов первой волны миграции из бывших советских республик, обычно входящих в «ядро» этнической группы, и «новых» мигрантов современной волны трудовой миграции, оказывающихся на периферии диаспоры (Кузнецов И.М., Мукомель В.И., 2007). Влияние миграции населения на экономику коренных народов приводит к частичной замене таких традиционных форм этноэкономики, как сельское хозяйство, традиционное природопользование и традиционные промыслы, формами новационными – этнотуризмом, этноэкономикой знаний, этноэкономикой культуры.

Новосибирская область: миграционная ситуация

С 2005 по 2015 г. в Новосибирской области наблюдается стабильный миграционный прирост населения, главным образом за счет внутрироссийских перемещений: область имеет положительное сальдо в обмене населением со всеми регионами, кроме Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Краснодарского края. В обмене населения со странами СНГ у области за 2005–2015 гг. тоже сложилось положительное сальдо, отмечено нарастание миграционных потоков как по прибывшим, так и по выбывшим. Более 85% международных мигрантов – выходцы из стран СНГ¹, наиболее многочисленны мигранты из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. В миграционном обмене с дальним зарубежьем регион преимущественно теряет население, только в 2011 и 2012 гг. сальдо миграции было положительным. Уезжают жители области главным образом в Германию, США, Израиль и Канаду.

¹ Рассчитано по: (Новосибирская область, 2016, с. 20).

Иностранные трудовые мигранты – важная составляющая трудовых ресурсов Новосибирской области. Увеличение в 2005–2015 гг. их доли в этих ресурсах до 4,5% свидетельствует о привлекательности области для осуществления трудовой деятельности зарубежными гражданами, ищущими вознаграждающей занятости¹.

Если оценивать миграционную ситуацию по муниципальным районам Новосибирской области, то очевидно, что для них характерна миграционная убыль населения. Самая большая убыль за исследуемый период была зафиксирована в районах, наиболее удаленных от регионального центра и других крупных городов: в Кыштовском, Северном, Чистоозерном, Купинском, Баганском, Здвинском. Муниципальные районы, находящиеся в непосредственной близости от областного центра, являются миграционно привлекательными территориями. Однако замещение в них выбывающего населения происходит главным образом за счет мигрантов из стран СНГ, и замещающее население часто уступает замещаемому по своему образовательному статусу и квалификации. Для областного центра характерно стабильно положительное миграционное сальдо по потокам как межрегиональной и внутрирегиональной, так и международной миграции (Новосибирская область, 2016, с. 20).

Миграция и этноэкономики: муниципальные районы

Воздействие миграции на этноэкономики мы рассмотрим на примере попавших в выборку исследования девяти муниципальных районов Новосибирской области и двух городских округов.

Кочневский и Черепановский муниципальные районы. Находясь на расстоянии 100–150 км от регионального центра, эти районы демонстрируют стабильную маятниковую миграцию – до 80% их трудоспособного населения ежедневно выезжают в Новосибирск на работу или учебу. Основные причины мобильности заключаются в отсутствии в районах работы и в низкой заработной плате. Одновременно в оба района устремляется поток иностранных трудовых мигрантов из Новосибирска. Его образуют маятниковые мигранты, а также вахтовики с продолжительностью вахты в две–три недели. Последнее особенно характерно для Черепановского района, где трудовые мигранты из стран СНГ трудятся на предприятиях, организованных по принципу трудового лагеря. Занятые

¹ Рассчитано по: (Труд и занятость..., 2015, с. 22).

на них живут прямо на территории предприятия, в общежитиях закрытого типа, и покидать огороженную территорию предприятия им не рекомендуется.

Заняты трудовые мигранты в основном на низкоквалифицированных, низкооплачиваемых трудовых позициях, где тем не менее иногда составляют конкуренцию местным жителям. Однако конкуренция эта держится на крайне низком уровне, так как коренные жители предпочитают работать в региональном центре на более высокооплачиваемых местах.

В обоих районах имеет место специализация по этническому принципу, формируются сферы мигрантской этноэкономики. Мигранты-армяне специализируются в сфере питания; таджикская этническая группа преимущественно трудится в сфере строительства; узбеки концентрируются в сегменте торговли, причем в данном случае можно говорить и о владельцах мелкого и среднего бизнеса, и о самих работниках, осуществляющих трудовую деятельность на предприятиях этнических узбеков. Параллельно с этноэкономикой формируются мигрантские сети, по которым привлекаются необходимые новые трудовые ресурсы, происходит процесс консолидации на этнической и религиозной основе. Еще одной чертой данных мигрантских сообществ является то, что они закрыты для контактов.

Убинский муниципальный район. От Новосибирска – в 150–300 км. Коренные жители активно участвуют в вахтовых миграциях на срок от двух недель до месяца, главным образом в Новосибирск и в соседние регионы (Томская и Кемеровская области, Красноярский и Алтайский края). Основные причины те же, что и в Коченевском и Черепановском районах: низкая заработная плата и сложность трудоустройства. Замещение коренных жителей происходит частично за счет трудовых мигрантов из стран СНГ. Это вахтовики, приезжающие на такой же период времени, на какой уезжают местные работники. Объективно в районе между трудовыми мигрантами и коренными жителями создается ситуация конкурентной борьбы за рабочие места, и шансы в ней победить выше у мигрантов, так как они осуществляют демпинг по заработной плате. Впрочем, случаи реальной конкуренции довольно редки, однако их хватает для того, чтобы вызывать определенную межнациональную напряженность.

В этом районе также идет формирование мигрантской экономики по этническому принципу. Узбекская этническая группа частично контролирует торговлю продуктами питания. Сфера частного строительства практически полностью заполнена работниками из Таджикистана. В обеих сферах бизнесом владеют выходцы из Узбекистана и Таджикистана, уже получившие российское гражданство, а оплачиваемыми и не оплачиваемыми (семейными) работниками чаще являются трудовые мигранты из той же этнической группы, к которой принадлежит «хозяин». Узбеки и таджики стараются четко разграничить свою предпринимательскую деятельность и в то же время оказывают друг другу услуги в смежных/пограничных областях деятельности.

Барабинский, Чановский, Татарский, Купинский районы. Они удалены от регионального центра на 300–600 км, доминируют в них чуть ли не тотальные по охвату трудоспособного мужского населения вахтовые миграции на долгий период времени – от полугода до года и выше. Исключение – Барабинский район: его жители выезжают на срок от трех до шести месяцев. На вахту из всех районов едут в северные регионы страны, часто с последующим переездом на постоянное место жительства в них. Основная причина – отсутствие работы, особенно в сельских поселениях, где уровень скрытой безработицы доходит до 70–80%. Замещения рабочих мест мигрантами здесь не наблюдается. Вместе с тем присутствует сезонная миграция на летний период с определенной специализацией: мигранты из Узбекистана приезжают торговать, из Таджикистана – строить. То есть доминирование этнических групп в данных сферах экономики носит кратковременный характер, можно говорить лишь о начальной стадии формирования мигрантской этноэкономики.

В этих районах существуют этноэкономики иного вида – давно укорененных этнических групп татар, немцев, казахов с традиционными формами хозяйствования в агросфере и с традиционным природопользованием. В качестве примера можно назвать такие татарские улусы, как Малый Тибис, Тармокуль, Ауяул: в них сохраняется двуязычие, бережно относятся к обычаям и к традиционному хозяйственно-культурному укладу, межнациональные браки осуждаются, заметна тенденция к закрытости от внешнего мира. Однако и из них молодежь уезжает в крупные города с целью по-

лучения образования, что приводит к постепенному размыванию жестких границ этнических сообществ. Не редки и случаи, когда возвращающиеся из городов учебные и трудовые мигранты из местных инициируют внедрение в эти локальные этноэкономики новационных форм. Примеры: реализация проекта этнодеревни в Чановском районе (этнотуризм) и развитие центров культуры (этноэкономика культуры) в Татарском районе.

Карасукский и Краснозерский районы расположены в 300–400 км от Новосибирска. Их отличает относительно высокий уровень жизни, поэтому вахтовые миграции коренных жителей здесь минимальны. Мигрантов из стран СНГ практически нет. Существует достаточно сильная консолидированная немецкая этническая группа. Ее доля в общей численности населения – не более 4%, однако в органах власти, среднем и крупном бизнесе она представлена в большей мере. Еще одна особенность этих районов – тесные социально-экономические связи с Казахстаном в сочетании с более высоким, чем в других районах, удельным весом казахов в населении: 4–5%. В казахских аулах присутствуют традиционное скотоводство и природопользование, сами аулы в значительной мере закрыты. Однако и в этих районах в этноэкономики вторгаются инновации: этнотуризм, этноэкономика знаний и культуры. В качестве примера можно отметить центры немецкой культуры и немецкого языка, казахскую этнодеревню.

Миграция и этноэкономика: Бердск и Новосибирск

Бердск. Этот город находится в нескольких километрах от Новосибирска и обладает хорошей транспортной доступностью. В непосредственной близости от Бердска расположен научно-инновационный центр Новосибирской области – Академгородок. Следствие – маятниковая миграция: часть жителей приезжает трудиться и учиться в научные институты Академгородка и в университет, также часть населения выезжает ежедневно на работу и учебу в Новосибирск. Экспертные интервью показали, что в маятниковую миграцию ежедневно вовлекается до трети населения Бердска. В самом же Бердске работают иностранные трудовые мигранты, частично заполнившие сферу городской занятости. Идет развитие мигрантской экономики по принципу этнической специализации. К примеру, в Новом поселке вблизи Бердска локально расселились

армяне, они частично контролируют ресторанный бизнес в городе и торговлю. Довольно консолидирована узбекская диаспора, занятая преимущественно в торговле. Таджики, как и в других местах, концентрируются в сегменте строительства. Необходимо отметить, что присутствует определенная конкурентная борьба между этническими сообществами за рынки услуг.

Новосибирск. Основная масса иностранных трудовых мигрантов, направляющихся в Новосибирскую область, прибывает в областную столицу. С одной стороны, это преимущественно граждане Китая, КНДР, Турции, с другой – граждане Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Азербайджана, Украины, Армении. Прослеживается тенденция к преобладанию низкоквалифицированных мигрантов над высококвалифицированными. Основные профессии, в которых подвизаются мигранты, – это подсобный рабочий, грузчик, каменщик, штукатур, маляр, бетонщик, уборщик производственных и служебных помещений, арматурщик, облицовщик-плиточник, водитель и т.п. Всё более заметны сферы экономики, полностью или частично зависящие от иностранных мигрантов: строительство, ЖКХ, обрабатывающие производства, розничная торговля, транспорт.

Более того, по мнению ряда экспертов (Н.Д. Вавилиной, Е.В. Антропова, И.В. Октябрьской и др.), в Новосибирске складываются этнические анклавы выходцев из Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. В черте города появились места их компактного проживания – в юго-западной и восточной части города, по окраинам, на участках, прилегающих к рынкам, а также в частном секторе, расположенном вдоль железной дороги и малых городских рек (Октябрьская И.В., Антропов Е.В., 2014). В анклавах завершается формирование классического типа мигрантской этноэкономики, которая включает в себе все категории участников экономической деятельности, производящих товары и услуги и для принимающего общества, и для самих мигрантов: собственников, оплачиваемых и не оплачиваемых семейных работников, клиентов. И между концентрирующимися в анклавах этническими сообществами идет борьба за сферы деятельности, о чем свидетельствует недавний конфликт на Хилокском рынке, когда узбекская и таджикская группы пытались осуществить передел сфер влияния (Конфликт..., 2016).

* * *

Следует отметить, что ситуация в разных районах Новосибирска различается принципиальным образом, поэтому необходимо более глубокое изучение специфики положения в отдельных районах и даже микрорайонах. Эта специфика станет предметом дальнейшего исследования. Здесь же, подводя итоги, подчеркнем, что уже проведенное исследование позволяет, на наш взгляд, сделать два вывода. Во-первых, прослеживается определенная, хотя и не повсеместная для области, связь между миграцией местных жителей из сельской местности и удаленных районов, и иностранной трудовой миграцией. Во-вторых, очевидно влияние как трудовой миграции извне, так и в меньшей степени миграции внутренней, преимущественно учебной и возвратной, на трансформацию традиционных форм этноэкономики коренного населения в новационные формы и на становление новых и развитие старых мигрантских этноэкономик.

Елена Шевцова

Глава IX СЛЕДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ В ЯЗЫКЕ И АЛФАВИТЕ

9.1. Миграции в Древнем Египте в свете языковых заимствований

Любые миграционные процессы – от обусловленных торговыми отношениями до завоеваний и переселений – приводят к повышению интенсивности контактов между народами, которые оказались в эти процессы вовлечены. Вместе с людьми мигрируют предметы и идеи, а одним из проявлений этих процессов оказываются языковые заимствования, проникающие в языки народов, вольно или невольно затронутых взаимодействием. Само по себе возникновение языковых заимствований в условиях активного культурного взаимодействия – явление неизбежное, однако реакция языка (вернее, его носителей), воспринимающего эти заимствования, может быть различной. Например, язык может относиться к заимствованиям как к чужеродному элементу и стараться, по возможности, их отвергнуть либо, наоборот, оказывается открыт «новым веяниям» и готов с удовольствием их усваивать (это две крайности, между которыми возможны, разумеется, самые разные промежуточные модели). Задача данного раздела – кратко описать и сравнить разные модели усвоения языковых заимствований на примере двух крупных волн языковых заимствований, которые древнеегипетский язык пережил на разных этапах своей истории.

Первая волна

В эпоху Нового царства (1550–1070 гг. до н.э.) существенно возрастают частота и насыщенность контактов Древнего Египта

с окружающим миром. Египетское государство проводит энергичную завоевательную политику, кроме того, активно развиваются дипломатические и торговые отношения с соседними странами и народами. Такая ситуация не могла не вызвать к жизни различные формы миграций. В частности, заметно увеличилось количество иноземцев, которые попадали в Египет в качестве посланников, наемников, торговцев или рабов и приносили с собой новые предметы материальной культуры, чужеземные идеи и верования (Helck W., 1962, p. 359–367; Panagiotopoulos D., 2006). Одним из следствий этих процессов стало значительное увеличение в египетском языке заимствований из других языков, преимущественно семитских.

Согласно исследованиям Джеймса Хоха, в египетских текстах эпохи Нового царства и Третьего Переходного периода обнаруживается около 600 слов¹, определяемых им как семитские по происхождению; более точное определение того или иного языка в качестве источника заимствования в большинстве случаев представляет значительные трудности (Hoch J.E., 1994, p. 479–487). Подавляющее большинство из них (77,5%) – это существительные. На долю глаголов приходится 20% слов, но и глаголы представлены преимущественно номинальными формами: инфинитивами и причастиями. Все остальные категории едва превышают по их общему удельному весу 2% заимствований (Hoch J.E., 1994, p. 438).

Хох предпринял также попытку классификации заимствованных слов по смысловым категориям (Hoch J.E., 1994, p. 460–473). Ее результаты показывают: наибольшую группу (14,2%) составляли военные термины, что неудивительно, учитывая «воинственный» характер новоегипетской империи; хорошо известно также, что немало военных новшеств пришло в Египет вместе с мигрантами-наемниками и мигрантами-рабами из числа военнопленных. Второе место (8,2%) занимают топографические термины; это естественное следствие расширения пространства, попадавшего в сферу интересов египетского царства.

Очевидно также, что наибольшее количество заимствованных слов пришло в Египет вместе с конкретными материальными объектами, которые этими словами назывались: вместе с новыми для

¹ В приведенном им списке – 595 слов (Hoch J.E., 1994, p. 15–396).

египтян продуктами питания, напитками, маслами, хозяйственными предметами, растениями, животными и т.п. То есть преобладал такой тип заимствования, при котором новое слово входит в язык для обозначения новой, прежде не существовавшей реалии¹. В этом смысле заимствования – хорошие свидетельства широты и разнообразия контактов между египтянами и их соседями.

Интересно, что наибольшая концентрация заимствованных слов наблюдается в текстах, использовавшихся писцами в справочных или учебных целях (например, в лексикографических справочниках, так называемых ономастических), и в текстах, непосредственно касающихся предметов и процедуры торговли, а также в царских нарративах (Hoch J.E., 1994, p. 478). Это означает, что использование заимствований характерно в первую очередь для высших слоев древнеегипетского общества. Чем ниже по социальной лестнице, тем меньше процент заимствований; тем не менее и «внизу» они не исчезают совсем: иноземные слова можно встретить даже в любовной поэзии эпохи Нового царства. Причина, возможно, в том, что высшим слоям приходилось больше соприкасаться с живыми носителями других языков и с текстами на них. Хорошо известно, например, что в эпоху Нового царства языком международного общения фактически был аккадский. Возможны и другие объяснения. Как бы то ни было, в контексте поставленной мною задачи более важен вопрос о том, насколько глубоко в действительности укоренились в египетском языке иноземные слова.

Интересно, что для записи этих слов была выработана особая система, так называемое *слоговое письмо* или *group writing*², включающая относительно небольшое количество комбинаций знаков, сгруппированных таким образом, который был не характерен для записи исконных египетских слов. Эта система, безусловно, восходит к способам записи иноземных слов времен Среднего и даже Древнего царств, но довольно существенно от них отличается. Характер и особенности использования слогового письма являются предметом научных дебатов, но в настоящее время большинство ученых признают, что *group writing* представляет собой попытку

¹ Разумеется, были и другие типы заимствований, но их процент был значительно меньше.

² “Group writing” и “syllabic orthography” – устоявшиеся термины для обозначения рассматриваемой системы письма.

передать не только согласные, но и гласные звуки иноземных слов (Hoch J.E., 1994, p. 5, 498–499).

Тот факт, что для записи заимствованных слов была выработана особая система письма, говорит о том, что *воспринимались* они именно как иноземные, а не как полноценные египетские слова¹. С известной долей осторожности можно сопоставить эту ситуацию с той, которая имеет место в современном японском языке, оперирующем довольно большим количеством *гайрайго* – заимствований из европейских языков, преимущественно из английского. Подавляющее число *гайрайго* – существительные, их употребление нередко ассоциируется с современностью и престижностью. Хотя такие слова широко используются в повседневной речи, для их фиксации на письме используется иная форма записи, нежели для японских слов: азбука *катакана* для первых, азбука *хирагана* и иероглифы для вторых² (Алпатов В.М., 1976, 2002; Алпатов В.М., Арешидзе Л.Г., 1991; Loveday L., 1996). Получается, что сама система письма не дает забыть о том, что все эти слова – иностранные по происхождению³.

Возвращаясь к Египту, заметим, что многие из заимствованных слов оказались релевантны только для определенного периода, собственно, для Нового царства. С XXI династии, т.е. с началом Третьего Переходного периода, большинство таких слов и сама система их записи практически исчезают из текстов. Сохраниться спустя длительное время после появления удалось лишь немногим заимствованиям первой волны. Очевидно, чем дольше период времени между появлением заимствований и выбранной для проверки их наличия стадией развития языка, тем уверенней можно утверждать, что эти заимствования прочно вошли в лексику. По моим подсче-

¹ Есть свидетельства записи слоговым письмом не только иноземных, но и египетских по происхождению слов (см.: Ward W.A., 1957, p. 198–203, Hoch J., 1994, p. 5–6), однако они единичны, а причины их появления требуют отдельного рассмотрения.

² Мы сейчас не касаемся вопроса о *канго* – китайских словах, которые были заимствованы на более раннем этапе и также образуют четко маркированную подсистему в японском языке, – это другая ситуация, аналогичная той, речь о которой пойдет ниже.

³ Как египетское слоговое письмо могло использоваться для записи не только иноземных слов, так и употребление катаканы в японском не ограничено заимствованиями из европейских языков: как в первом, так и во втором случае речь идет о наиболее широкой сфере применения.

там, на самых поздних стадиях – в демотическом языке и коптском – из выделенных Хохом почти 600 слов имеют более или менее достоверных потомков лишь 56, т.е. менее десятой части. Даже с учетом возможных слов с неустановленными этимологиями или не отраженных в письменных источниках такой процент «уцелевших» заимствований все равно мал.

При распределении сохранившиеся в египетском языке заимствованных слов по частям речи и смысловым категориям получается следующая картина (табл.).

Распределение по категориям сохранившихся заимствований эпохи Нового царства

Категория	Кол-во	%
Существительные, в том числе:	50	89,3
еда и напитки	13	23,2
хозяйственная утварь и инструменты	8	14,3
фауна	5	8,9
окружающая среда	5	8,9
сосуды	4	7,1
торговля	4	7,1
одежда	3	5,4
архитектура	3	5,4
средства передвижения	2	3,6
оружие	2	3,6
болезни	1	1,8
Прилагательные	3	5,4
Глаголы	2	3,6
Наречия	1	1,8
ВСЕГО:	56	100

Составлено по: Hoch J.E., 1994, p. 15–397; Crum W.E., 1979.

Наибольшую группу составляют названия растений, продуктов и напитков, несколько меньшим количеством слов представлены названия животных, сосудов, хозяйственной утвари и инструментов, одежды и предметов вооружения, строений и повозок, частей тела, а также объектов окружающего мира (таких как «море», «озеро», «канал»). Сохранилось несколько слов, связанных с торговыми

отношениями. Например, от слова «торговый партнер» происходит коптское слово «друг». Также к этой категории можно отнести существительное «цена» и глагол «временно пребывать, посещать». Кроме него, из глаголов сохранились слова «разрушать» и «отрезать», из прилагательных – слова «сиплый» и «слепой», из наречий – одно-единственное слово «снаружи».

Как видно из приведенной таблицы, лучше всего сохранилась лексика бытовая, связанная с хозяйством и торговлей, в то время как военные и топографические термины, составлявшие большинство в эпоху Нового царства, практически исчезают из языка.

Подводя итог, можно сказать, что в долгосрочной перспективе семитские заимствования времени Нового царства внесли относительно малый вклад в развитие египетского языка. Тем не менее всплеск использования новой лексики в новоегипетскую эпоху остается чрезвычайно интересным феноменом, ярким «осязаемым» проявлением активизации интереса Египта к внешнему миру, свидетельством расширения международных контактов в целом, интенсификации миграционных процессов в частности.

Вторая волна

С языковыми заимствованиями второй волны, из греческого языка, сложилась иная ситуация. Хотя история контактов Египта и греческого мира восходит еще к микенским временам, устойчивые связи с ним и ориентация на его культуру начинаются с эпохи XXVI Саисской династии (664–525 гг. до н.э.). Со времени правления царя Псамметиха I в Египте обосновываются ионийские и карийские наемники, греческие ремесленники, частыми гостями становятся греческие торговцы. Древнейшим и главным центром поселения греков в Египте стал город Навкратис, а важнейшим центром греческой торговли – порт Гераклео¹.

После завоеваний Александра Великого средиземноморский мир вступил в эллинистическую эпоху. В Египте воцарилась династия Птолемеев, столицей которых стала Александрия, а степень важности греческой культуры для Египта того времени очевидна уже из того факта, что ретроспективно эта эпоха получила название Греко-римской. С первых веков правления Птолемеев продолжа-

¹ О греческо-египетских контактах до Александра Великого см.: (Lloyd A.B., 1975, p. 1–60).

лась достаточно масштабная миграция греков из Греции, Македонии, Фракии, с Эгейских островов и из греческих поселений Малой Азии: большинство мигрантов оседало в Александрии, но частично они проникали практически во все части долины Нила. С IV в. до н.э. до VIII в. н.э. греческий язык функционировал в Египте наряду с древнеегипетским как язык администрации и высших слоев населения. Политическое, экономическое и социальное доминирование греков оказало огромное влияние на Египет, в том числе и лингвистическое¹.

В ходе распространения в Египте христианства греческий язык стал оказывать влияние на египетский еще и как основной язык Священного писания и христианских текстов. В эту эпоху древнеегипетский язык вступает в финальную стадию своего развития, называемую коптской². На этом этапе было заимствовано огромное количество греческой лексики: около 5 тыс. слов, среди которых присутствовали существительные, прилагательные, глаголы, наречия, союзы, предлоги, междометия и частицы (Grossman E., 2013). По примерным подсчетам, процент греческих заимствований составляет около одной пятой всех коптских слов, включая служебные (Смагина Е.Б., 2016, с. 11). Более того, полностью изменилась система письма: копты отказались от традиционных форм записи и стали пользоваться алфавитом, разработанным на основе греческого алфавита (с добавлением знаков, адаптированных из демотического письма).

Первые попытки использования греческих букв для записи египетских текстов зафиксированы уже на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э., и невозможно с уверенностью утверждать, что инициатива смены письма исходила именно от «людей Писания», а не от адептов традиционной религии (Смагина Е.Б., 2016, с. 16), однако бесспорно, что укоренение практики алфавитной записи тесно связано с распространением христианства.

С III в. засвидетельствованы христианские тексты на коптском языке, начиная с переводов Библии. Потребность в таких переводах возникла, видимо, тогда, когда христианство покинуло пределы

¹ Об отношениях греков и египтян в Греко-римскую эпоху см.: (Bowman A., 1996, p. 122–164), о греческом языке в Египте см.: (Ray J., 2007; Vierros M., 2008; 2012).

² Коптами именуются египетские христиане, соответственно, коптский язык – язык египетских христиан.

грекоязычной Александрии и иных крупных эллинизированных городов и стало распространяться по остальной территории Египта. Постепенно оттачивались принципы перевода с греческого языка текстов, которые несли с собой множество новых религиозных реалий и терминов. Для некоторых из этих новых понятий подбирались коптские эквиваленты, но во многих случаях термины заимствовались вместе с соответствующими им греческими словами (Смагина Е.Б., 2016, с. 17).

В результате степень влияния греческого на коптский оказалась чрезвычайно велика. Не стоит, однако, ее и преувеличивать, находя это влияние, помимо лексики, еще и в грамматике, как делают это некоторые исследователи, например, К. Рейнтгес (Reintges С.Н., 2004, р. 3). Об этом следует говорить с осторожностью: изменения в египетской грамматике являются, без сомнения, результатом не влияния чужеземного языка, а внутреннего развития языка древнеегипетского (Смагина Е.Б., 2016, с. 11).

Тем не менее, в отличие от семитских заимствований эпохи Нового царства, более поздние греческие заимствования несравнимо сильнее повлияли на египетский язык. Во-первых, можно говорить о несравнимо большем количестве заимствований и об их стойкости¹. Во-вторых, в изобилии заимствовались слова, не только воплощавшие новые культурные реалии, но и дублировавшие или замещавшие понятия, уже имевшиеся в египетском языке. В-третьих, наряду с именами существительными широко заимствовались глаголы, прилагательные и даже служебные слова.

Следует подчеркнуть, что речь здесь идет именно о тех заимствованиях, которые пришли в египетский (коптский) язык вместе с христианством. Более ранняя ситуация с заимствованиями из греческого близка ситуации с заимствованиями из семитских языков в период Нового царства. Скажем, в демотике греческие заимствования тоже есть, но интенсивность их необычайно мала: выделяется всего около 100 заимствованных слов, включающих названия предметов одежды, специй, минералов, а также техниче-

¹ Чтобы делать более уверенные выводы о стойкости, нужно проследить судьбу греческих заимствований в коптском языке значительно более позднего периода, данными о котором автор раздела не располагает. В настоящее время под эгидой Лейпцигского египтологического института ведется работа над проектом «Database and Dictionary of Greek Loanwords in Coptic». Она позволит пролить свет на многие связанные с этой темой вопросы.

ские, научные, военные и финансовые термины (Clarysse W., 1987, р. 9–33; Clarysse W., Vandorpe K., 1998, р. 139). Объясняется это тем, что в роли «культурного донора» христианская культура (и греческий язык как ее проявление) выступала не в демотический, а в коптский период.

Если продолжать аналогию с Японией, то отношения между греческим и коптским можно сравнить с отношениями между китайским и японским языками в эпоху, когда Япония подверглась мощному китайскому влиянию и заимствовала, в числе прочего, китайскую систему письменности и огромное количество китайских слов¹.

* * *

Процесс активного проникновения в язык заимствованных слов при интенсификации контактов с носителями иных языков – явление неизбежное. Другое дело, как заимствования будут восприниматься носителями языка, какая судьба ожидает их в долгосрочной перспективе. На примере древнеегипетского языка можно увидеть две модели «усвоения» языковых заимствований. Первая модель предполагает сопротивление, осознанное или неосознанное, проникновению в язык иноземных слов. В частности, система письма маркирует такие слова, как иностранные, а вероятность прижиться в языке у них относительно невелика. В Египте эпохи Нового царства подобная ситуация сложилась, очевидно, в силу того, что заимствованные слова имели хождение в основном среди определенной, достаточно узкой прослойки населения, практически не проникая в широкие народные массы. Вторая модель, наоборот, демонстрирует открытость языка для новых слов и широкие возможности для их усвоения, а система письма не просто «принимает» их как «своих», но готова и сама подстроиться под новые реалии, как это произошло с коптским

¹ Заимствования продолжались в течение нескольких веков. В VIII в. уже существовала развитая литература, записанная иероглификой. Процесс проникновения в японский язык китаизмов был еще более длительным: так, в литературных памятниках IX–XII вв. китаизмов еще сравнительно мало, в более поздние эпохи их количество значительно увеличивается (Алпатов В.М., 1976, с. 87). Об истории заимствований см.: (Конрад Н.И., 1954, с. 3; Сибатани М., 1990, р. 142; Алпатов В.М., 1976).

языком, перенявшим греческий алфавит. Однако и эта открытость имеет свои границы, и преувеличивать ее не стоит.

Анастасия Петрова

9.2. Миграции в регионы древней Бактрии с IV в. до н.э. по IV в. н.э. и социокультурная дистрибуция алфавитов (к проблеме социоскрипторики)

Нижеследующий текст – итог многолетних, в том числе полевых, исследований автора по расшифровке и публикации памятников письменности – надписей на сосудах, печатях, монетах, геммах, настенной эпиграфики, – найденных при раскопках буддийских монастырских центров I–IV в. н.э. в древнем Термезе (Узбекистан), а также других памятников Бактрии (Вертоградова В.В., 1995; Vertogradova V., 2000. См. также: Лившиц В.А., 1969; Ставиский Б.Я., 1974; 1977; Мкртычев Т.К., 2002). В настоящее время на основе этих исследований намечаются очертания новой дисциплины, *социоскрипторики*, изучающей позицию и особенности алфавитов в пространстве социума как итог различных миграций.

I

Для древней Бактрии засвидетельствовано употребление более десяти видов письма. Все они знаково отражают процесс перемещения на территорию Бактрии трех основных миграционных потоков. С запада – греческие переселения (сначала соратники Александра Македонского, затем многочисленные переселения эллинизированных групп); с северо-востока, от западных границ Китая, – движение кочевнических племен; с юго-востока, с индийского субконтинента (преимущественно из Андхры), – частые перемещения буддийских монахов и буддистов-мирян¹.

Выбор для исследования соотношения разных видов письма первоначально имел узко практическую цель. После того, как на территории Афганистана было обнаружено несколько официальных надписей, выполненных ранее не встречавшимся и до сих пор не

¹ Обобщающего исследования по всем этим миграционным потокам пока еще не сделано. Конкретные выводы меняются с новыми археологическими открытиями, однако значимыми и на сегодняшний день остаются работы: W.W. Tarn (1951), Ю.Н. Периха (1963), J. Gibb (1981), Э.В. Ртвеладзе (2000).

дешифрованным письмом, так и названным «неизвестное письмо» (*unknown lettering*), чья графика восходит, по-видимому, к арамейскому алфавиту (Fussman G., 1974; Вертоградова В.В., 2002), появилась задача – установить контекст индийских надписей, найденных вместе с надписями этим письмом при раскопках буддийских монастырей древнего Термеза. Как продолжение и расширение данной задачи стала вырисовываться необходимость поставить теоретическую проблему информативности недешифрованного письма.

Первым конкретным шагом в этом направлении стало выявление наборов инвариантов (алфавитов) внутри множества знаков. Вторым шагом – определение культурного контекста всех выделенных алфавитов: жанров написанных ими текстов, их функциональной дифференциации и приоритетов в зависимости от социальных, конфессиональных, пространственных и иных установок их носителей, а также выделение дихотомии «свой»–«чужой». Определение культурного контекста алфавитов проделано всецело на основе рассмотрения многоалфавитного пространства древней Бактрии, при этом целью было реконструировать культурную ситуацию, исходя только из самого письма и его узуса. И именно таким образом ограниченную ситуацию, не являющуюся аналогом ни языковой ситуации, ни этнокультурной, я называю *социоскрипторной*.

Материалом для исследования социоскрипторной ситуации в древней Бактрии послужили эпиграфические тексты разных жанров, в том числе записанные разными алфавитами легенды монет кушанских и посткушанских правителей. Рассмотрены следующие виды письма: греческое (греч.), алфавит кхароштки (кхар.), «неизвестное письмо» трех видов (неизв. п.), бактрийское монументальное письмо (бактр. мон.), бактрийское курсивное (бактр. курс.) и письмо брахми (бр.).

II

В древней Бактрии можно выделить два очага порождения письма: это двор правителя (включая наместников и городские службы) и буддийская община (монастырские комплексы с вихарами и ступами).

Для раннего периода кочевых правителей древней Бактрии, засвидетельствованного монетными легендами – подражаниями чекану Гелиокла и Евкратиды, характерна одноалфавитность. *Греческое*

письмо рассматривалось как официальный (= государственный) алфавит, отождествляемый с внутренним («своим») и одновременно целым пространством.

Надписи первого кушанского царя Кудзулы Кадфиза – двухалфавитны: на аверсе – греческое письмо, на реверсе – кхароштки (Mittelwalner G., 1986, plate 2, fig. 3a, b). Алфавиты не родственны, с неравнозначным характером систем письма, при этом оба употреблялись как официальное письмо. Основная их ориентация – пространственная: греческий алфавит воплощает свое (внутреннее) пространство, кхароштки – пространство внешнее, отождествляемое с индийским миром, на который были устремлены взоры первых кушанских правителей.

При следующих кушанских правителях, известных под именем «Вима» – Вима Так[то?], Вима Такшума и Вима Кадфиз, – в Бактрии, кроме греческого и кхароштки, входят в употребление два новых вида письма: «неизвестное письмо» и письмо, условно называемое «бактрийским» или «кушанским». При этом греческое письмо и кхароштки, как и при Кудзуле Кадфизе, продолжали наносить на монеты (рис.).

Золотая монета Вимы Кадфиза (Британский музей). Аверс:

Бородатый царь, сидящий во фронтальной позе на скамье-подушке.

Греческая надпись: *βασιλευς οσημο καδφισης* «Царь Вима Кадфиз».

Реверс: Бог Шива, стоящий во фронтальной позе перед священным

быком. Надпись алфавитом кхароштки: *maharajasa rajatirajasa*

sarvalogaiśvarasa mahiśvarasa Vimakapthiśasa tradarasa «Великий царь, царь царей, владыка всего мира, всесильный, Вима Кадфиз, заступник»

Бактрийское письмо основано на греческом алфавите и характеризуется добавлением к нему лишнего знака «сан» для шипящего согласного, а также употреблением *v*-псилона для обозначения *h* и *o*-микрона для *w*. Это письмо постепенно сменяет греческое, сначала в многоалфавитном пространстве как письмо, ориентированное на свой (внутренний) мир (Kennedy, 1913), затем и в одноалфавитных надписях. Окончательное узаконивание и при этом изменение функции бактрийское письмо получает при Канишке I, который официально утверждает его как «свое» и одновременно расширяет его значение в государственном употреблении до уровня «всемирного». Что нашло отражение в недавно найденной бактрийской надписи из Рабатака (Афганистан) (Sims-Williams N., Gribb J., 1995/1996), в которой есть такая строка:

отпиа ι ιωναγγο οασο οζοαστο ταδηα αριαο οσταδο.
 «И когда он отвел речь ионийскую (= греческую),
 тогда он установил арийскую (= бактрийскую)».

Под словом «речь» *οασο* (вед. *vac*) здесь имеется в виду установление канцелярии Канишки о бактрийском письме (= письменной речи).

Постепенно бактрийский алфавит окончательно утверждается в монетном чекане, причем на реверсе могут присутствовать божеества и из греческого пантеона, и из индийского, но они все равно подписываются бактрийским письмом. Та же ситуация наблюдается и при следующих – по крайней мере двух – кушанских правителях: Хувишке и Васишке.

С официальным утверждением бактрийского письма Канишкой I пространство начинает фиксироваться как неделимое целое. Создаются регистрирующие деяния кушанских правителей большие бактрийские одноалфавитные надписи, найденные в Рабатаке, Айртаме, Сурх-Котале. Этим же письмом подписываются геммы-печати наместников и других кушанских сановников, делаются надписи официального характера на больших сосудах-хумах. Такая заявленная Канишкой I государственная установка – «завоевание» пространства бактрийским письмом – вполне согласуется с общей установкой ранних кушанских правителей на идеал вселенского правителя (*sarvalogiśvara* – «владыка всего мира»), причем преимущественно в его добуддийской форме.

Начиная с Васудевы III, когда Кушанская империя приходит в упадок, на монетах ее правителей наряду с бактрийским письмом появляется индийское письмо брахми, которое ранее не допускалось в официальных надписях. Употребление алфавита брахми находит продолжение в монетном чекане хионитов и эфталитов, захвативших власть в Бактрии после кушанских правителей. Многие монеты хионитов сочетают бактрийское письмо на аверсе с легендой брахми на реверсе (Вертоградова В.В., 1982, с. 137–138). Письмо брахми функционально заменяет в Бактрии алфавит кхароштки периода ранних кушанских правителей, кушанский мир перестает быть *sarvaloga* – структурно неделимым, каким он представлялся во времена великих кушанов.

Такова деятельность первого скриптопорождающего центра древней Бактрии – центра царского, придворного.

Теперь обратимся ко второму центру, который представляет буддийская община. В данном случае особенно наглядным является обследованный стратиграфически письменный материал буддийского монастырского комплекса Кара-тепе в Старом Термезе, относящийся к первым векам нашей эры. В монастыре использовались следующие виды письма: кхароштки, «неизвестное письмо», бактрийское письмо (монументальное и курсив), письмо брахми. При этом обнаружено 15 двух- и трехалфавитных надписей (Вертоградова В.В., 1995, с. 46).

Некоторые исследователи пытались связать употребление разных алфавитов с этническими различиями в монашеской среде. Однако изучение надписей позволяет заключить, что в монастырь с самого его основания шел поток votивных надписей кхароштки от различных представителей местной кушанской элиты (правителя, казначея и пр.). Употребление алфавита кхароштки выявляет те же функции этого письма, которые характерны для реверса монет ранних кушанских правителей (см. выше), где кхароштки воплощает внешнее пространство, противопоставленное миру кушанской власти.

Эта установка продолжает действовать до Васудевы, когда имеет место новый приток монахов из Юго-Восточной Индии и появляется новый тип надписи, обозначающей принадлежность сосуда для воды одному монаху. Такая надпись использует алфавит брахми как основной и является одновременно регистрацией и прославлением

заслуг буддийских учителей и проповедников. Эти надписи были обращены из монастыря в мир – мир кушанской знати, посещавшей монастырь, и в мир паломников, останавливавшихся в монастыре. Употребление в этих надписях алфавита брахми как основного означало, что пространство монастыря стало ассоциироваться с самой индийской метрополией. Адресация же надписей кушанскому миру обозначалась параллельным употреблением другого, внешнего по отношению к монастырю, алфавита – бактрийского.

III

После рассмотрения двух скриптопорождавших центров Бактрии и распределения порожденных ими текстов, напрашивается вывод: приоритеты двух культурных сил – царской власти и буддийской общины – на территории одного государства были разными, но постоянно пересекались.

Приоритеты власти менялись в связи изменениями пространственно-временных установок правителей – введением новой эры, захватом территорий и с перераспределением сил в правящей элите. Приоритеты буддийской сангхи зависели от состояния ее связей как изолированной конфессии – общины махасангхиков – с метрополией (Юго-Восточной Индией), откуда шел приток монахов, и от ее отношений с властными структурами Бактрии. Только в таком контексте следует рассматривать *позицию письма* – занимаемое им определенное положение в социокультурном пространстве.

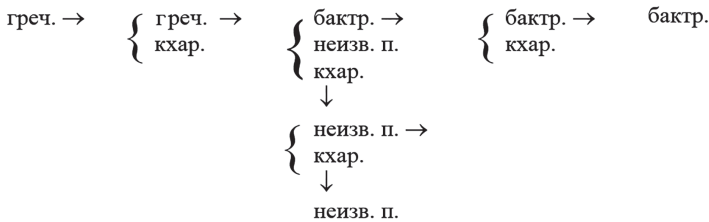
Из таблицы видно, как происходила в Бактрии смена официального письма. Основной линией изменений был переход от «чужого» греческого алфавита к «своему» бактрийскому, получившему статус «всемирного». Этот переход не был одномоментным и должен был охватить все стороны культуры и все слои общества. Совершался он при постоянном соблюдении господствовавшей в данный период иерархии ценностей и при постоянной заботе о соответствии письма основным пространственным характеристикам, передаваемым оппозициями «ближнее–дальнее», «внешнее–внутреннее», «целое–часть» и т.д. То есть это было своего рода постоянное выравнивание различий и их легитимация.

Первым шагом такого движения было умножение письменных форм в официальном представительстве социума, что во многих обществах обычно подкрепляется билингвами и трилингвами. «Чу-

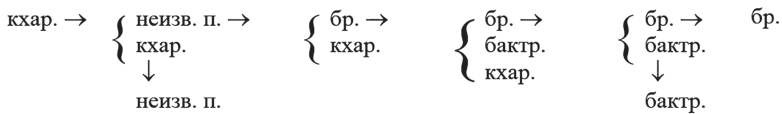
жое» письмо следовало поставить в ряд уже известных в окружающем мире систем письма – в ряд, в котором находилось и «свое» письмо. Затем этот ряд постепенно сокращается до одной *системы*, становящейся полностью «своей».

Движение алфавитов в культурном пространстве древней Бактрии

1. Властные структуры

2. Буддийская община

При выборе триады или диады алфавитов среди них всегда находятся алфавиты – претенденты на статус государственного письма. Это алфавиты, уже имеющие хождение в социуме, либо алфавиты соседних социумов. Похоже, что «неизвестное письмо» одно время выступало таким алфавитом-претендентом. Во всяком случае, в соревновании с бактрийским письмом и кхароштии оно имело достаточно высокий статус, о чем свидетельствует высеченная на большой каменной стеле официальная надпись DN III из Даште-Навура (Афганистан) (Fussman G., 1974; Вертоградова В.В., 2002). На достаточную престижность неизвестного письма указывает и билингва из Хатын-Рабата, нанесенная на внешней и внутренней стороне большого сосуда (хума), по-видимому, с указанием даты. Но постепенно «неизвестное письмо» отходит на вторые роли, уступив главную государственную роль бактрийскому алфавиту. Уже при Хувишке все крупные государственные надписи создаются бактрийским письмом, не используется ни кхароштии, ни «неизвестное письмо» (Сурх-Котал, Айртам). Последнее, впрочем,

продолжает употребляться в Бактрии до V в. Многие находки этого письма сделаны на городских поселениях (Кампыр-тепе, Зар-тепе), где написанные на нем тексты относились, по-видимому, к хозяйственной или торговой деятельности.

Так завершается переход от «чужого» греческого письма к письму «своему» – бактрийскому. Типологически сходная ситуация складывается в буддийском монастыре Бактрии, где происходит переход от «чужого» с точки зрения индийской метрополии письма кхароштки к «своему» брахми (см. табл.).

IV

Проведенные исследования выводят на ряд проблем, связанных как с лингвистикой, так и с историей культуры. Прежде всего, здесь можно поставить проблему воссоздания «алфавитной картины мира», которая в ряде моментов может оказаться более стройной, чем картина языковая.

Особый интерес представляет проблема перцепции границы как социокультурная проблема (Перси У., 2015). Будучи внешне скрыта, особенно в традиционных обществах, граница оказывается глубоко укорененной в особенностях человеческого частного и группового поведения, включая государственные институты и конфессиональные структуры. «Каждый культурный акт живет в своих границах» (Бахтин).

С точки зрения функциональной письмо в древней Бактрии, взятое во всей совокупности его инвариантов, служит маркером своего рода социокультурной границы (при отсутствии границ территориальных), но границы не отделяющей, а лишь различающей и к тому же утверждающей равновесие различий. С позиций же семиотики письмо выступает как метаязык языка вербального.

Виктория Вертоградова

Глава X

РАЗНОНАПРАВЛЕННОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ ЭФФЕКТОВ: ОПЫТ ЕВРОПЫ

10.1. Миграция из ареала присутствия так называемого Исламского государства и радикализация мусульманских общин Европы

Активная деятельность исламистских террористических организаций в Европе, в том числе и вербовочная, давно стала постоянной. Основные принципы и методы вербовки ничем не отличаются от тех, которые используют и спецслужбы, и религиозно-мистические тоталитарные секты, и даже бизнес-структуры. Различия – только в нюансах, акцентах, степени успешности вербовочных процессов, проведенных по тем или иным шаблонам и схемам. Однако именно изучение этих нюансов и может помочь найти ответ на вопрос, почему феномен исламистского терроризма получил практически повсеместное распространение; найти способы и методы борьбы с ним через сужение, сокращение базы, его пропагандирующей, подпитывающей и поставляющей всё новых и новых рекрутов.

Выходцы из мусульманских государств или мусульманских общин Европы и ранее участвовали в террористической деятельности за рубежом, но конфликты в Сирии и Ираке привлекли в ряды так называемого Исламского государства («ИГ») беспрецедентное их количество.

В докладе от 19 мая 2015 г. об угрозе со стороны иностранных боевиков-террористов, подготовленном Группой по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями во исполнение пункта 23

резолюции 2178 (2014) Совета Безопасности ООН, отмечается: «В составе связанных с “Аль-Каидой” групп во всем мире, в том числе отколовшейся группы “Исламское государство Ирака и Леванта” («ИГИЛ») (фигурирующей в перечне как “Аль-Каида в Ираке” (QDe.115), в настоящее время насчитывается более 25 000 иностранных боевиков-террористов, происходящих из более чем 100 государств» (Анализ и рекомендации..., 2015). По словам заместителя командующего возглавляемой США операцией Международной коалиции в Сирии и Ираке генерал-майора Питера Герстена, в 2015 г. в ряды «ИГ» каждый месяц вливались 1,5–2 тыс. человек. Даже весной 2016 г., после полутора лет активных военных действий и нанесения ряда чувствительных поражений группировке, к ней присоединялись около 200 человек ежемесячно (Иностранных боевиков..., 2016). В это же время в самих государствах Европы существенно расширилась база поддержки исламистских террористических организаций.

Для того чтобы понять, что же изменилось с появлением «Исламского государства», необходимо найти ответы на следующие вопросы:

1) чем эта террористическая организация отличается от других, в первую очередь от «Аль-Каиды» – до появления «ИГ» самой организованной, крупной, разветвленной и опасной?

2) какие изменения в мире, в мусульманских государствах и мусульманских общинах Европы непосредственно влияют на процесс радикализации отдельных индивидуумов и целых групп, на их готовность быть завербованными для проведения террористической деятельности?

Некоторые отличительные особенности «Исламского государства»

Первое, что отличает «ИГ» – это установление полного контроля на части территорий суверенных государств Сирии и Ирака и создание на ней открыто действующей системы управления. Показательно, что с ростом своих политических амбиций и на фоне идеологического и пропагандистского успеха, подкрепленного военными победами, «ИГ» сначала расширило в своем названии региональную привязку, став вместо «Исламского государства Ирака» (2006 г.) «Исламским государством Ирака и Леванта»

(«ИГИЛ», 2013 г.), а затем избрало название географически неопределенное, но более емкое: «Исламское государство» («ИГ», 29 июня 2014 г.) – государство с динамически меняющимися границами, в мечтах его создателей – неизменно в сторону расширения. Вместе с тем с укреплением «ИГ» им было утрачено одно из преимуществ террористических организаций: группировка приобрела не только атрибуты и символы государственной власти, но и обширную объектовую инфраструктуру, которая очерчивает границы ее устойчивого контроля и может быть легко идентифицирована и уничтожена.

Во-вторых, провозгласив себя 29 июня 2014 г. Халифатом, «ИГ» самоидентифицировалось с конечной целью подавляющего большинства исламистов, каковой и является возрождение государства, созданного Пророком Мухаммедом. Это напрямую влияет на упрощение процесса привлечения и вербовки его сторонников, поскольку Коран требует от верующих жить в Халифате, если есть такая возможность.

В-третьих, согласно заявлению лидера группировки Абу Бакра аль-Багдади, первоочередные цели «ИГ» – это построение государства, применение в нем норм шариата и захват прилегающих территорий, а не террористическая деятельность вдали от его актуальных границ. В ноябре 2015 г. аль-Багдади уточнил, что сначала надо разделаться с *рафида* (шиитами), затем с *ас-сулюль* (суннитскими сторонниками саудовской монархии), и только потом – с «крестоносцами» и их базами (Wood G., 2015).

Заявленный переход «Исламского государства» от террористической деятельности к повстанческой войне, объявление о создании Халифата, формирование структур управления, масштабная пропаганда проводимой на контролируемой территории «справедливой исламской» социальной политики – все это создало «ИГ» имидж успешного исламистского бизнес-проекта в глазах его сторонников из многих государств, значительно расширило сферу привлечения их сил и возможностей. Андре Пулен (Andre Poulin), выходец из Канады, более известный как Абу Муслим аль-Канади (Abu Muslim al-Canadi), выразил эту мысль в сентябре 2014 г. в очередном видеообращении «ИГ»: «Знайте, есть роль для всех. Каждый человек может внести свой вклад в Исламское государство... Если вы не можете сражаться, вы даете деньги, если вы не можете дать деньги,

то вы можете помочь технологиями, и если вы не можете помочь технологиями, вы можете приложить некоторые другие навыки» (Al-Ghuraba, 2014, p. 4). Как следствие, в 2014–2015 гг. наблюдалось резкое увеличение числа боевиков из европейских и азиатских государств. По разным странам их прирост был в диапазоне от 70 до 733% (Анализ и рекомендации..., 2015).

Однако в данной установке «ИГ» есть ряд неоднозначных моментов. Девизом этой террористической организации является призыв «Сохраниться и расшириться». И в случае заметного сокращения, в результате военных поражений, территории, объявленной Халифатом, – а Халифат без территории устойчивого контроля существовать не может в принципе – для поддержания динамики деятельности акцент будет перенесен с «сохранения» на «расширение». В сложившихся реалиях «расширение» ареала присутствия «ИГ», пусть и формального, зато при минимальных затратах, возможно только за счет наращивания террористической активности в государствах Запада, в России, Китае и т.д.

В-четвертых, так называемое Исламское государство откровеннее всех заявляет о религиозном характере своей миссии и отличается от многих джихадистских движений верой в то, что Апокалипсис занимает центральное положение в умысле Божьем (Wood G., 2015). Более того, оно переносит наступление Апокалипсиса на ближайшую перспективу. А поскольку приход Махди (предвестие конца света в исламе) уже близок, правоверные должны поспешить спасти свои души через присоединение к Халифату. Это крайне удачный пропагандистский ход «ИГ»: исследование, проведенное Pew Research Center в 2012 г., показало, что 55% иракских суннитов полагали, что станут свидетелями пришествия Махди, а в Тунисе, который представлен в «ИГ» бóльшим количеством бойцов, чем любая другая страна, кроме Ирака и Сирии, это убеждение разделяло 67% населения (Barrett, 2015, p. 2).

В-пятых, делая акцент на соблюдение собственных доктринальных установок, «ИГ» выказывает абсолютную нетерпимость к мусульманам-шиитам и проявляет меньшую, чем «Аль-Каида», склонность к созданию любых – тактических или стратегических – союзов с другими террористическими организациями и к ведению переговоров с государственными институтами (как это, например, делает «Аль-Каида» в Йемене).

Изменения в мусульманских общинах государств Европы

Процесс самоотчуждения мусульманских общин в государствах Европы идет и идет по нарастающей. Как заявляют сами мусульмане, происходит это из-за роста исламофобии, вызванного терактами исламистов. На самом деле, решающее значение имеют, скорее всего, такие причины.

1. Рост численности мусульманских общин как за счет рождаемости, так и иммиграции, а значит, повышение их социальной и бытовой самодостаточности.

2. Специфика интеграции мусульман в европейское общество: она оказывается частичной, выборочной, односторонней – с требованием равных прав без готовности возложить на себя подразумевающиеся взамен обязанности, – что фактически означает нечто прямо противоположное интеграции – отказ от нее.

3. Появление уже третьего и четвертого поколений мигрантов. По степени их интегрированности в общество принявшего их государства уже можно составить объективное представление об успешности политики интеграции иммигрантов в целом.

В 60–70 гг. прошлого века политические элиты и общественность Европы надеялись на то, что трансграничная миграция в их страны – явление временное и обратимое, но со временем появилось понимание, что миграционные потоки с Востока имеют преимущественно односторонний вектор. Все яснее стало проявляться и отличие в психологическом состоянии самих мигрантов и их потомков во втором и третьем поколении (не говоря уже о последующих). Оно определяет отношение не только к государству въезда, но и к принимающему обществу. Сами мигранты воспринимали переезд как начало с нуля новой жизни и были готовы терпеть экономические трудности, а к психологическим трудностям адаптации были готовы заранее. Их потомки – особенно, начиная с внуков, поскольку дети еще как-то понимали ситуацию, да и со знанием государственного языка у них, как правило, имелись проблемы, – полностью отвергают, и имеют на то основания, свою «второсортность», какую-либо ущербность по сравнению со сверстниками из принявшего их общества.

Вместе с тем, если первое и второе поколения мигрантов не смогли или не захотели интегрироваться в принимающее общество,

то вероятность изменения в дальнейшем такого ставшего традиционным в рамках семьи подхода к вопросу интеграции будет минимальной. Как пример, можно привести турецкую общину в Германии. По данным исследования, проведенного в апреле 2010 г. по заказу федерального правительства, почти 23% живущих в Германии турков либо не говорят по-немецки, либо крайне плохо знают немецкий язык, а каждый второй практически не общается с немцами (Турки плохо интегрируются..., 2010).

На этом фоне, общем для мусульманских общин Европы, постепенно зарождались настроения протеста, как минимум, в форме пассивного отрицания своей принадлежности к государству проживания, а экономическая ситуация зачастую диктовала объединение по этническому признаку, в том числе в полукриминальные и криминальные структуры.

Согласно исследованию МВД Германии, опубликованному в сентябре 2011 г., 24% не имеющих гражданства немецких мусульман в возрасте от 14 до 32 лет крайне религиозны и негативно относятся к западным ценностям. Среди молодых мусульман с немецким паспортом антизападную позицию занимают около 15%. В общей сложности из всех опрошенных мусульман в Германии против интеграции в западное общество высказались 22%. Среди мусульман без немецкого гражданства и всех возрастов доля противников западных традиций составляет почти половину – 48% (Четверть молодых мусульман..., 2012).

С 80–90-х гг. прошлого века основной тенденцией в протестных настроениях становится их идеологическое наполнение. Началась постепенная радикализация общин выходцев из государств Ближнего Востока и Северной Африки, и этот процесс подпитывался увеличением доли новых мигрантов, многие из которых уже были значительно политизированы в странах исхода и привнесли эту политизацию в мусульманские общины Европы. Тогда же имели место первые случаи возвращения молодых людей на историческую родину с целью присоединиться к «праведной борьбе со злом и несправедливостью»: с Советским Союзом в Афганистане и «продажными узурпаторами власти» в Саудовской Аравии, Иране, Ираке и т.д. Пока авторитарные режимы в государствах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки оставались жесткими и жестокими, этот обратный поток был незначитель-

ным. Кроме того, большинство вступивших на путь борьбы так никогда и не вернулись в Европу – погибли либо нашли социальную нишу на новом месте.

Между тем идеологи терроризма, осознав огромный ресурсный потенциал исламской диаспоры в Европе, с каждым годом наращивали работу по приобщению ее к террористической деятельности. Так, радикальный саудовский теолог Абд аль-Муним Мустафа Халима («Абу Басир») прямо призвал использовать иммиграцию, чтобы «усилить мусульман и ослабить неверных» через «возрождение обязанности джихада»: «Иммиграция и джихад идут рука об руку. Одно из них является следствием другого и зависит от него. Продолжение одного зависит от продолжения другого»¹.

Миграционный кризис 2015–2016 гг. в Европейском Союзе выразился в скачкообразном увеличении доли новых мигрантов. По данным Pew Research Center, только за 2015 г. беженцев, ищущих убежища в ЕС, набралось примерно 1 млн 300 тыс. человек, в том числе из Сирии – 378 тыс. человек (29%), из Афганистана – 193 тыс. (15%), из Ирака – 127 тыс. (10%) (Connor Ph., 2016). Причем это волна мигрантов более активных, более идеологизированных и политически мотивированных, чем предыдущие. Высока вероятность, что они постепенно ментально подчинят себе «старых» мигрантов и станут определять настроения в диаспоре в целом.

Появление «Исламского государства» на Ближнем Востоке и в Северной Африке является скорее формальной, чем реальной причиной беспрецедентной волны миграции в Европу в 2015–2016 гг. Тем не менее «ИГ» активно использует эту волну в своих интересах. По данным целого ряда исследований и отчетов полицейских служб и органов безопасности самих европейских государств, среди мигрантов 2015 г. политических беженцев только около 2%, т.е. только такую долю иммигрантов можно поставить на учет для получения убежища. С другой стороны, именно они и имеют резко негативное персональное отношение к «ИГ», которое будут транслировать в свое новое окружение в Европе. Однако значительная часть из них являются беженцами-христианами, мнение которых вряд ли будет значимым для мусульман, даже если оно и будет ими услышано.

¹ Цит. по: (Paz R., 2002, p. 73).

Перспективы расширения в европейских государствах уже в краткосрочной перспективе социальной базы, поддерживающей в той или иной степени «ИГ», следует оценивать с учетом того, что большая часть новых мигрантов – до 80% – это молодые мужчины в возрасте до 35 лет («Точечный халифат», 2016) – возрастной контингент, являющийся для террористических организаций одной из основных групп для пропагандистского воздействия. В декабре 2015 г. Федеральная криминальная полиция Германии (Bundeskriminalamt) проанализировала биографии 677 человек, отправившихся из ФРГ в Сирию и Ирак, чтобы принять участие в джихаде. Самому молодому из них было 15 лет, самому старшему – 62 года, подавляющее же большинство были в возрасте от 22 до 25 лет. При этом 61% джихадистов родились в Германии, 6% – в Турции, по 5% – в Сирии и России и 3% – в Афганистане. Имели гражданство Германии в общей сложности 64% из них: турки, марокканцы, русские, сирийцы, тунисцы и афганцы (Flade F., 2016, p. 12).

Заключение

На современном этапе на эволюцию сознания европейских общин, образуемых выходцами с Ближнего Востока и Северной Африки, устойчивое влияние оказывают следующие факторы: 1) значительное увеличение миграционного потока из этих регионов; 2) сильное преобладание в нем молодых людей; 3) добровольный возвратный противоток из Европы в регионы Востока; 4) «челночная» – одного цикла – миграция по маршруту Европа – Ближний и Средний Восток / Северная Африка – Европа; 5) идеологическая обусловленность возвратной и, в меньшей степени, – «челночной» миграции.

Как следствие, ряд государств – членов ЕС, осознав реальные последствия массовой и слабо контролируемой миграции, заняли жесткую позицию в отношении мигрантов. Так, премьер-министр Словакии Роберт Фицо заявил: «Если бы мы впустили в страну несколько тысяч человек в соответствии с квотами, местное население бы их добровольно не приняло. Пришлось бы организовать для них специальный центр, где бы они создали собственный мир со своей преступностью, беззаконием и безработицей». По его мнению, «вся мусульманская община является

серьезной угрозой европейскому жизненному укладу» («Точечный халифат»..., 2016).

В любом случае необходимо детально изучить влияние новых волн миграции из государств Востока на социально-экономическую и политическую ситуацию в государствах Европы, на процесс радикализации ее мусульманских общин, чтобы выработать эффективные меры по противодействию пропагандистской и вербовочной деятельности международных исламистских террористических организаций.

Сергей Саркисян

10.2. Мигранты из Ирана в Германии: пример успешной интеграции

Произошедшие в последние десятилетия на Ближнем Востоке события – Арабская весна, Иракская война, гражданская война в Ливии в 2011 г., Сирийский кризис и др. – спровоцировали миграционный кризис в Европе. Одним из путей его разрешения считается интеграция беженцев в европейское общество с последующим превращением его в общество мультикультурное. Известны успешные примеры такой интеграции, когда носители другого вероисповедания, традиций и образа жизни встраиваются в западную общественную модель. Одним из таких примеров, хотя и не безусловных, можно считать диаспору иранцев в Германии. Большинство их настолько хорошо вписываются в немецкое общество, что они редко воспринимаются как отдельная группа.

История иранской диаспоры в Германии насчитывает более ста лет. Возможны два основных способа, для того чтобы оценить глубину интеграции мигрантов из Ирана. Первый из них – анализ данных социологических исследований на эту тему. Однако он применим не ко всему периоду существования иранской диаспоры. Второй способ – анализ всего того, что можно назвать косвенными доказательствами успешной или неуспешной интеграции. В разделе будет использован второй способ. Если говорить именно об успешной интеграции, то, на наш взгляд, к ее косвенным доказательствам со стороны мигрантов относятся: длительная история диаспоры, ее в целом постепенный, а не лавинообразный рост, высокая доля в ее составе людей со светским высшим образованием, лиц свобод-

ных профессий, принадлежащих к среднему классу. Со стороны принимающей страны главные условия успешной интеграции – это степень толерантности ее населения и политика государства по отношению к мигрантам, а в определенных обстоятельствах – и к стране их происхождения.

История иранской диаспоры в Германии

Еще одна важная определяющая интеграции – это причина миграции, а она зависит от исторического контекста. Следовательно, для анализа самого интеграционного процесса и его последствий необходим экскурс в историю иранской диаспоры в Германии. Этот подход уже применялся в историографии и позволил выделить три миграционные волны: 1) до Второй мировой войны, 2) в период от 1945 г. до Исламской революции в Иране и 3) после нее (Schirazi A., 2012). Мы сочли возможным добавить четвертую волну, современную, взяв за начальную точку ее формирования массовые антиправительственные выступления в Иране в 2009 г.

Волна первая: 1920–1940-е гг. В этот период на территории Германии находилось незначительное количество персов, прибывших туда еще до Первой мировой войны. То были, если не считать нескольких коммерсантов и политических эмигрантов, иранские студенты. Их абсолютное преобладание объясняется тем, что в 1906 г. в Иране была открыта первая немецкая школа, выпускники которой могли поступать в немецкие университеты. Сначала их было мало: согласно данным, приведенным в вышедшем в Германии журнале «Ираншахр» (*Iranšahr*), в 1922 г. иранских студентов насчитывалось всего 120 человек. Однако их численность постоянно росла, и к 1939 г. общее количество иранцев в Германии составляла порядка тысячи человек (Schirazi A., 2012).

В среде образованной иранской молодежи модно было быть прогерманским. В ее глазах Германия, будь она кайзеровская или нацистская, представляла противовесом России и Великобритании – странам, исторически недавно заключившим соглашение о разделе сфер влияния в Иране и воспринимавшимся в качестве угрозы его независимости (Конвенция, 1907). Со своей стороны, немецкое правительство стремилось взрастить в иранской элите германофилов. Еще во время Первой мировой войны по инициативе германского Министерства иностранных дел группа выходцев из Ирана

создала в Берлине так называемый Персидский комитет, который финансировался немецким правительством. Его функция заключалась в поддержке антироссийских и антибританских настроений в Иране (Schirazi A., 2012). Усилия по завоеванию симпатий иранцев были продолжены Третьим рейхом – и не без успеха (Оричев А.Б., 2007, с. 26–28).

Таким образом, в первый период процесс интеграции проходил под воздействием четырех факторов. Это: воспитание будущих студентов немецких университетов уже в Иране в духе прогерманских идей; особое отношение к Германии как к потенциальному союзнику Ирана в его усилиях по защите национального суверенитета; относительная немногочисленность мигрантов в Германии, не позволявшая создать самодостаточную во всех отношениях общину. Свою роль сыграла и светская, даже антиклерикальная направленность выпускавшейся в Германии в 1920-е гг. периодики на персидском языке (Abrahamian E., 1982, p. 123–124). Исходя из совокупности данных факторов, резонно предположить, что мигранты первой волны неплохо интегрировались в немецкое общество через образовательный процесс и студенческую среду.

Волна вторая: 1945–1979 гг. К 1943 г. иранская диаспора в Германии уменьшилась до 190 человек, но после войны снова стала расти, главным образом в ФРГ. В самом начале 1950-х гг. в Западной Германии находилось около 6,6 тыс. иранцев, к 1969 г. их численность поднялась до 17 тыс. При этом структура диаспоры трансформировалась. Еще в 1961 г. почти половину ее (45,6%) образовывали студенты, к началу Исламской революции их доля сократилась вдвое: в 1978 г. на долю студентов приходилось уже лишь 22,8%, что в абсолютных цифрах составляло 5,5 тыс. человек. Причиной таких изменений, с одной стороны, стал рост численности иранских граждан, после окончания университетов оставшихся в ФРГ по профессиональным или политическим причинам, с другой, появление в составе диаспоры и постепенное разрастание группы иранских бизнесменов, вместе с семьями перебравшихся в Западную Германию на длительное время или навсегда (Schirazi A., 2012).

В 1960 г., на встрече в Гейдельберге представителей иранских студентов, обучавшихся в ФРГ, Англии и Франции, была создана студенческая организация, после присоединения к ней студентов

в США получившая название «Конфедерация иранских студентов – национальный союз». В ее составе иранские студенты в ФРГ и Западном Берлине образовывали крупную и влиятельную фракцию. Помимо подготовки многочисленных антишахских публикаций, они занимались организацией маршей протеста по случаю прибытия в Германию представителей правящего в Иране режима и других акций, включая нападение на консульство Ирана в Швейцарии, когда были захвачены и сделаны достоянием СМИ документы о противозаконной деятельности в Европе и США шахской охраны САВАК. Многие члены Конфедерации и широкий круг иранцев, сочувствовавших ей в диаспоре, усвоили светские, либеральные и радикальные, отчасти и левацкие (маоистские) ценности, идеи и символы, которыми была увлечена в то время студенческая молодежь на Западе (Matin-Asgari A., 2011). По этому параметру они стали интегральной частью западного общества. Что касается численно большей нестуденческой части иранской диаспоры в ФРГ, то это были люди, чье образование, профессиональная специализация и деловая активность подталкивали к более или менее органичному вхождению в структуру принимающего общества.

Стоит также упомянуть и про небольшую группу членов запрещенной Народной партии Ирана (*Tūda/Tudeh*), которые с 1959 г. обосновались в Германской Демократической Республике. Выпуская газеты и журналы, эта партия занималась пропагандой против режима Мохаммеда Реза Пехлеви и входила в международное коммунистическое движение. Ее члены исповедовали марксизм-ленинизм, считались атеистами и интернационалистами (Abrahamian E., 1982, p. 455–456), т.е. по своему мировоззрению были близки восточной части разделенного немецкого общества.

Волна третья: 1979–2000 гг. Несмотря на то, что многие члены оппозиционных шахскому режиму политических группировок вернулись из Германии в Иран в первые месяцы после революции, общее количество иранцев в Германии в том же году увеличилось на 1,5 тыс. человек. С 1982 по 1995 г., даже без учета нескольких тысяч натурализованных иранцев, численность иранской диаспоры в Германии возросла с 32,2 до 107 тыс. человек. Основными причинами такого роста стали: жесткий внутривнутриполитический курс нового режима; длительная война с Ираком; воссоединение семей и естественный прирост в диаспоре. Коренным образом изменилась

ее половозрастная структура. Во время первой и второй миграционных волн большинство членов иранской общины в Германии составляли мужчины, в ходе третьей сильно увеличился приток женщин, и в 1990-х гг. соотношение полов стало практически равным. И если ранее процент детей в возрасте от 1 года до 15 лет был ничтожно мал, то к 1995 г. они составляли уже почти пятую часть диаспоры (19,3%, 20,6 тыс. человек). Это второе поколение мигрантов, родившееся как в чисто иранских семьях, так и от смешанных браков, росло вместе с немецкими детьми и потому мало от них отличалось. Далее, доля студентов в диаспоре продолжала сокращаться: с 18% в 1975 до 11% в 1991 г. Больше всего в составе диаспоры на этот год оказалось коммерсантов – 8,9%, за ними следовали: медицинский персонал среднего и нижнего звена – 7,2%, инженеры – 6,4%, офисные работники – 6,1%, врачи и фармацевты – 4,1% (Schirazi A., 2012). Вместе с учащимися эти категории, по самим условиям их занятости не обособленные от немецкой среды, составляли свыше двух пятых всех проживавших в Германии иранцев. К тому же после Исламской революции в диаспоре снизились и религиозный «тонус», и политическая ангажированность, характерная для предыдущего периода. Зато для нее стали значимыми такие западные ценности, как уважение женщин и защита прав человека.

Волна четвертая: после антиправительственных протестов 2009 г. до наших дней. В июне 2009 г. в Иране состоялись президентские выборы. Результаты их были фальсифицированы, М. Ахмадинежад был объявлен переизбранным. Это вызвало в стране массовые протесты оппозиции («Зеленое движение»), так как модернизированная часть городского населения не разделяла экстремистские взгляды М. Ахмадинежада и была недовольна тем, что за время его первого срока (2005–2009 гг.) в стране сильно ухудшилась ситуация в области прав человека. По заявлению мэра Тегерана того времени М.Б. Галибафа, число демонстрантов составило около 2 млн человек (Kaufmann S., 2016). В ходе подавления протестов были убиты сотни людей, многие были заключены под арест. Как следствие, образовалась новая миграционная волна, которую пополнили не только оппозиционеры и их сторонники, но и люди, стоявшие в стороне от политической борьбы и просто рассчитывавшие найти за границей гарантированный доход и безопасность.

По официальным данным, в 2010 г. получили убежище в Германии 2 475 иранцев. В 2013 г., по информации Федерального агентства Германии по вопросам мигрантов и беженцев, число получивших убежище составило 4 424 человека (Fallahi N., Erfanian J., 2014). В результате Иран занял шестое место по численности прибывающих в Германию мигрантов.

Политические эмигранты на территории Германии продолжали выказывать солидарность протестному движению. Неприязнь к иранскому правительству того времени, недовольство постоянным вмешательством шиитского духовенства в жизнь страны, положением женщин, ситуацией в области прав человека и память о преследованиях, которым подвергались они сами либо их друзья и родственники, фактически подталкивали их к позитивному восприятию того нового для них общества, в котором они оказались после эмиграции. Это способствовало ускорению процесса их интеграции в немецкое общество.

Современная иранская диаспора

В настоящее время иранская диаспора является четвертой по численности мусульманской общиной в Германии, уступая только турецкой, боснийской и сирийской диаспорам: 119 тыс. человек в 2015 г., не считая рожденных в Германии (Bevölkerung..., 2015). При этом иранцы – наиболее интегрированная группа из всех проживающих на территории Германии мигрантов с Востока. Ни одна другая община не дала так много врачей, предпринимателей и инженеров (Lau J., 2006). С 2000 по 2006 г. более 50 тыс. иранцев прошли натурализацию в рамках нового закона о гражданстве, что следует считать высшей степенью интеграции (Lau J., 2006). Только в 2015 г. были натурализованы 2 527 иранцев (Einbürgerungen..., 2016, S. 2). Будучи в большинстве своем мусульманами, немецкие иранцы – живое доказательство тому, что интеграция гораздо больше определяется образованием, профессиональной и ценностной ориентацией мигрантов, чем их религиозной принадлежностью. Важную роль играет также *готовность* мигрантов к интеграции в западное общество. Положительным примером проявления подобной готовности как раз и являются проживающие в Германии иранцы. Тот факт, что среди двух тысяч мусульман, с 2000 по 2014 г. принявших хри-

стианство в Германии, 95% были выходцами из Ирана – яркое тому подтверждение (Stoldt T.-R., 2016).

Со своей стороны правительство Германии не только избегает дискриминации на религиозной почве, но и принимает специальные меры для интеграции мигрантов-мусульман. Например, были созданы институты исламской подготовки для мусульманских школьников: Турецко-исламский союз по делам религий, Институт образования мусульман. Для решения проблемы нехватки учителей с языковыми навыками, необходимыми для обучения на исламских религиозных курсах в Германии, в 2005 г. в Вестфальском университете (г. Мюнстер) была создана программа подготовки таких учителей. В 2007 г. в Оснабрюкском университете также была открыта магистерская программа религиозного преподавания *Islamische Religionspädagogik* для подготовки учителей ислама (Islam in Germany, 2013). Следует отметить и другие шаги немецкого правительства навстречу интеграции мусульманской общины Германии в немецкое общество: 1) в 2000 г. немецкое правительство провело закон, согласно которому рожденные в Германии дети мигрантов получают немецкое гражданство, даже если их родители его не имеют (Islam in Germany, 2013); 2) в 2004 г. Федеральное агентство по вопросам гражданского воспитания учредило Мусульманскую академию для вовлечения мусульман в политическую жизнь страны (Mühe N., 2007, p. 49); 3) в сентябре 2006 г. немецкое правительство с той же целью создало Исламскую конференцию Германии (Islam in Germany, 2013); 4) в 2009 г. в немецкий парламент вошли 20 кандидатов, имевших иностранное происхождение (среди них были и иранцы), трое из которых исповедовали ислам (Islam in Germany, 2013).

Меры правительства по интеграции мигрантов-мусульман в немецкое общество не всегда положительно воспринимаются отдельными группами немцев. Проживающих на территории Германии иранцев нередко воспринимают со скептицизмом, как и других представителей исламского мира. Так, согласно проведенным Федеральным статистическим агентством Германии в 2003 г. опросам немецкого населения 46% респондентов были согласны с тем, что «ислам является отсталой религией», 34% заявили, что относятся с недоверием к мусульманам, и 27% считали необходимым запретить мусульманам иммигрировать в Германию. Опрос 2006 г. пока-

зал, что 98% немцев связывают ислам с насилием и терроризмом, тогда как сочувствие исламу выражают лишь 6%, 61% немецких граждан не верят, что ислам может мирно сосуществовать с христианством, и 83% опрошенных видят в мусульманах религиозных фанатиков (Pötzl N.F., 2008). Все же, несмотря на то, что экстремистские настроения в немецком обществе присутствуют, они не стали пока доминирующими и распространены в основном среди наиболее консервативно настроенных групп.

* * *

Ретроспективный анализ позволяет выявить доминанту заинтересованности самих мигрантов из Ирана в интеграции. Во время первой миграционной волны такой доминантой было стремление иранцев к получению западного светского образования, во время второй – установка на налаживание бизнес-связей и одновременно на освоение либеральных и демократических ценностей, во время третьей и четвертой выделенные выше доминанты сохранялись, но их потеснило желание избежать политического преследования со стороны иранского правительства. Резюмируя, можно сказать, что в исторической ретроспективе хорошо прослеживается характерная особенность иранской диаспоры в Германии: мигранты из Ирана в силу причин своей миграции и сопутствующих внешних условий всегда были расположены к интеграции в немецкое общество.

Александра Атрашкевич

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МИГРАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ: ОТ БЫТОВОГО ВОСПРИЯТИЯ К НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Глава XI

МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: РАЗБРОС ОТНОШЕНИЙ

11.1. Социальные представления о мигрантах-мусульманах старшеклассников Московской области

Современные события в Европе и мире в целом актуализировали изучение психологии миграции, ее теоретическое осмысление и практические исследования. Миграция – психологическое испытание не только для самих мигрантов, но нередко и для населения принимающей стороны. И одним из индикаторов отношения населения к мигрантам могут являться социальные представления о них. Целью исследования, по результатам которого написан настоящий раздел, как раз и было изучение содержания, структуры и динамики представлений российской молодежи о мигрантах. Проводилось оно в школах Московской области среди учащихся 11-х классов, в 2008 и 2016 гг. Выборка состояла из 122 респондентов в возрасте 16–17 лет: 68 – в 2008 г. и 54 – в 2016 г. Были использованы: 1) проективная методика «Ассоциации», в соответствии с которой школьникам предлагалась следующая инструкция: «Подумайте, пожалуйста, о мигрантах. Какие слова или словосочетания приходят Вам в голову? Укажите, пожалуйста, не менее пяти таких слов или словосочетаний»; 2) стандартизированная методика

«Биполярные шкалы» (Стефаненко Т.Г., 2006, с. 56) для исследования содержания представлений; 3) контент-анализ.

Социальные представления: понятие и концепция

Идея о социальной природе обыденных знаний берет свое начало в работах Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля. В них для обозначения совокупности общепринятых способов действий, поведения, знаний и мнений, которые закрепляются в языке и отражают те или иные стороны жизни каждого конкретного общества, использовалось понятие «коллективные представления» (Дюркгейм Э., 1995, с. 87). Значительно позднее французским психологом С. Московичи (1995) было введено в научный оборот понятие «социальные представления». В его трактовке они понимаются как специфическая форма познания – знания здравого смысла; их содержание, функции и воспроизводство социально обусловлены (Московичи С., 1995, с. 11); они образуют «сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации» (Якимова Е.В., 1996, с. 55).

На сегодняшний день концепция социальных представлений является едва ли не самой разработанной социально-психологической теорией, основанной на методологии постмодернизма. Согласно ей, в структуре социальных представлений принято выделять три важнейших измерения или структурных компонента: информацию, поле представления и установку. Информация определяется как сумма знаний об объекте представления, установка – как эмоциональное отношение субъекта к объекту представления, а поле представления, являющееся оригинальной категорией данной концепции, – как более или менее выраженное богатство содержания (Донцов А.И., Емельянова Т.П., 1987, с. 63). Эта трехчленная модель социальных представлений – методологическая основа эмпирических исследований, в первую очередь направленных на изучение структуры социальных представлений: их авторы анализируют степень информированности, содержательные характеристики представлений и отношение представителей различных социальных групп к тому или иному феномену.

Индивидуальное мышление всегда зависит от социальных контактов человека. Социальные представления – тоже продукт группы, а не индивида. Они служат индивиду инструментами познания и адаптации. Другая важнейшая их функция – опосредование пове-

дения. Они участвуют и в формировании поведения, и в ориентации социальных коммуникаций, и в процессах межличностного, личностно-группового и межгруппового взаимодействия. Наблюдая за поведением другого человека, мы реагируем как представители социальных групп. Это означает, что мы ищем объяснения поведения не только в личности, индивидуальности и в обстоятельствах, но также, возможно, и в тех социальных категориях, к которым принадлежат люди. Данная функция актуализируется как во внешне наблюдаемом поведении, так и в эмоциональных проявлениях (Донцов А.И., Емельянова Т.П., 1987, с. 65). Социальные представления способствуют также формированию и поддержанию групповой идентичности, дают членам группы определенный взгляд на мир и, будучи крайне устойчивыми, транслируются из поколения в поколение.

Результаты исследования

Для описания представлений молодежи о мигрантах ассоциации, предложенные респондентами к слову «мигрант», были проанализированы с помощью количественно-качественного метода анализа текстовых материалов – контент-анализа. Согласно его методике, полученные ассоциации подверглись категоризации – были обобщены в категории «психологический портрет», «внешность, язык», «род занятий», «закон», «религия», «личное отношение», «национальность, страна». К категории «другое» были отнесены ответы, которые нельзя было причислить ни к одной из вышеперечисленных категорий.

Процентное и ранговое распределение полученных в ходе исследований ассоциаций представлено в таблице.

Распределение слов-ассоциаций по категориям (%)

Категории	2008 г. Доля в общем количестве слов-ассоциаций	2016 г. Доля в общем количестве слов-ассоциаций
Закон	20	11
Внешность, язык	18	3
Психологический портрет	17	17
Род занятий	15	21
Личное отношение	9	18
Религия	4	1
Национальность, страна	3	9
Другое	14	20

Категория **«закон»** в исследовании 2008 г. оказалась самой объемной: пятая часть всех слов-ассоциаций. Среди них – *имеет проблемы с документами* (4%), *имеет отношение к криминалу* (3%), *не имеет ПМЖ* (3%). Другие ассоциации: *беженец, террор, милиция, прячется, штрафы, граница, незащищенный законом, тюрьма, казино, шпион, подпольная работа, посольство, репрессия*. В исследовании 2016 г. та же категория, набрав 11% высказываний, переместилась по ее удельному весу на пятое место, существенно изменившись по содержанию. Наиболее часто встречающейся стала ассоциация *беженец* (5%), которая в 2008 г. была дана всего один раз. Появилась – и несколько раз повторилась – ассоциация *война* (4%). Проблемы с документами практически не упоминались (*регистрация* и *нелегалы* – по одной ассоциации). Исчезли *штрафы, незащищенный законом, криминал, казино*, зато были предложены ассоциации, отсутствовавшие в 2008 г.: *угроза для Европы, бомба, перестрелки, не уважает законы, беспорядки*.

Слова-ассоциации из категории **«внешность, язык»** в 2008 г., также встречались достаточно часто (18%): *плохо говорит по-русски* (6%), *черный* (4%), *узкоглазый, нерусский* (1%). Прочие ассоциации данной категории оказались такими: *небритый, неопрятный, с телефоном, чалма, тюрбан на голове, в спортивной форме, носит броские вещи, курит, испуганные глаза*. В 2016 г. объем категории сузился до 3% высказываний, треть которых (1%) набрало определение *черный*. Остальные ассоциации были в большинстве своем нейтральными и встречались один-два раза – *оранжевый жилет, плохо говорит по-русски, смуглый, чумазый, выделяющийся*.

Наиболее устойчивыми во времени оказались ассоциации, объединенные нами в категорию **«психологический портрет»** личности: 17% и в 2008 г., и в 2016 г. В 2008 г. этот портрет складывался в основном из определений *грязный, антисанитария* (4%), *многодетный* (3%), *наглый* (2%). Среди других высказываний чаще встречались отрицательные по смыслу: *не уважает Россию, бабник, жестокий, невежливый, странный, трудяга, алкаш, невежа, врун, обычный человек, растерянный, веселый, отчаявшийся, аристократ*. В 2016 г. наиболее часто встречающимися были: *человек* (3%), *наглый* (2%), *искатель лучшей жизни* (1,5%), *другая культура* (1%). В составе реже попадавших ассоциаций наряду с негативными значительно чаще на этот раз давались ассоциации позитивные

и нейтральные: *некультурные, моральные уроды, противные, дерзкие, недоброжелательные, жадные – приветливый, умный, интересный, гордый, нормальный, одинокий, богатый, бедный, необычный.*

В 2008 г. категория **«род занятий»** собрала 15% от всех высказываний. Это – *разнорабочий (5%), быстрая еда (3%), торговля, рынок (3%), строитель (3%),* а также *безработный, низкое образование, бокс.* В 2016 г. эта категория стала самой обширной (21%). Лидировали ассоциации *дворник, уборщик улиц (3,5%), рабочий, разнорабочий (3%), работа, нет работы (3%), путешественник (2%).* Среди прочих – не встречавшиеся в 2008 г. ассоциации: *за образованием, утечка мозгов, трудный заработок, отнимают у русских работу.*

В составе категории **«личное отношение»**, в 2008 г. вошедшей в себя 9% ассоциаций, фигурировали *иностранец (4%), чужой (3%), непонятный, вся моя улица, нужно истребить их, опасность, противный, не уважаю, чурка.* В 2016 г. категория по наполненности увеличилась вдвое. Вошли в нее как нейтральные высказывания – *приезжий (4%), иностранец (3%), толерантность, нейтралитет,* так и отрицательные – *хач (2%), страх, понаехали, чурки, плохо, опасный, не свой.*

На слова-ассоциации, отнесенные нами к категории **«религия»**, в 2008 г. пришлось 4% ответов: *традиции, религия, Аллах, не едят свинину, мечеть, Коран, преданный вере.* В 2016 г. доля этой категории упала до 1%; представлена она была в основном словами-ассоциациями *традиции и мусульмане.*

Категория **«национальность, страна»** в 2008 г. оказалась самой немногочисленной – всего 3% от общего количества предложенных респондентами слов-ассоциаций: *Кавказ, Китай, Сочи, узбек, чеченец, молдаване, кореец, вьетнамец.* В 2016 г. ее доля в ответах увеличилась в три раза, до 9%, в основном за счет пополнения ее географическими ассоциациями: *таджики (2%), арабы (1%), Африка, Америка, Германия, Греция, Европа, Китай, Сирия, «хохлы», дагестанцы, евреи.*

Наконец, категория **«другое»**. В 2008 г. в нее вошли ассоциации *деньги (4%), вокзал (2%), большие сумки, токи (1%), болезнь (1%),* а также *самолет, восточная музыка, индийское кино, континент, лето, гость, собаки, рис, кальян, смешной язык, полгорода.* В 2016 г. эту категорию составили следующие слова и выражения:

политическое положение, развитие страны, хаос, толпа, смерть, горе, нет места, желание жить в другой стране, расизм, далеко, Зухра, Абдулла, неопределенность, изучение другой культуры, новости, новый дом.

В 2008 г. представление 16–17-летних о мигранте связывалось, прежде всего, с несоблюдением закона (*проблемы с документами, криминал, террор, без ПМЖ*) и с внешним видом (*темнокожий, черный, плохо говорит по-русски, небритый, неопрятный, узкоглазый*). В 2016 г. на первый план выходит профессиональная деятельность и личное отношение. Далее, в исследовании 2008 г. слова, не имеющие негативного оттенка, составили 40% всех ассоциаций (*трудолюбивый, аристократ, обычный человек, веселый, бокс, посольство, традиции, религия, восточная музыка, лето, гость, смешной язык, рис, газон*), в исследовании, проведенном в 2016 г., нейтральные и положительные ассоциации составили 65% от всего массива данных. Слова и выражения *страх войны в своей стране, нормальные люди, трудно, трудный заработок, нейтралитет, толерантность* и наиболее часто встречающееся – *человек*, свидетельствуют об изменении поля представления в целом.

На основании результатов первого этапа исследования в 2008 г. были выделены ассоциации, которые подростки связывают с понятием «мигрант». На следующем этапе, который заключался в выявлении различий в представлениях о «мигранте» и «мигранте-мусульманине», испытуемым была предъявлена методика «Биполярные шкалы» – список пар полярных противоположностей, составленных из пяти самых популярных ответов каждой категории, полученной по методике «Ассоциации». Всего мы предъявили респондентам две биполярных шкалы – отдельно для слова «мигрант» и для словосочетания «мигрант-мусульманин». Полученные результаты позволили сделать вывод: испытуемые практически не разделяют понятия «мигрант» и «мигрант-мусульманин», что можно проследить по среднему баллу, набранному по каждому качеству. Средний балл, «полученный» понятием «мигрант» и понятием «мигрант-мусульманин», примерно одинаков. Выявлены различия только по двум качествам из 40 предъявленных биполярных пар: *террор* («мигрант» набрал 2,33 балла, а «мигрант-мусульманин» набрал 4,45 балла); *приехал зарабатывать деньги* («мигрант» – 2,67 балла, «мигрант-мусульманин» – 6,45 балла).

* * *

По результатам первого этапа (2008 г.) исследования представлений о мигрантах у молодежи можно отметить, что мигранты воспринимались как нарушающие закон, вызывали негативное отношение и ассоциировались с внешним видом, отличающимся поведением, определенным родом занятий. Также можно отметить, что старшеклассники не разделяли понятия «мигрант» и «мигрант-мусульманин», а категории «религия» и «национальность, страна» вызвали минимальное количество ассоциаций (3,75 и 2,5% соответственно). Дальнейшее исследование ассоциаций по методике «Биполярные шкалы» выявило существенные различия лишь по двум предъявленным качествам: *террор* и *приехал зарабатывать деньги*.

Спустя восемь лет, образ мигранта существенно изменился. Теперь он связан прежде всего с трудовой деятельностью и обусловлен личным отношением. Изменилась и эмоциональная установка: вместо крайне отрицательной она стала более нейтральной и толерантной. Наконец, существенно расширилось поле представления: мигрант подростками воспринимается не как локальный феномен, а в мировом, глобальном контексте.

Изумруд Керимова

11.2. От настороженности к неприязни: динамика отношения в России к трансграничным трудовым мигрантам в 2002–2016 гг.

За последние 15 лет в трансграничной трудовой миграции в Россию произошли значительные изменения: 1) вместо жителей крупных городов в РФ едут выходцы из небольших городов и из села; 2) падает уровень образованности мигрантов; 3) большая их часть беднее, чем в прошлые годы; 4) постепенно увеличивается культурная дистанция между россиянами и вновь прибывающими мигрантами, в том числе религиозная и языковая; 5) растет удельный вес мигрантов из Средней Азии; 6) трудовая миграция в Россию феминизируется, всё чаще мигранты приезжают с семьями (Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф., 2011).

Попробуем оценить взаимоотношения внутренне меняющегося миграционного потока и местного населения в динамике и сразу по нескольким значимым показателям: через призму взглядов

принимающего населения на мигрантов, а отчасти и мнений самих мигрантов об отношении к ним этого населения; по отношению к ним работодателей; по изменениям круга общения мигрантов; по изменениям в их планах на будущее. С этой целью сопоставим результаты пяти анкетных опросов.

Первый из них проводился в 2002 г. (далее – выборка-2002) при поддержке Международной организации по миграции (МОМ). Им было охвачено 815 недокументированных (незаконных, нелегальных) мигрантов в Санкт-Петербурге, Саратове, Ставрополе, Улан-Удэ, Хабаровске и Владивостоке и 210 таких же мигрантов – в Москве¹. Критериями отбора для опроса были отсутствие российского гражданства и нелегальная занятость/работа на территории РФ респондентов в возрасте от 18 до 65 лет. Второй опрос, датируемый 2013 г. (выборка-2013а), был сфокусирован на Москву; было выяснено мнение 600 москвичей и 200 мигрантов. Исследование проводилось с 1 июля по 5 октября 2013 г. при поддержке Уполномоченного по правам человека в Москве. Выборка репрезентативна, базируется на данных ФМС по мигрантам и переписи населения 2010 г. по Москве (опрашивалось население старше 15 лет, прожившее в Москве не менее пяти лет) (Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В. и др., 2014). В том же году (выборка-2013б) состоялся анкетный опрос 405 мигрантов в России (250 человек в Москве и Московской области плюс три глубинных интервью в Санкт-Петербурге) и в Казахстане (155 человек в Астане и Алматы), занятых в домашнем хозяйстве местных жителей. Проходил он при поддержке организации «ООН женщины» с 10 апреля по 31 октября 2013 г. Среди опрошенных в России женщин было 90%, в Казахстане – 74%; что 10% выборки в России и 12% выборки в Казахстане составили внутренние мигранты (Домашние работники..., 2014). Четвертый опрос осуществлялся при поддержке Департамента международного развития Великобритании с 1 марта по 15 июля 2015 г. (выборка-2015); на этот раз опрашивались только мигранты-женщины: 350 – в Москве, 300 – в Санкт-Петербурге, 200 – в Екатеринбурге, 200 – в Казани, 200 – в Нижнем Новгороде, всего – 1200 человек. Данная выборка репрезентируется по возрасту (18–25 лет – 34%, 26–35 и 36–60 лет – по 33%), стране исхода (по 50% из Таджикистана

¹ Подробно о составе выборки и результатах исследования см.: (Полетаев Д.В., 2004).

и Кыргызстана), по опыту работы в России (одна половина с опытом работы в 1–2 года, другая – с опытом работы в 3 года и более) и основным сферам занятости (максимально возможное разнообразие) (Полетаев Д.В., 2016). Наконец, в 2016 г., в период с 1 марта по 30 ноября, при поддержке Тянь-Шаньского аналитического центра был проведен анкетный опрос еще 1001 мигранта: 501 – в Москве, 300 – в Санкт-Петербург и 200 – в Екатеринбурге; были также взяты глубинные интервью в Казани. По стране выезда респонденты разделились поровну между Таджикистаном и Кыргызстаном; мужчины составили 70% выборки, женщины – 30; по возрасту – следующим образом: 18–25 лет – 34%, 26–35 лет – 33%, 36–60 – тоже 33%. У половины опрошенных длительность работы в России не превышала двух лет, у остальных была более продолжительной; сферы основной занятости были достаточно разнообразными (Полетаев Д.В., Олимова С.К., Насритдинов Э.З., 2016).

Россияне и мигранты: оценка отношения

В 2002 г. в регионах России местное население, если судить по данным, полученным в перечисленных выше шести городах опроса, относилось к мигрантам более или менее толерантно, хотя в значительной степени и настороженно: 34,1% респондентов определили свое отношение как нейтральное, 36,6 – как хорошее, 18,6 – как не очень доброжелательное, 8,5 – как плохое и лишь 2,1% – как враждебное (Полетаев Д.В., 2004, с. 146). В Москве о хорошем отношении заявили 29% респондентов, о нейтральном – 52, плохом – 12 и враждебном – 3% (Тюрюканова Е.В., 2004, с. 185). По ответам самих мигрантов, картина, как и следовало ожидать, получилась лучше: в целом по России 71% мигрантов говорили о хорошем или нейтральном отношении к ним, по Москве – 81%.

В дальнейшем, однако, обозначилась тенденция к ухудшению отношения к мигрантам. Показательна в этом смысле динамика ответов граждан России на вопрос, стоит ли легализовать незаконно находящихся на территории РФ иммигрантов из ближнего зарубежья. С 2006 по 2013 г. доля респондентов, давших на него положительный ответ, упала с 35 до 15% (Левада-Центр..., 2016). А исследование 2013 г., где выборка была целиком составлена из москвичей, вообще зафиксировало наивысший уровень мигрантофобии за весь рассматриваемый нами пятнадцатилетний период. Из 600 опрошенных москвичей 360 человек, или ровно 60%, не на-

шли ничего положительного в присутствии мигрантов. Сильную неприязнь вызывали выходцы из Средней Азии и с Кавказа, но самую сильную – лица, прибывшие из республик Северного Кавказа: они получили в полтора раза больше недоброжелательных оценок, чем среднеазиатские и закавказские мигранты. Отношение к прибывшим с Украины, из Беларуси и Молдовы в целом было заметно спокойнее, но больше всего лояльности москвичи проявили к мигрантам из российских регионов (табл. 1).

Таблица 1

Процентное распределение ответов москвичей на вопрос о личном отношении к мигрантам

Относятся	Из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана	Из Грузии, Армении, Азербайджана	Из Молдовы, Украины, Беларуси	Из республик Северного Кавказа РФ	Из других регионов России
Нормально	21,6	23,9	65,3	16,3	86,9
Не очень хорошо	37,4	37,7	27,6	26,7	10,6
Плохо	40,2	37,9	6,1	56,6	2,0
Нет ответа	0,8	0,5	1,0	0,3	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: выборка-2013а.

Человек может быть готов к общению с мигрантом по месту работы, спокойно относиться к тому, что его ребенок учится с детьми мигрантов. Но реальный предел дружелюбия выясняется, когда речь идет о том, чтобы породниться с «чужаком». Ответы на вопрос: «Как Вы отнесетесь к тому, что Ваш сын (дочь) захотят вступить в брак с мигрантом?» обозначили этот предел и его градации по пяти группам мигрантов (рис. 1). Как видим, в 2013 г. удельный вес москвичей, не желавших породниться с мигрантами, при мысленном моделировании брака сына или дочери с выходцами из мусульманских регионов превышал 80%. Он снижался до 73–76% в случае гипотетического брака с грузинами и армянами (хотя и с «кавказцами», но все же христианами) и до 29–54% – с выходцами из Беларуси, Украины и Молдовы. Наименьшим этот процент был, когда в качестве предполагаемого партнера фигурировал человек из других, кроме Северного Кавказа, регионов России.

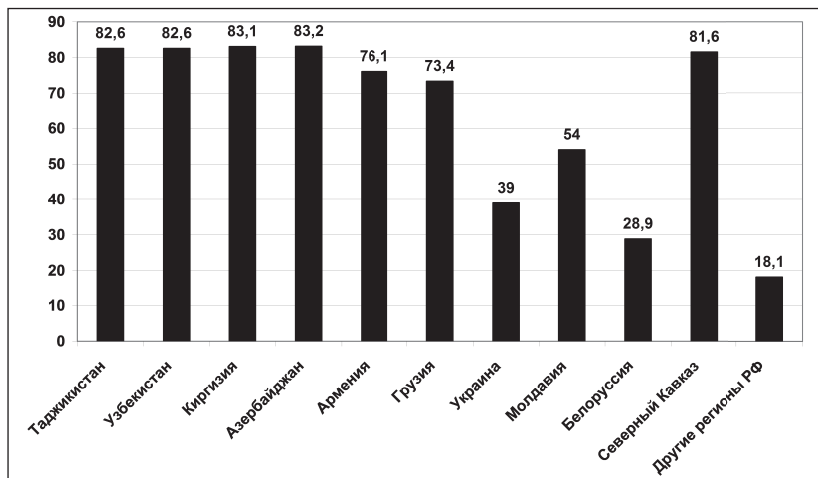

Рис. 1. Доля респондентов, на вопрос о возможности брака сына / дочери с представителем той или иной группы мигрантов ответивших, что никогда этого не поддержат: выборка-2013а (%)

Достаточно показательным в исследовании 2013 г. был гипотетический выбор вариантов о желательности/нежелательности для москвичей приема мигрантов из других стран (табл. 2). Свыше 2/3 респондентов ответили, что столица России должна принимать преимущественно русских.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«С какими из перечисленных утверждений Вы согласны?»

Вариант ответа	%
Москва должна принимать всех мигрантов, независимо от происхождения	8,0
Москва должна принимать преимущественно русских из бывших республик СССР	68,4
Москва не должна принимать мигрантов из некоторых стран	16,3
Другое	7,3
Итого	100,0

Источник: выборка-2013а.

Несмотря на крайне недоверчивое отношение к мигрантам, более половины (55,5%) опрошенных в 2013 г. мигрантов считали отношение к ним москвичей нормальным; как не очень хорошее его определили 32% респондентов-мигрантов, как плохое – всего 4,5% (Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В., Доронина К.А. и др., 2014, с. 23, табл. 9). Интересно также сравнить представления в 2013 г. москвичей и мигрантов о том, как последние вписываются в столичную среду. Очевидно, что представления двух групп различаются существенно: число респондентов-мигрантов, утверждавших, что они стараются быть ближе к традициям и правилам принимающего общества, оказалось почти в десять раз больше числа придерживающихся того же мнения москвичей (29% против 3,2%). Но в одном пункте стороны совпадали: в большинстве своем мигранты ориентируются на обычаи своей страны. Разница в том, что, по мнению более чем половины опрошенных москвичей, мигранты не просто не соблюдают московские нормы социального поведения, но и не хотят их соблюдать.

Почти неизбежным следствием убежденности в подобной «злонамеренности» мигрантов стало отождествление их москвичами с источником опасности. Судя по ответам на тему угроз личной безопасности, 57,4% респондентов-москвичей главный такой источник видели все же в бандитах и хулиганах независимо от их происхождения; но 28% главной угрозой своей безопасности посчитали мигрантов. Мнения по поводу угроз безопасности респондентов-мигрантов представляются более реалистическими: 43,5% из них признали, что больше всего боятся полиции, 22% назвали скинхедов, 13 – москвичей в целом, а 7,5% (не так уж мало!) главным источником опасности признали «своих» (Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В., Доронина К.А. и др., 2014, с. 67, рис. 15).

Оценивая приведенные выше результаты московского опроса, стоит вспомнить, что в 2013 г., накануне выборов мэра, СМИ сделали немало для того, чтобы градус неприятия во взаимоотношениях трудовых мигрантов и москвичей заметно повысился (Абашин С., 2014, с. 23). В дальнейшем столичная социально-политическая атмосфера сделалась более «прохладной», а развернувшееся вскоре противостояние с Украиной вообще переориентировало внимание российской публики вовне. По-видимому, и уже довольно долгое совместное проживание россиян и мигрантов на-

страивает первых на более прагматичный подход ко вторым. Как следствие, в восприятии россиянами трансграничных мигрантов компонент фобии заметно ослабел. В августе 2015 г. 41% опрошенных Левада-Центром респондентов (n = 1600) считали, что недокументированных мигрантов надо легализовать. Это самый высокий показатель за последние десять лет: годом ранее такой ответ выбрали только 19% респондентов (Левада-Центр..., 2016). В марте 2016 г. 53% опрошенных ВЦИОМ (n = 1600) позитивно отнеслись к использованию труда мигрантов в коммунальном хозяйстве, 50% одобряли наем иностранной рабочей силы для работы в сфере услуг. В 2006 г. соответствующие цифры были ниже: 39 и 42% (ВЦИОМ, 2016).

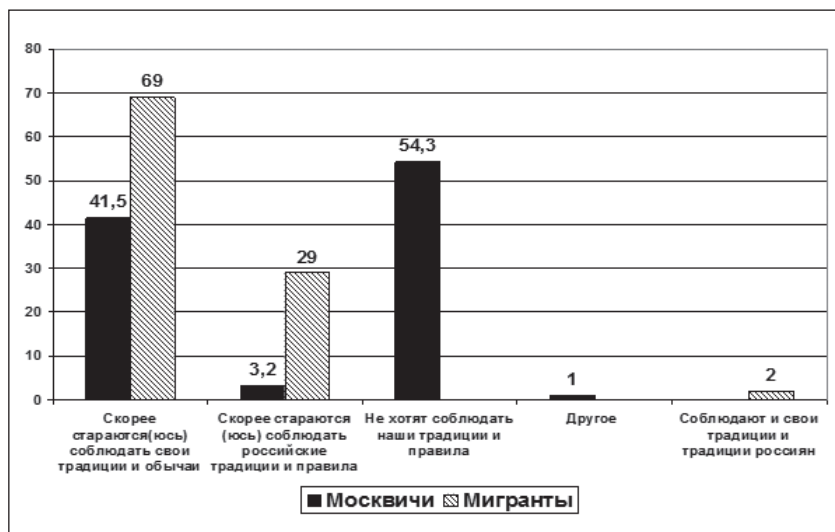

Рис. 2. Распределение мнений москвичей и мигрантов о том, как мигранты адаптируются в России: выборка-2013а (%)

Если вернуться к результатам наших опросов, то и тут мы видим заметно изменившуюся картину. В 2015 г. о враждебном отношении сказали лишь 7%, тогда как 4/5 опрошенных мигрантов-женщин (рис. 3) отмечали нейтральное (38%) или хорошее (43%) отношение к ним в России, что в сумме дает 81%. Напомним: в 2002 г. аналогичная сумма равнялась 71%. Учитывая, что миг-

ранты из Средней Азии вызывают наиболее острую негативную реакцию у принимающего населения, улучшение отношения за 13 лет на 10% можно считать хорошим показателем.

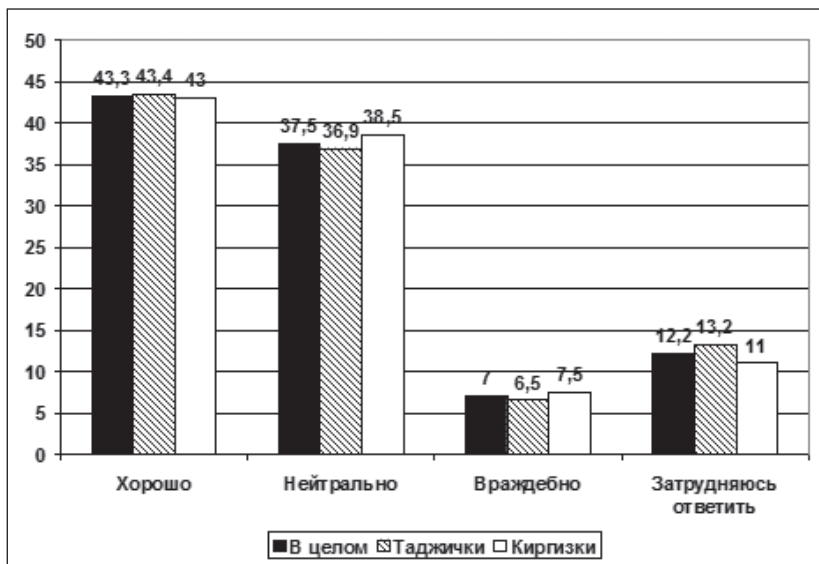

Рис. 3. Распределение ответов мигрантов-женщин на вопрос, как к ним относится принимающее население: выборка-2015 г., регионы России (%)

Среди москвичей, если судить по ответам таджичек и киргизок, отношение к ним в целом тоже сделалось более позитивным: 25,3% определили его как хорошее, 62% – как нейтральное, т.е. почти 90% заявили, что к ним относятся сдержанно или хорошо (Полетаев Д.В., 2016, с. 276). И всё-таки более точно, видимо, считать, что в целом отношение это в большей степени стало скорее нейтральным, чем скорее доброжелательным.

Посмотрим, что показало общероссийское исследование в августе 2016 (Левада-Центр..., 2016). Сократилось число тех, кто поддерживает лозунг «Россия для русских»: с 23% в октябре 2013 г. до 14% в августе 2016 г. И, хотя только пятая часть респондентов заявила, что у них нет этнических предрассудков, 66% высказались за ограничение миграционного притока, а 70% указали, чье

именно проживание в России следует ограничить, даже в этом пункте произошли заметные изменения. Не хотели видеть у себя выходцев с Кавказа в октябре 2013 г. 54% опрошенных, в августе 2014 г. – 34%, мигрантов из Средней Азии – соответственно 45 и 29%, из Китая – 45 и 24%. Как видим, возобладало (надолго ли?) более сдержанное, чем прежде, отношение к трансграничным трудовым мигрантам.

Отношение к трудовым мигрантам работодателей

В 2002 г., согласно ответам, возможно, не всегда искренним, недокументированных мигрантов (всех, без разделения по сферам занятости), работодатели относились к ним достаточно доброжелательно (58,6% ответов) или нейтрально (36,1%); плохое или недоброжелательное отношение признали в общей сложности 4,8% респондентов (Полетаев Д.В., 2004, с. 132).

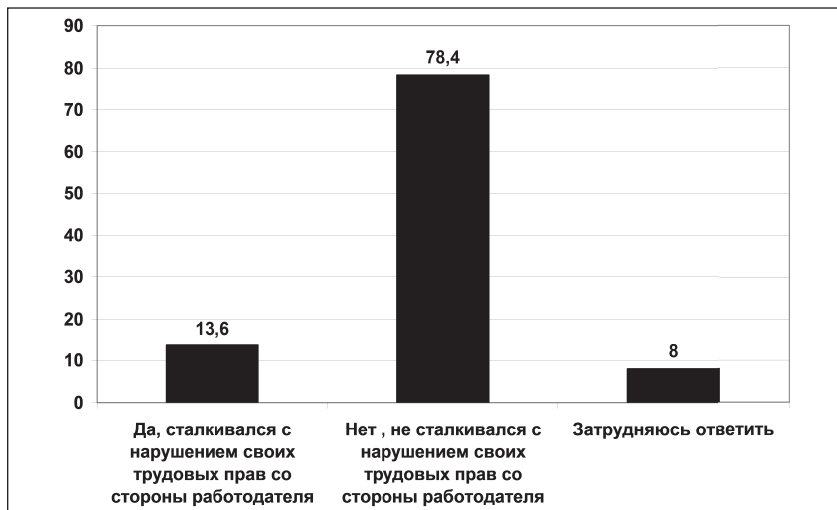

Рис. 4. Процентное распределение ответов на вопрос о нарушении работодателями трудовых прав домашних работников: выборка-2013б, Российская Федерация

В 2013 г. девять из десяти (90,4%) опрошенных в России домашних работников поддерживали хорошие взаимоотношения со своим работодателем, а 9,6% охарактеризовали их как «не очень»

хорошие». Ответов «плохие» вообще не было (Домашние работники..., 2014, с. 66). «Это, по мнению экспертов, связано со спецификой работы, особенно для таких категорий домашних работников, как няни, сиделки и домработницы, так как если отношения у них с работодателем не складываются, то психологический дискомфорт для работодателя, как правило, со временем нарастает, и он в таких условиях предпочитает нанять другого работника» (Домашние работники..., 2014, с. 65). Вместе с тем картина почти сплошь хороших отношений в некоторой степени, хотя и не сильно, корректируется ответами на вопрос, сталкивались ли домашние работники с нарушениями их трудовых прав (рис. 5). Ибо трудно представить, что такие нарушения никогда не воспринимались работниками и как свидетельства плохого отношения со стороны работодателя.

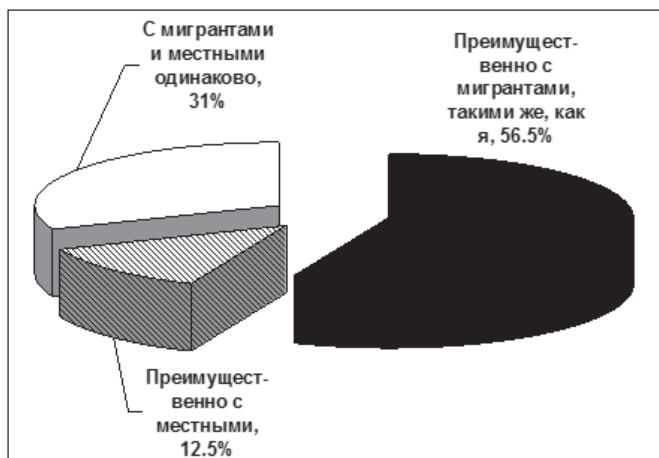

Рис. 5. Распределение ответов мигрантов на вопрос, с кем они преимущественно общаются: выборка-2013а

Конечно, исследования 2002 и 2013 гг. нельзя считать полностью сопоставимыми. Тем не менее автор склонен охарактеризовать взаимоотношения трудовых мигрантов и их работодателей как преимущественно «мирные» и прагматичные. Насколько можно судить по доступным социологическим данным, обе стороны в подавляющем числе случаев взаимодействуют, хотя и не без конфликтов, но вполне в рабочих рамках, без высокого накала взаимных претензий.

Круг общения трудовых мигрантов-иностранцев

Притом, что в 2014–2016 гг. отношение к мигрантам становится менее враждебным, за предшествующие годы образовалась и закрепилась их повсеместная изоляция от принимающего общества. Мир «пришлых» и мир «местных» слабо взаимодействуют друг с другом по всем поводам, кроме работы. Появление в российском обществе параллельных мигрантских сообществ, а в них – специальных сервисов, организуемых самими мигрантами для мигрантов же (Деминцева Е.Б., Пешкова В.М., 2014), представляет, на взгляд автора, серьезный вызов для будущего развития России. Кризис доверия в российском обществе получил еще одну составляющую: взаимное отчуждение внешних трудовых мигрантов и местных жителей.

В 2002 г. среди трудовых мигрантов по их ответам получалось практически одинаковое количество тех, кто в свободное время общался в основном с соотечественниками (41,4%), и тех, кто проводил его в равной степени с соотечественниками и местным населением (по 41,5%); тех же, кто утверждал, что общается только с россиянами, набралось 11,4% (Полетаев Д.В., 2004, с. 144). В Москве эти соотношения были несколько иными, с бóльшим уклоном в сторону интегрирующего общения с москвичами: 35, 51 и 9% (Тюрюканова Е.В., 2004, с. 184). То есть, если брать за критерий успешной адаптации уровень общения в свободное время с местным населением, то лучше всего мигранты адаптировались в российском обществе в крупнейшем городе России. К 2013 г. в Москве эта ситуация изменилась (рис. 5) в сторону самоизоляции большей, чем прежде, части мигрантов, хотя доля тех, кто общался преимущественно с москвичами и потому имел лучшие шансы на успешную интеграцию в принимающий российский социум, пусть незначительно (на 7%), но выросла. И, как можно было ожидать, результаты исследования домашних работников в том же 2013 г. показали, что мигранты, работающие на частных лиц, ведут еще более закрытый образ жизни, что, безусловно, затрудняет и усложняет для них адаптацию и интеграцию. В России общение более половины из них (53,2%) ограничено рамками семьи работодателя и соотечественниками (или другими мигрантами), треть (33,1%) общаются и с местными жителями, и с мигрантами, и лишь десятая часть (9,7%) общаются преимущественно только с местными жителями (Домашние работники..., 2014, с. 77). С учетом же того

обстоятельства, что в выборку-2013б попали и внутренние мигранты, эта небольшая доля должна быть еще уменьшена.

Результаты исследования 2015 г. показали, что для мигрантов-таджичек и киргизок главная стратегия интеграции и даже выживания в России – это четко выраженная доминанта общения с родственниками и земляками (рис. 6). Отчасти их круг общения расширяется через общение с другими мигрантами – коллегами по работе, с коллегами – местными жителями (29%) и/или с соседями

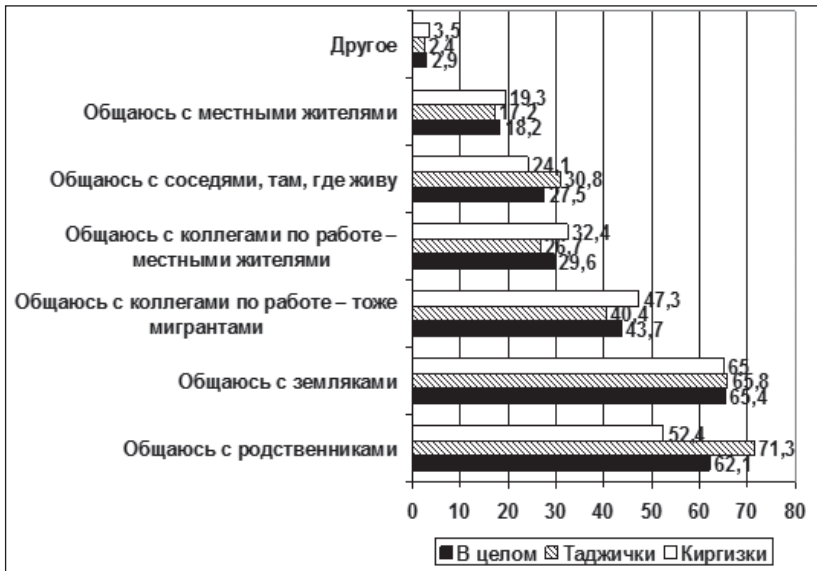

Рис. 6. Распределение ответов о повседневном общении мигрантов-женщин из Таджикистана и Кыргызстана (допускалось несколько вариантов ответов): выборка-2015, регионы России (%)

(28%). Общение с россиянами за пределами этого круга привычно только для одной из пяти опрошенных. Кроме того, несмотря на оптимистические оценки женщинами-мигрантами отношения к ним местного населения (рис. 3), подавляющее их большинство не склонно искать у этого населения помощи в сложных ситуациях. Такую возможность в выборке-2015 допускали для себя всего лишь 4,7% опрошенных, почти 68,3% респондентов-таджичек и 64,9% – киргизок предполагали обратиться за помощью к родственникам

и землякам в России, а еще 19,2% таджичек и 22,4% киргизок – к родственникам и землякам, оставшимся на родине (Полетаев Д.В., 2016, с. 276). И действительно, как показало исследование 2016 г., помощь в решении проблем по месту прихода мигранты из Таджикистана и Кыргызстана получают в основном от земляков или родственников (соответственно 66 и 59,5%). Еще 19,3% респондентам помощь оказали посольства, 14,9% – организации диаспоры, 3,4% – коммерческие фирмы и 18,3% – знакомые россияне (Полетаев Д.В., Олимова С.К., Насритдинов Э.З., 2016, с. 82). Последняя цифра почти в четыре раза больше, чем была в 2015 г.; объясняется это тем, что тогда респондентами были исключительно женщины, а в 2016 г. – преимущественно мужчины.

Ярким свидетельством «разделения миров» служат брачные предпочтения мигрантов-женщин из Средней Азии: они явно отдают предпочтение своим соотечественникам и в целом либо сами не готовы выходить замуж за россиян не своей национальности, либо просто не верят, что такое может с ними случиться (рис. 7). При этом, однако, лишь немногим более 1/5 опрошенных имели в виду

Рис. 7. Распределение ответов мигрантов-женщин из Таджикистана и Кыргызстана о предпочитаемых брачных партнерах: выборка-2015, регионы России (%)¹

¹ Были возможны несколько вариантов ответов.

реальных или потенциальных женихов на родине; куда чаще – среди таджичек более чем в два раза, – говорилось о желании выйти замуж за «своего», но в России. Отчасти это можно считать естественным следствием выбора охарактеризованного выше круга общения, но нельзя исключать и другую причину, – стремление начать семейную жизнь именно в российской социальной среде, заметно отличающейся от такой среды на родине. В целом по выборке-2015 для 17,8% женщин место жительства и национальность мужа значения не имеют, 5,2% планируют выйти замуж за россиянина – местного жителя и 8% женщин изначально, наряду с задачей заработка, рассматривали миграцию в Россию как возможность найти жениха, так как их выбор на родине ограничен из-за интенсивной трудовой миграции молодых мужчин в Россию.

Миграционные намерения трудовых мигрантов

В 2002 г. среди мигрантов, опрошенных в регионах, планировали жить в России более года, а потом вернуться в страну исхода 36,3%, вернуться домой через несколько месяцев, максимум, через год – 13,2%, получить российское гражданство и остаться навсегда – 28%, а иметь постоянный вид на жительство (но не гражданство) – еще 8,2%. Желавших перебраться в другую страну набралось 7,2%. У мигрантов, опрошенных в Москве, преобладало желание остаться навсегда – 46%. На проживание до года были настроены 35%, более года – 9%, еще 2% хотели бы уехать в третью страну (Полетаев Д.В., 2004, с. 156).

К 2013 г. доля желавших остаться на постоянное жительство в Москве/России сократилась почти в два раза (рис. 8), настроенных на проживание более года увеличилась более чем в четыре раза, на относительно недолгое проживание – почти не изменилась. (Еще 2% сочли свое пребывание в Москве неудачным опытом и не собирались впредь возвращаться.)

Представляется, что в сильном изменении с 2002 по 2013 г. соотношения между желавшими остаться навсегда и на длительный срок отразилась и усилившаяся неприязнь к мигрантам, и устойчивость намерения значительной их части закрепиться в России надолго. В любом случае исследования 2002–2016 гг. показывают, что доля желающих остаться навсегда за 15 лет никогда не составляла менее 20%, невзирая на структурные изменения в миграционном притоке, о которых сказано в начале раздела.

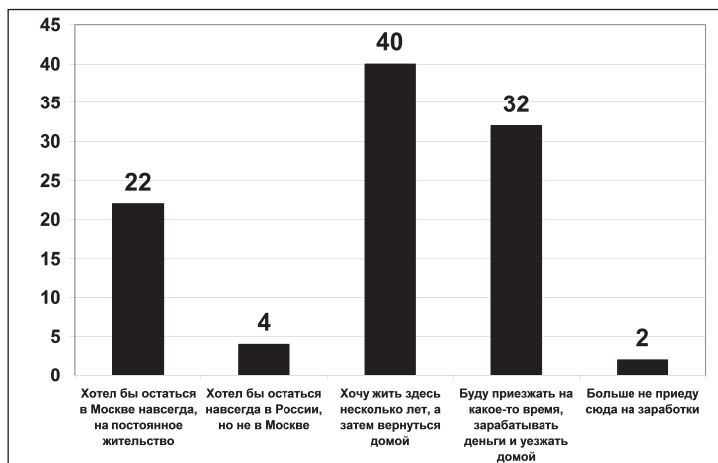

Рис. 8. Распределение ответов опрошенных в Москве мигрантов об их планах на будущее: выборка-2013 (%)

Домашние работники-иностранцы в России на 2/3 были ориентированы на длительное пребывание: 23,4% – на получение гражданства, 43,2% – на проживание свыше года. Более короткие сроки казались самыми привлекательными 28,2% респондентов. Можно сказать, что свою миграцию и свою относительно высокооплачиваемую работу на частных лиц подавляющее большинство домашних работников считали успешной, о завершении работы думали единицы. И практически никто из них не хотел менять страну выезда на заработки (Домашние работники..., 2014, с. 78).

На длительное проживание в России были нацелены и две трети опрошенных в 2015 г. женщин из Средней Азии (рис. 9) – и это, несмотря на все трудности с решением жилищных проблем, скромные по меркам России заработки, преобладание «серых» зарплат, невозможность пользоваться рядом социальных услуг. Только четверть из них предполагали пребывание в России в течение ограниченного срока.

Наконец, в 2016 г. каждый пятый из опрошенных мигрантов из Таджикистана и Кыргызстана хотел бы остаться в России навсегда, жить в России несколько лет, а затем вернуться домой хотели 27% опрошенных, приезжать на заработки и возвращаться домой – 37% (рис. 10).

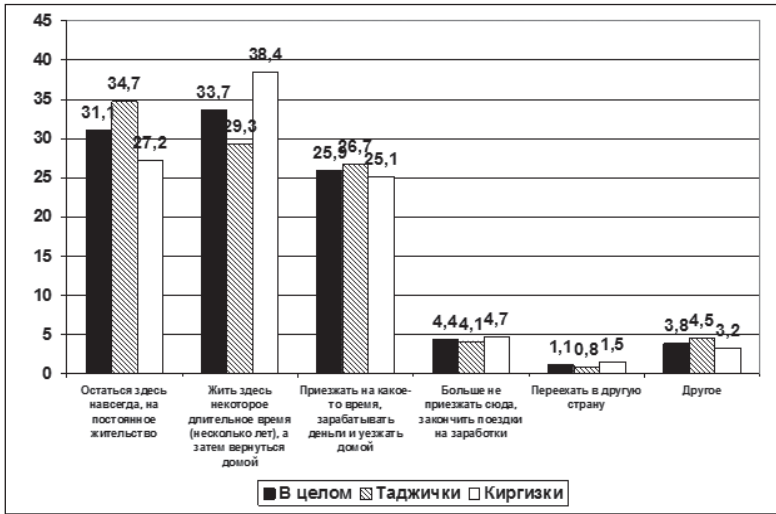

Рис. 9. Распределение ответов мигрантов-женщин об их миграционных намерениях: выборка-2015 (%)

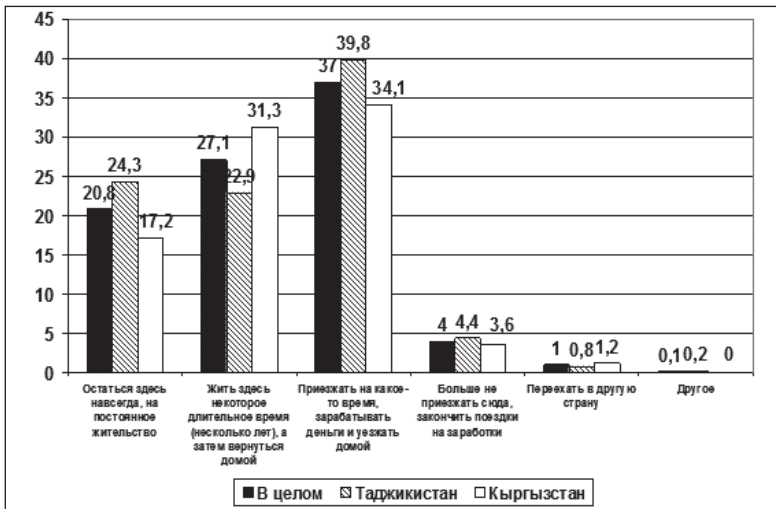

Рис 10. Распределение ответов о миграционных намерениях мигрантов из Таджикистана и Кыргызстана, выборка-2016 (%)

Сравнив рисунки 9 и 10, нетрудно заметить, что женский сегмент миграционного притока из Средней Азии настроен на постоянное проживание в России в большей степени, чем мужской. И можно предположить, что в таком настрое значительную роль играют не экономические соображения, а стремление избежать жесткого регламентирующего социального контроля, ожидающего многих женщин на родине.

* * *

Исследования, проведенные автором в 2002–2016 гг. в разных регионах России среди различных групп внешних мигрантов, позволяют сделать следующие выводы.

1. Исключение из местных сообществ в России трансграничных мигрантов, в том числе и мигрантов с российского Северного Кавказа, пересекающих в своем движении не государственную, а культурную границу, образование ими «параллельных сообществ» – это долгосрочная тенденция, создающая почву для недоверия между местным населением и мигрантами, их взаимного отчуждения.

2. В Москве уровень отчужденного и одновременно более прагматичного отношения к мигрантам выше, чем в регионах России.

3. Несмотря на частые колебания – то подъемы, то спады – мигрантофобии в РФ, в целом отношение к мигрантам принимающего населения и в регионах, и в столице остается настороженным и опасливым.

4. Тем не менее за весь рассматриваемый период притягательность российского рынка труда, отчасти и образа жизни россиян, а также перспективы обрести российское гражданство остаются для трансграничных трудовых мигрантов высокими; соответственно стратегии длительного пребывания и работы в РФ уже закрепились в их жизненных планах.

В заключение хотелось бы добавить следующее. С одной стороны, в России нет действительно эффективных интеграционных программ для трансграничных мигрантов. С другой, налицо стремление государства, региональных властей, предпринимателей и посредников получить максимальные экономические выгоды от труда мигрантов. Вместе то и другое способствует сохранению недоброжелательного отношения «местных» к «пришлым», одновременно усиливая недоверие российских граждан к собственному государству, плохо защищающему их от негативных социальных последствий внешней трудовой миграции, в экономическом и демографическом плане, безусловно, выгодной для России.

Дмитрий Полетаев

11.3. Новый этап миграции с Ближнего Востока: восприятие и отношение европейцев¹

Миграционная волна последних лет, которую уже сравнивают с Великим переселением народов, только в 2015 г. принесла на европейский континент более 1,5 млн. человек. Тогда же было зарегистрировано рекордное число соискателей убежища в Евросоюзе: 1 255 600 человек – более чем в два раза больше, чем в предыдущий год (Record number..., 2015).

Подавляющее большинство беженцев – выходцы с Ближнего и Среднего Востока и из Африки, в основном из тех стран, где царит политическая и экономическая нестабильность, происходят военные действия и сопровождающие их бедствия. При этом только из шести мусульманских стран – Сирии, Ирака, Ирана, Афганистана, Пакистана и Эритреи – в Евросоюз в 2015 г. в поисках убежища прибыло 3/5 (60%) всех беженцев. И далеко не все европейские страны были охвачены «миграционным кризисом». Так, из указанных выше шести стран 3/4 (75,5%) от общей численности беженцев приняла всего пять государств Евросоюза: Германия (30,0%), Венгрия (17,6%), Швеция (15,7%), Австрия (9,1%) и Нидерланды (4,2%). В то же время в целом ряде стран, таких, например, как Польша, Словения, Словакия, Чехия, Португалия, Литва, Хорватия и Эстония, прием мусульман-беженцев из тех же шести государств был ничтожным – от 285 человек в Польше до 40 – в Эстонии (табл.).

Государства, объединенные в Евросоюз, не имеют общей иммиграционной политики, тем не менее в основе ее лежит ряд общих политических директив и идеологических принципов. Это провозглашенные ООН, Советом Европы, специальными комитетами ЕС и официально считающиеся признанными всеми странами-членами принципы гуманизма, уважения прав человека, в том числе и прав мигрантов. За 2015–2016 гг. ООН был принят еще добрый десяток резолюций, основной идеей которых остается призыв к соблюдению прав мигрантов, уважению их человеческого достоинства – идея, прозвучавшая еще в Женевской конвенции 1951 г. (Convention..., 1951). Да и одной из основополагающих идей образования самого Евросоюза был принцип свободы передвижения и переселения граждан входящих в него стран,

¹ Раздел подготовлен в рамках поддержанного РГНФ проекта №16-01-00459 «Страны Европы в контексте глобальных миграций конца XX – начала XXI в: этнокультурный аспект».

поощрение их трудовой миграции как важного фактора экономического развития (Consolidated version of the Treaty on European Union, 2016, p. 19; Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union, 2016, p. 57, 65–69).

Численность лиц из шести мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока и Африки, попросивших убежища в государствах Евросоюза в 2015 г.

	Сирия	Афганистан	Ирак	Пакистан	Эритрея	Иран	ВСЕГО
Германия	158 655	31 380	29 785				219 820
Венгрия	64 080	45 560	9 175	15 010			133 825
Швеция	50 890	41 190	20 190		6 515		118 785
Австрия	24 820	24 840	13 225	2 890		3 380	69 155
Нидерланды	18 640	2 550	3 110		7 390		31 690
Бельгия	10 295	7 730	9 215				27 240
Финляндия	875	5 190	20 400				26 465
Швейцария	4 650	7 800	2 285		9 860		24 595
Норвегия	10 535	6 910	2 935		2 785	1 310	24 475
Болгария	5 955	6 165	6 910	570		170	19 770
Дания	8 500	2 215			1 705	2 745	15 165
Великобритания	2 840			3 245	3 735	3 680	13 500
Италия				10 285			10 285
Греция	3 325	1 545	575	1 505			6 950
Испания	5 720						5 720
Франция	5 315						5 315
Люксембург	635	220	545				1 400
Ирландия				1 350			1 350
Кипр	910			120			1 030
Румыния	550	90	190				830
Мальта	395				45		440
Польша	285						285
Словения		45	45	25		130	245
Словакия	5	25	170	5		5	210
Чехия	130					35	165
Латвия		35	85				120
Португалия				65			65
Литва		30	25				55
Хорватия	25	10				10	45
Эстония	15	10	15				40
ВСЕГО	378 045	183 540	118 880	35 070	32 035	11 465	759 075

Составлено и подсчитано по: Eurostat Statistics Explained, 2015.

Еще один существенный фактор, определяющий иммиграционную политику европейских элит, – их приверженность (лево)либеральной идеологии, представлениям о постнациональном государстве, об основанных на гражданско-политических, а не этнических принципах нациях, для которых этнокультурная преемственность теряет прежний смысл. Соответственно прием мигрантов из стран, не входящих в Евросоюз, вполне возможен. Более того, в силу различных причин, прежде всего экономических и демографических, он еще и желателен (Jacobson D., 1996; Koopmans R., Statham P., 1999; Soysal Y., 1994; Shaw J., 1999).

Свою роль в гостеприимном отношении к мигрантам играют представления об ответственности бывших метрополий (Великобритании, Испании, Италии, Франции) за население некогда ими эксплуатировавшихся территорий и даже о долге перед ним. Аналог этому в Германии – до сих пор сильное чувство вины за нацистское прошлое. Вероятно, не случайно, что не только правительство, но и население Германии в целом оказало, пожалуй, наиболее гостеприимный прием мигрантам и беженцам, что, между прочим, выразилось в величине выделяемых им социальных пособий¹.

Эти причины и экономические возможности самых развитых и богатых стран Европы предопределили их в целом благожелательное отношение к приему мигрантов накануне и в начале миграционного кризиса. Во многом иначе было в Восточной Европе: там неприятие мигрантов в качестве будущих постоянных жителей изначально было выражено значительно сильнее. Но в силу ограниченности объема раздела мы рассмотрим ситуацию лишь в так называемой старой Европе – в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Нидерландах, Бельгии и скандинавских странах.

¹ В центрах приема беженцев в Германии им обеспечено бесплатное проживание и питание, на «базовые нужды» выдаются 143 евро на человека, через три месяца – 216 евро, и на каждого ребенка, в зависимости от возраста, выплачивается от 92 евро. После 15-месячного пребывания в стране (или раньше при предоставлении убежища) пособие увеличивается в среднем до 400 евро, плюс государство оплачивает расходы на проживание и отопление. Во Франции и Великобритании при бесплатно предоставляемом жилье пособие, до определения статуса ежемесячно получаемое мигрантами, составляет 343 и 201 евро соответственно. В других странах – иной порядок цифр: в Австрии – 50, а в Литве – всего 10 евро в месяц, правда, при бесплатном жилье и питании. В некоторых странах, например в Греции, пособие вообще не выдается, и беженцы сами должны заботиться о жилье и пропитании (Refugees' benefits, 2015).

I

Гуманистические чувства породили в европейских странах много правозащитных организаций и волонтерское движение помощи мигрантам. Крупные международные организации помощи мигрантам действуют во многих странах мира. Но особенно они активны в Германии, Великобритании, Греции, Испании, Италии, Португалии, Нидерландах, Польше, Румынии, Чехии. Их солидарность с беженцами выражается как на словах – широко распространена риторика левого толка о борьбе за справедливость и добро на всей планете, так и на деле – для беженцев изыскивается жилье, организуется благотворительное питание, открываются магазины низких цен, оказывается помощь в адаптации. Хороший пример – организация «Refugees Welcome». В одной только Великобритании, где движение помощи мигрантам имеет давние традиции, у нее 94 отделения. И поддерживают ее 39 местных организаций: университеты, христианские церкви, Армия спасения, организация «Либеральный иудаизм», Мусульманский совет Уэльса, Британский Красный Крест, сирийские мигрантские сообщества Лондона, Бредфорда, Бристолья и т.д., эксперты и советники, просто британские граждане (Refugees welcome..., 2016).

Многими подобными видами помощи занимается и крупнейшая в Европе организация «Migrant Help», основанная еще в 1963 г. Она рассматривает как очень важную сферу своей деятельности предоставление необходимой мигрантам информации, в том числе юридической, и психологической поддержки очно и по телефону. Цель – помочь мигрантам почувствовать себя защищенными, окруженными помощью и заботой, ориентированными в движении по жизненному пути в новой стране; дать им возможность стать успешными, активными и востребованными членами общества; в конечном счете – построить более заботливое, сострадательное и справедливое глобальное общество, в котором защищены все, включая беженцев. Ежемесячно в эту организацию за различными видами помощи обращаются от 1,7 до 2,5 тыс. человек. Одно из интересных направлений ее работы, после 2016 г. распространенное на всю Великобританию, – пастырская поддержка мигрантов, «нуждающихся в возрождении надежды и повышении самооценки». Причем пастырь может принадлежать разным конфессиям –

иудейской, христианской, мусульманской, буддийской, мормонской и т.д. (Annual Report, 2015, p. 21, 24).

Ряд организаций действует в местах присутствия беженцев новой волны, рядом с их лагерями, как, например, греческая организация «Khora centre», открытая в начале 2016 г. В ней работают не только местные добровольцы, но и волонтеры из Великобритании, Германии, Дании, Нидерландов и других стран Европы. Она предоставляет бесплатное питание 350 беженцам, частично осуществляет размещение, организует курсы английского, греческого, немецкого языков, предоставляет помощь дантиста, психологическую поддержку, важную для беженцев информацию, дает советы по обучению детей в греческих школах и т.д. (Kingsley P., 2016).

В добровольном порядке оказывают помощь мигрантам не только организации, но и отдельные волонтеры. Например, в г. Нанте преподаватели французского языка, врачи и юристы раз в неделю несколько часов принимают мигрантов бесплатно (Baumard M., 2016; Praud A., 2016).

II

Настроениям сочувствия к беженцам способствует и позиция основных христианских церквей Европы. Они призывают к милосердию по отношению к страждущим независимо от этнической и религиозной принадлежности. Так, в заявлении представляющей церкви 18 европейских государств Комиссии христианских церквей по миграции в Европе говорится: «Мы глубоко привержены идее о неприкосновенности достоинства человека, созданного по образу и подобию Бога, как и представлению об общем благе, глобальной солидарности и поощрении общества, которое радушно принимает иностранцев. Мы также разделяем убежденность в том, что основные ценности Евросоюза как региона свободы и справедливости должны быть отражены в его повседневной политике» (Recommendation..., 2014, p. 1). Доброжелательную позицию к мусульманским мигрантам занимает Папа римский Франциск. Некоторые даже называют его «папой-исламизатором» (Faue G., 2016) и утверждают, что его исламофилия губительна для церкви.

В канун Пасхи 2016 г. Папа Франциск омыл ноги беженцам из числа мусульман. Этот жест вызвал в западных христианах подъем сочувственных настроений по отношению к мигрантам (Le rapport,

2016, р. 4). Миротворительную позицию церкви не поколебали и случаи нападения радикальных мусульман на христианских священников. В июле 2016 г. мусульманскими экстремистами был убит Жак Амель, священник небольшого французского прихода Сен-Этьен де Руврэ, известный своим благожелательным отношением к местным мусульманам. (Его приход даже уступил часть принадлежавшей ему земли под строительство мечети.) Убийство всколыхнуло общественность, но католическая церковь осталась верна принципу христианского миролюбия, отказа от использования религии в политических целях, от политики, основанной на эмоциях. Церковь призывает различать джихадизм и ислам, не ассоциировать такие трагические события, как это преступление, с мусульманской культурой в целом (Geisser V., 2016, р. 4–5), проводит немалую волонтерскую работу, организует бесплатное кормление мигрантов, раздачу милостыни и вещей и т.п.

В соответствии с принципами равенства и политкорректности государство в той или иной форме учитывает «чувства» представителей нехристианских конфессий. Так, ассоциация мэров городов Франции в 2016 г. рекомендовала не выставлять в окнах мэрий и других государственных учреждений рождественские вертепы (Le rapport, р. 2). Рождественские поздравления типа «Merry Christmas» в публичной сфере всё чаще заменяются нейтральными пожеланиями, рождественское декорирование европейских городов становится всё более скромным.

В подавляющем большинстве стран Европы церковь отделена от государства, однако есть различия в подходе того или иного государства к религии. В Нидерландах государство поддерживает и субсидирует в равной степени все конфессиональные общины, включая мусульман. Официальное включение ислама в общественную жизнь страны предопределяет более лояльное отношение ее населения к мусульманам-мигрантам (Statham P., 2016, р. 220). Сходная ситуация в Бельгии, где мусульмане составляют около 12% населения страны (Belgique. Appartenance et démographie religieuses, 2016): там ислам был признан одной из официальных религий страны еще в 1970-е гг., на политической арене действует Исламская партия, государство финансирует строительство мечетей. Для бельгийской столицы оборотной стороной толерантности и религиозной свободы стало обретение ею репутации города, где

куются кадры исламских экстремистов. В Германии, где, согласно Конституции 1949 г., религия отделена от государства (ст. 140 Основного закона), оно официально поддерживает христианскую и иудейскую церковь, которые считаются здесь «историческими» и имеют привилегированный статус «уставных корпораций». Это обеспечивает им поддержку государства в социокультурной сфере и образовании, ислам такого статуса не имеет (Statham P., 2016, p. 217–218). Во Франции последовательно проводится принцип *laïcité* (светскости), государство равно отстраняется от любой религии.

Однако, как показывает недавний опрос общественного мнения, отнюдь не нейтральны настроения населения по поводу роста исламской общины во Франции: 47% французов считают, что ее присутствие угрожает французской идентичности, а 55% высказываются против строительства новых мечетей (Le rapport, p. 2). Наибольшее неприятие во Франции вызывают, пожалуй, внешние проявления религиозности – ношение мусульманками покрывал, платков и купальных костюмов буркини: все они воспринимаются как символ неравенства женщин. Ношение платков и покрывал в государственных учреждениях Франции запрещено, по поводу буркини идут дискуссии¹. В этом смысле французы подвергаются критике со стороны других европейцев за недемократичность (Micallef J.V., 2016; Chrisafis A., 2016; Muir H., 2016; Aly R., 2016; и др.). Однако Франция – первая, но не единственная страна, законодательно запретившая ношение мусульманских платков в общественных местах. Вслед за ней подобный закон был принят в Бельгии, Болгарии и Швейцарии (2016 г.). В Германии запрет на ношение мусульманской одежды был в марте 2015 г. признан Конституционным судом страны незаконным на федеральном уровне (Toscer-Appot S., 2016); но в Баден-Вюртемберге, Баварии, Берлине, Бремене, Гессене, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии и в Сааре были приняты законы, запрещающие ношение платков учителями, а в Гессене и Берлине запрет на ношение мусульманских платков распространяется и на другие сферы общественной жизни.

Далеко зашедший в «старой Европе» процесс секуляризации привел к тому, что историческая принадлежность к христианству не воспринимается многими как препятствие к принятию в общество людей иной веры.

¹ См. например: (Berdah A., 2016) и комментарии к статье (Dejardin S., 2016).

Так, один из оппонентов высказыванию в интернет-блоге, будто «причиной манифестаций (во Франции против наплыва мигрантов. – М.Л.) является желание показать, что мы имеем очень глубокие христианские корни и что Франция остается старшей дочерью Христианской церкви», довольно ядовито заметил: «Вы имеете в виду “глубоко погребенные” христианские корни?» И продолжил: «Может быть, лучше вспомнить о христианском милосердии, которое предписывает церковь? В то время, когда люди рискуют своими жизнями, переплывая Средиземное море, спасаясь от нищеты и войны, мы во имя “наших христианских корней” должны оставлять их умирать на наших порогах? Ссылайтесь лучше на свой эгоизм, расизм, ксенофобию, ваш страх Другого, но не на ваши христианские корни»¹.

Вместе с тем приверженность части мигрантов радикальным течениям в исламе вызывает острую тревогу европейцев, призывающих правительства максимально жестко реагировать на деяния вступивших на этот путь, закрывать мечети, имамы которых стоят на позициях салафизма. Дело, однако, не только в экстремизме части мигрантов. Многие мусульманские традиции противоречат светскому характеру европейских государств, таким европейским ценностям, как равенство полов и свобода слова. Поэтому всё чаще появляются различные рецепты интеграции ислама в европейское общество – от идеи «французского ислама» Франсуа Олланда² до упований на полную смену исламских политических установок. Как выразился мэр одного из французских городов, «существует только один путь, чтобы ислам однажды смог найти себе в Европе достойное место: надо, чтобы он от теократической концепции перешел к мировой демократической концепции» (Platret G., 2016).

III

Начиная с лета 2015 г., когда миграция стала приобретать неконтролируемый характер, отношение к ней европейцев начало меняться. Перелом произошел под влиянием случаев вызывающего

¹ См. в откликах на статью реплику от 08.10.2016 Жана Леонги (Jean Leonguy) и ответ на нее пользователем, избравшим выразительный ник Sainte hypocrisie (Plusieurs manifestations..., 2016).

² В речи от 8 сентября 2016 г. Олланд заявил, что мусульманство вполне совместимо с принципом светскости французского государства, если ислам займет нейтральную позицию по отношению к государству и примет принцип разделения религии и права, как сделали другие конфессии страны (Hollande F., 2016).

и противоправного поведения мигрантов, их сексуальных домогательств в отношении европейских женщин, в особенности в ходе новогодних событий в Кёльне и других немецких городах. Согласно опросу одной из социологических служб, отношение 61% опрошенных жителей ФРГ к мигрантам после кёльнских событий изменилось, прежним оно осталось лишь у 25% респондентов» (цит. по: Гашков И., 2016). В декабре 2015 г. 55% шведов полагали, что стране следует принимать меньше беженцев (Sweden and migration, 2015). По данным на сентябрь 2016 г., около 62% французов были против приема мигрантов с Ближнего Востока (Les manifestations..., 2016, p. 5). Да и состоявшийся в июне 2016 г. референдум в Великобритании по вопросу выхода из ЕС, очень сильно обусловленный тем, как в ЕС решается миграционный вопрос, также продемонстрировал, что доводы об экономической выгоде от миграции могут эффективно блокироваться беспокойством о сохранении культурно-исторической идентичности. Нарастание атмосферы нетерпимости, усиление позиций правых партий в Швеции и Германии сопровождалось поджогами мечетей и центров приема беженцев, во Франции – манифестациями в департаментах, где подобные центры организовывались для размещения людей из расформированного лагеря мигрантов в г. Кале (Plusieurs manifestations..., 2016; Les manifestations..., 2016, p. 1–2).

Правительства не могли не реагировать на сдвиги в общественном мнении. Начиная с осени 2015 г., европейские государства одно за другим стали вносить поправки, ужесточающие миграционное законодательство. Сначала к подобным мерам прибегли в Северной Европе. Об изменении своей позиции объявила даже Швеция, в пересчете на душу населения принявшая в 2015 г. наибольшее число беженцев. Швеция всегда позиционировала себя как страна открытая и толерантная. Это самовосприятие подверглось переоценке из-за обвального количества мигрантов и недостатка средств для размещения беженцев, а ксенофобия по отношению к ним стала проявляться все чаще. Министр по вопросам занятости и одновременно координатор работы правительства с беженцами Ильва Йоханссон констатировала, что в 2015 г. наплыв мигрантов создал «нехватку ресурсов в таких практических областях, как жилье, школьное образование, здравоохранение», поэтому Швеция не может «продолжать принимать – год за годом – такое большое количество вновь прибы-

вающих людей» (Minister..., 2016). И с конца года стали вводиться ограничительные меры. Сначала правительство ужесточило пограничный контроль, введя требование об обязательном наличии документа, удостоверяющего личность, и временный запрет на прием тех беженцев, что не стремятся к получению статуса ищущих убежища. Затем шведский парламент принял изменения в законодательстве о приеме беженцев, в числе которых – ужесточение финансовых требований к мигрантам в ситуациях, когда речь идет о воссоединении семей мигрантов (Sweden and migration, 2015). Швеция, Норвегия и Финляндия приняли решение о депортации части недавних мигрантов, в Финляндии вообще были закрыты 33 лагеря для беженцев. Дания ввела практику изымания ценностей у мигрантов для обеспечения их пребывания в стране. А правительство Германии в феврале 2016 г. постановило высылать мигрантов, серьезно нарушивших законы, если они прибыли из стран, возвращение в которые не грозит репатриантам преследованиями. Список этих стран был расширен, выходцам из них урезали социальное пособие (Perspectives des migrations..., 2016, p. 264, 280, 290, 314, 334).

IV

Какова повестка дискуссии в Европе по поводу миграции из стран Востока? Как уже упоминалось, многими современная миграционная ситуация воспринимается как угрожающая основам европейской культуры и идентичности. Эти настроения нечасто высказываются публично (до сих пор ощущается давление императивов политкорректности и толерантности), зато в интернете немало блогов и комментариев к статьям популярных новостных изданий пестрят высказываниями, отражающими алармистские настроения: «Нас завоевывают без всякой реакции со стороны наших правителей, которые должны бы были нас защищать»; «Мы все говорим о трагедии. Только одни говорят о погибших в Средиземном море, а другие – об ослаблении Европы»; «Левые и капиталисты приведут дело к разрушению Европы и европейцев, создадут континент без души»¹.

Можно утверждать, что не столько чуждая этничность беспокоит европейцев, сколько способность пришельцев воспринять нормы демократии и правового государства. Именно в правовой плоско-

¹ См., например, комментарии под никами jules 199, vincentel, amirg, Fulbert 25 и др. к одной из статей в «Фигаро». (St.Clair F., 2016).

сти идет обсуждение большинства связанных с миграцией проблем. К наиболее острым из них относятся проблемы прав мигрантов, их равенства и проявлений ксенофобии. Большинство реплик по этим проблемам в интернет-дискуссиях – критические. Значительно реже встречаются высказывания такого, например, рода: «В течение последних десяти лет права мигрантов продолжали урезаться. Но я обнаружил, что ксенофобский дискурс не исследует эту реальность. “Мы у себя дома”, и этого достаточно»¹.

В центре дискуссий находится и такая точка зрения: мигранты создают чрезмерную нагрузку на инфраструктуру государства, а прокламируемые властями выгоды от миграции не столь существенны по сравнению с расходами на их социальное обеспечение и жилье, школьное обучение их детей, медицинскую помощь и т.д. Реже говорится о том, что мигранты занимают рабочие места коренного населения, что миграция приводит к падению уровня оплаты труда и к жилищному кризису (Damgé, 2016)². Характерны в этом отношении высказывания Марин Ле Пен, главы французской правой партии Национальный Фронт, в одной из своих речей заявившей, что она против не самих мигрантов, а привилегий, которые те получают. Она считает, что дети мигрантов не должны иметь права на бесплатное обучение во французских школах, что мигранты чаще, чем франко-французы, получают социальные пособия и это несправедливо и что французские законы позволяют получать эти пособия пожилым мигрантам, вообще не работавшим во Франции (Sénecat A., 2016). Ее доводы оспариваются правозащитниками и леволиберальными организациями, но мнения такого рода широко распространены не только во Франции, но и в других странах, например, в Великобритании (Goodfellow M., 2015, p. 4–6).

Наконец, многие европейцы убеждены, что в то время как политика «открытых границ» стимулирует быстрый рост численности мигрантов в Европе, существующие модели их интеграции не работают. Собственно, именно вопрос о возможности интегрировать такое количество мигрантов является, по-видимому, самым острым

¹ Это высказывание волонтера с псевдонимом *désabusé* («утомленный») (Plusieurs manifestations, 2016).

² См. также отклики на статью Матильды Дамже, идущие сразу после нее под рубрикой *Vos réactions*, например, две реплики уже упоминавшегося «утомленного» (Plusieurs manifestations..., 2016).

и самым дискуссионным. В частных беседах мне доводилось слышать такие утверждения: «Те, кто хочет интегрироваться и принять наш образ жизни, могут остаться в Голландии. Те, кто не хочет, должен уехать»; «Речь не о том, хотят ли немцы интеграции мигрантов, и не о том, хотят ли этого сами мигранты. Вопрос в том, *могут ли* люди с совершенно иным менталитетом интегрироваться в существующий в Германии порядок». Более того, хотя при желании легко обнаружить немало «интегрировавшихся» мигрантов, по видимости принимающих европейскую систему ценностей, многие европейцы не уверены в их патриотизме, в том, какую позицию эти мигранты займут в чрезвычайной ситуации, созданной, например, наступлением радикального ислама.

V

Как видно, взгляды европейцев на миграцию с Востока не отличаются единством, почти по каждому вопросу существует многообразие и даже поляризация мнений. На одном полюсе мы слышим: «Все ли мы сделали, чтобы интегрировать этих людей? Мы должны идти к ним и устанавливать двусторонние связи». На другом звучит совсем иное: «Мы боимся культуры, в которой женщина – низшее существо, маленькие девочки становятся насильно женами, и, главное, в которой господствует религиозная идеология. Эта культура породила массовые казни, наихудшие пытки и варварство, известные со времен нацизма. Она нам враждебна, и мы хотим защиты от нее» (Plusieurs manifestations..., 2016).

Общий же тренд восприятия мигрантов в условиях их продолжающегося притока и сложности их интеграции сдвигается вправо.

Маргарита Любарт

Глава XII

МИГРАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИОГРАФИИ И ТЕОРИИ

12.1. Особенности изучения миграций в археологии¹

Реконструкция миграционных процессов – важное исследовательское направление в археологии. Между тем многие сложившиеся в XX в. отечественные археологические концепции, целью которых была реконструкция древнейшей, древней и средневековой истории, строились на представлении об автохтонном стадийном развитии тех или иных народов и общностей. В определенной мере такая ситуация сохраняется и сейчас.

Причиной доминирования указанного подхода являлась односторонняя оценка статичных археологических материалов при опоре на сугубо эволюционистскую методологическую базу. Миграционные теории часто подвергались системной критике. Хотя, например, сторонники диффузионизма – течения, возникшего в ряде стран во второй половине XIX в. и распространившегося в начале XX в. главным образом в виде реакции на доминировавший эволюционизм, – не сводили, как это часто преподносится их критиками, причины социально-экономических изменений только к миграциям. Они предлагали расширить научный поиск, в том числе для интерпретации увеличивавшегося археологического материала, акцентируя внимание на значение передвижений людей и их по-

¹ Раздел подготовлен при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

следствий, а также на изучение результатов такого воздействия на культуру разных человеческих коллективов¹.

Критика, обрушившаяся на отдельные положения диффузионизма и на течение в целом, постепенно привела к падению активности появившихся в его рамках школ. Однако и в дальнейшем исследователи продолжали уделять внимание миграциям и в общетеоретическом плане, и в интерпретациях локального археологического материала.

I

Актуальность миграционной тематики заново обострилась в последние десятилетия. Причина – в осмыслении новых массовых археологических данных и в широком внедрении естественнонаучных методов, давших объективные основания для реконструкции миграционных процессов. В связи с этим важно учитывать и предыдущий опыт, всё многообразие которого невозможно отразить в одном разделе. Остановлюсь лишь на отдельных значимых работах.

Известный отечественный теоретик археологии Л.С. Клейн еще в 1973 г. опубликовал небольшую брошюру, в которой были обозначены археологические признаки миграций и дано разделение миграций по типам. В дальнейшем он высказал мысль, что изучением общих причин миграций должны заниматься не археологи, а ученые других областей знаний (историки, социологи, этнографы), где данный предмет исследований выражен четче и наиболее многообразно (Клейн Л.С., 1999, с. 53). Замечу, что в действительности это так и происходит. Теоретические и прикладные проблемы изучения миграций отражены в трудах исторических, этнографических, социологических, социально-психологических, экономических, юридических и др.² Их авторы часто указывают на универсальный характер исследуемых процессов. Такой подход может способствовать более глубокому пониманию бесписьменной истории, отраженной в материалах выявленных археологических культур.

¹ Подробнее об автохтонистской и диффузионистской парадигмах в археологии см.: Клейн Л.С., 1999, 2011.

² См., например: Косарев М.Ф., 1972, 1987; Долуханов П.М., 1978; Арутюнов С.А., 1989; Бондырева С.К., Колесов Д.В., 2007; Тихомиров К.Н., 2007; Головнев А.В., 2009, 2015; Косарева В.В., 2014; и др.

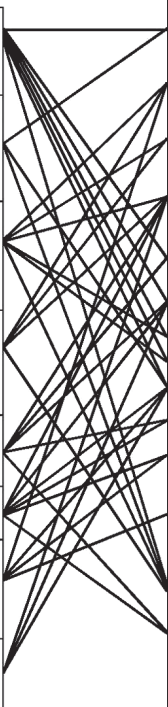
Отталкиваясь от рассмотренных концепций зарубежных и отечественных ученых, Л.С. Клейн (1999, рис. 9) предложил серию критериев для фиксации миграций и на их основе выделил набор признаков миграций, в том числе археологического плана, и обобщил всё это в специально сконструированной схеме. В ней представлено понимание миграций главным образом по разным археологическим материалам, получаемым в ходе раскопок. (Данное специфическое обстоятельство требует массу внятных объяснений, они имеются в работе Л.С. Клейна в развернутом виде, так что здесь их можно опустить, равно как и пересказ дискуссий, в которых доказывалась необходимость учета и анализа не одного или немногих, а целого комплекса показателей для подтверждения фиксации миграций.)

На обстоятельной схеме Л.С. Клейна (1999, с. 68) показаны «примерные соотношения между *видами миграций, их составными компонентами* и *археологическими следами* последних» (рис.). Обозначенный принцип и демонстрируемый механизм можно принять в качестве первичных инструментов выявления переселений. Вместе с тем следует помнить, что не все передвижения людей могут быть отражены археологическими источниками. Необходимо учитывать и многообразие проявлений миграций. Схема охватывает наиболее распространенные варианты возможных фиксаций. В связи с этим имеет смысл полностью привести комментарий автора к представленным в ней комбинациям:

«Из компонентов первую группу составляют причины миграций – их выявление усиливает доказанность миграции, но не является необходимым, и они не имеют строго избирательного распределения по видам миграции. Обычно они пополняют число косвенных доказательств. Вторую группу составляют разновидности выхода из исходного очага (эмиграция). Третью группу составляют разновидности передвижения из исходного очага в конечный. Четвертую группу составляют типы иммиграции – прибытия иноземцев в конечный очаг. Именно компоненты, входящие во вторую, третью и четвертую группы, распределены избирательно по видам миграции и сочетание их является определяющим для вида. Пятую группу составляют последствия миграции для мигрантов и аборигенов. Эти компоненты снова не имеют строго избирательного распределения по видам, они вносят спецификацию в любой вид. Хотя компоненты миграции помещены на таблице в тесной увязке

Виды событий

- Разовая дальняя миграция всего народа
- Разовая миграция народа в соседнюю местность
- Дальнее переселение фракции народа
- Переселение фракции народа в соседнюю местность
- Военное нашествие
- Военные набеги
- «Ползучая» экспансия («волна передвижения»)
- Массовая депортация

Компоненты	Археологические следы
Демографический взрыв в исходном очаге	Увеличение числа памятников на единицу времени
Стихийное бедствие в исходном очаге (неурожай, изменение климата, эпидемии и т.п.)	Уменьшение числа памятников на единицу времени, данные естественнонаучные
Социальные коллизии в исходном очаге или давление извне	Появление городищ, вооруженность
Эмиграция полная (или почти полная)	Исчезновение памятников данной культуры в ее ареале и появление их в другом
Эмиграция частичная с разделением (отпочкование колоний)	Появление памятников данной культуры в новом ареале при сохранении их и в старом
Эмиграция частичная (удаление избытка населения – молодых)	То же, но в новом ареале не все её традиции налицо
Эмиграция частичная (уход воинов в поход, удаление изгоев религиозных, этнических или социальных)	То же, но в новом ареале главным образом её военные или другие особые комплексы и традиции
Поэтапное передвижение на дальнее расстояние	Могут остаться памятники и находки на промежуточных территориях
«Марш-бросок» на дальнее расстояние	Никаких следов на промежуточных территориях
Обходная миграция	Следы одной из мигр. групп на территориях других
Кооперированная миграция	Таких следов нет
Перемещение в соседнюю местность	Смежность территорий обеих культур
Военный поход	Находки оружия, опустошение местности
Контакт на границе ареалов	Дисперсия находок культуры за ее границы с другой
Иммиграция – постепенное просачивание (торговцев, брачующихся, рабов, наёмной рабочей силы, поселенцев, кочевников)	Соответствующие находки и комплексы убывают в числе по мере удаления от границы
Иммиграция – вторжение	Местонахождения пришлой культуры равномерно покрывают всю территорию
Инвазия (военный захват, завоевание)	Гибель крепостей и посёлков, следы осады и штурма, упадок культуры
Захват власти небольшой группой воинов или кочевников	Выделение богатых погребений по чужеродному обряду плюс антропологические данные
Изменение мигрантов под воздействием новой среды	В комплексах пришлой культуры примесь местных черт
Абсорбция пришельцев	Только ранние комплексы пришлой культуры чистые, в остальных преобладание местных черт
Сосуществование пришельцев с аборигенами	Комплексы обеих культур вперемежку
Ассимиляция местных жителей	В местных комплексах всё больше черт пришлой культуры
Подчинение местных жителей	Комплексы пришлой культуры – оружием и в центре, вокруг – местной и без оружия
Вытеснение местных жителей	Исчезновение местных комплексов в прежнем ареале и появление их вне его
Разреживание аборигенной популяции	Уменьшение густоты встречаемости местных комплексов
Истребление прежних жителей	Исчезновение местных комплексов и замена их пришлой культурой

Схема археологического проявления миграций: соотношения между видами миграций, их составными компонентами и археологическими следами (Клейн Л.С., 1999, с. 67)

с археологическими следами (в широком смысле) и эти две колонки сомкнуты, на деле... такого сугубого соответствия нет, потому что события и вещи живой культуры не отлагаются в археологическом материале такими, какими они были. Между событиями, как и вещами, живой культуры и их археологическими следами огромное расстояние во времени и множество разрушительных и искажающих процессов и факторов. Одинаковые события и вещи могут привести к разным археологическим следам, а остатки от разных событий и вещей могут столь упроститься и обедниться, что приобретут одинаковый вид <...> дабы избежать усложнения, на таблице совершенно не показаны те иные, не миграционные события (трансмиссионная диффузия, конвергентные местные инновации и т.п.), в которых могли участвовать по отдельности те же компоненты, которые в другом сочетании образуют миграцию. Не показаны и те иные компоненты, от которых могли остаться те же археологические следы. Доказательство и реконструкция миграции гораздо сложнее, чем это может представить любая схема, но схема позволяет ориентироваться в многообразии фактов и выбрать оптимальный путь доказательства и реконструкции» (Клейн Л.С., 1999, с. 68).

II

Действительно, несмотря на многие продемонстрированные самим Клейном трудности и проблемы, его схема в конечном счете убеждает в том, что реконструкции миграций по археологическим материалам возможны. Это важное заключение подкрепляется обширным арсеналом объективной информации, получаемой при использовании в археологических исследованиях естественнонаучных методов. Особенно продуктивны комплексные доказательства на основе палеогенетических заключений. Тем не менее устоявшиеся в отечественной исторической науке представления пока радикальным образом не изменились, миграции и методы их изучения сравнительно редко попадают в поле зрения археологов.

Стоит остановиться на одном примере. В 2002 г. мне пришлось быть оппонентом диссертационного исследования К.Н. Тихомирова (2002) о миграционных процессах на территории Западной Сибири. Поэтому необходимо было не только детально ознакомиться с представленными там результатами, но и разобраться, в каком состоянии находится система изучения миграций в археологии. Оказалось, что

К.Н. Тихомиров поднял целый пласт проблем, требующих дальнейших специальных разработок, осмыслений и верификации. Сложность их очевидна, но пути преодоления имеются, и начинать следует с анализа имеющихся культурно-хронологических построений разного уровня. Попытку такого рода исследования в рамках изучения материалов Западной Сибири от эпохи бронзы до средневековья включительно как раз и предпринял К.Н. Тихомиров.

Немного переработанная диссертация была опубликована позднее в виде монографии (Тихомиров К.Н., 2007), что открывает каждому желающему возможность для более широкого ознакомления с полученными автором наблюдениями, которыми фиксируются конкретные случаи исторически обусловленных миграций. В монографии в историографическом ключе осуществлен анализ научных направлений в изучении феномена миграции, выделены факторы, способствовавшие перемещениям людей, сопутствующим и последующим трансформациям культуры. Сильной стороной исследования К.Н. Тихомирова является разноплановое рассмотрение связанных с миграциями изменений в культуре. Также им предложена методика выявления и изучения миграционных процессов на примере такого обширного региона, как Западная Сибирь. Кроме того, в работе К.Н. Тихомирова подчеркивается наличие особенностей в каждом случае археологического проявления миграций, необходимость учета социальных показателей при реконструкции миграций. По совокупности всех представленных наработок данный опыт вполне может быть использован в дальнейшем изучении миграций по археологическим источникам.

Исследовательская практика показывает, что труднее зафиксировать локальные проявления миграций, нежели глобальные. Зато во втором случае от археологов требуется хорошее знание материалов, происходящих из разных и порой сильно удаленных друг от друга регионов. Примером этого может стать не так давно выдвинутая А.А. Ковалевым (2011) и широко им транслируемая гипотеза о миграции групп населения в начале третьего тысячелетия до нашей эры с территории современной Франции на Алтай. А.А. Ковалев назвал ее «Великой чемурчекской миграцией», используя название эпонимного памятника в Синьцзяне, давшего название археологической культуре или общности. Именно в Китае обнаружены погребальные комплексы, конструкция которых и находки

в них приводятся в доказательство справедливости сформулированной гипотезы. Породив заметные дискуссии, обозначенная тема дала новый толчок к изучению археологических памятников Джунгарии, Восточного Казахстана и Монгольского Алтая. К настоящему времени появилась целая серия публикаций с материалами, полученными с этой территории (Древнейшие европейцы в сердце Азии, 2014; 2015), их мультидисциплинарное изучение продолжается.

Еще раньше широкому обсуждению подвергались миграционная теория происхождения скифов и другие теоретические модели аналогичного плана, опять привлекающие внимание ученых (Шер Я.А., 2017).

III

Основные культурно-хронологические схемы для Алтая и Верхнего Приобья, да и для других регионов Сибири, в свое время предложил М.П. Грязнов (1930; 1939; 1956; и др.), последовательно реализовавший в них идеи одного из своих наставников, С.А. Теплоухова (Тишкин А.А., 2007, с. 43–45, 52–58). Все они стабильно автохтонные, подразумевают местное развитие сформировавшихся в разное время социумов, которые адаптировались к соответствующим природным условиям и развивались под воздействием внутренних и внешних факторов. Миграционные процессы при этом не отрицались и учитывались, но их роль не считалась доминирующей даже при явной смене погребального обряда, многих элементов материальной культуры и других сфер системы жизнедеятельности. Такой подход был характерен не только для М.П. Грязнова, но и для других археологов предыдущих поколений, в том числе зарубежных. Л.С. Клейн (1999, с. 53–54) в упоминавшейся выше статье назвал его «наивным автохтонизмом». При этом ни в коем случае не следует чрезвычайно категорически критиковать его сторонников: они сделали много полезного, исходя из условий своего времени, имевшихся в их распоряжении археологических источников. Не их вина, что моделирование на узколокальном материале, по-видимому, не дает возможности для реконструкции миграционных процессов. Для их понимания необходимо существенное расширение круга исследований в рамках сравнений по макрорегионам, а не только, как это делалось раньше, в рамках отдельных групп памятников или археологических микрорайонов.

Перемещения и смена населения хорошо выявляются в *относительно закрытых* локальных зонах. Например, в горах Алтая, где археологами по материалам обследований и раскопок фиксируется резкая смена материальной культуры и погребально-поминальных традиций, что свидетельствует о приходе нового населения. В результате происходит трансформация предыдущих традиций или полное их замещение (см. рис.).

Рассмотрим имеющиеся примеры на основе современного культурно-хронологического понимания исторического развития древнего и средневекового населения Алтая. При этом отметим, что в настоящее время значительное внимание привлекают и процессы освоения данной горной территории в палеолите, реконструируемые в недавно вышедшем трехтомном издании с характерным названием «Три глобальные миграции человека в Евразии» (Деревянко А.П., 2015; и др.).

Наиболее остро обсуждается проблема происхождения афанасьевской культуры периода энеолита. В пользу миграционной концепции формирования этой общности высокорослых европеоидов приведено уже много различных доказательств. Однако для целостной картины требуется обобщающее исследование и серия палеогенетических заключений. Остаются вопросы, связанные с установлением места, откуда было предпринято движение, и причин такой подвижки. Неясна до конца судьба этого народа, оставившего своеобразные памятники, которые существенным образом отличаются от объектов периода ранней бронзы. Правда, на Алтае эти памятники зафиксированы совсем в небольшом количестве, однако их много на сопредельных территориях, и причиной появления многих из них, по мнению А.А. Ковалева (2011), как раз и являлась миграция европеоидного населения с далеких западноевропейских областей. Причем таких миграционных волн было, по-видимому, несколько, и начались они в энеолите. Характерные признаки прихода нового населения на юг Западной Сибири обнаруживаются в процессе изучения памятников елунинской археологической культуры, относимой к периоду ранней бронзы (Кирюшин Ю.Ф., 2002; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005).

История Алтая периодов развитой и поздней бронзы парадоксальным образом не наполнена археологическим содержанием.

До сих пор для середины и второй половины II тыс. до н.э. из-за отсутствия соответствующих памятников и достаточного количества материалов, необходимых для обобщения и анализа, не обозначена какая-либо культура. В то же время на сопредельных территориях к западу и северу фиксируется значительное количество уже хорошо изученных археологических культур. Наиболее известная среди них – андроновская.

В аржано-майэмирское («раннескифское») время появляется население, которое явно мигрировало на Алтай, постепенно осваивая данный регион. Какие-либо местные корни его не просматриваются, а попытки связать с афанасьевской общностью периода энеолита не выдерживают критики (Тишкин А.А., 2007, с. 98–102; 2011, с. 273–275). Основную территорию Алтая с конца IX и до второй-третьей четверти VI в. до н.э. занимали ранние кочевники. Оставленные ими памятники объединены в бийкенскую археологическую культуру, в развитии которой выделяется несколько этапов. Причины изменений были разными и до конца еще не выяснены, но очевидно, что на каждом из этапов имело место и внешнее воздействие, обусловленное приходом нового населения. При этом облик культуры в целом не сильно менялся, но вносились различные, хорошо фиксируемые особенности. Что касается майэмирской культуры того же времени, то уровень ее изучения пока не дает возможности для аналогичных заключений. Всё же ясно, что, мигрируя на Алтай, майэмирское население частично занимало горные, предгорные и степные пространства в основном к юго-западу, западу и северо-западу от Центрального и Северного Алтая, где доминировали «бийкенцы».

IV

«Генетический сбой» исторического плана пришелся на вторую половину VI в. до н.э., когда на Алтай пришла орда, радикально изменившая всю предыдущую этнокультурную ситуацию (Тишкин А.А., 2007, с. 150). Изменения произошли во всех сферах системы жизнеобеспечения проживавшего населения. Речь идет о пазырыкской культуре, достаточно изученной и хорошо известной. Общество того времени было полиэтничным, но вместе с тем консолидированным. Достаточно четко фиксируются границы этого объединения: они не выходили за пределы горной страны, обо-

значаемой как Алтай. Пазырыкское объединение тоже было подвержено внешним влияниям, но осуществлялись они не как следствие прихода нового населения, а в ходе многовекторного и различавшегося по формам взаимодействия с другими народами.

Следующая причина смены населения и культуры – это военная экспансия хунну/сюнну. Северный поход шаньюя Модэ в самом конце III в. до н.э. и другие события того времени, хорошо известные по письменным источникам, изменили этнокультурную ситуацию. На Алтае формируется новая культура, прошедшая в своем развитии несколько этапов. На раннем из них, наряду с другими ее характерными чертами, еще заметны незначительные автохтонные черты, но затем наблюдается стабильное развитие новой общности, получившей название булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., 2007, с. 158–184). Ее изучение показывает ситуацию, отчасти схожую с той, что была на Алтае в аржано-майэмирское время. Когда население стабильно развивается в автохтонном режиме, радикально его культура не меняется, но раз за разом привносятся инновации, и они-то главным образом и определяют специфику материальной культуры. В данном случае сказалась особенность местоположения Алтая в полупериферийной зоне кочевых империй Внутренней Азии (хунну/сюнну, сяньби, жужани) раннего железного века. Можно говорить об одной из убедительных иллюстраций к хорошо известной мир-системной концепции Иммануила Валлерстайна.

Классические примеры глобальных миграций дает эпоха так называемого Великого переселения народов. Впрочем, она более актуальна для истории и археологии Европы IV–VII вв. В Центральной Азии имели место свои миграционные процессы, которые также привели к существенным изменениям. Особое значение имел распад крупных кочевых объединений хунну/сюнну и сяньби, а также империи Хань в Китае (Тишкин А.А., 2007, с. 166–167). Свидетельства письменных источников того времени находят соответствия в археологических материалах.

Еще один исторически зафиксированный миграционный процесс связан с формированием тюркской общности. Известно, что в 460 г. жужани переселили на Алтай 500 семейств Ашина, которые позднее консолидировали вокруг себя относительно разрозненные племена булан-кобинской культуры и провозгласили новое

объединение с самоназванием «Тюрк». При этом, не являясь социумом, доминирующим количественно, они внесли важные изменения и использовали имевшиеся ресурсы для создания мощной кочевой империи – Первого (Великого) Тюркского каганата. Владения его были чрезвычайно обширными, а влияние оказалось так велико, что от него осталось до сих пор живое историческое наследие в виде тюркских языков. Важно отметить один из фактов, фиксируемых археологически, – миграцию части тюрков на север от Алтая в Верхнее Приобье. Она положила начало формированию новой общности, памятники которой объединяются специалистами в сросткинскую археологическую культуру (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 54–70). В связи с этим стоит обратить внимание на такое явление, как тюркизация, понимание которого часто не совсем адекватно отражает исторические реальности. Этот многогранный процесс не следует связывать с различными формами прямых миграций самих тюрков, сравнительно немногочисленных и до XII в. проживавших все время лишь на Алтае (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 7–41). Археологическим проявлениям «тюркизации» населения Западной Сибири посвящена специальная статья Д.Г. Савинова (2016), добавим, что эта актуальная тема требует не только учета исторического контекста, но и междисциплинарных (в том числе молекулярно-генетических) исследований.

К сожалению, не все исторические факты подтверждаются материальными доказательствами, находимыми в ходе раскопок. Так, например, письменным известиям об уйгурском господстве в Центральной Азии пока не соответствуют какие-либо основательные археологические источники. Что касается кыргызского влияния и конкретного присутствия кыргызов на Алтае, то о них свидетельствует целая серия памятников (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011, с. 71–84). И напротив, пока не засвидетельствована реальными археологическими объектами и/или находками культура найманов, хорошо известных по письменным данным. Хотя, судя по всему, именно в процессе завоевательных действий найманов тюрки Алтая были подчинены, а в результате походов монголов окончательно сошли с политической арены. В монгольское время на Алтае фиксируется совсем другое население, проживавшее дисперсно, о чем свидетельствует небольшое количество

археологических памятников (Тишкин А.А., 2009). По всей видимости, остатки тюркского и другого ближайшего населения были вовлечены в военные кампании новой кочевой империи, что отразилось на этнокультурной ситуации.

Следующий «генетический сбой», обусловленный разными причинами, среди которых доминировал природный фактор, пришелся на постмонгольское время.

V

Такой, благодаря археологическому изучению материальной культуры и применению естественнонаучных методов, которые наиболее активно задействованы для установления хронологии и реконструкции природной среды, представляется в общих чертах современная картина этнокультурного развития одного конкретного региона. Очевидно, что в истории Алтая миграции играли ключевую роль. В то же время следует еще раз подчеркнуть, что фиксации миграций и оценка их значения возможны только при сопоставлении знаний по многим макрорегионам или культурно-историческим областям.

В завершение необходимо отметить одну мысль, отражающую весь смысл данной работы: миграции – одно из важных направлений археологических исследований, и они находят свое отражение в массе фиксируемых материальных и других источников. Это направление имеет свои особенности, а при его изучении перед археологами возникают свои специфические проблемы. Вместе с тем практически все проявления переселений, имевших место в древнейшей, древней и средневековой истории, отнюдь не уникальны по формам, а во многом и по содержанию. Именно поэтому без их знания сложно оценивать современные миграционные процессы, прогнозировать их последствия. Возьмем ли мы современную ситуацию в Европе или другие миграционные феномены нашего времени, чтобы понимать их и управлять ими, нужно хорошо знать историю. К сожалению, на протяжении длительных временных периодов и для многих регионов она оказывалась бесписьменной, поэтому особую значимость обретают археологические научные материалы. И пусть их изучение и интерпретация, как и прежде, сопряжены с большими трудностями, продолжающийся научный поиск практического и теоретического плана и мультидисциплинарный подход обеспечивают ныне воз-

возможность для объективных реконструкций исторических миграций, а значит – и для корректного использования их опыта при обращении к миграциям современным.

Алексей Тишкин

12.2. Теория миграций в Германии: обзор дискуссий во Франкфуртской школе

Социология миграции в Германии исследует прежде всего ее социокультурные аспекты, т.е. типичные формы восприятия и осмысления ситуации миграции переселенцами, а также взаимное культурное влияние пришлого и коренного населения. Также выявляется соотношение *аккультурации* и *ассимиляции* мигрантов. Как известно, первый процесс ведет к формированию сложной идентичности, не предполагающей отказа от прежней культурной и национальной идентичности мигрантов, так что типичные представители переселенцев становятся посредниками между культурами. Второй процесс подразумевает постепенное поглощение «импортированной» культуры культурой новой родины. Обсуждаемая проблема такова: являются ли аккультурация и ассимиляция двумя этапами единого процесса, или картина значительно сложнее?¹

Другая проблема: трудности при дифференциации миграции и мобильности людей. По определению социолога Людгера Приса, «миграция весьма способствует генерации и укреплению транснациональных социальных пространств» (Pries L., 2001, p. 7). В свою очередь, наличие этих пространств, располагающихся между зонами постоянного местожительства населения с относительно низкой территориальной мобильностью, облегчает и стимулирует миграцию тех, у кого мобильность высокая. Как правило, это – высококвалифицированные работники. В мире глобального капитализма именно они, свободно перемещающиеся на транснациональном по своей природе рынке труда, играют всё большую роль. Для них самих принадлежность к группе работников высокой квалификации нередко важнее национальной или территориальной идентификации. Они владеют двумя и более языками, вступают в межнациональные браки, завязывают и поддерживают интернациональные

¹ См.: Esser H., Friedrichs Jü., 1990; Siegert A., 2011; Sievers I., Griese H., Schulte R., 2010.

коммуникативные связи, особенно интенсивные благодаря интернету. И они не испытывают прочной, нерушимой привязанности к часто ими сменяемым местам проживания, становясь постоянно перемещающимися *трансмигрантами*. В отличие от «классических» мигрантов, критерием принадлежности к трансмигрантам является не смена места жительства, а *Dasein* – форма существования личности, притом существования в движении. В этом смысле можно говорить о возрождении на новом уровне понятия кочевничества.

Миграция всё больше разделяется на два потока, тяготеющих, сообразно социальному статусу мигрантов, к разным полюсам. На одном полюсе – люди, свободно делающие выбор, мигрировать им или нет, и свободно выбирающие страну/страны переселения. Это те же трансмигранты, учебные мигранты и лица, заключающие межнациональные браки. На другом полюсе – те, кто отправляется в эмиграцию вынужденно: бедняки, ищущие вознаграждающей занятости, и беженцы, спасающие жизни. Для осмысления этих двух миграционных потоков требуется совершенно разная методология (Butterwegge Ch., 2008).

Наконец, проблема идентичности. Тут интересны результаты проведенных Андерсом Зигертом в 2008 и 2011 гг. исследований поведения в Германии выпускников российских университетов. У квалифицированных русских полного разрыва с российской культурной идентичностью не происходит, чаще образуется гибридная или бикультурная идентичность¹. А циркулирующие в социальных сетях истории миграции облегчают дальнейшую мобильность, так как переносят образы и представления об обществе, являющимся потенциальной целью миграции. Создается пространство психологических проекций и известный в науках о сложных системах эффект положительной обратной связи (Siegert A., 2011, p. 977–995).

В целом можно утверждать, что разные мигрантские сообщества в разной степени резистентны по отношению к немецкому обществу:

¹ По собственному опыту длительного проживания во Франкфурте-на-Майне знаю, что сохранению русской идентичности мигрантов служат различные специализированные институты. Это и немецко-русский детский сад «Незабудка», предоставляющий детям отличное бикультурное образование и готовящий их к школе, и активно работающая религиозная община православной церкви за рубежом. Это также культурное сообщество, некогда образовавшееся вокруг издательства «Посев». Издательство, переехав в Москву, заглохло, а сообщество живо и занимается в основном организацией встреч русскоязычного эмигрантского общества Франкфурта с творческими людьми, находящимися в Германии.

кто-то проявляет готовность к ассимиляции, кто-то сохраняет свою идентичность, причем как ригидную, так и комплексную, предполагающую синтез различных идентичностей. Да и сами члены этих сообществ неоднородны по целям и социальному статусу. Пожалуй, именно высококвалифицированные мигранты выказывают самую сложную социокультурную идентичность. Впрочем, об этом говорил еще Конфуций: благородный человек ни за кем не следует и в то же время остается со всеми в гармонии, низкий же человек поступает наоборот.

I

Очертив круг проблем, занимающих немецких социологов миграции, коротко расскажем о самой иммиграции в Германию на современном этапе. При этом я буду основываться на информации, содержащейся в документальном фильме немецкой телекомпании Zdf (Reportage..., 2015).

Сегодня в Германии проживает больше мигрантов, чем когда бы то ни было, и в связи с этим возникает вопрос об исходящей от них криминальной опасности. Создатели фильма констатируют, что в Германии действуют хорошо организованные банды из Восточной Европы. Они «специализируются»: например, на квартирных кражах, иногда даже совершают вторжения в частные домовладения при находящихся там хозяевах. Только в двух случаях из ста эти преступления раскрываются, и дело доходит до осуждения бандитов. В фильме профессор криминологии Х. Пфайфер замечает, что решающий фактор, определяющий принадлежность к преступному сообществу, – не происхождение, а социальные условия, формирующие личность. Если мигрантам, склонным к интеграции, и коренным жителям предоставляются равные шансы, чтобы сделать карьеру, то среди первых преступников вряд ли будет больше, чем среди вторых.

Телекомпания провела небольшой эксперимент, показавший, что до равенства шансов далеко: молодой актер разослал резюме для устройства на работу в гостиницу от имени Михаила (созвучно немецкому Михелю) и Ахмада (турецкое имя). Михаил получил вдвое больше приглашений к собеседованию, чем Ахмад. Затем репортер, загримировавшись под турка, пошел со скрытой камерой на собеседование. Женщина – потенциальный работодатель отклонила все предложения «Ахмада» и в конечном счете ему отказала, а когда актер раскрыл себя, не смогла вразумительно объяснить причи-

ну отказа. Подтвердилось, что немецкое общество далеко не всегда может преодолеть многочисленные предрассудки и предоставить даже квалифицированным мигрантам рабочие места, сопоставимые с теми, на которые претендует коренное население.

Между тем мигранты нужны Германии. Тот же Пфайфер приводит в фильме данные демографического прогноза, согласно которым 100 современных немцев сумеют родить и воспитать только 68 детей и 47 внуков, что ставит под вопрос нормальное функционирование рынка труда и сохранение существующей пенсионной системы. До 2040 г. будет потеряно до 1/3 трудоспособного населения – от 10 до 20 млн человек. В связи с этим работники социальных служб часто говорят, что главную надежду они возлагают на второе поколение мигрантов. Действительно, среди поступающих в немецкие университеты доля мигрантов остается стабильно высокой, что свидетельствует о том, что в большинстве своем они стремятся к трудовой жизни, а не к жизни на социальные пособия.

В 2015 г. в Германии насчитывалось 8 млн. 652 тыс. «иностранцев» – лиц, не имевших немецкого гражданства, причем 21% населения Германии имел миграционное происхождение. Еще примерно у 4 млн было двойное гражданство, т.е. в категорию «иностранец» они не попадают (*Anzahl der Ausländer in Deutschland...*, 2015)¹. Профессор Л. Херварц-Эдлер привела такую цифру: каждый второй ребенок – из эмигрантской семьи. Если нынешние демографические процессы сохранятся, то через 50 лет численность коренного и пришлого населения в Германии сравняется. Поэтому профессор П. Коллер из Оксфорда поясняет, что спрашивать надо не то, сколько мигрантов необходимо и «не перегружена ли лодка», а сколько нужно квалифицированных мигрантов и как идет процесс интеграции. Миграция не нужна, если она неудачна. А чтобы она была удачна, мигрантские сообщества не должны быть закрытыми, должны вовлекаться в интенсивные языковые и культурные контакты с местным населением. Самым важным является даже не компенсирующий эффект миграции – восполнение ею нехватки трудоспособного населения, а долгосрочный эффект, заключающийся в шансах на *повышение уровня демократичности принимающего общества вследствие взаимообогащения культур*.

¹ Автор выражает благодарность В. Чеховскому (Потсдам) за эти данные.

Эта мысль осталась неразвитой в фильме. Однако она дает прекрасное основание для перехода к дискуссии о мультикультурализме, развернувшейся во Франкфуртской школе еще в начале 1990-х гг.

II

Инициировал дискуссию канадский философ Ч. Тэйлор, обобщивший в своей статье опыт канадской провинции Квебек. Там языком делопроизводства признаны одновременно французский и английский. В то же время законодательные нормы провинции предписывают, чтобы дети эмигрантов посещали франкоязычные школы, а в англоязычные школы могут поступать только дети переселенцев из англоязычной части Канады. Нет ли здесь нарушения основополагающих для либерализма прав личности на саморазвитие и на свободный выбор? По мнению Тэйлора, для решения этого вопроса мы, вслед за законодателями Квебека, должны предположить существование двух видов либерализма. Один подразумевает *субъективные права и свободы*, другой ориентирует общество на сохранение *коллективной идентичности* и даже на искусственное ее *воссоздание в будущем* (ведь эмигранты-выпускники франкоязычных школ еще только *будут* говорить по-французски). Тэйлор считает, что в определенных случаях второй вид приоритетен относительно первого, например, когда надо проводить меры по сохранению общества, сильно пострадавшего в прошлом, тем самым возмещая долг перед ним (применительно к Канаде имеются в виду индейские сообщества). Еще один случай имеет место тогда, когда сохраняемое сообщество вносит огромный и незаменимый вклад в мировую культуру (здесь уже имеется в виду франкоязычное сообщество Квебека). Но чтобы доказать этот тезис, требуются особые исследования с позиции философской герменевтики, когда у участников исследований формируется особая установка на «сплавление горизонтов» своей собственной культуры и чужой. То есть – на органичное усвоение мировоззрения Другого, позволяющего посмотреть на самоочевидности своей культуры со стороны. Причем результаты таких исследований нельзя предвосхищать, иначе получится ограничение свободы: исследователи могут прийти и к негативным выводам, не сумев рассмотреть в другой культуре чего-то ценного, что может обогатить человечество. Тогда либерализм второго вида окажется под вопросом (Taylor Ch., 2009, S. 11–68).

В ответ Юрген Хабермас иронично заметил, что Тэйлор подходит к эмигрантским субкультурам по аналогии с биологами, стремящимися к сохранению биоразнообразия на Земле. Ссылаясь на результаты своих многолетних исследований коммуникативных процессов в обществе в целом и на их роль в формировании демократического правового государства, он вообще оспаривает правомерность выделения либерализма второго вида. По Хабермасу, личная автономия в нравственном смысле, которую и защищает либерализм в форме защиты прав человека, и коллективная автономия участников демократических практик самоуправления в своем собственном государстве – это две стороны одного диалектического процесса. Без обеспечения реальной коллективной автономии невозможны никакие ответственные и самостоятельные действия человека, реализующие его неповторимый творческий потенциал. Следовательно, быть защищаемым от дискриминации достойно любое сообщество, поскольку личности могут сформировать свои качества и стать самими собой только в нем. Что конкретно это означает в плане миграционной политики? Хабермас придерживается социал-демократической позиции: немецкая нация – из тех, кто больше всех выиграл от миграции в XX в., без 14 млн. иностранных рабочих послевоенное экономическое чудо в ФРГ было бы невозможно. Надо продолжать активно привлекать мигрантов, но не только в качестве квалифицированной рабочей силы, как подразумевалось находившимися во время дискуссии у власти христианскими демократами. Германия должна содействовать формированию более гуманных межгосударственных отношений в глобальном масштабе. Гостеприимство представителям других стран будет иметь долгосрочные последствия для укрепления культурных связей между народами, через деятельность международной коммуникативной общественности будет способствовать формированию свободного и справедливого общества в масштабе человечества. Миграционная политика тем самым получает возвышенную и благородную отдаленную цель, которую нельзя забывать из-за погруженности в дела текущего момента (Habermas Jü., 2009, S. 123–163)¹.

Ученик Хабермаса Райнер Форст в своей книге «Толерантность в конфликте» развил идею о самоценности каждого эмигрантского сообщества в мире мультикультурализма, исходя из своей концеп-

¹ О том же Хабермас говорил во время моих личных встреч с ним, последняя была в январе 2017 г.

ции «права на оправдание». По Форсту, только те общественные нормы могут быть оправданы разумом и потому – рационально мотивировать людей к действиям, которые *не могут быть совместно отклонены* в ходе дискуссий между представителями сообществ с различными и даже противоположными точками зрения. Надо найти нормы, устраивающие всех, в отношении которых не будет предложено поддержанных опять-таки всеми аргументов для их отклонения, нормы, которые будут универсальными и в то же время конкретными для каждого из сообществ. Далее, ту или иную субкультуру в мультикультурном мире нельзя дискриминировать или ассимилировать не потому, что каждая из них вносит вклад в культурную сокровищницу человечества, а потому, что если какое-то сообщество подвергается негативному воздействию извне, то его члены испытывают постоянные *опыты подавления и унижения*. А их нельзя оправдать никакими разумными аргументами – они вызывают к совести любого здравомыслящего человека. Отсюда вытекает содействие свободному развитию различных культурных сообществ внутри плюралистичного западного общества с целью таким косвенным образом помогать формированию личности особого рода, способной аргументированно отстаивать свою точку зрения в дискуссиях по морально-практическим вопросам. Именно установка на оправдание принципов своего собственного поведения перед другими сообществами и является целевым ориентиром для социализации в ситуации мультикультурализма, но вырабатывается этот ориентир только через конфликты и их разрешение посредством коллективной аргументации. Возникает множество форм личностной идентичности, что подразумевает способность каждого из носителей конкретной формы диалектически совмещать в себе универсальную идентичность и особенную. Первая складывается в ходе дискуссий между всеми гражданами демократического правового государства и побуждает следовать разумным нормам, в этих дискуссиях найденным. Вторая – вытекает из принадлежности к конкретному сообществу; она побуждает человека следовать нормам сообщества в дополнение к нормам государства в целом. Множественность локальных идентичностей гарантирует разнообразие, содержит в себе потенциал для дальнейшего развития дискуссий об универсальных моральных основаниях коллективной деятельности (Forst R., 2003, S. 686–689, 693–694, 698–699, 717–720).

III

Описанная выше дискуссия о мультикультурализме велась в годы, когда в Германию нахлынули эмигранты из бывшего СССР. В рекордный 1992 г. их число доходило до 1,5 млн (*Anzahl der Ausländer in Deutschland...*, 2015). Еще более сильная волна миграции обрушилась на Германию в 2015 г., когда число беженцев, в основном, из арабских стран достигло 2 млн. Как отмечает Буркхардт Либш, причина такого наплыва – в «разрушении целых государств», поэтому проблема неконтролируемой массовой миграции не может быть разрешена без создания нового глобального политического порядка. И минимальным условием для его установления Либш считает преодоление некоей исходной ситуации. Это ситуация, при которой массы людей и даже целые сообщества полностью лишены голоса при обсуждении политических вопросов и предоставлены самим себе как не относящиеся к нормальному социальному бытию. Какие-то политические решения не смогут быстро ее изменить, поэтому проблему миграции следует признать долгосрочной (Liebsch B., 2015a, S. 1–8, 20–23).

Какова методология гуманного отношения общества к мигрантам? Б. Либш с позиции христианской философии предполагает пройти между двумя крайностями. С одной стороны, это *культурный и социальный консерватизм*. Его сторонники рассматривают в качестве идеала укорененного в родной земле крестьянина и полагают, что современные западные города привели к потере чувства родины, к утрате преемственности исторической традиции. Следствие – образование господствующего социального типа, самим своим существованием придающего западной цивилизации временный, преходящий характер. Либш считает, что такое понимание человечества уподобляет его лесу, а человека – отдельному растению; по его мнению, оно таит в себе опасность притязаний на *эксклюзивное* обладание той землей, на которой рожден тот или иной народ, однако несовместимо с всеобщей характеристикой человека как существа временного, что хорошо выражает в себе христианство. Но нельзя полностью согласиться и с *постмодернизмом* и его предшественниками из еврейской академической среды, описывавшими опыт массовых депортаций и переселения во время и после Второй мировой войны: с их позиции, все мы, европейцы, яко-

бы уже давно стали *кочевниками*, не укорененными в устойчивой социальной реальности, и в любой момент готовы сменить образ жизни, профессию, окружение. Без относительной устойчивости жизненных условий человек не может развить свои способности, даже их осознать. Однако эта стабильность создается усилиями не только самого человека, она – продукт его *свободного принятия в мир живущими в мире людьми*, следствие *гостеприимства*, которое проявляют по отношению к нам члены социального сообщества, в котором мы проходим социализацию. С другой стороны, миграция также несет в себе гуманистическое содержание. Оно заключается в «кочевничестве» – в *свободе передвижения и узнавания новых жизненных перспектив*, при условии, что «кочевники» не претендуют на социальное пространство оседлых жителей, занимают свободные ниши в социуме и создают новые материальные блага и духовные ценности вместо того, чтобы претендовать на долю благ и ценностей принимающего общества. Лишь гармоничное объединение позиций «кочевников», не претендующих на мир оседлых, и оседлых, проявляющих достаточно гостеприимства, чтобы суметь интегрировать «кочевников», желающих стать членами «оседлого» сообщества, и позволит выработать стратегию решения миграционной проблемы. И если мы не будем двигаться в этом направлении, то потеряем всё (Liebsch B., 2015b, S. 83–96).

Если эту гуманистическую позицию Либша применить к социальной практике, то очевидно: ее автор ориентирует немецкое общество на долгую и самоотверженную работу по выстраиванию отношений гостеприимства с мигрантами, честно предупреждая, что лишь по достижении определенного уровня «взаимопритирки» возникнет эффект синергии, откроются новые возможности для развития. В конце концов, в 1960-е гг. правительство Германии, несмотря на довольно высокий уровень безработицы в стране, пустило на рынок труда массу людей с рабочими специальностями из Турции и Южной Европы; и именно эти люди во многом обеспечили «экономическое чудо», от которого выиграли и враждебные мигрантам безработные. В предстоящие десятилетия эффект синергии либо настанет, либо нет, ничто не может его гарантировать, но альтернативы интеграции мигрантов нет. Появились и гуманистически настроенные «кочевники» Либша: это высококвалифицированные мигранты, создающие новый технологический уклад, который бу-

дет означать массовое распространение NBICS-технологий¹ и начнет развиваться в 20-е гг. XXI в.

Похожие идеи высказываются и победителями конкурса философских эссе на тему «Каких и сколько беженцев мы должны принять?», объявленного Обществом аналитической философии Германии в сентябре 2015 г.² Так, занявший первое место Матиас Хёш рассматривает моральный долг помощи мигрантам по аналогии с долгом прохожего помочь человеку, тонущему в пруду. У людей, чье государство распалось из-за гражданской войны, нет иного выхода, как эмигрировать туда, где гарантировано удовлетворение хотя бы базисных потребностей. Европейцы должны принять мигрантов и потому, что в какой-то степени ответственны за распад данных государств. Да и сама глобальная система господства несправедлива: европейцы в ней выигрывают, значит, должны нести бремя помощи проигравшим. Кроме того, чем больше страна с относительно не густо заселенной территорией и чем богаче она природными ресурсами, тем большими возможностями она располагает для принятия мигрантов, следовательно, в затруднительных ситуациях должна быть налажена международная кооперация, предполагающая распределение мигрантов в зависимости от богатства того или иного принимающего общества. Это – с позиции морального долга, что касается реальности, то при решении вопроса о размере помощи беженцам необходимо тщательно учесть все факторы, определяющие положение в конкретных странах. Так, если основной поток беженцев приходится на Грецию и Болгарию, располагающих лишь ограниченными возможностями помощи, то их надо разгрузить. В целом модель Хёша напоминает выравнивание уровня жидкостей в сообщающихся сосудах, если понимать под сосудами государства. В самом сложном случае, когда соседние с Германией государства будут принимать меньше мигрантов, чем могли бы, Хёш допускает снижение жизненного уровня немцев, поскольку им всё равно придется решать проблему беженцев. Однако это снижение должно быть распределено на все слои населения пропорционально их благосостоянию, а основное бремя расходов в экстремальной ситуации должны понести состоятельные слои. Если же поток беженцев будет настолько мощным, что уровень жизни в стране

¹ То есть комплекса нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий, о нем см.: (Александров В.В., 2012).

² Сборник статей, написанных победителями конкурса, вышел в 2016 г. в Мюнхене, см.: (Welche und wie viele Flüchtlinge..., 2016).

упадет значительно, Германия автоматически утратит привлекательность в качестве места переселения, и тогда по принципу уменьшения разницы потенциалов уменьшится и число ищущих на ее территории лучшей жизни (Hoesch M., 2016). Хёш делает вывод: «...Мы должны, даже перешагивая пределы морального долженствования, без ограничения принимать тех, кто и так уже находится рядом с нашими землями. Мы ни в коем случае не вправе высылать беженцев туда, откуда они прибыли, так как они не смогут удовлетворить там свои базовые потребности, и принимать тех, кого мы не в состоянии перенаправить в другие государства, потому что те свои моральные обязательства пока не выполняют» (Hoesch M., 2016, S. 29).

IV

Разобранные в разделе подходы в одном отношении едины: придерживающиеся их немецкие интеллектуалы призывают: а) решать проблему миграции; б) решать ее последовательно; в) воспринимать ее решение как моральный долг перед людьми, находящимися в экстремальной ситуации. Что предполагает долгую и кропотливую работу над интеграцией мигрантов в немецкое общество – притом, что невозможно точно определить, какие ресурсы и в каком объеме для этого потребуются. Но только движение в данном направлении, а не решительные действия по высылке мигрантов или искусственное ограничение их притока позволит прийти к решению проблемы. Тогда реализуется шанс обогащения немецкого общества – как рабочими руками, так и, в перспективе, демократическими практиками взаимопонимания и усвоения новых культурных традиций. Эксцесов и неудач не избежать, надо лишь понимать, что они могут быть не только «болезнями роста» – болезнями преходящими, так как со временем мигранты привыкнут соблюдать правовые нормы немецкого общества, но и болезнями всего социального строя в контексте кризиса глобализации. В последнем случае простым правовым воспитанием и принуждением по отношению к правонарушителям не излечиться, потребуется реформирование основ мирового политического порядка через переосмысление самих базисных принципов мировой политики. Другими словами – реформирование мирового капитализма в глобальном масштабе в социал-демократическом направлении по рецептам Франкфуртской школы.

МИГРАЦИЯ ВО ВРЕМЕНИ: МЫСЛИ ВДОГОНКУ

Книга написана и отредактирована, в ходе редактирования не раз перечитана – и начинается «спуск по лестнице», когда самые неотразимые доводы в споре приходят в голову в тот момент, когда ты уже расстался с его участниками. Но мне представляется более привлекательной – и по смыслу, и по сдержанной эмоциональности – метафора Фернана Броделя в заглавии одной из его работ, цитированных мною в предисловии. Это английское слово «afterthoughts», которое я перевожу как «мысли вдогонку».

«Мысли» можно оформить в цельный текст, даже, как это сделал Бродель, в настоящую книгу, обладающую смысловым и логическим единством. А можно оставить их свободными – свободными в том смысле, что «вдогонку» отредактированному мною тексту они устремляются как хотят: выборочно, местами, не охватывая все ее главы и разделы. Так и построено предлагаемое заключение – не как строго организованный текст, завершающий книгу, а как совокупность четырех *loosely structured* мини-эссе. Отчасти это оправдывается тем обстоятельством, что и книга структурирована не жестко: авторам каждого раздела внутри глав была предоставлена большая свобода. В пределах избранной ими темы, ограниченной единственно необходимостью вписаться в достаточно широкие рамки той или иной части книги, они могли по своему усмотрению устанавливать тематические приоритеты и смысловые акценты – вплоть до ухода в области, скорее пограничные с миграционными сюжетами, чем непосредственно эти сюжеты собирающие. Другая причина дробности заключения объясняется тем, что я слишком

был стеснен заданным объемом монографии и сроками ее сдачи, чтобы замахиваться на связный текст, в котором ни одна глава книги не осталась бы без внимания.

Вместе с тем предлагаемые размышления по поводу отдельных сюжетов книги обладают функциональным единством – показывают, насколько плодотворно диалогичным оказывается даже элементарное соположение миграционных историй прошлого и настоящего.

Проекции в будущее versus следствия в прошлом

В структуре исторического миграционного процесса, взятого во всей его целостности, компонент следствий наиболее релевантен задаче определить значение особенностей современных миграций, что предполагает некоторую проекцию этих особенностей в будущее. Однако проективный поиск от порога известного, оставленного прошлым, к чему-то неизвестному, лежащему за пределами настоящего, оправдан далеко не всегда. Он имеет смысл лишь при типологическом сходстве ситуаций, возникших в результате прошлых миграций, с ситуациями, представляющимися начальными фазами того будущего, что последует нынешним миграциям. В свою очередь, обнаруженное сходство может считаться не случайным при условии тождественности одного или нескольких критериев типологизации исторических и современных миграций.

Вместе с тем соположение миграций «тогда» и миграций «теперь» на одну протяженную временную шкалу позволяет не только фиксировать однородность уже «ставших» сходств. Дополнительно открывается возможность и такого направления аналитического размышления по поводу общего разновременным миграциям, которое Михаил Эпштейн назвал *гипотетизмом* или *гипотетическим дискурсом*. В нем «дерзость посылок сопрягается с кротостью выводов, что делает этот тип мышления наиболее парадоксальным, взрывчатым, сравнительно с чисто дескриптивным (позитивистским) или чисто утопическим (идеологическим) мышлением, которые стремятся освободиться от внутренних противоречий ради наиболее эффективного взаимодействия с действительностью: ее описания или предписания» (Эпштейн М.Н., 2009, с. 17).

Возьмем феномен цифрового номадизма, рассмотренный М. Арпентьевой во втором разделе второй главы. Каков он есть сейчас, он точно изоморфен номадизму классическому в одном: в том, что частые перемещения в пространстве – базовый принцип существо-

вания и кочевников былых времен, и «кочевников» наших дней. Все прочие параметры – причины, цели и сопутствующие факторы миграций, социальный и культурный облик мигрантов, способы и контексты их кочевания и т.д. – не дают причислить телесские племена и жужаней или ойратов и казахов к тому же типу мигрантов, к какому принадлежат *Freischützen* программирования или дизайна. Можно даже сказать, что между кочевниками цифры и кочевниками степи не больше общего, чем между ноутбуком и стремениами, которых роднит только функция обеспечения самой возможности передвижений.

Вспомним, однако, некоторые описанные М. Арпентьевой, еще не утвердившиеся, но уже сейчас спорадически проявляющиеся социально-психологические последствия цифрового номадизма. Во-первых, исследователи фиксируют у новых кочевников нарушения базовых характеристик личной и социальной идентичности. Во-вторых, некоторые из них со временем утрачивают тот самый «ум» – присущую им неразрывность процесса жизни с обретением, усвоением и творческой переработкой всё новой и новой информации, – который и позволил им и в деятельности, и в образе жизни превзойти ограничения, налагаемые рутинной «оседлостью». Образно говоря, обозначилась угроза превращения доблестных рыцарей цифры в ущербных межеумков, теряющих свое былое превосходство перед теми жителями городов, что не стремятся к кочевничеству. Пусть она еще не стала тенденцией генеральной, но дополнительные доказательства в пользу того, что такое направление изменений возможно, приносит исторический опыт взаимодействия горожан и кочевников в Северной Африке, положенный Ибн Халдуном в основу его оригинальной концепции исторических циклов (см.: Бациева С.М., 1982). В самом деле, вот две ситуации. Современная – ситуация намечающейся утраты основания для «умного» превосходства цифровых номадов над не номадами. Историческая – ситуация постепенной эрозии городской жизнью триединства *асабийя – мурува – дин*¹, которым обосновывалось моральное и во многом обеспечивалось военное превосходство завоевателей-кочевников над изнеженными горожанами. Разве, при

¹ Асабийя – «родолюбие, привязанность к роду» = ориентация на общность по рождению; мурува – «мужество», «доблесть», «великодушие» = типизированные формы доблести; дин – «вера», «обычай», образ поведения» – идентификация с общиной единоверцев (Родионов М.А., 1988, с. 132–136).

всех социальных, культурных и средовых отличиях, вторая ситуация не является типологическим аналогом первой?

Ответ, равнозначный, надеюсь, «кроткому выводу» Эпштейна, представляется следующим. Да, определенное типологическое сходство имеется и оно таково, что допускает проекцию. Но проекция легко может трансформироваться в редукцию, и чтобы этого избежать, следует найти в истории взаимоотношений горожан и бедуинов *не реализовавшиеся альтернативы* халдуновским циклам и «проиграть» их в сопоставлении с взаимоотношениями ныне живущих цифровых номадов и их городского окружения.

Миграции: игры причин и следствий

В позднебронзовое время в Средиземноморье, в эпоху Великого переселения народов на территорию Римской империи, в Средние века в евразийских степях неоднократно действовала четырехзвенная модель «вторжение – завоевание – переселение – образование государства». Ее своеобразным поздним вариантом в Новое время можно, пожалуй, считать переселенческие колонии в Америке, Австралии и Новой Зеландии. Ведь и в них пространство для иммиграции создавалось, а ресурсная база осваивалась в ходе присвоения колонистами уже заселенных территорий посредством вытеснения аборигенов, их частичного, а то и полного истребления, подчинения, дискриминации и сегрегации. Там же и тогда, где и когда преобладающее значение получает nation-state – но в особенности после того, как этот тип государственности становится повсеместно преследуемым идеалом, – воцаряется прямо противоположная и значительно упрощенная, всего двухфазовая, модель: «образование государства “своих” – миграция за его пределы “чужих”». Свежий пример, наглядно представленный во вторых разделах шестой и седьмой глав, – постсоветские миграции из Центральной Азии. Но демографическая история Косово, где трансграничная миграция албанцев в 1940-х гг. предшествовала и способствовала спурту их естественного прироста, ставшего затем главным фактором численного преобладания косоваров в автономном крае¹, доказыва-

¹ См.: (Дмитриев А.В., Милиоевич С., 2010). Следует, на мой взгляд, добавить, что вряд ли оправданно говорить, как это делают авторы данной статьи, о демографической агрессии, – если только не толковать термин «агрессия», вообще-то предполагающий осознанное стремление к достижению захватнической цели, чрезмерно расширительно, подводя под него стихийный процесс.

ет, что и в наше время возможна первая модель, правда, в несколько модифицированном виде, когда завоевание сменяется инфильтрацией в сочетании с опережающим естественным приростом. Еще более причудливый вариант демонстрируют прибалтийские страны, в особенности Литва. Здесь образование государства «для своих» не привело к исходу «чужих»; наоборот, после интеграции этого государства в ЕЭС наблюдается массовая трансграничная миграция как «чужих» (направляющихся при этом в Европу, а отнюдь не на свою историческую родину в Россию), так и в первую очередь «своих» – литовцев (Население Литвы, 2016).

В то же время история миграций свидетельствует, что их причины и следствия не раз менялись местами, что целому ряду миграций, соответствующих и первой, и второй модели, свойственен эффект домино. Он хорошо просматривается на примере домонгольских миграций во Внутренней Азии и из нее (см. первый раздел второй главы). А также – в более позднем и частном случае Южной Сибири XVII в., где казахская *набеговая* миграция была производной от ойратской *завоевательной* миграции (первый раздел пятой главы). В современных миграциях четкую связь миграций «по цепочке» установить сложнее, однако и здесь есть примеры, не требующие усиленных разысканий. Один из них – отчетливо просматривающаяся во втором разделе седьмой главы казуальная сцепка внутренней сельско-городской миграции казахов после 1991 г. с внешней миграцией русскоязычных Казахстана.

Кроме того, примеры миграций исторических, но при этом вплотную примыкающих к современности и /или получающих в ней продолжение, – как, например, еврейская миграция в Шанхай (второй раздел первой главы) и иранская – в Германию (второй раздел десятой главы) позволяют поставить вопрос о зависимости результатов миграции, их устойчивости от причин принятия миграционного решения. Зависимость эта не всегда присутствует или не всегда настолько выражена, что ее удастся обнаружить, а ее сила может колебаться в широком диапазоне от слабого влияния до влияния определяющего. Причины же, в свою очередь, во многом определяются местом в отпусающем обществе питающей мигрантский поток социальной общности.

Миграционная политика: игры целей и результатов

Пример исторически недавней миграции предков гагаузов из Болгарии в Бессарабию, точнее, в Буджак (см. третий раздел пятой главы и второй раздел восьмой главы), довольно четко показывает две вещи.

Вещь первая: миграция может так активизировать этногенетический процесс, что впору говорить: она его запускает. Правда, в гагаузском случае потребовалось примерно сто лет жизни в новых условиях для того, чтобы накопились предпосылки выхода на поверхность подспудной этногенетики. Вещь вторая: для того чтобы миграция сыграла именно этногенерирующую роль, необходимы особые условия.

В гагаузском случае эти условия были следующими. Прежде всего, гагаузы переселялись на земли, насильственно очищенные от прежнего населения (ногаев), которое, не будь оно изгнано, было бы «неблагоприятным» (иноверческим) принимающим населением. Но раз оно было изгнано, значит, имелась сила, это совершившая и уже тем самым способствовавшая переселению гагаузов. Такой силой была Империя в фазе ее роста. Из этих двух исходных условий следовали два условия производных. Первое: на пустую землю можно было переселяться массой. Второе: на пустой земле можно было расселиться компактно. Благоприятным фактором можно считать и то обстоятельство, что другой массив переселенцев образовали в основном болгары, с которыми гагаузы имели длительный опыт культурной близости и относительно бесконфликтного сосуществования рядом, но все же наособицу. Фактически болгары и другие новопоселенцы Буджака были с гагаузами на равных по положению и в этом смысле составляли дробную и близкую среду, и не монолитную и чуждую. В таких условиях понадобилась всего два-три поколения, для того чтобы совершилась этническая консолидация и начался не просто процесс обретения этнического самосознания, а такой, в недрах которого вместе с ним и местами даже с опережением его пошел процесс формирования нации.

Гагаузский опыт чрезвычайно интересен в проективном отношении. Именно: не показывает ли он вариант эволюции диаспор, прямо противоположный расчетам на их будущую гражданскую интеграцию? Вариант, который может в определенных случаях

реализоваться в Европе? Конечно, столь ярко выраженной патерналистской политики с элементами позитивной дискриминации, какая проводилась с далеко идущими внешнеполитическими целями императорской Россией, в современной Европе ожидать не придется. Хорошо известно, однако, что цели, преследуемые государствами, и избираемые ими политические формы достижения целей не обязательно гарантируют ожидаемые результаты. В пространстве ЕЭС политика, направленная на гражданскую интеграцию мигрантов, держится на «китах» социальной поддержки, мультикультурализма и правовой инкорпорации¹, а имплицитно скрепляется идеалами толерантности и уважения прав человека. Однако в соединении с другими факторами она чревата непредвиденным кумулятивным эффектом, который воспрепятствует получению чаемых результатов либо в корне их извратит. Что это на деле происходит – пусть пока в ограниченных масштабах – доказывается появлением в крупных городах Западной Европы микроядер мигрантов второго-третьего поколения, которые, не пренебрегая социальной поддержкой и возможностью поравняться в правах с принимающим населением, право на культурную самобытность используют в качестве основания для принципиального отвержения европейских ценностей. Финальная фаза этой, не предполагавшейся архитекторами миграционной политики социокультурной эволюции – превращение таких мигрантов в террористов-исламистов (см. первый раздел десятой главы).

На первый взгляд, данная метаморфоза не имеет ничего общего с этногенетическим процессом. Однако нельзя исключить, что миграционная политика государств Запада, что сегодня содействует воспроизводству социальной базы терроризма в самой Европе, завтра, с образованием, пространственным расширением и уплотнением этнической однородности анклавов трансграничных мигрантов, не обернется национальной консолидацией, расцветом новых национализмов и сепаратистскими движениями. В конце концов, в число причин, запустивших косовский сепаратизм, входила и политика югославского государства во времена Тито (Миграция и безопасность, 2000, с. 164).

¹ В первую очередь имеется в виду все более распространяющаяся в ЕЭС практика наделяния резидентов-неграждан избирательным правом. См. в связи с этим: (Баубёк Р., 2016).

Миграции и политкорректность

Нельзя не согласиться с Игорем Ивановым (2006), когда он называет «глубоко ошибочными» утверждения о том, что миграция является «неизбежным злом», сопутствующим глобализации современного мира». Бывший министр иностранных дел РФ правильно предостерегает от генерализаций при оценке сложного феномена, *современного* авторам оценок. То есть феномена, не отделенного от наблюдателя временной дистанцией, с которой видны и те последствия миграции, что с близкого исторического расстояния плохо или вообще неразличимы. В то же время «глубоко ошибочным» представляется другой тезис И. Иванова: «взаимодействие культур, обогащение человеческого капитала за счет иммиграции *всегда было и остается* (курсив мой. – С.П.) мощным стимулом прогресса, обновления и в конечном счете повышения конкурентоспособности цивилизаций и отдельных государств» (Иванов И., 2006). Здесь – та же самая редуцирующая генерализация, подмена взвешенного вывода на основе анализа противоречивого фактического материала «правильным» заклинанием. Только вместо алармистской мантры звучит мантра политкорректная.

Политкорректность учит, что в ситуации спора между большинством и меньшинством предпочтителен выбор в пользу меньшинства. Она же запрещает ранжировать различные культуры, так что, как минимум, люди образованные обязаны и во сне помнить, и бодрствуя повторять, что все культуры равноценны, и ни в коем случае не задумываться о том, что не слишком велико расстояние от этого красивого постулата до нейтрального отношения к таким проявлениям равноценной культурной самобытности, как каннибализм или обрезание девочек. И что «нейтральность радикального равенства есть не что иное, как *законное низложение морали*» (Грей Д., 2003, с. 48). Кроме того, в своих надзорных практиках ревнители политкорректности руководствуются убеждением, что ради ее сохранения в неприкосновенном виде лучше вообще некоторые щекотливые вопросы не затрагивать¹. А коли уж они всё равно на слуху, следует помнить, что замечаемые «обывателями» сущности

¹ О том, какие это может иметь последствия, хорошо показано на примере проблемы исламистского терроризма (см.: Наваз, 2017).

с конфликтным потенциалом людьми высокого ума должны почти-таться видимостями.

Попытки высказать сомнения относительно этих догм и практик чреватy: к скептику будет приклеен ярлык ксенофоба, а то и расиста. Сужу по собственному опыту. В конце 1990-х гг. на семинаре по кавказофобии в Московском центре Карнеги зашла речь и о антисемитизме и его причинах. Я в своем кратком и отнюдь не юдофобском выступлении напомнил мысль Ханны Арендт о том, что группа, попавшая в положение козла отпущения, «не перестает нести свою долю ответственности только потому, что оказалась жертвой несправедливости и жестокости мира» (Арендт Х., 1996, с. 38). Спустя буквально пару недель, будучи в командировке в одном сибирском городе, я случайно услышал, как люди, меня в лицо не знавшие, говорили о приезде «известного антисемита Панарина».

Переводя вышесказанное, так сказать, на рельсы миграции, получаем следующее. Раз принимающее население составляет большинство, а мигранты – меньшинство, в конфликтных ситуациях больше и чаще виновато первое, а не вторые. Раз традиции, ценности, нормы поведения, которые «гости» приносят с собой, не подлежат оценке со стороны «хозяев», все они имеют полное право на существование до тех пор, пока мигранты сами от них не откажутся. Следовательно, я был не прав, защищая от побоев – поведения, вполне согласующегося с традициями патриархального кочевого общества, – девушку-киргизку. И раз какие-то неудобные вопросы, например, касательно самосегрегации некоторых групп мигрантов, их суггестивной ретрадиционализации, их воинствующего отношения к культурным нормам принимающего общества, короче, всего того, что может вывести их на тропу террористической войны с этим обществом, подымать нельзя, значит, таким вопросам нет места на исследовательском поле.

Влияние политкорректности прослеживается и в нашей книге в некотором различии между авторами текстов об исторических миграциях и авторами, написавшими о миграциях современных. Первые явно чувствовали себя свободно во всем – в постановке темы и фокусировке поиска, в выводах и общей тональности написанного. Вторые не были столь же свободны, как минимум, в одном пункте – стоило им перейти к адаптации и интеграции мигрантов, как в центре их внимания оказывались, как правило, помехи той

и другой со стороны принимающего общества. Как раз тут и сказывалось влияние политкорректности, сковывающее исследовательскую свободу, хотя при этом, скорее всего, не осознаваемое.

Проявлялось оно по-разному. Это могло быть сосредоточение на достоинствах принимающего общества – ссылки на волонтерскую поддержку мигрантов, на сочувственную позицию и помощь со стороны церквей и даже на примеры отказа от вековых традиций, кои, не дай Бог, могут задеть религиозные чувства мигрантов. В этом отношении показателен третий раздел главы XI. Или же акцент делался на предвзятом, недружелюбном отношении к мигрантам – здесь можно сослаться на первый и второй разделы той же главы. Разумеется, их авторы не вносят ничего личного; они лишь выявляют и анализируют то, что содержится в собранном ими полевом материале. Другое дело, что, следуя прочно утвердившейся парадигме, они сосредоточились на восприятии «хозяевами» «гостей», а не на таком поиске причин этого восприятия, который не ограничился бы стереотипами первых и равное внимание уделил бы и поведенческим нормам вторых. Объединяет же обе эти позиции то, что ими мигранты лишаются субъектности, только по-разному: в первом случае воспринимаются исключительно как несчастные объекты различных сил и обстоятельств, выталкивающих их по месту выхода, во втором – объективно существующими воплощениями неприемлемой инаковости по месту прибытия.

Чтобы выбраться из тупика произвольной объективации, надо сосредоточиться на *взаимодействиях* проходящих и принимающих. Ведь и феномен миграции в целом интересна субъектам, и каждый персонаж миграционной драмы является ее актером-актрисой, сохраняет, меняет, развивает свою субъектность всегда посредством интереса субъектности, т.е. посредством совместной «игры» с другими персонажами¹.

Сергей Панарин

¹ В данном случае я в своих рассуждениях отталкиваюсь от кратких характеристик объективного, субъективного и интереса субъективности, предложенных Ювалем Харари (2017, с. 143).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абашин С. «Горячее лето» 2013: выборы и миграция // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В.И. Мукомель; НП «Центральный дом адвоката»; Московское бюро по правам человека. М.: Academia, 2014. С. 20–30.
- Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции // Восток на Востоке, в России и на западе: трансграничные миграции / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 159–176.
- Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть: онлайн-издание. 2012. №12. С. 1–19. URL: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2012--12/71249233.htm> (дата обращения: 13.11.2015).
- АВИИУ – Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. 1951. №2. С. 257–294; №3. С. 205–252; №4. С. 283–305.
- Александров В.В. Инфокоммуникация: конвергенция технологий NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) // Информационно-измерительные и управляющие системы. 2012. Т. 10, №5. URL: <http://sial.iias.spb.su/files/NBICS.pdf> (дата обращения: 17.04. 2017).
- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: ОГИЗ, 1941. 464 с.
- Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 464 с.
- Алексеева Н.Н., Гатинский Ю.Г., Арутюнов С.А. Азия // Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2005. Т. 1. С. 292–293.
- Алексеенко А. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества / Ин-т мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК – Лидера Нации. Астана; Алматы, 2016. 144 с.

- Алексеев А.Н., Байхонова С.З. Внутренние миграции и эволюции городского пространства Республики Казахстан // Востокведные исследования на Алтае. 2015. №7. С. 203–208.
- Алов А.А., Владимирова Н.Г. Ислам в России. М.: Ин-т наследия, 1996. 122 с.
- Алпатов В.М. О соотношении исконных и заимствованных элементов в системе японского языка // Вопросы языкознания. 1976. №6. С. 87–95.
- Алпатов В.М. О сосуществовании исконной китайской и английской подсистем в системе современного японского языка // Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ. М.: Пробел-2000, 2002. С. 96–112.
- Алпатов В.М., Арешидзе Л.Г. Гайрайго в современном японском языке // Лексические заимствования в языках зарубежного Востока. М.: Наука, 1991. С. 33–45.
- Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966. 280 с.
- Анализ и рекомендации, касающиеся глобальной угрозы со стороны иностранных боевиков-террористов / Организация Объединенных Наций, документ №S/2015/358 от 19.05. 2015. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 12.10.2016).
- Андреев Ю.В. Дорийское завоевание. Историческая проблема в свете археологии. СПб.: Нестор-История, 2015. 219 с.
- Аникин Н.В. Проблемы этнической идентификации гагаузов Молдавии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 37 с.
- Анцупов И.А. Переселенческое движение и устройство колонистов // История и культура гагаузов: очерки / под ред. С.С. Булгара. Комрат; Кишинэу: Pontos, 2006. С. 89–99.
- Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2004. 288 с.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Артемьев А.Р. Древнемонгольские города Восточного Забайкалья XIII–XV вв. // Movement in Medieval North-East Asia: people, material goods, technology / Vladivostok International Symposium 2005. Vladivostok: [б. и.], 2005. Vol. 1. С. 11–30.
- Артюхин Ю.Х. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой зямтани» в Золотой Орде и возникновения Азака // Боспорские исследования. Симферополь: Таврический ун-т им. В.И. Вернадского, 2010. Вып. XXVI. С. 315–334.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

- А.С. О причинах нежелания жителей Бессарабской области строить церкви (перепечатка из Таврических Епархиальных Ведомостей, в разделе «Бессарабская старина») // Кишиневские епархиальные ведомости. 1891. №6. С. 196–199.
- Ахметжанов А. О русском сознании в Казахстане // Свобода слова. 2008. 11 дек.
- Ахметзянов М. Татарские этнонимы по данным татарских шеджере // История татар Западного Приуралья. Т. I: Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: колл. монография / науч. рук. Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 448–452.
- Бадюкова Е.Н. История развития Северного Прикаспия и дельты Волги // Океанология. 2010. Т. 50, №6. С. 953–960.
- Байпаков К.М., Пешков Ю. Раскопки усадьбы средневекового Каялыка // Труды Центрального музея Казахстана. Алматы: Гылым, 2004. Т. I. С. 207–213.
- Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX в. Новосибирск: Гео, 2011. 214 с.
- Балдано М., Галиймаа Н., Кириченко С. Монголы в Южной Корее: миграция и адаптация // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 64–84.
- Балмасов С.С. Палестинский фактор в сирийском конфликте / Ин-т Ближнего Востока. 25.09.2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15637> (дата обращения: 22.10.2016).
- Банзаров М. Буряты в Южной Корее // Буряад Унэн. [Б.д.]. URL: <https://burunen.ru/site/news?id=51> (дата обращения: 30.04.2017).
- Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л.: Гидрометеоздат, 1989. 236 с. URL: <http://archeo73.ru/klimat/barash3.htm> (дата обращения: 04.01.2017).
- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / ред.-сост. Е.Ч. Скржинская. Л.: Наука, 1971. 274 с.
- Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. URL: https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/79662-netokratiya-novaya-pravyashaya-yelita-i-zhizn.html (дата обращения: 20.02.2017).
- Батцэрэн Ц.-А. Монголия: влияние трансграничной трудовой миграции на воспитание детей // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 35–45.
- Баубёк Р. Трансформация демоса. Нормативные принципы предоставления избирательного права резидентам и гражданам, проживающим за

- рубежом // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. статей / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М.: Дело, 2016. С. 19–54.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Баярцэнгэл Б. Гэрлэлт цуцлалтын тоо: Гэр бүл цуцлалтын шалтгаан ба гэрлэх нас // iKON next horizon, 10–14.05.2016. URL: <http://www.ikon.mn/p/uom> (дата обращения: 11.10.2016).
- Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1927. 200 с.
- Бациева С.М. Бедуины и горожане в Мукаддима Ибн Халдуна // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. / отв. ред. О.Г. Большаков. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1982. С. 311–356.
- Баччи Л.М. Демографическая история Европы: пер. А. Миролобовой. СПб.: Александрия, 2010. 304 с.
- Бежкович А.С., Могиланская С.Н. Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 253 с.
- Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX в. // Ислам, общество, культура: мат. Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (к 600-летию ислама в Сибири)» / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск: [б. и.], 1994. С. 26–28.
- Белова Е.В. Миграционная политика на юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871). М.: Рос. гос. открытый техн. ун-т путей сообщения, 2004. 230 с.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Бенюк В., Волков Э., Степанюк В. История политических учений: учеб. и метод. пособие / Ин-т междунар. отношений Молдовы. Chişinău, 2016. 688 с.
- Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физической географии. 1934. Т. 1, вып. 1. С. 11–64.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 380 с.
- Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 5. С. 48–101.
- Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция. Сущность и явление. (Библиотека психолога). М.: Изд-во Моск. социал.-психол. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2007. 296 с.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л.: Гидрометеоздат, 1983. 241 с.

- Бочкарева И.Б., Панарин С.А. Трансграничные мигранты в восприятии российских студентов (по материалам экспресс-опросов в трех университетах) // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 107–124.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / пер. с франц. Л.Е. Куббеля. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
- Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX в. М.: Вост. лит-ра, 2001. 240 с.
- Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, №1. С. 111–123.
- Бурнакова Е.В. Приаралье: экологический кризис – социально-экономический кризис – миграция – угрозы политической стабильности? // Вестник Евразии. 2002. №3. С. 150–173.
- Буряты в Южной Корее // Vkontakte. URL: <https://vk.com/club11568611> (дата обращения: 13.09.2016).
- Важдаева Н. Корейское счастье буряты // Лайф. 16.08.2016. URL: <http://03grb.ru/news/493437> (дата обращения: 07.12.2016).
- Варущенко С.И., Варущенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Известия АН СССР. Сер. географ. 1984. №4. С. 61–69.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Макс Вебер. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43–77.
- Вейнбергс И.Г., Ульет В.Г., Розе В.К. О древних береговых линиях и колебаниях уровня Аральского моря // Вопросы четвертичной геологии. Рига: Зинатне, 1972. Вып. 6. С. 69–88.
- Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе. Проблемы дешифровки и интерпретации. М.: Вост. лит-ра, 1995. 160 с.: 146 илл.
- Вертоградова В.В. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х гг. на Кара-тепе (первая публикация) // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Вып. V: Основные итоги работ 1974–1977 гг. М.: Наука, 1982. С. 134–159.
- Вертоградова В.В. «Неизвестное письмо» в многоалфавитном пространстве древней Бактрии // Петербургский Рериховский сборник / отв. ред. Р.Б. Рыбаков; сост. Ю.Я. Цыганков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. Вып. 5. С. 129–148.
- Вилков О.Н. Социальная структура сибирского города XVII в. // Известия Сибирского отделения АН. Сер. общественных наук. 1970. Вып. 2, №6. С. 30–36.
- Вильгельм Г. Древний народ хурриты: очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992. 158 с.

- Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря // Природа. 1927. №10. С. 774–786.
- Война в Сирии – изменение климата как одна из причин восстания // Energy Safe. 20.08.2012. URL: http://energysafe.ru/environment/climate_change/1000 (дата обращения: 29.05.2017).
- «Восточный Ноев ковчег» для 30 тыс. еврейских беженцев (3万犹太难民的“东方诺亚方舟”) // Xinhua wang. 28.08.2015. URL: http://news/xinhuanet.com/mrdx/2015-dx/2015-08/28/c_08/28/c_134564920.htm (дата обращения: 10.10.2016).
- Вощинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1917. 86 с.
- Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. [Б.д.]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 15.10.2016).
- ВЦИОМ Пресс-выпуск №3072. Мигранты на российском рынке труда: за и против. 30.03.2016. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> (дата обращения: 17.03.2017).
- ГААК – Государственный архив Алтайского края. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41.
- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 289–303. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gavrilov_Russkie_mus.pdf (дата обращения: 20.12.2015).
- Гадаадад байгаа монголчуудын хөрөнгө оруулалт // Mongolradio.com. 01.10.2016. URL: http://mglradio.com/home/index.php?mid=erchuud&page=1&listStyle=list&document_srl=72614 (дата обращения: 21.10.2016).
- Галиймаа Н. Мигрантуудын гэр бүл: тулгамдаж буй асуудлууд. Улаанбаатар хот, 2016 (гар бичмэл).
- Галиймаа Н. Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. Нестор-История, 2016. С. 19–34.
- Гарутт В.Е., Юрьев К.Б. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949–1959 гг. // Археологический сборник. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. Вып. 1. С. 80–82.
- Гашков И. Прошай, Берлин // Expert Online. 19.09.2016. URL: <http://expert.ru/2016/09/19/berlin/> (дата обращения: 05.01.2017).
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Вост. лит-ра, 1996. 328 с.
- Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с. + 12 цв. илл.

- Гохман И.И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Вып. 3. Сер.: Востоковедение. 1960. С. 166–173.
- Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, №4. С. 31–50.
- Грей Д. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности / пер. с англ. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2003. 368 с.
- Грек И. Этнодемографическая и этноязыковая политика Российской империи в Пруто-Днестровском междуречье в XIX – начале XX в. // Русин. 2012. №1 (27). С. 69–79.
- Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири / Общество изучения Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 12 с.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. Т. 2. С. 399–411.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. (Материалы и исследование по археологии. №48). 162 с. + прил.
- Губогло М.Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (к вопросу о происхождении гагаузов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 14 с.
- Губогло М.Н. Адаптации: от инфантилизма к мобилизму // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2: Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период: мат. II Российско-Молдавского симпозиума, посвящ. проблеме «Адаптации культуры и культура адаптации», Комрат, 20–21 апреля 2007 г. М.: Старый сад, 2007. С. 11–23.
- Гумилёв Н.С. Шестое чувство. СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. 352 с.
- Гусева Ю.Н. Проблема хаджа российских мусульман в решениях и документах советских государственных органов (1923 г.) // Форумы российских мусульман: ежегод. науч.-аналит. бюлл. / под ред. Д.В. Мухетдинова. М.; Н. Новгород: Медина, 2012. №8. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5709> (дата обращения: 12.07.2016).
- Гэсэр гэртээ харих уу? // Mongolcom.mn. 01.06.2016. URL: <http://mongolcom.mn/read/32150> (дата обращения: 11.11. 2016).
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 112 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I: Иволгинское городище. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. 287 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2004. 202 с.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- «Девять ворот» расскажет о чешских евреях, бежавших в Шанхай // Radio Prague. 29.08.2016. URL: <http://www.czech.cz/ru/Life-Work/«Девять-ворот»-расскажет-о-чешских-евреях,-бежавших-в-Шанхай> (дата обращения: 25.04.2017).
- Деминцева Е.Б., Пешкова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. №597–598. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (дата обращения: 17.03.2017).
- Демографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / под ред. Н.С. Айдапкелова; Комитет Мин-ва нац. экономики РК по статистике. Астана, 2016. 195 с.
- Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2015. 612 с.
- Державин Н.С. Болгарские колонии в России. Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии. София: Державна печатница, 1914. 233 с.
- Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Советская этнография. 1937. №1. С. 80–87.
- Дивер Д. Двенадцатая карта. М.: АСТ, 2005. 544 с.
- Дивер Д. Разбитое окно. М.: АСТ, 2010. 117 с.
- Дмитриев А.В., Милиоевич С. Демографическая агрессия: косовский прецедент и ситуация в России // Историческая психология и социология истории. 2010. №2. С. 28–48.
- Долуханов П.М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. II. С. 38–42.
- Домашние работники в России и Казахстане. Оценка положения домашних работников на рынках России и Казахстана / науч. ред. Ж.Д. Зайончковская / ООН Женщины. Алматы: ExLibris, 2014. 120 с.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 128 с.
- Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчакский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: Лема, 2014. 416 с.
- Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчакский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: МИСР, 2015. 320 с.

- Древнемонгольские города / отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 372 с.
- Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 486 с.
- Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа (история Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э.: хурриты, лувийцы, протоармяне). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. 264 с.
- “Дэлхийн монголчууд” хутулбур. Засгийн газрын 2016 оны 1-р тогтоолын хавсралт // Legalinfo.mn. 1. 2016. URL: <http://legalinfo.mn/annex/details/7039> (дата обращения: 12.10.2016).
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С. 39–52.
- Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Наталис, 1996. 256 с.
- Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. 190 с.
- Дятлов В.И. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. №4. С. 6–16.
- Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского гос. унта. Сер.: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2014. Т. 10. С. 8–19.
- Дятловская Е. Производство пшеницы в Сирии сократилось вдвое // Агроинвестор. 2016. №11. URL: <http://www.agroinvestor.ru/regions/news/24698-proizvodstvo-pshenitsy-v-sirii-sokratilos-vdvoe> (дата обращения 02.12.2016).
- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент., прил. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.
- Евреи в Китае // Энциклопедия Китая. URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/626/715.html> (дата обращения: 25.04.2017).
- Евреи в Китае: причины ухода после 1949 и 1966 гг. (在中国的犹太人：1949年和1966年和1966年后离去的原因) // Lishi zhi jia. 24.01.2015. URL: https://www.lszj.com/zhongguoshiji/13940_5.html (дата обращения: 15.09.2016).
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с. URL: <http://annales.info/volga/egorov/egorov.htm> (дата обращения: 04.01.2017).
- Ермолова И.Е. Реверсивный эпизод миграции гуннов в Европу // Цивилизация и варварство. Вып. V: Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2016. С. 90–98.

- Есимова А.Б., Петровская А.В. Эмиграционные настроения русских на юге Казахстана // Российско-казахстанские отношения: страницы истории и перспективы: сб. мат. конф., посвящ. году России в Казахстане / под ред. А.И. Исмаилова. Шымкент: Полипринт, 2004. С. 37–41.
- Есимова А.Б., Полетаев Д.В. Проблемы адаптации мигрантов в Казахстане и России // Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: мат. Второго конгресса социологов Казахстана (Астана, 8 июля 2005 г.). Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2005. Ч. 2. С. 62–74.
- Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В., Доронина К.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции / науч. ред. Ж.А. Зайончковская / Уполномоченный по правам человека в г. Москве; РОО «Центр миграционных исследований». М., 2014. 120 с.
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше М.: МАКС Пресс, 2011. (Сер. спец. докл.). 100 с.
- Замятин Д.Н. Идеологические дискурсы и возрождение России // Государственная политика нацистроительства в современной России: мат. науч. семинара. М.: Научный эксперт, 2011. Вып. 2 (40). С. 89–93.
- Занятость населения в Республике Казахстан. Т. 2: Итоги переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство РК по статистике, 2010. 207 с.
- Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 39: Бессарабская область. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. Ч. 1. 582 с.
- Зеленев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. №1 (11). С. 113–122.
- Зимовина Е.П., Агаджанян В.С. Система миграционного взаимодействия Казахстана и стран Центральной Азии в постсоветский период // Этнографическое обозрение. 2012. №4. С. 108–125.
- Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1968. 73 с.
- Иванов И. Миграционный вызов требует глобального ответа // Независимая газета. 2006. 11 апр.
- Иванов И.В., Луковская Т.С. Проблемы СЕИ аридных и семиаридных областей Евразии в голоцене // Человек и природа: мат. VI науч. конф. «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 33–35.
- Иванов И.С. Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии (о нравственных нуждах болгар вообще) // Записки Бессарабского областного статистического комитета / под ред. А.Н. Егунова. Кишинев: Тип. обл. правления, 1864. Т. 1. С. 18–48.

- Иванов П.П. Очерки истории каракалпаков // *Материалы по истории каракалпаков: труды Ин-та востоковедения АН ССР. М.; Л., 1935. Т. VII. С. 9–89.*
- Иванов С.К. Правовое регулирование системы контроля за миграционными процессами в Российской империи в XVII–XVIII в. // *Вестник Чувашского университета. 2010. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-kontrolya-za-migratsionnymi-protsessami-v-rossiyskoj-imperii-v-xvii-xviii-vekah> (дата обращения: 04.05.2016).*
- Ивашенцов Г.А. Русская Корея // *Российские корейцы. 2012. №140. С. 8.*
- Иностранцев боевиков в ИГИЛ становится меньше – Пентагон // *Ящик Пандоры. 26.04.2016. URL: <http://pandoraopen.ru/2016-04-27/siriya-igil-poslednie-novosti-27-aprelya-2016/#14617103> 54 (дата обращения: 12.08.2016).*
- Интервью с А. Ланьковым. Южная Корея: страна гостевого режима // *Фонд Горчакова. Аналитика. 16.12.2016. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/9533/> (дата обращения: 12.02.2017).*
- Информация по этнической миграции на 1 октября 2015 г. / *Мин-во здравоохранения и социального развития Республики Казахстан. URL: <http://www.mzsr.gov.kz/ru/node/332244> (дата обращения: 05.10.2016).*
- Инь Шанси. Евреи в Шанхае: подлинная история видео «Спасибо, Шанхай» (尹上喜·犹太人在上海:《谢谢上海》背后的真实故事) // *Weixin. 10.09.2015. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4Mzc3NzYyOQ==&mid=210833602&idx=4&sn=d95f5491a7ea5e9eaf4a243a936a2d21 (дата обращения: 05.10.2016).*
- Иречек К. Ньколко бълбжкѣ върху остатоцитѣ от печенѣзи, кумани, както и върху тѣѣ нареченитѣ народи гагаузи и сургучи въ днешна България // *Периодическо списание на българско книжно дружество в Сръбдець. Год. VII. Кн. 32–33. Сръбдець: Държавна печатница, 1890. С. 211–241.*
- Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4291; Оп. 6. Д. 9679; Оп. 7. Д. 10673; Оп. 8. Д. 13353.
- История Железной империи / пер. и коммент. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии СО РАН, 2007. 356 с.
- Исхаков Д. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса // *История и культура татар Западной Сибири / гл. ред. З.А. Тычинских; отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Артифакт, 2015. С. 122–156.*
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. / *Госкомстат Республики Казахстан. Алма-Ата: Республ. информ.-изд. центр, 1992. Т. 3. 247 с.*
- Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г.: *аналит. отчет / под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство РК по статистике, 2011. 65 с.*

- Ишбулдина К.Р. Особенности колониальной политики Российского государства на примере сибирских бухарцев // Власть и насилие в западных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения: сб. ст. / под ред. Г.В. Лукьянова, А.Л. Рябинина, С.А. Рагозиной, И.А. Артемьева, В.О. Белевцовой. М.: Моск. гос. образоват. комплекс, 2016. С. 245–252.
- Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1998. 350 с.
- Кабузан В.М. Миграция в Российской империи // Отечественные записки. 2005. №4 (19). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=507> (дата обращения: 15.06.2016).
- Кадацкая Н. Немцы в миграционном обмене между Казахстаном и Германией: тенденции и перспективы // CAMMIC working papers no. 5. Center for Far Eastern Studies Univ. of Toyama, 2008. URL: http://www3.u-toyama.ac.jp/cfes/horie/CAMMIC-E/Publications_files/CAMMIC-WP5.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
- Казанаклий П. Твардица // Кишиневские епархиальные ведомости. 1873. №18. С. 664–669.
- Казахстан в 2009 г.: стат. ежегодник / под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство РК по статистике, 2010. 503 с.
- Кайратулы Б. Поколение гибридов опасно для нации // Казахский мир. 2012. 1 апр.
- Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. №7. С. 74–84.
- Квилинкова Е. Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев; Благоевград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии: (сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005. 308 с.
- Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007. 840 с.
- Квилинкова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. 390 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. 568 с.
- Квилинкова Е.Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев; Благоевград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.
- Квилинкова Е.Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат; София: Tip. Centrală, 2013. 872 с.

- Квилинкова Е.Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014. 472 с.
- Квилинкова Е.Н. Курбан у гагаузов (архаическая современность). Кишинев: Tip. Centrală, 2015. 488 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tip. Centrală, 2016. 732 с.
- Кетова Н.П., Овчинников В.Н. Институты развития в многоукладных экономиках периферийных регионов // Проблемы прогнозирования. 2014. №2. С. 68–76.
- Ким Г. Трудовая миграция из постсоветской Центральной Азии в Южную Корею. URL: [www.academia.edu/3458189/Герман_Ким_\(дата_обращения: 29.09.2016\)](http://www.academia.edu/3458189/Герман_Ким_(дата_обращения: 29.09.2016)).
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. 1. 288 с.
- Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2. С. 91–101.
- Киселев С.В. Древние города Забайкалья // Советская археология. 1958. №4. С. 107–119.
- Кисилиер М.Л., Федченко В.В. О языке новогреческой литературы // *Colloquia Classica et Indo-germanica–V* / отв. ред. Н.А. Бондаренко, Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвист. иссл.* / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VII, ч. 1). С. 409–444.
- Кишиневские епархиальные ведомости. 1906. №4. 55 с.
- Клейн Л.С. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук: докл. советской делегации. Чикаго, 1973). М.: Наука, 1973. 17 с.
- Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // *Stratum plus* (Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса). 1999. №1. С. 52–71.
- Клейн Л.С. История археологической мысли: в 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 626 с.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 215 с.
- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003 (Азиатика). 560 с.

- Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей от древности к новому времени. 3-е изд. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 423 с.
- Книга Большому Чертежу / подготовка к печати и редакция К.И. Сербинной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
- Книга Марко Поло / пер. И.П. Минаева. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1956. 376 с.
- Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник / под ред. Л.Б. Вишняцкого. 2011. №1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 183–244.
- Колесников Ю.С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2003. Т. 1, №2. С. 19–24.
- Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета 18 (31) августа 1907 г. // Хронос. Исторические источники. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190dok/19070818ru_gb.php (дата обращения: 21.04.2017).
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Конрад Н.И. О литературном языке в Китае и Японии // Вопросы языкознания. 1954. №3. С. 25–40.
- Конфликт с участием 200 человек произошел на Хилокском рынке в Новосибирске (Заголовок с экрана. – *Е.Ш.*) // Вести. Новосибирск. 11.07.2016. URL: http://www.nsktv.ru/news/obshchestvo/konflikt_s_uchastiem_200_chelovek_proizoshel_na_khilokskom_rynke_v_novosibirске_110720161451/ (дата обращения: 23.05.2017)
- Корейская культурная волна халлю – двигатель южнокорейской экономики // Окно в Корею. 31.01.2014. URL: <http://www.k-window.com/economics/korejskaya-kulturnaya-volna-hallyu-dvigatel-yuzhnokorejskoj-ekonomiki/> (дата обращения: 04.12.2016).
- Корейга баран эрэбин улэлии. 19.09.2016. URL: <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=4065487> (дата обращения: 30.04.2017).
- Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII в. Омск: Наука, 2011. 248 с.
- Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Советская археология. 1972. №4. С. 19–27.
- Косарев М.Ф. Миграции и переходные историко-археологические эпохи // Смены культур и миграции в Западной Сибири / отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 4–6.

- Косарева В.В. Понятия и признаки миграций и миграционных отношений // Юридическая наука: история и современность. 2014. №10. С. 118–122.
- Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука; Вост. лит-ра, 2014. 351 с.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгай-балгас. М.: Вост. лит-ра, 2011. 173 с.
- Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 августа 2012 г.). Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та. 2012. Вып. 3, т. 2. С. 381–387.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит-ра, 2006. 557 с.
- Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А.А. Смаилова. Алматы: Агентство РК по статистике, 1999. 210 с.
- Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика / пер. с англ. СПб.: Питер, 2004. 832 с.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 415 с.
- Кужелева-Саган И.П. Общество-Сеть. Эволюция представлений: концепции, образы, метафоры // Wolkenkuckucksheim. Воздушный замок: междунар. журнал по теории архитектуры. 2014. №32 (19). Р. 29–42.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. 2007. №1 (51). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ku18-pr.html#_ftn8 (дата обращения: 23.05.2017).
- Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2004. С. 127–157.
- Кульпин Э.С. Современный локальный социально-экологический кризис // История и современность. 2007. №1. С. 146–157.
- Культурное движение евреев Шанхая. (上海犹太人的文化活动) // Xinhua wang. 20.01.2003. URL: http://news.xinhuanet.com/book/2003-01/20/content_697718.htm (дата обращения: 29.10.2016).
- Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 1998. 295 с.

- Ланьков А. Южная Корея: страна гостевого режима // Росбалт. 10.12.2013. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/10/1209607.html> (дата обращения: 13.09.2016).
- Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме: мат. 11 ежегодного семинара «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов». 2–8 октября 2004 г., Ренн / под ред. Е.И. Филипповой, Р. Ле Коадика. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Наука, 2005. С. 78–104.
- Левада-Центр. Ксенофобия и национализм. 25.08.2015. Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. URL: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (дата обращения: 17.03.2017).
- Левада-Центр. Интолерантность и ксенофобия. 11.10.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/> (дата обращения: 17.03.2017).
- Лесков Н.С. Островитяне // Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 3. С. 5–192.
- Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1969. С. 47–82.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 150–390.
- «Любовь в Шанхайском Ноевом ковчеге». Отражение еврейского опыта побега от беды (爱在上海诺亚方舟) 反映犹太人在上海避难经历 // Dongfang wang. 04.05.2015. URL: http://news.eastday.com/eastday/13news/auto/news/china/u7ai3889955_K4.html (дата обращения: 17.09.2016).
- Малай К. Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1875. №20. С. 734–746.
- Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998. 222 с.
- Манов А.Й. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави: в 2 ч. Варна: Печ. Светлина, 1938. Ч. 1. 184 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 109 с.
- Малаявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века / под ред. В.Е. Ларичева. Новосибирск: Наука, 1980. С. 103–126.
- Малаявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981. 336 с.
- Малаявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск, 1989. 431 с.

- Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 317 с.
- Маруневич М.В. Курс лекций для вуза: «История гагаузского народа»: (учеб. пособие). Комрат, 2003. URL: http://dimp067.narod.ru/knigi/Istoria_Marunevici.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
- Масанов Н. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / под ред. Г. Витковской / Московский Центр Карнеги. М., 1998. С. 55–66.
- Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1984. 176 с.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Масанов Н. Я, Нурбулат Масанов. Сборник статей и интервью Н.Э. Масанова. Алматы: [б. и.], 2007. 393 с.
- Масловский А.Н. Восточные элементы в материальной культуре Азака и проблема миграций городского населения Золотой Орды // Поволжская археология. 2013. №4 (6). С. 180–191.
- Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII в. и первой половине XVIII в. // Труды Историко-археологического института. Т. XVIII: Материалы по истории народов СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 7. 631 с.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. 486 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. Вып. 1. 176 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М.: Наука, 1973. Вып. 2. 166 с.
- Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. / предисл., введ., пер. и коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Наука, 1974. 210 с.
- Матмуратов Д. Изменение климата и загрязнение окружающей среды в Каракалпакии // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива) / редкол.: Б.В. Андрианов, Н.Ф. Глазовский, Л.М. Левина, Л.А. Тимошук / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1991. С. 87–100.
- Мачинский Д.А. Скифия и Боспор. От Аристеев до Волошина (развернутые тезисы концепции) // Скифия и Боспор: мат. конф. памяти М.И. Ростовцева / под ред. Б.А. Раева / Музей истории донского казачества. Новочеркасск, 1993. С. 6–27.
- Машитлев Р.М. Мусульманский вопрос в региональной политике Кубанской области в конце XIX – начале XX в. // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербина и современность: сб. мат. XII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Н. Якаев. Краснодар: Акад.

- маркетинга и соц.-информ. технологий, 2012. URL: <http://zema.su/blog/musulmanskii-vopros-na-kavkaze-v-dorevolutsionnoi-rossii> (дата обращения: 15.08.2016).
- Международная миграция / Федер. служба гос. статистики. 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 03.12.2016).
- Мешерюк И.И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. / под ред. Я.С. Гросула. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1957. URL: kemenkiri.narod.ru/Mesheryuk.doc (дата обращения: 25.10.2016).
- Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панари-на / Моск. Центр Карнеги. М.: Интердиалект +, 2000. 342 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 638 с.
- Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв). М.: Академ-книга, 2002. 298 с.
- Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск: Мангазея, 1997. 208 с.
- Монголчууд гадаадад // www.orloo.info/community/groups/9879-munkulee (дата обращения: 12.10.2016).
- Монголчууд эх орондоо бус харьд баялаг бүтээсэр байх уу // Mongolnews.mn. 19.02.2013. URL: <http://mongolnews.mn/ul2> (дата обращения: 12.10.2016).
- Монголы – лидеры по числу нелегальных мигрантов в Южной Корее // Монголия сегодня. 22.03.2017. URL: <http://www.infpol.ru/news/asia/124982-mongoly-lidery-po-chislu-nelegalnykh-migrantov-v-yuzhnoy-koree> (дата обращения: 15.04.2017).
- Монгольские граждане в Южной Корее // Монголия сейчас. 23.07.2015. URL: http://news.mongolnow.com/23_07_03.html (дата обращения: 07.12.2016).
- Монгольские трудовые мигранты отправляют домой больше денег из Чехии, чем из России // Фергана.ру. 13.10.2008. URL: <http://www.ferganapnews.com> (дата обращения: 12.10.2016).
- Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, №1–2. С. 3–18.
- Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. XLIV, №1. С. 1–89.
- Минигалиева М.Р. Толерантность и мультикультурализм. Калуга: КГУ, 2012. 332 с.
- Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.
- Мустакимов И. «Внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных» (Татары-мусульмане глазами османских чиновников конца XIX в.) // Эхо веков. 2008. №2. URL: http://echoofcenturies.ru/2008_2/02/04/ (дата обращения: 24.10.2016).

- Наваз М. Исламизм и невежество. Как отрицание исламистской идеологии способствует террору // *ipg-journal*. 11.08.2017. URL: <http://www.ipg-journal.io/mnenie/statja/show/islamizm-i-nevezhestvo-327> (дата обращения: 15.08.2017).
- Нарожный Е.Н. Чжурчжэньские предметы эпохи средневековья на территории Северного Кавказа // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. №4 (32). С. 60–66.
- Население Литвы может сократиться до двух миллионов человек // *Демоскоп Weekly*. 18 апреля – 6 мая 2016. №683–684. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0683/mir01.php> (дата обращения: 21.08.2017).
- Население Южной Кореи // *Countrysmeters*. 29.04.2017. URL: http://countrysmeters.info/ru/Republic_of_Korea (дата обращения: 30.09.2017).
- Национальная политика России: история и современность / сост. Н.И. Наумова. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
- Национальный архив Республики Молдова НАРМ. Ф. 205: Кишиневская духовная дикастерия; Ф. 208: Кишиневская духовная консистория.
- Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4: Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. Алматы: Агентство РК по статистике, 2000. Ч. 1. 242 с.
- Немировский А.А. Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // *Восток (Oriens)*. 1999. №6. С. 5–15.
- Немировский А.А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // *Античность: общество и идеи: сб. ст. / отв. ред. О.Л. Габелко*. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 6–19.
- Немировский А.А. «Троянская дискуссия» в историографической перспективе: возможен ли определенный результат? // *Studia historica*. М.: МГПИ, 2002. Вып. II. С. 14–43.
- Немировский А.А., Габелко О.Л. Формирование вифинского этноса в Анатолии. Этническая история Вифинии // *Габелко О.Л. История Вифинского царства*. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. С. 55–92.
- Немировский А.А., Сафронов А.В. Кто погубил Хаттусу? // *Материалы девятнадцатых чтений памяти И.М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX»*. СПб.: Наука, 2015. С. 699–713.
- Нестерова И.Е. «Водная карта» в глобальном мире // *Вестник СПбГУ. Сер. 6: Политология. Международные отношения*. 2011. Вып. 3. С. 53–62.
- Ни В., Тонкобаева А., Ильясова А. Экологическая миграция и ее последствия для социальной политики на примере Кызылординской области: (рабочий отчет). 2013 // *Inform.kz*. URL: http://inform.kz/ru/za-24-goda-na-istoricheskuyu-rodinu-vernulsya-pochti-1-mln-etnicheskikh-kazahov_a2780983 (дата обращения: 12.10.2016).

- Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.
- Новосибирская область. 2016: стат. ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2016. 88 с.
- Носова С.С., Кужелева-Саган И.П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. №49. С. 85–96.
- Нуриманов И.А. Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской империи и христианского паломничества // Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии: мат. Первой Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. Н. Новгород: Медина, 2007. С. 228–234. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm (дата обращения: 30.10.2016).
- О привлечении и об использовании иностранной рабочей силы на территории Новосибирской области: анализ. отчет Министерства труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области. Новосибирск, 2015. 2 с.
- Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М.: ЦСУ СССР, 1928. 138 с.
- Одхүү С. Гадаад дахь монголчууд // News. mn. 27.05.2011. URL: <http://www.news.mn/r/68586> (дата обращения: 10.10.2016).
- Октябрьская И.В., Антропов Е.В. Современные этносоциальные процессы в развитии Новосибирска и Новосибирской области в контексте миграции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №2 (44). С. 349–366.
- Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П. Основные принципы и итоги изучения географии природных очагов туляремии в СССР // Методы медико-географических исследований. М.: Моск. филиал географ. об-ва СССР, 1965. С. 230–249. URL: <http://www.geographyintnu.com.ua/files/medical-geography-1965.pdf> (дата обращения: 18.04.2017).
- Оричев А.Б. Иран в политике нацистской Германии на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны (1933–1943): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2007. 45 с.
- Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Хар бух балгас ба туул голын сав дахь хятаны уеийн хот, суурингууд. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2005. 215 с.
- Павловский Е.Н. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. М.; Л.: Наука, 1964. 211 с.
- Пак Б.Б. Политика России в отношении Кореи в период пребывания Коджона в Русской миссии // Korea and Russia in Historical Perspective: Perceiving and Understanding Each Other. International Conference in

- Commemoration of the 20th Anniversary of the Korea–Russia Diplomatic Relations: мат. междунар. конф., Сеул, 16–17 сентября 2010. С. 67–114. URL: <http://www.eurasiahub.org/> (дата обращения: 19.12.2016).
- Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М.: ИВ РАН, 2013. 400 с.
- Пак Б.Д. У истоков российско-корейских отношений // Очерки истории Сибири / гл. ред. В.Г. Тюкавкин. Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1971. Вып. 3. С. 33–57.
- Панарин С.А. Предисловие: трансграничные миграции как предмет исследования // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 7–19.
- Панарин С. Социокультурные эффекты исторических и современных миграций // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. ст. / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М.: Дело; РАНХиГС, 2016. С. 249–262.
- Панарин С.А. Трансграничные миграции с Востока на Запад, в Россию и на Восток в прошлом и настоящем // Восток (Oriens). 2017. №3. С. 181–186.
- Паникарова С.В., Власов М.В., Чебодаев В.П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. 2011. №4. С. 53–57.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 384 с.
- Перси У. Граница в итальянском языке и культуре // Трансграничные вызовы национальному государству / авт. проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 57–70.
- Печура О.В. Этноэкономика региона: теоретико-методологический аспект // Вестник Челябинского ун-та. Вып. 24: Экономика. 2010. №3 (184). С. 56–60.
- Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Секрет фирмы, 2005. 327 с.
- Полетаев Д.В. Региональные аспекты незаконной миграции в Россию // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования) / МОМ; Бюро МОМ в России; под ред. Г.С. Витковской. М.: Гендальф, 2004. С. 45–160.
- Полетаев Д.В. Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. ст. / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. М.: Дело; РАНХиГС, 2016. С. 263–283.
- Полетаев Д.В., Олимова С.К., Насритдинов Э.З. Анализ конъюнктуры рынка труда в РФ в целях эффективного трудоустройства трудящихся

- мигрантов из КР и РТ (Трудовая миграция в РФ, КР и РТ). Исследование Тянь-Шанского аналитического центра Американского университета в Центральной Азии. Бишкек: ТАЦ АУЦА, 2016. 132 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ – с 1649 г.): [Собр. 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851; Т. II: 1676–1688. СПб., 1830. 974 с.; Т. IV: 1700–1712. СПб., 1830. 881 с.; Т. XVI: 1762–1765. СПб., 1830. 1016 с.; Т. XXII: 1784–1788. СПб., 1830. 1168 с.; Т. XXIII: 1789–1796. СПб., 1830. 969 с.; Т. XXVI: 1800–1801. СПб., 1830. 875 с.; Т. XXXVI: 1819. СПб., 1830. 735 с.; Т. XXXVIII: 1822–1823. СПб., 1830. 1354 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Вып. 1: Софийская летопись старшего извода. М.: Яз. рус. культуры, 2000. Т. 6. VIII, 312 с.
- Полное собрание русских летописей. Вып. 1: Рогожский летописец. 2-е изд. Пг.: Гос. археограф. комиссия РАН, 1922. Т. 15. XVIII, 216 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись / Императорская археографическая комиссия. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. III, 316 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись / Археографическая комиссия. Пг.: 2-я гос. типография, 1921. [III], 272 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. Книга Записная. М.: Наука, 1987. 381 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- Положение оралманов в Казахстане: обзор. Алматы: UNDP Kazakhstan, 2006. 33 с.
- Посол Кореи в Киргизии: «Назрела необходимость открыть прямой рейс “Сеул–Бишкек”» // News-Asia. 17.06.2016. URL: <http://www.news-asia.ru/view/9593> (дата обращения: 12.09.2016).
- Присёлков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / [под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.
- Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты и прогнозы / отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: КРАСАНД, 2011. 431 с.
- Птицын А.Н. Австро-венгерская иммиграция в Россию во второй половине XIX – начале XX в. и ее экономическое значение // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. №4/3. С. 173–181.
- Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб.: Алетей, 2009. 445 с.
- Пузанов В.Д. Русская военная политика и колонизация Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 568 с.

- Радаев В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. №5. С. 79–87.
- Радова О. Этническая идентификация задунайских переселенцев и расселение гагаузов в Буджаке (конец XVIII – начало XIX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова: (история и современность) / АН Республики Молдова, Ин-т археологии и этнографии. Кишинев: [б. и.], 2006. С. 269–288.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. 2. 315 с.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. 253 с.
- Риттер Э.А. Чака зулу. Возвышение зулусской империи. М.: Наука, 1968. 408 с.
- Регент Т.М. История управления миграционными процессами в царской России и СССР // Вестник Российского нового ун-та. 2011. №2. С. 54–60. URL: <http://vestnik-rosnou.ru/pdf/n2y2011/p54.pdf> (дата обращения: 14.09.2016).
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на Азиатских окраинах Российской империи // Политика. 2010. №3–4 (58–59). С. 150–191.
- Рерих Ю.Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. №6. С. 118–123.
- Реформы Александра II / сост. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит-ра, 1998. 460 с.
- Рико С. Хэ Фэншань. Китайский Шиндлер // Начало. 2017. №16. URL: http://www.promegalit.ru/public/19153_stas_riko_khe_fenshan_kitajskij_shindler.htm (дата обращения: 25.04.2017).
- Родионов Д. Бурятия ухитрилась создать угрозу миграционного кризиса в Корею? // Байкал Финанс. 27.05.2016. URL: <http://baikalfinans.com/ekonomika/buryatiya-uhitrilas-sozdat-ugrozu-migratsionnogo-krizisa-v-koree-27052016-14913353.html> (дата обращения: 30.04.2017).
- Родионов М.А. Голубая бусина на медной ладони. Л.: Лениздат, 1988. 144 с. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 113, 196, 214, 248.
- Ртвеладзе Э.В. К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандхаре // India and Central Asia (Pre-Islamic period) / отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Tashkent: Мир экономики и права, 2000. P. 145–149.
- Рудник С.Н. Всесловная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е гг. // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, №2. С. 80–91. URL: <C:/Users/Dell/Downloads/vsesoslovnaya-voinskaya-povinnost-i-voprosy-obrazovaniya-v-rossii-v-1870-1890-e-gody.pdf> (дата обращения: 25.10.2016 г.).

- Русских Л.В. Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. соц.-гуманит. науки. 2014. №2. С. 85–89.
- Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность, 2000. №5. С. 73–86.
- Савинов Д.Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом аспекте // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2016. №4 (42). С. 27–31.
- Садуакаскызы К., Кужамбердиева С.Ж., Абжалелов Б.Б., Боранбаева Л.Т., Жагыпар А., Жумагулов Т.Ж. Влияние колебания Северного Малого Арала на экологическую обстановку в регионе // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №6. С. 21–24.
- Сакович В.А. Национальная безопасность Республики Молдова в контексте современных процессов глобализации и интеграции: теория, методология, прикладной анализ: учеб.-метод. пособие. Кишинев: Tip. "Print-Caro", 2016. 516 с.
- Салларес Р. Экология древнего мира: проблемы и подходы // Вестник древней истории. 1995. №3. С. 80–102.
- Саркисян Д.Н. Страна Шубриа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1989. 116 с.
- Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // Вестник древней истории. 2006. №4. С. 124–139.
- Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. XIV: Устав о паспортах. Устав о цензуре и печати. СПб.: Рус. кн. тов-во «Деятель», 1912. 273 с.
- Селиверстова Ю.А. Влияние иностранной диаспоры на изменения социально-экономической жизни шанхайского общества 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2013. №2. С. 19–31.
- Селищев А.С. Русские и корейцы: опыт первых контактов (1854–1884). СПб.: Нестор-История, 2013. 256 с.
- Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. №2. С. 18–30.
- Сеульский вестник. URL: <http://www.vestnik.kr/> (дата обращения: 13.09.2016).
- Сибгатуллина А.Т. Контакты турок-мусульман Российской и Османской империи на рубеже XIX–XX вв. М.: Исток, 2010. 264 с.
- Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX в.: сб. док. / отв. ред. М.В. Шиловский; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2010. 261 с.
- Симбирцева Т.М., Левашко С.С. Архитектор Его Величества Короля Кореи. А.И. Середин-Сабатин (1860–1921) // Вестник Центра корейского языка и культуры / отв. ред. С.О. Курбанов. СПб., 2010. Вып. 12. С. 69–92.
- Сирия: справочник / отв. ред. В.В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука, 1992. 416 с.

- Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. Город Болгар в истории и культуре // Великий Болгар: атлас. М.; Казань: Феория, 2013. С. 16–29.
- Смагина Е.Б. Практическая грамматика коптского языка. М.: Изд-во Ин-та св. Фомы, 2016. 512 с.
- Солонго Ч. Гадаадад байгаа монголчуудын хүүхдүүдийн монгол хэлний боловсролын асуудлаар төрийн өндөрлөгүүдэд хандсан захидал. URL: http://mgleuro.com/public/posts_view.html/135402587123 (дата обращения: 12.11.2014).
- Социально-экономическое положение Сибирского федерального округа 2015 г.: стат. сб. / Федер. служба гос. статистики. М., 2016. 84 с.
- Список древнейших церквей Бессарабской губернии на основании собранных данных церковным историко-археологическим обществом // Кишиневские епархиальные ведомости. 1907. №45. С. 1576–1582.
- Ставиский Б.Я. Языки и письменности Кушанской Бактрии в свете данных археологии и нумизматики / АСТА ANTIQUA. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. Т. 25. Р. 212–219.
- Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.
- Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. М.: Логос, 2007. 144 с.
- Степанова З. Что буряты делают в Корее? // Ариг Ус. 29.01.2016. URL: <https://arigus.tvnews/item/79415/> (дата обращения: 07.12.2016).
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2006. 208 с.
- Стойков Н. (священник) Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени // Кишиневские епархиальные ведомости. 1910. №36. С. 1267–1280; №38. С. 1355–1366.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). М.: НИУ ВШЭ, 2015. 226 с.
- Субботина И.А. Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численности. Поиски и находки // Курсом изменяющейся Молдовы: мат. I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвящ. 40-летию этносоциологических исследований (25–26 сентября 2006 г., Комрат) / под общ. ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2006. С. 232–245.
- Сулеев Д. Гордиться хотелось бы, но чем? // Central Asia Monitor. 2015. 19–25 июня.
- Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // STUDIA TÜRCOLOGICA: Воронежский тюркологический сборник / под ред. М.В. Кирчанова. Воронеж: [б. и.], 2007. Вып. 7. С. 5–29.

- Сурнина Н.М., Печура О.В. Этноэкономика региона: цивилизационные основы и перспективы развития // Известия Уральского гос. экон. ун-та. 2009. №1 (23). С. 98–104.
- Сяо Сиань. Китайско-израильские отношения в контексте «одного пояса, одного пути» (肖宪·“一带一路”视角下的中国与以色列关系) // Piffle365. 10.04.2016. URL: <http://www.piffle365.com/plus/view.php?aid=117597> (дата обращения: 13.09.2016).
- Сү Жи Сан, Фэн Чзи. “Улаанбаатар”-аас “Улаанбээжин”хүртэл: “БЭЭЖИН ТАЙМС”. Сонин 2016оны, VII сар. No. 26 (5147). URL: https://www.forum.mn/forum_topics/discussion/scenario4_mongolian.pdf (дата обращения: 02.10.2016).
- Тан Пейцзи. Шанхай – город еврейских беженцев (唐培吉·上海—犹太移民城) // Тунцзи дасюэ сюэбао (同济大学学报). 1994. Vol. 1, №2. P. 57–61.
- Тен В.А. Миграция из России и стран Средней Азии в Республику Корея в 1990-е и 2000-е гг. // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2014. №5. С. 74–81.
- Тен М.Д. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Известия корееведения в Центральной Азии. 2009. Вып. 8 (16). С. 61–77.
- Тихомиров К.Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы – средневековье): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 21 с.
- Тихомиров К.Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы – средневековье): трансформации культуры и социокультурная адаптация. Омск: Изд-во ОмГПУ; Наука, 2007. 156 с.
- Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 368 с.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 256 с.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 208 с.: илл.
- Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Материалы международного симпозиума ‘Terra Scythica’ (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 273–290.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 136 с.
- Тишков В. Рыночная экономика и этническая среда // Общество и экономика. 2005. №12. С. 20–37.

- Толкачёв С.П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // ИГП «Знание. Понимание. Умение». 2013. №1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (дата обращения: 13.02.2017).
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиков; Ин-т лингвист. исслед. РАН. СПб.: Фолио-пресс, 2002. 700 с.
- Толыбеков С.Е. Кочевое казахское общество в XVII – начале XX в.: политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.
- «Точечный халифат» в Европе // Международная жизнь. 21.01.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14543> (дата обращения: 20.04.2016).
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
- Труд и занятость в Новосибирской области 2009–2014: стат. сб. / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2015. 81 с.
- Турки плохо интегрируются в Германии // Information Agency Interriight. 17.04.2010. URL: http://www.inright.ru/news/id_984/ (дата обращения: 18.08.2016).
- Тутковский П.А. Географические причины нашествий варваров // Университетские известия. Киев. 1915. №7. С. 1–40.
- Тюрюканова Е.В. Мигранты на неформальном рынке труда в Москве // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования) / МОМ; Бюро МОМ в России; под ред. Г.С. Витковской. М.: Гендальф, 2004. С. 161–195.
- Узбекистан: Трудовые мигранты ищут альтернативу России // Россия сегодня. 13.05. 2016. URL: <http://inosmi.ru/economic/20160513/236515905.html> (дата обращения: 08.09.2016).
- Узбекские мигранты едут вместо России в Южную Корею и ОАЭ // Sputnik Узбекистан. 16.12.2015. URL: <http://ru.sputniknews-z.com/migration/20151216/1337071.html> (дата обращения: 18.09.2016).
- Уэндл Д. Сирия: Беженцы от засухи // В мире науки. 2016. №5–6. С. 68–72.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татар археологисе. 1997. №1. С. 92–104.
- Федченко В.В. Языковые особенности двуязычных константинопольских антологий XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovye-osobennosti-dvuyazychnykh-konstantinopolskikh-antologii-xix-v> (дата обращения: 12.01.2013).

- Филиппова И.В., Амоголонов А.А. К вопросу о пришлых традициях в керамике хунну // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: мат. междунар. конф. / ред. коллегия: Б.В. Базаров, С.В. Данилов, Л.Л. Абаева и др. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. I. С. 117–122.
- Филоник А.О., Аксютин А.И., Наумкин В.В. Сирия: справочник. М., 1992.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 604 с.
- Хайдаров Т.Ф. Торговые отношения Ганзейского союза и Золотой Орды (1262–1357 гг.) // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 5. С. 335–339.
- Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, №2. С. 314–335.
- Хан В.С. Какие традиции мы возрождаем: в поисках своей идентичности // Десять лет спустя (К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Республики Узбекистан) / отв. ред. В.С. Хан. Ташкент; Сеул: АККЦ РУ, 2001. С. 49–56.
- Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. М. Сумм. М.: Синдбад, 2017. 512 с.
- Хачикян М.Л. Хурритский и урартский языки. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1985. 195 с.
- Цай Цзифу. Топонимическое оспаривание книги «Шанхайские евреи» (蔡继福·《上海犹太人》一书的地名质疑) // Тунцзи дасюэ сюэбао (同济大学学报). 1993. Vol. 4, №2. P. 80–81.
- Чакир Д.Г. Историко-статистическое описание церкви и прихода с. Исерлии Аккерманского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости. 1891. №22. С. 736–742; №23. С. 776–784.
- Чакир Д.Г. Биографический очерк рода и фамилии Чакир. Кишинев: 1 тип. Бессараб. губ. правл., 1899. 26 с., 1 л. схем.
- Чакир М.М. История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов. XIX – начало XX в.: Исторические и литературные тексты XIX – начала XX в. Chişinău: Pontos, 2005. С. 80–108.
- Четверть молодых мусульман ФРГ выступили против интеграции // Lenta Ru. 01.03.2012. URL: <https://lenta.ru/news/2012/03/01/migration/> (дата обращения: 02.03.2012).
- Чичагов П.В. Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 г. // Русский архив. 1870. 2-е изд. М., 1871. Вып. 8–9. С. 1522–1551.
- Шабашов А.В. Гагаузы. Система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002. 740 с.
- Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

- Шандиров М.О. Этноэкономика в системе регионального воспроизводства (на материалах Кабардино-Балкарской Республики): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2003. 20 с.
- Шефтсбери. Эстетические опыты / сост., пер., коммент. Ал.В. Михайлова; под общ. ред. М.Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1974. 536 с. (История эстетики в памятниках).
- Шадринский филиал государственного архива Курганской области (ШФ ГАКО). Ф. 224.
- Шер Я.А. Угадает ли дискуссия о происхождении скифов, скифской культуры и скифского звериного стиля? // Краткие сообщения Института археологии. 2017. Вып. 247. С. 15–27.
- Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / пер. с англ. Б. Кобринцева, А. Галактионова. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 958 с.
- Энциклопедический словарь. Изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1896. Т. XIX (37) 491 с.; 1898. Т. XXIII (45). 487 с.
- Эпштейн М.Н. Личный код. Индивиды и универсалии в гуманитарных науках // Философские науки. 2009. №9. С. 10–29.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
- Этнические рынки в России: пространство торгова и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
- Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / под ред. А.А. Смаилова Алматы: Агентство РК по статистике, 2013. 466 с.
- Южная Корея делает ставку на российских туристов. URL: <http://www.rg.ru/2014/02/27/koreya-site.html> (дата обращения: 03.12.2016).
- Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80–90-х гг.: науч.-аналит. обзор / ИНИОН РАН. Лаборатория социологии. М.: ИНИОН, 1996. 115 с.
- A Certain Catalyst: an overview of the (mixed) migration and development debate with special focus on the Horn of Africa region / The Regional Mixed Migration Secretariat. Study 9. Nairobi, Kenya, November 2015. URL: http://www.regionalmms.org/images/ResearchInitiatives/A_Certain_Catalyst_S9_Nov_2015.pdf (access date: 29.03.2017).
- Abrahamian E. Iran Between Two Revolutions. Princeton: Princeton Univ., 1982. Vol. XIII. 561 p.
- Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350. New York: Oxford Univ., 1989. 443 p.
- Abylkhozhin Zh. Kazakhstan: Ruralization of Cities and Escalation of the Conflict between “Modernist” and “Traditionalist” Identity // CA&CC Press© AB/Central Asia & Central Caucasus AB. URL: http://ca-c.org/journal/2003/journal_eng/cac-06/22abyen.shtml (access date: 10.05.2017).

- AFAD. URL: <https://www.afad.gov.tr/en> (access date: 03.04.2017).
- Aguinis H., Lawal S. O. ELancing: A Review and Research Agenda for Bridging the Science–Practice Gap // *Human Resource Management Review*. 2013. Vol. 23. Issue 1. P. 6–17.
- Ahmet Umit's speech from TV series, NTV "Önce söz vardı", broadcast on 12.12.2015.
- Aldo G. Dizionario della Lingua Italiana // Grande Dizionario Italiano. URL: http://www.grandidizionari.it/Dizionario_Italiano/parola/M/migrare.aspx?query=migrare (access date: 01.08.2017).
- Algae S. Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia // *The Journal of Multicultural Society*. 2013. Vol. 4, no.1. P. 32–75. URL: <http://www.omnes-journal.org/public/omnes.php> (access date: 18.12.2016).
- Al-Ghuraba. The Chosen Few of Different Lands: Abu Muslim from Canada // *The Islamic State – Al-Hayat Media Presents*, July 12. 2014. URL: https://archive.org/details/abu_muslim (access date: 21.07.2014).
- Allsen T. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge: Cambridge Univ., 2001. xiv, 245 p.
- Aly R. Five reasons to wear a burkini – and not just to annoy the French // *The Guardian*, 15.08.2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2016/aug/15/five-reasons-wear-burkini-annoy-french-cannes-mayor-muslim?CMP=twtg> (access date: 02.11.2016).
- Anderson K.J. The Idea of Chinatown: The Power of Place and Institutional Practice in the Making of a Racial Category // *Annals of the Association of American Geographers*. 1987. Vol. 77, no. 4. P. 580–598.
- Anfray F. The Civilization of Aksum from the First to the Seventh Century A.D. // G. Mokhtar (ed.). *General History of Africa*. Vol. 2: Ancient Civilizations of Africa. Berkely: Univ. of California, 1981. Chap. 14.
- Annual Report 2015. Migrant Help. Dover: Head Office Migrant Help, 2015 // URL: <http://www.migranthelpuk.org/news-and-our-news/annual-report-2015/> (access date: 07.11.2016).
- Anzahl der Ausländer in Deutschland (gemäß Bevölkerungsfortschreibung) von 1970 bis 2015 // de.statista.com. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1219/umfrage/anzahl-der-auslaender-in-deutschland-seit-dem-jahr-1970> (access date: 15.02.2017).
- Barnett R.D. The Sea Peoples // *The Cambridge Ancient History*. Vol. 2. P. 2: The Middle East and the Aegean Region, c. 1380–1000 BC, 3rd edition. Ed. by I.E.S. Edwards, C.J. Gadd, N.G.L. Hammond, E. Sollberger. Cambridge: Cambridge Univ., 1975. P. 359–378.
- Barrett R. The Islamic State Goes Global // *CTC Sentinel*. 2015. Vol. 8. Issue 11. P. 1–4. URL: <https://www.ctc.usma.edu/v2/wp-content/uploads/2015/12/CTCSentinel-Vol8Iss117.pdf> (access date: 12.09.2016).

- Basch L., Schiller N.G., Blanc C.S. (eds.). Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. London & New York: Routledge, 2013. 342 p.
- Baumard M. A Nantes, les mineurs étranger vivent en squat pour éviter la rue // *Le Monde*, 25.05.2016. URL: <http://www.lemonde.fr/immigration-et-diversite/article/2016/05/21/a-nantes-les-mineurs-etrangers-vivent-en-squat-pour-eviter-la-rue49236531654200.html> (access date: 02.02.2017).
- Becucci S. La criminalita cinese in Italia. Network transnazionali versus gruppo mafioso // *Quaderni di sociologia*. 2011, numero 57. P. 43–65. URL: <https://qds.revues.org/610> (access date: 14.10.2016).
- Begriffswelten: Vom “Gastarbeiter” zum “Migranten” // *SWR International*, 21.10.2011. URL: <http://www.swr.de/international/vom-gastarbeiter-zum-migranten-begriffswelten/-/id=233334/did=8765718/nid=233334/1s2kp5w/index.html> (access date: 30.04.2017).
- Belgique. Appartenance et démographie religieuses // *Eurel*. Données sociologiques et juridiques sur la religion en Europe. URL: <http://www.eurel.info/spip.php?article828&lang=fr> (access date: 02.10.2016).
- Benedictow O.J. The Black Death, 1346–1353: The complete history. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2004. xviii, 415 p.
- Berdah A. Burkini: Valls s’attire les foudres de ses ministres // *Le Figaro*, 25.08.2016. URL: www.lefigaro.fr/politiques/le-scan/citations/2016/08/25/25002-0160825ARTFIG0082-arretes-antiburkin-valls-et-val-laud-belkaserr (access date: 02.11.2016).
- Bevölkerung nach Migrationshintergrund im engeren Sinne nach erweiterter Staatsangehörigkeit in ausgewählten Staaten // *Statistisches Bundesamt*, 2015. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund/Tabellen/MigrationshintergrundStaatsangehoerigkeitStaaten.html> (access date: 26.08.2016).
- Biran M. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // J.P. Aranson, B. Wittrock (eds.). *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries*. Leiden: Brill, 2004. P. 339–361.
- Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // *American Sociological Review*, 1973. Vol. 38, no. 5. P. 583–594.
- Borjas G.J. *Labor Economics*. 4th ed. Boston: McGraw-Hill International/Irwin, 2008.
- Borjas G.J. Self-selection and the earnings of immigrants // *American Economic Review*. 1987. Vol. 77, no. 4. P. 531–553.
- Bottomore T., Marshall T.H. *Citizenship and Social Class*. London: Pluto, 1992. 101 p.
- Bowman A.K. *Egypt after the Pharaohs. 332 BC – AD 642. From Alexander to the Arab Conquest*. London: British Museum, 1996. 270 p.
- Braudel F. *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*. Translated by Ranum P.M. Baltimore: Johns Hopkins Univ., 1977. xi, 120 p.

- Braudel F. *History and the Social Sciences: The Longue Durée* // Fernand Braudel. *On History*. Translated by Sarah Matthews. Chicago: Chicago Univ., 1980. P. 25–54.
- Braudel F. *La Méditerranée et le Monde méditerranéen a l'époque de Philippe II*. Paris: Colin 1949. Vol. I. 1160 p.
- Bryce T. *The Kingdom of Hittites*. Oxford: Clarendon, 1998. 464 p.
- Burton A. *Bukharan Trade, 1558–1718*. Bloomington: Indiana Univ., 1993 (Papers on Inner Asia, no. 23.). 116 p.
- Butterwegge Ch. *Die Dienstbotengesellschaft* // *Frankfurter Rundschau*, 21.02.2008.
- Butzer K.W. *The Rise and Fall of Axum, Ethiopia: A Geo-Archaeological Interpretation* // *American Antiquity*. 1981. Vol. 46, no. 3. P. 471– 495.
- Cagaptay S., Oktas O., Ozdemir C. *The Impact of Syrian Refugees on Turkey* // *The Washington Institute*, 25.08.2016. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-impact-of-syrian-refugees-on-turkey> (access date: 15.03.2017).
- Camera di commercio Prato. *Imprese straniere*. URL: <http://www.po.camcom.it/servizi/datistud/stsint.php> (access date: 15.03.2017).
- Carlo Sgorlon // *Encyclopedia of Italian Literary Studies*. Ed. By Gaetano Marroni, Paolo Puppa, Luca Somigli. New York: Routledge, 2007. Vol. 1. P. 1751.
- Carpenter R. *Discontinuity in Greek Civilization*. Cambridge: Cambridge Univ., 1966. viii, 80 p.
- Chrisafis A. *French mayors refuse to lift burkini ban despite court ruling* // *The Guardian*, 28.08.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/28/french-mayors-burkini-ban-court-ruling> (access date: 17.02.2017).
- Chua A. *World of Fire. How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnical Hatred and Global Instability*. London: Arrow Books, 2003. x, 346 p.
- Ciachir M. *Besarabială Gagauzlarân istorieasâ (Istoria găgăuzilor din Basarabia)*. Chişinău, [s. l.]1934. 37 p.
- Cittadini Stranieri 2016 – citta metr. di Milano. URL: <http://www.tuttitalia.it/lombardia/provincia-di-milano/statistiche/cittadini-stranieri-2016/> (access date: 06.02.2017).
- Cittadini Stranieri in Italia-2016. URL: <http://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri-2016/> (access date: 06.02.2017).
- Clarysse W. *Greek Loan-Words in Demotic* // Leeming S.P.V (ed.) *Aspects of Demotic Lexicography. Acts of the Second International Conference for Demotic Studies, Studia Demotica*. 1 Leuven: Peeters, 1987. P. 9–33.
- Clarysse W., Vandorpe K. *Appendix: Greek loan-words in demotic, an update (appendix to “A Greek winery for sale in a Fayum Demotic Papyrus”)* // Verhoogt A.M., Vleeming S.P. (eds.) *Two face of Graeco-Roman Egypt*.

- Greek and Demotic and Greek-Demotic texts and studies presented to P.W. Pestman. Leiden: Brill, 1998. 139 p.
- Cline E.H. 1177 B.C.: The Year Civilization Collapsed. Princeton: Princeton Univ., 2014. 237 p.
- Cohen I. Detached involvement: on the sociology of solitude // Annual Conference of the American Sociological Association, Wash., August 2000. Washington, 2000. P. 3–12.
- Cohen R. Global diasporas: An introduction. London: Univ. College London, 1997. 143 p.
- Collier M. Ethnic Economies // San Francisco State Univ. URL: http://online.sfsu.edu/mcollier/AAS_write/aas%20essays/econ.pdf (access date: 18.05.2017).
- Cologna D. (ed.). La Cina sotto casa: Convivenza e conflitti tra cinesi e italiani in due quartieri di Milano. Milano: Franco Angeli, 2002. 96 p.
- Commune di Prato. Ufficio di statistica. Analisi della popolazione residente stranieri al 31 dicembre 2016. URL: <http://statistica.comune.prato.it> (access date: 15.03.2017).
- Connor Ph. Number of Refugees to Europe Surges to Record 1.3 Million in 2015 / Pew Research Center, August 2016. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015> (access date: 12.09.2016).
- Consolidated version of the Treaty on European Unity. Art. 3.2, 3.5 // Official Journal of the European Union. 2016. P. 17. URL: <http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:9e8d52e1-2c70-11e6-b497-01aa75ed71a1.0006.01/DOC2&format=PDF> (access date: 17.02.2017).
- Consolidated versions of the Treaty on the Functioning of the European Union (2016/C 202/01) // Official Journal of the European Union. 2016. P. 2, Title 2, Art. 21.1. P. 57; Title 4. ch. 1, ch. 2. P. 65–69. URL: <http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:9e8d52e1-2c70-11e6-b497-01aa75ed71a1.0006.01/DOC1&format=PDF> (access date: 17.02.2017).
- Convention relating to the Status of Refugees. Adopted on 28 July 1951 by the United Nations Conference of Plenipotentiaries on the Status of Refugees and Stateless Persons convened under General Assembly resolution 429 (V) of 14 December 1950. Entry into force: 22 April 1954, in accordance with article 43 // United Nations. Human Rights Office of the High Commissioner. URL: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/StatusOfRefugees.aspx> (access date: 17.11.2016).
- Crum W.E. A Coptic Dictionary. Oxford: Oxford Univ., 1979. 953 p.
- Curtis J.R. Mexicali's Chinatown // Geographical Review. 1995. Vol. 85, no. 3. P. 335–348.
- Damgé M. A quoi les migrants ont-ils vraiment droit en France? // Le Monde, 13.10.16. URL: www.lemonde.fr/les-decoders/article/2016/10/13/ (access date: 02.11.2016).

- Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015a. Vol. 36. Issue 2. P. 338–346.
- Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*. 2015b. Vol. 39. Issue 1. P. 120–128.
- Dei Ottati G., Cologna D.B. The Chinese in Prato and the Current Outlook on the Chinese-Italian Experience // Baldassar L., Johanson G., McAuliffe N., Bressan M. (eds.). *Chinese Migration into Europe: Prato, Italy and Beyond*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 29–48.
- Dejardin S. France: le burkini, un faux débats? // *Euronews*, 16.08.2016. URL: <http://fr.euronews.com/2016/08/16/france-le-burkini-un-faux-debat> (access date: 02.11.2016).
- Diñçer O.B., Federici V., Ferris E. et al. Turkey and Syrian Refugees: The Limits of Hospitality // *Brookings Institution Report*, November 2013. URL: http://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Turkey-and-Syrian-Refugees_The-Limits-of-Hospitality-2014.pdf (access date: 15.03.2017).
- Drake B.L. The Influence of Climatic Change on the Late Bronze Age Collapse and the Greek Dark Ages // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39. Issue 6. P. 1862–1870.
- Drought driving farmers to the cities // *IRIN*. The inside story on emergencies. 02.09.2009. URL: <http://www.irinnews.org/feature/2009/09/02/drought-driving-farmers-cities> (access date: 22.10.2016).
- Einbürgerungen im Jahr 2015 geringfügig zurückgegangen // *Statistisches Bundesamt*. Mitteilung vom 11. Juli 2016 – 236/16. S. 2. URL: https://www.destatis.de/DE/eService/emitteilungen/2016/07/PD16_236_12511.html;jsessionid=9D0AA437A093326B1DE1C231CAEB3F40.cae3 (access date: 26.08.2016).
- Emma Rothschild. *Cirriculum Vitae* / Harvard Univ. Department of History. URL: http://history.fas.harvard.edu/files/history/files/er_cv_2016.pdf?m=1453906361 (access date: 05.08.2017).
- En fazla mülteci Şanlıurfada // *Jazeera*. 12.03.2016. URL: <http://www.aljazeera.com.tr/haber/en-fazla-multeci-sanliurfada> (access date: 15.03.2017).
- Erian W., Katlan B. & Babah Ou. Drought vulnerability in the Arab region: Special case study: Syria 2010 // *Preventionweb.net*. URL: http://www.preventionweb.net/english/hyogo/gar/2011/en/bgdocs/Erian_Katlan_&_Babah_2010.pdf (access date: 22.10.2016).
- Erlich H. *Ethiopia and the Middle East*. Boulder: Lynne Rienner, 1994.
- Erlich H. *Saudi Arabia and Ethiopia: Christianity, Islam and Politics Entwined*. Boulder: Lynne Rienner, 2006.

- Esser H., Friedrichs Jü. (Hrsg.). *Generation und Identität. Theoretische und empirische Beiträge zur Migrationssoziologie*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. 344 S.
- Eurostat Statistics Explained. Asylum Statistics. Table 1: Five main citizenships of (non-EU) asylum applicants, 2015 (number of first time applicants, rounded figures). URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics/explained/index.php/File:Five:_main_citizenships_of_%28non-EU%29_asylum_applicants,_2015_%28number_of_first_time_applicants,_rounded_figures%29YB16.png (access date: 02.02.2017).
- Evin M. Suriyelilerle evlilik ticarete dönüştü // *Milliyet*. 21.01.2014. URL: <http://www.milliyet.com.tr/suriyelilerle-evlilik-ticarete/gundem-detay/1827612/default.htm> (access date: 15.03.2017).
- Evin M. Türkiye'deki Suriyelilere özel okullar // *Milliyet*. 28.01.2014. URL: <http://www.milliyet.com.tr/yazarlar/mehves-evin/turkiye-deki-suriyelilere-ozel-okullar-1828752> (access date: 15.03.2017).
- Fallahi N., Erfanian J. Bangen um die Chance auf ein neues Leben // *Iran Journal*, 31.05.2014. URL: <http://iranjournal.org/gesellschaft/fluechtlinge> (access date: 18.09.2016).
- Faye G. Le Pape François et la soumission a l'islam // *Riposte Laïque*, 8 juin 2016. URL: <http://ripostelaique.com/pape-francois-soumission-a-lislam.html> (access date: 02.11.2016).
- Fernandez B. Cheap and Disposable? The Impact of the Global Economic Crisis on the Migration of Ethiopian Women Domestic Workers to the Gulf // *Gender & Development*. 2010. Vol. 18, no. 2. P. 249–262.
- Fernandez B. Traffickers, Brokers, Employment Agents, and Social Networks: The Regulation of Intermediaries in the Migration of Ethiopian Domestic Workers to the Middle East // *International Migration Review*. 2013. Vol. 47, no. 4. P. 814–843.
- Fernández V.A. *Nomadismos contemporáneos: formas tecnoculturales de la globalización*. Murcia: Universidad de Murcia, Servicio de publicaciones, 2010. 160 p.
- Fischer M.J., Massey D.S. Residential Segregation and Ethnic Enterprise in U.S. Metropolitan Areas // *Social Problems*. 2000. Vol. 47, no. 3. P. 408–424.
- Flade F. The Islamic State Threat to Germany: Evidence from the Investigations // *CTC Sentinel*. 2016. Vol. 9. Issue 7. URL: <https://www.ctc.usma.edu/posts/the-islamic-state-threat-to-germany-evidence-from-the-investigations> (access date: 15.05.2017).
- Folbre N. Cleaning House: New Perspectives on Households and Development // *Journal of Development Economics*. 1986. Vol. 22, no. 1. P. 5–40.
- Forcibly Displaced. *Toward a development approach supporting refugees, the internally displaced, and their hosts*. Advance edition / World Bank. Washington, D.C., 2016. xxii, 143 p. URL: <https://openknowledge>.

- worldbank.org/bitstream/handle/25016/10986/25016/9781464809385.pdf?sequence (access date: 05.03.2016).
- Forst R. Toleranz im Konflikt: Geschichte, Gehalt und Gegenwart eines umstrittenen Begriffs. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2003. 735 S.
- Friebe H., Lobo S. Wir nennen es Arbeit: die digitale Bohème oder: Intelligentes Leben jenseits der Festanstellung. München: Heyne, 2006. 303 S.
- Frouws B., Horwood C. "What if?" Scenarios of implemented and enhanced migration legislation and policies in the Horn of Africa and Yemen / The Regional Mixed Migration Secretariat. Discussion Paper no.1. Nairobi, Kenya, 2015. URL: http://www.regionalmms.org/images/DiscussionPapers/What_if.pdf (access date: 29.03.2017).
- Fuchs A. Die Inschriften Sargons II aus Khorsabad. Göttingen: Cuvillier, 1994. 475 S.
- Fuchs A. Mat Habhi // J. Marzahn, H. Neumann (Hrsgg.). Assyriologica et Semitica. Festschrift für Joachim Oelsner. Alter Orient und Altes Testament 252. Münster: Ugarit-Verlag, 2000. S. 73–94.
- Fussman G. Documents épigraphiques Kouchans // Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient. T. LXI. 1974. P. 1–66.
- Geisser V. L'Eglise face au terrorisme jihadiste: une réaction exemplaire? // Migrations société, 2016, juillet-septembre. Vol. 8, n°. 165. P. 3–14.
- Germany // Muslims in the EU: Cities Report. Preliminary research report and literature survey / Open Society Institute. 2007. 108 p. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=%...3D&page=1&lang=en (access date: 18.09.2016).
- Glenn J.C. Future Dynamics of Work & Technology Alternatives to 2050. Foresite Prime Minister's Office Session, Friday 12th June (13.30–15.00) Turku, Finland. The Millennium Project. URL: https://futuresconference2015.files.wordpress.com/2015/05/book_of_abstracts_web1.pdf (access date: 05.03.2016).
- Globalising Migration History. The Eurasian Experience (16th – 21st centuries). Ed. by J. Lucassen and L. Lucassen. Leiden, Boston: Brill, 2014. 319 p.
- Goodfellow M. Foreword // Changing the debate on migration / Centre for Labour Studies, September 2015. URL: http://classonline.org.uk/docs/Changing_the_debate_on_migration%28MRN%29.pdf (access date: 02.11.2016).
- Goss J. and Lindquist B. Conceptualizing International Labor Migration: A Structuration Perspective // The International Migration Review. 1995. Vol. 29, no. 2. P. 317–351.
- Grebenschikoff I.B. Once My Name Was Sara: A Memoir. Ventnor, NJ: Original Seven Publishing Company, 1993. 180 p. + 14 p. pictures.
- Grossman E. Greek Loanwords in Coptic // Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics, Managing Editors Online Edition: First Last. 2013. URL: <http://reference.works.brillonline.com/entries/encyclopedia->

- of-ancient-greek-language-and-linguistics/greek-loanwords-in-coptic-SIM00000469 (access date: 26/04/2017); <http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_SIM_00000469>
- Gussekloo A., Jacobs E. *Digital Nomads: How to Live, Work and Play around the World*. New York: Location-Independent Publishers, 2016. 280 p.
- Habermas Jü. Anerkennungskämpfe im demokratischen Rechtsstaat // Ch. Taylor (Hrsg.). *Multikulturalismus und die Politik der Anerkennung*. Mit einer Beitrag von Jürgen Habermas. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2009. S. 123–163.
- Hayashi T. *Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu* // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. Tokyo, 1984. Vol. VI. P. 51–92.
- Helck W. *Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1962. 647 S.
- Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West*. Ed. by S.K. Cohn, Jr. Harvard: Harvard Univ., 1997. 128 p.
- Hoch J.E. *Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period*. Princeton, NJ: Princeton Univ., 1994. 572 p.
- Hoesch M. Allgemeine Hilfspflicht, territoriale Gerechtigkeit und Wiedergutmachung: Drei Kriterien für eine faire Verteilung von Flüchtlingen – und wann sie irrelevant werden // Th. Grundmann und A. Stephan (Hrsg.) *Welche und wie viele Flüchtlinge sollen wir aufnehmen? Philosophische Essays*. München: Reclam-Verlag, 2016. S. 15–29.
- Hogg M.A., Turner J.C., Nascimento-Schulze C., Spriggs D. Social categorization, intergroup behaviour and self-esteem: Two experiments // *Revista de Psicologia Social*. 1986. Vol. 1, número 1. P. 26–38. URL: [Dialnet-Social-CategorizationIntergroupSocialCategorizationIntergroupBehaviourAndSelfestee-2902882.pdf](http://www.dialnet-social-categorizationintergroupsocialcategorizationintergroupbehaviourandselfestee-2902882.pdf) (access date: 26.03.2016).
- Hollande F. *L'islam peut-il s'accommoder de la laïcité? Ma réponse est oui* // RTL, 08.09.2016. URL: <http://www.rtl.fr/actu/politique/francois-hollande-l-islam-peut-il-s-accommoder-de-la-laicite-ma-reponse-est-oui-7784780766> (access date: 02.11.2016).
- Horton J. *Online Labor Markets* // *Internet and Network Economics*. 6th International Workshop, WINE 2010, Stanford, CA, USA, December 13–17, 2010. *Proceedings / Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 6484 // Ed. By A. Saberi. Berlin; Heidelberg: Springer, 2010. P. 515–522. URL: http://john-joseph-horton.com/papers/online_labor_markets.pdf (access date: 14.02.2017).
- Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Quill William Morrow, 1991. 544 p.
- Huntington E. *Climatic Change and Agricultural Exhaustion as Elements in the Fall of Rome* // *Quarterly Journal of Economics*. 1917. Vol. 31, no. 2. P. 173–208.

- Il Capitolo «Legalita e immigrazioni» del 39o Rapporto Censis sulla situazione sociale del Paese / 2005 // Comunicati stampa. URL: http://www.censis.it/7?shadow_comunicato_stampa=4391 (access date: 06.02.2017).
- International migration of foreign by sex and citizenship // KOSIS. URL: http://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsList_01List.jsp#SubCon (access date: 01.05.2017).
- International Migration Outlook 2016 / OECD. Paris, 2016. 429 p.
- Islam in Germany // Euro-Islam. News and Analysis on Europe. URL: <http://www.euro-islam.info/country-profiles/germany/> (access date: 15.08.2016).
- Jacobson D. Rights Across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship. Baltimore: Johns Hopkins Univ., 1996.
- Jan Lin. Polarized Development and Urban Change in New York's Chinatown // Urban Affairs Review. 1995. Vol. 30, n°. 3. P. 332–354.
- Johansson G., Smith R., French R. (eds.). Living Outside the Walls: The Chinese in Prato. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. vii, 310 p.
- Johnston R., Poulsen M., Forrest J. The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries // Annals of the Association of American Geographers. 2007. Vol. 97, no. 4. P. 713–738.
- Kaniewski D., Paulissen E., Van Campo E., Weiss H., Otto T., Bretschneider J., Van Lerberghe K. Late Second – Early First Millennium BC. Abrupt Climate Changes in Coastal Syria and Their Possible Significance for the History of the Eastern Mediterranean // Quaternary Research. 2010. Vol. 74, no. 2. P. 207–215.
- Kaniewski D., Van Campo E., Guiot J., La Bruel S., Otto T., Baeteman C. Environmental Roots of the Late Bronze Age Crisis // PLOS ONE. 2013. Vol. 8. Issue 8.
- Kardulias N., Hall T. A World-Systems View of Human Migration Past and Present: Providing a General Model for Understanding the Movement of People // Forum on Public Policy. 2007. URL: <http://www.forumonpublicpolicy.com/archivesum07/kardulias.pdf>
- Kaufmann S. Die Grüne Revolution, Geschichte des Irans // Planet Wissen. 26.08.2016. URL: https://www.planet-wissen.de/kultur/naher_und_mittlerer_osten/die_geschichte_des_irans/pwiediegru-enerevolution100.html (access date: 25.04.2017).
- Kelley C.P., Mohtadib Sh., Cane M.A., Seager R. and Kushnir Yo. Climate change in the Fertile Crescent and implications of the recent Syrian drought // Proceedings of the National Academy of Sciences, 30.01.2015. URL: <http://www.hidropolitikakademi.org/wp-content/content/uploads/content/uploads/2016/04/Climate-change-in-the-Fertile-Crescent-and-implications-of-the-recent-Syrian-drough.pdf> (access date: 22.10.2016).

- Kennedy J. Heraus ο τύραννος // Journal of the Royal Asiatic Society. 1913, n° 1. P. 124–127.
- Kim J.-Yo, Lee Yo.-J. The Reality of Immigrants: A Long Journey from Mongolia to Korea // International Review of Social Sciences and Humanities. 2015. Vol. 8, n° 2. P. 61–69.
- Kingsley P. “The prisoners of Europe”: the everyday humiliation of refugees struck in Greece // The Gaurdian, 06.09.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/06/prisoners-of-europe-the-everyday-humiliation-of-refugees-stuck-in-greece-migration> (access date: 10.09.2016).
- Knapp A.B., Manning S.W. Crisis in Context: The End of the Late Bronze Age in the Eastern Mediterranean // American Journal of Archaeology. 2016. Vol. 120, n° 1. P. 99–149.
- Koopmans R., Statham P. Challenging the liberal nation-state? Postnationalism, multiculturalism, and the collective claims making of migrants and ethnic minorities in Britain and Germany // American Journal of Sociology, 1999. Vol. 105, n° 3. P. 652–696.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. Deported Nation: the fate of Bohai peoples of Mongolia // Antiquity. 2008. Vol. 82, n° 316. P. 438–445.
- Kurekova L. Theories of migration: Conceptual review and empirical testing in the context of the EU East-West flows. Paper prepared for Interdisciplinary conference on Migration. Economic Change, Social Challenge. April 6–9, 2011, Univ. College London. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fcream.conference-services.net%2Fresources%2F95%2F2371%2Fpdf%2Fmecsc2011_0139_%2F2371%2Fpdf%2Fmecsc2011_0139_paper.pdf&name=mecsc2011_0139_paper.pdf&lang=en&c=58dbb4d0af2b (access date: 29.03.2017).
- Latham K., Bin Wu. Chinese Immigration into EU: New Trends, Dynamics and Implications / Europe China Research and Advice Network. London, 2013.
- Lau J. So ein Nichts vertritt unser Land // Zeit Online, 16.03.2006. URL: http://www.zeit.de/2006/12/Iran_Einwanderer (access date: 25.04.2017).
- Law on Foreigners and International Protection // Republic of Turkey, Ministry of the Interior, Directorate General of Migration Management. Published Number: 6. April 2014. URL: http://www.goc.gov.tr/files/files/eng_minikanun_5_son.pdf (access date: 13.08.2016).
- Le rapport des catholiques à l’islam en France // IFOP (Institut français d’opinion publique) focus, aout. 2016, n°. 140. URL: http://www.ifop.com/media/document/924-1-document_file.pdf (access date: 06.01.2016).
- Les manifestations d’opposition à la création des centres d’accueil: un révélateur de la crispation de l’opinion sur les questions des migrants // IFOP focus, octobre. 2016, n°. 142. URL: http://www.ifop.fr/media/document/938-1-document_file.pdf (access date: 06.01.2016).

- Levine L. D. Habhu // RIA – Reallexicon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 4. Berlin, New York: de Gruyter, 1972–1975. P. 12–13.
- Liebsch B. Unaufhebbare Gewalt: Umrisse einer anti-Geschichte des Politischen. Weilerswist-Metternich: Velbrück Wissenschaftsverlag, 2015a. 520 S.
- Liebsch B. Vorübergehende Bleibe // B. Beckmann-Zöller, R. Kaufmann (Hrsg.), Heimat und Fremde. Präsenz im Entzug: Festschrift für Hanna-Barbara Gerl-Falkovitz. Dresden: Text & Dialog, 2015b. S. 83–96.
- Light D.W. From Migrant Enclaves to Mainstream: Reconceptualizing Informal Economic Behavior // *Theory and Society*. 2004. Vol. 33, no. 6. P. 705–737.
- Light I., Gold S. *Ethnic Economies*. San Diego: Academic, 2000. 302 p.
- Lin J. *Reconstructing Chinatown: ethnic enclave, global change*. Minneapolis: Univ. of Minnesota, 1998. 272 p.
- Liu Mau-t'ai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. B. I. Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 S.
- Lloyd A.B. *Herodotus Book II. Introduction*. Leiden: E. J. Brill, 1975. 194 p.
- Loveday L. *Language contact in Japan. A sociolinguistic history (Oxford Studies in Language Contact)*. Oxford & New York: Oxford Univ., 1996. xii, 238 p.
- Lucassen J., Lucassen L. Discussion – Global Migration. From mobility transition to comparative global migration history // *Journal of Global History*. 2011. Vol. 22, n° 6. P. 299–307.
- Makimoto T., Manners D. *Digital Nomad*. Chichester: John Wiley, 1997. 256 p.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. *Theories of International Migration: A Review and Appraisal* // *Population and Development Review*, 1993. Vol. 19, no. 3. P. 431–466. URL: <http://www.jstor.org/stable/2938462> (access date: 22.06.2011).
- Matin-Asgari A. *Confederation of Iranian Students, National Union* // *Encyclopaedia Iranica*. 2011. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/confederation-of-iranian-students> (access date: 22.04.2017).
- Mackerras C. *The Uighur* // *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by Denis Sinor. Cambridge: Cambridge Univ., 1990. P. 317–342.
- McCormick M., Büntgen U., Cane M.A., Cook E.R., Harper K., Huybers P., Litt T., Manning S.W., Mayewski P.A., More A.F.M., Nicolussi K., Tegel W. *Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientific and Historical Evidence* // *Journal of Interdisciplinary History*. 2012. Vol. XLIII, no. 2. P. 2. P. 169–224.
- McLuhan M. *Understanding Media*. Milton Park: Routledge, 2001 (Routledge Classics). 400 p.
- McNeill W. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor, 1976. 365 p.
- Medinet Habu, Vol. I. *Earlier Historical Records of Ramses III*. Chicago: Chicago Univ., 1930.

- Micallef J.V. Is France Right to Ban the Burkini? // The Huffington Post, 12.09.2016. URL:<http://www.huffingtonpost.com/joseph-v-micallef/is-france-right-to-ban-th-b-1845732.html> (access date: 02.11.2016).
- Migration and Disruptions: Toward a Unifying Theory of Ancient and Contemporary Migrations / Ed. by B.J. Baker and Takeyuki Tsuda. Gainesville: Univ. of Florida, 2015. 348 p.
- Migration history in world history: multidisciplinary approaches / Ed. by J. Lucassen, L. Lucassen and P. Manning. Leiden, Boston: Brill, 2010. 289 p.
- Minister Ylva Johansson answers questions from newcomers // Local Voices, 15.03.2016. URL: <http://www.thelocal.se/voices/view/minister-ylva-johansson-answers-questions-from-newcomers> (access date: 07.01.2017).
- Mittelwalner G. von, Growse F.S. Kuṣāṇa Coins and Kuṣāṇa Sculptures from Mathurā. Published by Dept. of Cultural Affairs, Govt. of U.P., Lucknow, for the Govt. Museum, Mathurā, 1986. xvii, 211 p., [86] plates.
- Mongolia // International Organization for Migration. URL: <http://www.iom.int/mongolia> (access date: 31.03.2017).
- Mongolia – Migrant Remittance // Expansiyn / Country Economy.com. URL: <http://www.expansion.com/> (access date: 02.04.2017).
- Mongolia Migration Profiles / UNISEF. [2015]. URL: <https://esa.un.org/miggmg-profiles/indicators/files/Mongolia.pdf> (access date: 31.03.2017).
- Mongolia population 2017 // World Population Review. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/mongolia-population> (access date: 31.03.2017).
- Mongolia – Remittances Inflows (US\$ million) // Migration and Remittances Factbook 2015 // Knoema.com. URL: <https://knoema.com/WBRIO2014/migration-and-remittances-factbook-2015> (access date: 09.11. 2016).
- Muir H. Livingstone decries vilification of Islam // The Guardian, 20.11. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2006/nov/20/london.religion> (access date: 07.01.2017).
- Munro-Hay S.C. Aksum, an African Civilization of Late Antiquity. Edinburgh: Edinburgh Univ., 1991.
- Mühe N. Muslims in the EU: Cities Report. Preliminary research report and literature survey / Open Society Institute; EU Monitoring and Advocacy Program. 2007. 108 S. URL: <http://www.thegreatdebate.eu/pdf/Muslims%20in%20Germany/eumap%20muslims%20in%20%20germany.pdf> (access date: 18.09.2016).
- Noiriel G. Atlas de l'immigration en France. Exclusion, intégration. Paris: Éditions Autrement, 2002. 63 p.
- Number of incoming foreigners by type of visa and citizenship // KOSIS. URL: http://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsList_01List.jsp#SubCont (access date: 03.12.2016).

- Oakes P. The Root of All Evil in Intergroup Relations? Unearthing the Categorization Process // *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes* / Ed. by R. Brown and S.L. Gaertner. Malden, MA, et al.: Blackwell Publishers, 2003. P. 3–21.
- Oriani R., Staglianò R. I cinesi non muoiono mai. Lavorano, guadagnano, cambiano l'Italia. E per questo ci fanno paura. Milano: Chiarelettere, 2008.
- Özkaya S. Mültecilere 10 milyar dolar harcadık örneği yok // *Hurriyet*, 11.05.2016. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/multecilere-10-milyar-dolar-harcadik-ornegi-yok-40102674> (access date: 15.03.2017).
- Panagiotopoulos D. Foreigners in Egypt in the Time of Hatshepsut and Thutmose III // Cline E.H., O'Connor D. (Ed.). *Thutmose III. A New Biography*. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 2006. P. 370–412.
- Paz R. Middle East Islamism in the European Arena // *Middle East Review of International Affairs*. 2002. Vol. 6, no. 3. P. 67–76.
- Perspectives des migrations internationales 2016. Paris: OECD, 2016. 455 p.
- Peters J.D. Exile, nomadism, and diaspora // H. Naficy (ed.). *Home, exile, homeland: film, media, and the politics of place*. New York: Routledge, 1999. P. 17–41.
- Phillipson D.W. *Ancient Ethiopia*. London: British Museum, 1998. 192 p.
- Phillipson D.W. *Foundations of an African Civilization: Aksum and the Northern Horn 1000 B.C. – A.D. 1300*. Addis Ababa: Addis-Ababa Univ., 2012. 304 p.
- Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Zhuravlev A.A., Babenko V.N., Pozdnyakov D.V., Konovalov P.B., Polosmak N.V. Mitochondrial DNA diversity in a Transbaikalian Xiongnu population // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. Vol. 10. P. 1–14.
- Pinna M. Dünyaya örnek olarak gösterilen Türkiye'deki mülteci kampları // *Euronews*, 28.04.2016. URL: <http://tr.euronews.com/2016/04/28/dunyaya-ornek-olarak-gosterilen-turkiye-deki-multeci-kamplari> (access date: 15.03.2017).
- Platret G. Islamisme notre première arme est une parole libre // *Le Figaro*, 13.09.2016. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2016/09/13/31001-20160913ARTFIG00153-islamisme-notre-premiere-arme-est-une-parole-libre.php/> (access date: 06.01.2016).
- Plusieurs manifestations organisées contre l'accueil des migrants dans des communes françaises // *Le Monde*, 08.10.16. URL: <http://www.lemonde.fr/societe/article/2016/10/08/plusiers-manifestations-organisees-contre-l-accueil-des-migrants-dans-des-communes-francaises50104443224.html> (access date: 06.01.2016).
- Pmi: con 9000 imprese individuali la Cina 'sfonda' a Milano e Lombardia // *Adnkronos*, 12.11.2014. URL: http://www.adnkronos.com/soldi/economia/2014/11/12/pmi-con-imprese-individuali-cina-sfonda-milano-lombardia_HwF7H5A18UsNznY7726mAL.html (access date: 06/02.2017).

- Pohl E. The Excavations in the Craftsmen-Quarter of Karakorum (KAR-2) between 2000 and 2005 – Stratigraphy and Architecture // Mongolian-German Karakorum-Expedition. Vol. 1: Excavations in the Craftsmen-Quarter at the Main Road / Forschungen zur Archäologie Außereuropäischer Kulturen 8. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2010. P. 63–136.
- Population of Mongolia (2017 and historical) // Worldometers. Population. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/mongolia-population> (access date: 31.03.2017).
- Population of province/district centers and towns/villages by province and sex, population density by province. 31.12.2009 / Turkish Statistical Institute. URL: <http://www.turkstat.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=6178> (access date: 03.04.2017)
- Popolazione Italia 2001–2015. URL: <http://www.tuttitalia.it/statistiche/popolazione-andamento-Demografico> (access date: 06.02.2017).
- Pötzl N.F. Muslims in Germany. Life in a Parallel Society // Spiegel Online, 16.04.2008. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/muslims-in-germany-life-in-a-parallel-society-a-547717.html> (access date: 26.08.2016).
- Praud A. La France a placé beaucoup plus de famille et d'étrangers en rétention en 2015 // Le monde, 28.06.2016. URL: <http://www.lemonde.fr/immigration-et-diversite/article/2016/06/28/la-france-a-place-beaucoup-plus-de-familles-et-d-enfants-etrangers-en-retention-en-201549595021654200.html> (access date: 06.01.2016).
- Pries L. The Approach of Transnational Social Spaces: Responding to New Configurations of the Social and Spatial // L. Pries (ed.). New Transnational Social Spaces: International migration and transnational companies in the early twenty-first century. London & New York: Routledge, 2001. P. 3–35.
- Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2001. 544 p.
- Rankings by Country of Average Monthly Disposable Salary (Net After Tax), Salaries and Financing.com. URL: https://www.numbeo.com/cost-of-living/prices_by_country.jsp?displayCurrency=USD&itemId=105 (access date: 12.11.2016).
- Ray J. Greek, Egyptian and Coptic // Christidis A.-F. (ed.). A History of Ancient Greek. From the Beginnings to Late Antiquity. Cambridge: Cambridge Univ., 2007. P. 811–818.
- Recommendation for the development of safe and legal paths to protection in the European Union / Caritas Europa; Churches' Commission for Migrants in Europe; Commission of the Bishops' Conferences of the European Community (Secretariat); et al. EURBruxelles, 19 November 2014. URL: <http://www.jrseurope.org/assets/Publications/File/ChristianGroupRecommforsafelegalpathstoprotection.pdf> (access date: 06.01.2016).

- Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015 // Eurostat 2015 // URL: www.ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-release/-/3-04032016-AP (access date: 02.02.2017).
- Refugees welcome // URL: <http://www.refugees-welcome.org.uk> (access date: 07.11.2016).
- Refugees welcome international // URL: <http://www.fluechtlinge-willkommen.de/> (access date: 02.11.2016).
- Regt M. de. Ways to Come, Ways to Leave: Gender, Illegality and Mobility among Ethiopian Domestic Workers in Yemen // *Gender & Society*. 2010. Vol. 24, no. 2. P. 237–260.
- Regt M. de, Medareshaw T. Deported before experiencing the good sides of migration: Ethiopians returning from Saudi Arabia // *African and Black Diaspora: An International Journal*. 2015. Vol. 9, no. 2. P. 228–242. DOI: 10.1080/17528631.2015.1083178.
- Reintges Ch.H. Coptic Egyptian (Sahidic dialect). A Learner's Grammar / Afrika wissenschaftliche Lehrbücher. Hrsg. v. W.J.G. Möhlig und B. Heine. B. 15. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2004. 640 S.
- Reportage 2015 – Deutschland und Ausländer, Einwanderung Doku deutsch // [vidoyoutube.com](http://vidoyoutube.com/watch?v=LTYDg37PRSo). 16.02.2016. URL: <http://vidoyoutube.com/watch?v=LTYDg37PRSo> (access date: 15.04.2017).
- Romanova M. Labor migrants from Russian Siberia and former Soviet republics to contribute to the South Korea's racial make-up change // *Russia Briefing*, 11.07.2016. URL: <http://www.russia-briefing.com/news/labor-migrants-russian-siberia-former-soviet-republics-contribute-south-koreas-racial-make-change.html> (access date: 03.12.2016).
- Rossabi M. (ed.). Eurasian Influence on Yuan China. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2013. 256 p.
- Royal Inscriptions of Mesopotamia: Assyrian periods (RIMA). Toronto: Univ. of Toronto, 1987–1996. Vol. 1–3.
- Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period. Winona Lake: Eisenbrauns, 2011. Vol. 1 (RINAP 1). 211 p.
- Ruble B.A. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington, and Kyiv. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center; Baltimore: John Hopkins Univ., 2005. 267 p.
- Salomon R. Ancient Buddhist Scrolls from Gandhara. Seattle: Univ. of Washington, 1999. 320 p.: 93 ill.
- Sandars N.K. The Sea Peoples: Warriors of the Ancient Mediterranean 1250–1150 BC (Ancient Peoples & Places). London: Thames & Hudson, 1987. 224 p.
- Sanders J.M., Nee V. Limits of Ethnic Solidarity in the Enclave Economy // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52, no. 6. P. 745–773.
- Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. 1993. Vol. 12, no. 4. P. 447–457.

- Schirazi A. The Persian community in Germany // *Encyclopaedia Iranica*. 2012. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/germany-x> (access date: 15.08.2016).
- Schlütz F., Lehmkuhl F. Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results, with implications for climatic teleconnections and human history since the middle Holocene // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2007. Vol. 16, Issue 2–3. P. 101–118.
- Schmid B.V., Buentgen U., Easterday W.R., Ginzler Chr., Walløe L., Brantia B., Stenseth N.Chr. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2015. Vol. 112, no. 10. URL: http://buentgen.com/wpcontent/uploads/http://buentgen.com/wpcontent/uploads/2015/02/Schmid_etal.2015_PNAS.pdf (access date: 18.04.2017).
- Sénécat A. Scolarisation, retraites, emplois les intox de Marine Le Pen sur l'immigration // *Le Monde*, 09.12.2016. URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2016/12/09/scolarisation-retraites-emploi-les-intox-de-marine-le-pen-sur-l-immigration5046_1846184355770.html (access date: 06.01.2016).
- Shanghai Jewish History // Shanghai Jewish Center. URL: <http://www.china-jewish.org/SJC/Jhistory.htm> (access date: 25.04.2017).
- Shaw J. Postnational constitutionalism in the European Union // *Journal of European Policy*, 1999. Vol. 6, no. 4. P. 579–597.
- Shibatani M. *The Languages of Japan*. Cambridge: Cambridge Univ., 1990. 411 p.
- Shiraishi N. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site // Sh. Kato, N. Shiraishi (eds.). *Avraga: occasional paper on the excavations of the Palace of Genghis Khan*. Tokyo: Doseisha, 2005. P. 6–14.
- Shizuo O. The development of the heating system and above ground dwelling in the Northeast Asia // *The First International Symposium of Bohai Culture: to the 1300 anniversary of the foundation of Bohai State*. Vladivostok, October 3–5, 1996. Vladivostok [s. l.], 1996. P. 55–59.
- Siegert A. Motive hochqualifizierter russischer Transmigranten, nach Deutschland zu emigrieren. Eine empirische Untersuchung unter russischen Akademikern. Aachen: Shaker Verlag, 2008. 230 S.
- Siegert A. On socialization, patriotism and trust: the migration of home-ward-bound Russian academics // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39, no. 6. P. 977–995.
- Sievers I., Griese H., Schulte R. *Bildungserfolgreiche Transmigranten. Eine Studie über deutsch-türkische Migrationsbiographien*. Frankfurt am Main: Brandes und Apsel Verlag, 2010. 164 S.

- Sims-Williams N., Gribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // *Silk Road Art and Archaeology*. 1995/96. Vol. 4. P. 76–142.
- Sisma: si mobilitano cinesi Firenze-Prato. Raccolta fondi e generi prima necessita e donazione sangue // ANSA.it, Toscana, Redazione ANSA PRATO, 28 agosto 2016. URL: http://www.ansa.it/toscana/notizie/2016/08/26/sismasi-mobilitano-cinesi-firenze-prato_7727a6ee-bef6-4d77-a370-afde52090db7.html (access date: 15.03.2017).
- Sisson N. The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life. New York: Tonawhai, 2013. 314 p.
- Sjaastad L. The costs and returns of human migration // *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. Issue 5, p. 2. P. 80–93.
- Soysal Y. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago, Univ. of Chicago, 1994.
- Spencer R. Turkish town at centre of Syrian refugee crisis says: “We’re full” // *The Telegraph*, 19.04.2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/19/turkish-town-at-centre-of-syrian-refugee-crisis-says-were-full> (access date: 04.04.2014).
- St. Clair F. Migrants: traiter le problème à la racine // *Le Figaro*, 13.09.2016. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/08/18/31002-20150818ARTFIG00275-migrants-traiter-le-problème-à-la-racine.php/> (access date: 06.01.2016).
- Stark O., Bloom D. The new economics of labor migration // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75, no. 2. P. 173–178.
- Statham P. How ordinary people view Muslim group rights in Britain, the Netherlands, France and Germany: significant “gaps” between majorities and Muslims // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2016. Vol. 42, no. 2, P. 217–236. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/1369183X.2015.1082288> (access date: 06.01.2016).
- Status of Marriage Migrant by Nationality/Region // KOSIS. URL: http://kosis.kr.eng/statisticsList/statisticsList_01List.jsp#SubCont (access date: 30.04.2017).
- Stoldt T.-R. Vor allem diese Flüchtlinge werden Christen // *Welt*, 27.08.2016. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article157354811/Vor-alle-diese-Fluechtlinge-werden-Christen.html> (access date: 18.09.2016).
- Strüder I.R. Do concepts of ethnic economies explain existing minority enterprises? The Turkish speaking economies in London / London School of Economics. London, 2003. URL: <http://www.lse.ac.uk/geographyandenvironment/research/researchpapers/rp88.pdf> (access date: 18.05.2017).
- Suriyeli Mülteciye sınavsız üniversite // CNN Türk.com, 22.09.2012. URL: <http://www.cnnturk.com/2012/guncel/09/22/suriyeli.multekiye.sinavsiz.universite/677698.0/index.html> (access date: 15.03.2017).

- Suriyeliler sınır illerinde kira ve emlak fiyatlarını uçurdu // Milliyet, 04.03.2014. URL: <http://www.milliyet.com.tr/suriyeliler-sinir-illerinde-kira/gundem/detay/1846010/default.htm> (access date: 15.03.2017).
- Sweden and Migration // Sweden. Sverige. Official site of Sweden. URL: <https://Sweden.se/migration/#2015> (access date: 06.01.2016).
- Syria Regional Refugee Response // United Nations High Commissioner for Refugees, 23.03.2017. URL: <http://data.unhcr.org/syrianrefugees/country.php?id=224> (access date: 03.04.2017).
- Syria: Drought Appeal 2008 // Food and Agriculture Organization of the United Nations. 29.09.2008. URL: <http://www.fao.org/emergencies/appeals/detail/en/c/149352> (access date: 22.10.2016).
- Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge Univ., 1951. 560 p.
- Taylor Ch. Die Politik der Anerkennung // Ch. Taylor (Hrsg.). Multikulturalismus und die Politik der Anerkennung. Mit einer Beitrag von Jürgen Habermas. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2009. S. 11–68.
- Teferra Z. The Challenges of International Child Labor Migration, Voluntary Repatriation, Family Tracing, and Reunification: The Case of Ethiopian Minors Repatriated from Yemen in 2011 // Proceedings of the 18th International Conference of Ethiopian Studies. Los Angeles: TSEHAI Publishers, 2016. Vol. 2. P. 493–509.
- The Crisis Years: the 12th century B.C. from beyond the Danube to Tigris (ed. by W.A. Ward & M.S. Joukowsky). Dubuque, Iowa: Kendall / Hunt. 1992. 208 p.
- The Encyclopedia of the Chinese Overseas / Ed. by L. Pan. Cambridge (Mass.): Harvard Univ., 1999. 339 p.
- The Friulian Language: Identity, Migration, Culture. Ed. By Rosa Mucignat. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 217 p.
- Todaro M.P. A Model of Labour Migration and Rural Unemployment in Less Developed Countries // American Economic Review. 1969. Vol. 59, no. 1. P. 138–148.
- Todaro M.P., Maruszko L. Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework // Population and Development Review. 1987. Vol. 13, no. 1. P. 102–114.
- Toscer-Angot S. L'Allemagne face au défi du pluralisme religieux et de la sécularisation // Observatoire des Religions et de la Lancité, 4 Mars 2016. URL: http://www.o-re-la.org/index.php?option=com_k2&view=item&id=1511:l%E2%80%99allemagne-face-au-d%C3%A9fi-du-pluralisme-religieux-et-de-la-s%C3%A9cularisation&Itemid=85&lang=fr (access date: 06.01.2016).
- Travail flexible, salariés jetables: Fausses questions et vrais enjeux de la lutte contre le chômage. Sous la direction de Michel Husson. Paris: La Découverte, 2008. 140 p.

- Tu Lan. Made in Italy, by Chinese: how Chinese migration changed the apparel production networks in Prato. A dissertation submitted to the faculty at the Univ. of North Carolina. Chapel Hill, 2014. 209 p.
- Urry J. *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century.* London and New York: Routledge, 2000. ix, 255 p.
- Vertogradova V. Karatepa – South-Eastern India: On the Finding of a New Brahmi Inscription in Karatepa // *India and Central Asia. Pre-Islamic Period* / отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Tashkent: Мир экономики и права, 2000. P. 43–47; 149–153 (на англ. и рус. яз.).
- Vierros M. Bilingual Notaries in Hellenistic Egypt. A Study of Greek as a Second Language. *Collectanea Hellenistica* 5, Brussel: Koninklijke Vlaamse Academie van België voor Wetenschappen en Kunsten & Union Académique Internationale, 2012. 291 p.
- Vierros M. Greek or Egyptian? The Language Choice in Ptolemaic Documents from Pathyris // Alain Delattre & Paul Heilporn (Hsgg.), “Et maintenant ce ne sont plus que des villages...” Thèbes et sa région aux époques hellénistique, romaine et byzantine. Actes du colloque tenu a Bruxelles les 2 et 3 décembre 2005. *Papyrologica Bruxellensia* 34. Bruxelles: Association Égyptologique Reine Élisabeth, 2008. P. 73–86.
- Vocabolario // Treccani. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/migrare> (access date: 01.08.2017).
- Wan-Yin Tan W. *Chinatowns of New York City.* Charleston: Arcadia Publishing, 2008. 128 p.
- Ward W.A. Notes on Egyptian Group-Writing // *Journal of Near Eastern Studies.* 1957. Vol. 16, no. 3. P. 198–203.
- Weatherford J. *Genghis Khan and the Making of Modern World.* New York: Crown and Three Rivers, 2004. 312 p.
- Weiss B. The Decline of Bronze Age Civilization as a Possible Response to Climatic Change // *Climatic Change.* 1982. Vol. 2, no. 4. P. 173–198.
- Welche und wie viele Flüchtlinge sollen wir aufnehmen? *Philosophische Essays* / Th. Grundmann und A. Stephan (Hrsg.) München: Reclam-Verlag, 2016. 154 S.
- Wilkes S. Iraqi refugees in Syria reluctant to return to home permanently: survey // The UN refugees agency, 08.10.2010. URL: <http://www.unhcr.org/4caf376c6.html> (access date: 22.10.2016).
- Wong B.P. *Chinatown. Economic Adaptation and Ethnic Identity of the Chinese.* Belmont: Wadsworth/Thompson Learning, 2002. 110 p.
- Wood G. What ISIS Really Wants // *The Atlantic*, March 2015. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980> (access date: 14.09.2016).
- World Development Indicators (WDI): Movement of people across borders // The World Bank. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/6.13> (access date: 10.10.2016).

- World Development Indicators: Size of the economy // The World Bank. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/1.1> (access date: 01.02.2015).
- World Migration Report 2011. Communicating Effectively about Migration / International Organization of Migration, 2011. URL: http://publications.iom.int/bookstore/free/WMR2011_English.pdf (access date: 29.03.2017).
- Yakar J. Anatolian Civilization Following the Disintegration of the Hittite Empire: An Archaeological Appraisal // Tel Aviv. 1993. Vol. 20, no. 1. P. 3–28.
- Zhou M. Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave. Philadelphia: Temple Univ., 1992. 275 p.
- Zhou M. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergences, Controversies and Conceptual Advancements // International Migration Review 2004a. Vol. 38, no. 3. P. 1040–1074.
- Zhou M. The Role of the Enclave Economy in Immigrant Adaptation and Community Building: The Case of New York's Chinatown // J.S. Butler and G. Kozmetsky (eds.). Immigrant and Minority Entrepreneurship: Building American Communities. Westport: Praeger. 2004b. P. 37–60.
- Zhou M., Logan J. Returns on Human Capital in Ethnic Enclaves: New York City's Chinatown // American Sociological Review. 1989. Vol. 54, no. 5. P. 809–820.

SUMMARY

Migrations on the scale of the *longue durée*. Migrations have been a prerequisite for the formation of human beings as a *species*. That is why the history of migrations is concomitant with the history of mankind. Close alignment of migrations with “the time of the world” makes it obvious that migration studies may acquire new explanatory power if properly situated on the *longue durée* scale. We cannot interpenetrate into modern migration processes, unless, bearing in mind the issues it raises, we draw our focus toward answers we can find in the past. Methodologically speaking, such a turn would open an array of heuristic opportunities. It would enrich our understanding of the structure of migration flows, refine research methods and create a more general typology of migrations.

Such an approach has one more and probably the most important benefit: it gives an opportunity to grasp the outcomes of migrations in more detail. The effects of migrations have been felt in different spheres and stages of history. However, trying to generalize this array into the most significant consequence, one will see that many of as rapid and massive as slow and infiltration-like migrations result in the change of the agents of history. Whenever such a radical change took place, this happened in different ways. The extreme example is a conquest through which newcomers exterminated and replaced aboriginal populations. However, more usually a new, hybrid subjectivity – a mix of local and foreign cultural traits – emerged. Alternatively, indigenous population might not infrequently lose its identity, assuming that of migrants’ instead.

Recurrent travels of relatively small groups of people such as merchants, pilgrims, wandering preachers, artists, poets, etc. were no less important. These voyages have resulted in all-pervasive cross-cultural

migration of things, images, concepts, texts, words and alphabets, not to mention other cultural artifacts. These migrations have paved the way for transformation of cultures and their fusion, have tested the practices of non-contentious heterogeneous interactions and opened up new opportunities – as if actors of them have been consciously preparing the premises for future globalization of the world and its enlacing with social and information networks.

In general, the experience of the past demonstrates that the migrations may act as the agents of historical change. For this, however, we should trace their impact not in the short term, but just on the scale of the *longue durée*.

Three cases of forced migration from the history of Eurasian steppes. Archaeological excavations supply us with convincing evidences of the forced relocation of significant groups of people over great distances. In this section, three examples of the settled population deportation by the pastoral nomads are represented. The first is the case of the Chinese population in Xiongnu fortress Ivolga which is situated in contemporary Buriatia. The second one is about the Bohai people in Liao Empire towns within the Central Mongolia area. The third example represented is the resettlement of the Jurchen to territory of contemporary Transbaikalia and Mongolia. From an ethical point of view deportations do not and may not have any historical justification. However, within the context of a long-term perspective these events stimulated intensive intercultural exchange.

Jewish migration into Shanghai in late 19th – early 20th century: reasons and outcome. The Jewish migration in Shanghai covers the second half of 19th and the first half of 20th century, and divides into three phases or waves. During the first phase that had started after the opening of Shanghai for foreigners, those were rich *sefards* from India and the Middle East who settled in Shanghai, generally because of economic reasons. The second wave originated mainly from the Russian citizens' enclave in Northern-Eastern China. Its participants were much more numerous, less prosperous and sought for avoiding discrimination and insecurity. Finally, the third and the most numerous migrants' wave consisted of the Jewish refugees from Europe who had to flee because of persecutions they suffered under the Nazi rule. After the finishing of the World War II, the Jewish community in Shanghai disappeared under the pressure of complex causes in just few years. Yet the

historical memory about it is alive in China and the Chinese experts in the field of international affairs tend to place it within the framework of the China-Israel relations.

Syrian refugees and Turkish society. Since the start of the civil war in Syria in March 2011, an influx of refugees from this country into as neighboring as distantly situated states has taken place. Now these refugees are the most vulnerable group of cross-border migrants into Turkey: three million of Syrian people have settled here. It is the largest refugee population in the world. With such an army of refugees, anti-Syrian and anti-Arab discourse has developed in Turkish society. Apart from the refugee problem, events in Syria put Turkey in trouble because of the terrorist attacks. On July 2, 2016 President Erdogan announced that the government was elaborating the plan to grant Turkish citizenship to Syrians, but this offer has made public debates on the issue even more acute. Turkey has to make its best efforts to alleviate a plight of refugees and to resolve the economical and social problems that their accumulation within the Turkey's boundaries has created for the host society.

Nomads of Inner Asia: causes and factors of migrations within and out of the region in pre-Mongolian period. Which were the causes and factors of nomads' moves within Inner Asia and their migration into Eastern Turkistan and Central Asia up to 12th century? Certainly, the steppe population dependence on natural and climate factors of its existence prompted nomads to migrate periodically both within and out of Inner Asia in search for more favorable ecological niches, particularly in times when natural setting for their economy has been degrading; but it was other set of factors that played a crucial role in triggering their migrations. Occasionally, nomadic coalitions suffered its defeat in struggle with other steppes people; in such situations, those who had lost used to migrate towards the northern borders of China or escape to spacious "western territories". Massive migrations also issued from continuous strive for new territories, the Modu Chanyu's campaign, or occupation of Mongolia by Turks and Tiele being convincing examples. Summing up, one can say that the Inner Asia nomadic migrations were as a rule multidirectional and provoked by different ecological, military and political reasons.

Contemporary cross-border migrations and a digital nomadism. The phenomenon of cross-border migration looks as a displacement

in space wherein the migrants trespass one or more borders between culturally differing societies. The example of kind is a digital nomadism. Its agents' emphasize the desire for freedom and independence, the search for new ways of existence and relations, integration into the world of humanity. Yet, there is a negative side: refusal to build and follow relations of proximity and permanence; a negation of or total rupture with, spiritual and moral values of their culture; erosion of social identity of digital nomads to the extent of its dissolution and loss of humanity. One can augment the list, mentioning also their marginalization and hyper-desire for freedom often conceived as levels of comfort and security that free them from hard work and responsibilities altogether. At the same time, it is necessary to stress as an additional point of meaning that the living strategy of digital nomads helps the formation of a "human universe", or the movement of humanity towards universal morality and global culture.

Cross-border migrations in the framework of international economic relations. Main pull factors attracting immigrants to host countries are salaries differences and access to social benefits distributed by a welfare state. Home countries are interested in migrants' money transfers: sometimes these transfers amount to a significant part of Gross National Income. Migrants creating value added, make a significant contribution to Gross Domestic Product of host countries. Immigrants occupy an important place in employment in services and industry. The structure of immigrants' employment in some European countries changes positively to that they engage more into some most sophisticated and remunerative occupations. Ever-increasing growth of the section of senior age citizens in population in Western Europe often has as its repercussion an additional workforce from abroad, but robotics and automation may provoke unemployment growth, thus diminishing the demand for new cohorts of labour migrants.

"The Chinese never die": the characteristic features of Chinese immigration in Italy and their perception by Italians. The Chinese diaspora in Italy started in the 1980s in the era of Deng Xiaoping. The population of Chinese origin has developed rapidly in terms of both quantity and economy. The first areas where the Chinese people got concentrated were in the biggest cities of the country, Rome and Milan, but immigrants gradually came to other regions of Italy, where productive sectors implying the competencies or the abilities of Chinese

people were developed. The best example is the city of Prato, one of the capitals of the Italian textile industry, which has become the “most Chinese City” of Italy. Despite the fact that the Chinese did not constitute a real criminal threat, their rapid growth, a strong concentration and business activism which appears aggressive in relation to the rest of the Italian commercial environment caused some annoyance among many Italians.

From Russia to South Korea: what Russian migrants are looking for in the Land of Morning Calm. In recent years, there has been a significant increase in the Russian migration inflow, especially from the Far East and Eastern Siberia, into South Korea, despite the fact that traditionally Korea was not a popular destination. Two important factors causing this migration flow to South Korea are economic needs of Russian citizens and economic attractiveness of labour market in South Korea. These two potentials divide immigrants into two groups: the first one encompasses those who are gastarbeiters, and the second one includes highly qualified workers. The other but not less important factor is cultural and intellectual attractiveness of South Korea strengthened with the expansion of *hallyu* (in Korean “wave”) that means the spread of Korean culture around the world. Together with the economic bonuses, Korean wave brings intellectual benefits for students, as well as cultural ones for artists and just those who are Korea-addicted.

The phenomenon of Mongol town in Seoul. A migratory quarter *Dongdaemun* named also Mongol town is located in the very center of the South Korean capital and populated by the citizens of Mongolia, Russia and the Central Asia states. In 2015–2016, the authors of the article have conducted a pilot field study there, and by means of analyzing the collected data as well as information from Internet and printed media, arrived at some preliminary conclusions that follow. Mongol town is a culturally mixed locality, where migrants settle, live, rest and communicate and where their social nets and structures concentrate. Russian language, cultural values and behavioral norms originating from the Soviet / socialist past serve as a kind of mental tools for personal adaptation and community consolidation. If the latter is true, it is possible to determine Mongol town as presumably the post Soviet enclave where a certain revitalization of this past takes place.

The nature-cum-climate impulsion of cross-border migrations: past and present. If long and significant, climatic fluctuations have traceable

impact upon process of people migration irrespective of where on the Earth and at what historical time-span the process manifests itself. To an extent, these fluctuations determine the scope and direction of migration and, not infrequently, its characteristic features. It is worth conjoining some migrations of different epochs, their distance in time notwithstanding. With the support of written sources and archaeological evidence as well as the recent scientific data, in the first place the authors present the possible environmental roots of the Late Bronze Age crisis and the movement of the Huns into Europe during the Great Migration period. Then the research focus shifts to the contemporary migrations as exemplified by migrations from the Aral Sea degrading basin and drought-stricken area in Syria. The study of all cases selected helps to ascertain both the impact of climate and that it was not usually direct and immediate. In fact, we should consider them taking into account its coherence with the demography, economies and politics, rather than a single cause for all those social upheavals it presumably provokes.

“Black Death” as a factor of migration in the Golden Horde.

“Black Death” exerted a significant influence upon the migratory processes within the contours of area usually associated with the Golden Horde. A major part of territory that fell under the power of the khans from the clan of Jochi constituted a risky zone for remunerative economic activity. The very appearance of this Tatar state could only happen in a rather short period of favorable climatic conditions. More to that, natural foci of plague were sparsely dotted near the Northern Caspian, and they could generate one of the most terrible threats to the Golden Horde stability. In fact, the combination of rapid urban population growth because of large-scale involuntary and voluntary migrations with the natural resources depletion did pave the way for several successive waves of the devastating plague epidemic. The ensuing period of political instability accelerated economic crisis and a new round of mass displacements of the population.

Western Siberia in the era of three cross-border migrations: from the end of the 16th till the beginning of the 18th century. During a long period of the Western Siberian history that started at the end of 16th century and was over in the initial decennia of 18th, three prominent population moves into the region from outside happened. First, Russians came from the West, then the Mongolian people Oirats extended their nomadic divisions (*uluses*) from the southeast and lastly

the Kazakh tribes of Turkic origin appeared from the south. Whatever were the differences between these migration waves, they interacted intensively so that their characteristic features and the very changes of these features were largely interdependent. In particular, the nomads' forays and their claims to dominance over the Siberian natives distorted the Russian population structure: because of a constant nomadic pressure on the frontier, the military and administrative class (*sluzhilye liudi*) accounted for the majority of that population even to the end of the period.

Courts and local self-government of migrants from Central Asia into Russia in the 18th and the first quarter of the 19th century (according to the Complete Collection of the Russian Empire Laws). During the 18th – first quarter of the 19th century emigrants from the Central Asia enjoyed a specific legal status in the Russian Empire. Russian imperial authorities provided these migrants with favored national treatment because considered them to become possible and most suitable mediators in establishing diplomatic and trade contacts with khanates of the Central Asia. As a result new subjects of the Russian Empire obtained their own separate courts and local self-government in places of their compact habitation. The author explores the structure and evolution of these institutions for merchants from Khiva, Bukhara, Tashkent, etc., and their families and servants on a base of legal documents included into the Complete Collection of the Laws of the Russian Empire.

A tool of history – an echo of history: the Russia's migratory policies in Bessarabia in the first half of the 19th century versus the current political process in Moldova. In the course of Russian-Turkish wars and as one of their consequence hundreds and thousands of the Balkan Christians had to leave their native localities and embark on the venture of cross-border migration into the land of the Russian Empire. The Russian Government elaborated a special migratory policies aimed to attract the immigrants into the depopulated Budjak steppes. Particularly important was the Senate *Ukaz* (Decree) of 1819: it provided a whole range of benefits to immigrants. Immediately after its publication, the mass construction of churches started in the re-settlers colonies. This phenomenon looks as a convincing evidence of immigrants' definitive decision to stay forever in Bessarabia. Largely thanks to this long-standing migratory policies of imperial Russia that were as com-

petent as far-sighted, contemporary Russia takes nowadays advantage of having genuine friends and permanent supporters who are for her those descendants of ancient Trans-Danube immigrants – Bulgarians and Gagauz – living in the southern part of Moldova.

Muslim migration and government policies in Russia in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. This section is focused upon the participation of the Muslims in the migration processes that took place in the Russian Empire during the second half of 19th – early 20th century and had a double-sided character. On the one hand, starting from the end of the 1780s the Muslim population went to the Ottoman Turkey, and its out-migration of kind continued in the next century. On the other hand, from the second half of the 19th century a certain inflow of foreigners from the Muslim countries, who had close ties with their fellow believers in Russia, could be observed. The government wanted to limit an international migration at the same time promoting internal migration so that during the second half of the century the resettlement to the eastern outskirts of the state began, the Muslim Tatars having become one of the major participating groups. The state did its best to restrict Russian Muslims contacts with Muslims abroad, however, its attempts proved to be unsuccessful: by the beginning of the 20th century rather persistent was a significant influence on Russian Muslims from Turkey, which often had an anti-government character.

Nascent youth labour migration from Ethiopia to the Middle East: historical roots and theoretical explanations. Contemporary Ethiopia experiences a surge of regular and irregular youth out-migration aimed at obtaining employment opportunities, and remunerative payment for their labour beyond national frontiers. Young people are moving almost in all directions from this country, yet the Middle East countries are the most preferred destination for unskilled labour and thus emerged as the largest migration hub in recent times, particularly for female domestic workers. To probe the phenomenon, if even just preliminarily, a three-staged path is suggested: a brief overview of historical relations between Ethiopia and the Middle East; an analysis of the drivers of contemporary youth migration from Ethiopia in relation to existing international migration theories with particular reference to the Neoclassical and New Economics of Labour Migration; finally, connecting empirical data on nascent youth migration gathered from

returnee labour migrants to test the capacity of both theories to explain local migration dynamics with their assumptions.

Kazakhstan: cross-border migrations and social networks. After Kazakhstan had gained its independence, its population came to be a rather energetic actor of cross-border migrations. These migrations were rare and low in numbers, when the USSR was alive, but immediately after its collapse, immense cross-border migratory streams swollen: those of ethnic Germans who have been repatriating into their 'fatherland', of Russian speakers who preferred to go to Russia and of Kazakhs who started their moving to Kazakhstan from neighboring states. All the streams appeared to move under the impact of the whole range of causes, two of which seem to be underestimated ones: a sudden transformation of inner and previously hardly recognizable borders between the Soviet republics into real interstate frontiers, and impact of social networks on the migrants' decision-making. Sociological data attest that there were particularly social networks that actually determined the migrants' choices of their new permanent residence.

Ethnic clusters in Russia at the turn of 19th – 20th and 20th – 21st centuries: outlived and projected sediment of migration process. Being usually a concomitant product of migratory process, ethnic clusters in cities are places where any casual passerby can easily recognize various undisputable manifestations of this or that ethnic concentration in the locality wherein s/he happened to look around: social and cultural ones, those of religious life or economic activity. As a rule, they clearly contrast to the city prevailing environment. In the migratory history of Russia, we can discover as an explicit presence of this phenomenon as its total absence. Which of the two possible urban landscapes we will see in the final analysis, depends on a context. All the features of accepting society are meaningful, but particularly significant are the migration regulating policy of its authorities and those of its cultural characteristics that either promote a mutual integration of the locals and newcomers or disapprove of it. The classical model of Chinatown emerged in late imperial Russia, but the same did not turn out to be the consequence of Chinese migration into the post-Soviet Russia.

Kazakhstan: migration and characteristic features of ethnic-cum-social process since sovereignty. For more than a century, external migration had been having a great impact on the dynamics and ethnic composition of population in Kazakhstan. Kazakhstan took its immi-

grant population mainly from Russia. External migrations have made a major contribution to the formation of ethnically differentiated identities, made up of such components as the system of settlement, cultural and linguistic environment, structures of employment, and social structure of the population. In times of sovereignty, due to a new vector of external migration, population ethnic composition in Kazakhstan differs from its previous set. Taking into account that each ethnic group possesses its own culture, economic habits, peculiarities of social structure, etc., significant and rapid changes in the ethnic composition lead to a social and cultural uncertainty.

The impact of Mongolians' external migration on demographic and social processes in Mongolia. The emigration of economically active Mongolian citizens to more developed countries impacts upon their homeland both negatively and positively. No segment of society has been left untouched – from micro-level (family) to macro-level (the nation). Speaking of advantages of a large-scale out-migration, one should name the creation of new jobs in small business where a large share of emigrants' remittances is invested, rising living standards and professional development of many migrants. Among the disadvantages, one might mention demographic problems, the outflow of educated professionals and psychological problems in the migrants' families.

Migrations in the first decades of the 12th century BC and the Hurrian world. Migrations of the Balkan-Aegean groups in early 12th century BC caused further displacement of the Hurrians to the east and southeast and the disintegration of the Hurrian world of the Late Bronze Age. The invasion of migrants in the Upper Euphrates / Upper Tigris region brought to formation here a “vast country of Mushkians”, the collapse of the local Hurrian kingdoms (Isuwa) and sharp weakening of Alshe (Hurri): most of it was seized by invaders, and only the eastern part continued to exist (later Shubria). These events caused the chain shift of the Hurrians themselves – partly to the northeast, where the Hurritan kingdom of Diauehi-Diaueni emerged, partly to the southeast along the Tigris to the Lower Zab and, possibly, to Western Iran, where a number of Hurrian enclaves with name Habhi emerged. All of this led to a radical change in the fates of the Hurrian world: the continuous Hurrian areal existed there only in the mountainous northeastern periphery of the Fertile Crescent.

The Gagauz: transformation of ethnic identity in the context of their migration from the Balkans into Bessarabia. The Gagauz are Turcic-speaking people with the Orthodoxy professing and a long-lasting history of living in Bulgaria. Their migration to Bessarabia in the second half of 18th – early 19th century had the long-term consequences. In times of resettlement and during the first decennia after it, the Gagauz have identified themselves with Bulgarians and, to a lesser extent, with Greek, so that Russian officers who had to deal with the Gagauz used to record them in official documents as «Bulgarians who speak Turkish language» until the end of the 19th century. Then the historical conditions on the territory of Bessarabia contributed to the growth of ethnic consciousness of the Gagauz people and eventually have led to the awareness of the Gagauz as an independent ethnic group.

Migration as an impact factor of the formation of ethnic branch economies: a regional focus. Migrations affect tangibly the formation, transformation and functioning of ethnic economies, the latter often perceived as spheres of economic activities that fall under the control of ethnic groups. The author tests this point of view against the results of recent field study that aimed to expose migration impact upon ethnic economies in case of the Novosibirsk region. The study covered nine municipal districts and two urban districts. Its findings confirm that both streams of labour migrations, namely, that of abroad migration and, to a lesser extent, inner migration, influence significantly as the renovation of traditionalistic patterns of ethnic economies preserved by indigenous population as emerging of new migration-bound ethnic economies and the consolidation of older ones.

Migrations in Ancient Egypt in the light of lexical borrowings. There were two major waves of lexical borrowing in Ancient Egyptian due to the intensification of contacts with other cultures at two different stages of Egyptian history. The first wave of heavy borrowing – from Semitic languages – happened during the New Kingdom, while the second coincided with the time of Christianity spreading in Egypt, when the Ancient Greek largely influenced the Coptic. Both waves were huge and intensive, but the borrowing behavior of the Ancient Egyptian differed in each case and that resulted in different borrowing situations.

Migrations and socio-cultural distribution of the alphabets in ancient Bactria from the 4th century BC to the 4th century AD: towards

the problem of socio-scriptoric. There were several types of script in Ancient Bactria. Hidden behind their totality, it was a process of population movement in three principal migration streams – Greek colonization from the West, nomadic movements from the northeast and the Buddhist people infiltration from the southeast. Given the scarcity of sources, mostly numismatic and epigraphic ones, on the Bactrian culture and history and the scarcity of elaborated methodological approaches to the problem just indicated, the author believes its principal task as reconstructing the cultural situation from the script itself and its usage. Based on the examination of the two “script-generating” centres of Bactria (the ruler’s court and the Buddhist monk community) and their priorities, the contours emerge of a new research discipline: social scriptoric. Its general subject is a study of the position and peculiarities of alphabets in the social space formed by different migrations. From the viewpoint of this discipline, scripts in Ancient Bactria worked as a marker, or a type of specific border that did not separate but rather distinguish and, additionally, affirm the balance of differences. Then, from the perspective of semiotics, the same variety of scripts acted as a meta-language of verbal language.

Migration from the areas of the ISIS activities and the radicalization of the Muslim communities in Europe. It is now common for all Muslim communities in Europe that the ideas of Islamist extremism and terrorism have become more widespread among generations of immigrants who born and grew up in Europe. While their parents and grandparents had difficulties with integration because of educational and linguistic reasons and so had reasonable and understandable grounds for a rational and pragmatic explanation of their lower social and economic status, the younger generations rather face some psychological or even political difficulties, not willing to get used to their second-quality status. The ideologists of terrorism know well the huge resource potential of the Moslem Diaspora in Europe, and they keep intensifying their efforts to engage its youth into terrorist activity from year to year. The radical Saudi theologian Abd al-Munim Mustapha Khalima (Abu Bashir) directly calls upon recruiting “new fighters” from immigration stock “to strengthen the Muslims and weaken the unfaithful” by means of “revival of the duty of jihad”.

Migrants from Iran in Germany: a case of successful integration. The Iranian diaspora in Germany has developed from four different

streams or waves of migrants that differed one another by their prevailing causes of move from Iran to Germany and accompanying historical circumstances: prior to the Second World War; between 1945 and 1979; from the Islamic Revolution to the mass protest action in Iran in 2009; and since 2009. Viewed retrospectively in their succession, every wave had a dominant integration-prone factor; besides, each subsequent wave did not usually cancel the factors of preceding ones, so that taken together, they promoted such a level of the Iranian migrants' integration into the German society that appears to be higher than integration levels of other Muslim groups.

Social representations of Muslim migrants by senior pupils in Moscow region. Many changes occurred between the two studies of social representations of Muslim migrants by senior pupils in schools of the Moscow region in 2008 and 2016. In 2008, the senior pupils used to perceive migrants negatively as people with unattractive appearance and behavior who often defy the law; besides the respondents failed to recognize the difference between two notions: "migrant" and "Muslim migrant". In 2016, labour activity determined the image of migrant; also, personal attitude of the senior pupils to migrants improved having become more neutral and tolerant than negative. Finally, the very area of representations broadened to an extent that teenagers now perceive migrants within a global, not a local context.

From wariness to animosity: the dynamics of Russians' attitude towards cross-border labour migrants (2002–2016). According to the data collected by means of field studies in various Russian regions in 2002–2016, exclusion of cross-border migrants from local communities (and of internal migrants as well) is a long-term trend, and it fosters distrust between the migrants and the host society. The plans to work and settle in Russia are obvious and widespread in the life strategies of cross-border labour migrants. Such a migration is also profitable for Russia, in terms of both economy and demography. The lack of effective integration programs for migrants, however, and the local authorities' and businessmen' desire to reap maximum profits from their labour fosters animosity towards migrants among the locals. Concomitantly, such a stance increases Russian citizens' distrust towards their own state which is seen both inept and not protecting the Russians from negative consequences of cross-border migration.

New phase of migration from Middle East: perception and attitude of the Europeans. While admitting, all the recent decades, mi-

grants originating from the East countries, the states of European Community have tried to follow international norms and respect for human rights. Political liberalism and the growing secularization of European societies have also contributed to a positive perception of newcomers, although latent sentiments against migrants of no-European origin, as well as against religion of many of them, i. e. Islam, have persisted. During the mass influx of migrants in 2015, the alarmist attitude has grown and the public debate on the migration problems has acquired a sharp character. Consequently, the EC states policy line on the issue of how many migrants and from where are acceptable, is becoming tougher.

Study of migrations in archaeology: particularly qualities. Reconstruction of migration processes is an important research area in archaeology. However, there is a significant range of problems connected not only with the objective fixation of the initial, intermediate and final phase of migrations in prehistory, antiquity and the Middle Ages, but also with the interpretation of the findings. For many decades, Russian and Western archeologists have conducted valuable studies of the reasons, courses and the results of migrations, based on material, written, pictorial and other sources. A brief review of corresponding publications one can find in the articles by L.S. Klein, and in the works of some other researchers. They may contribute to a deeper understanding of the indicated aspects of non-written history, as well as to the search for the deep roots of modern peoples. At present, what supplements the existing theoretical base is a series of methods drawn from the natural sciences that allow us to verify the hypotheses and concepts formulated earlier, and to advance in solving newly emerging problems. It is from this perspective, that the author of the section assesses ancient and medieval cultural and historical phenomena recorded by archaeologists in the Altai and adjacent territories. The available research materials allow one to distinguish various forms of migration, beginning with the Paleolithic. Consistently and in a generalized form, the author presents the results of the analysis of information from the Eneolithic to the Late Middle Ages and stresses that it is necessary to study “deep history” in order to understand contemporary migration processes and to be able to manage them.

The theory of migration in Germany: a synopsis of discussion in Frankfurt School. The characteristic feature of a scholar discourse about migration in Germany is that sociologists who study the problem often do it in close cooperation with philosophers. Particularly the

philosophers from Frankfurt School have enthusiastically participated in the discussion centered on cross-border / transnational migration into Germany, their favorite focus having been on the search of central meaning for long-term interaction of German society with migrants. According to their opinion, hospitality is cognate with a wanted meaning. As a value to be highly appreciated and a pattern of behavior in everyday practices, the hospitality is able to have a beneficial effect on the development of German society: it can help noticeably with the improvement of democracy standards. Then, repeated in the discussion's course was an idea that it is necessary to elaborate new principles of political world order and their universal enforcement.

Afterthoughts on “Migrations throughout times”. The conclusion here looks not as a single structured narrative, but as a series of four loosely structured essays that refer to separate fragments of the book. First essay proves the typological similarity that can exist between long-term consequences of migrations in the past and in the present. When found, such a similarity makes it possible to an extent to predict substantial consequences of current migrations in the future. Second essay describes two models of migration that have led to the change of the agents of history. First model, a more historical in its scope, consists of four elements: invasion → conquest → resettlement → state formation. The second, more relevant in the present, consists of two elements: the nation-state based on a single ethnic community emerges → members of other communities leave this state. Third essay demonstrates how the consequences of migration are dependent on the policies undertaken by the receiving states, even to an extent that these policies may foster – under favorable conditions – the creation of new nations. In the final essay, the author argues that a certain one-sidedness and bias is evident in the studies of contemporary migrations whenever the researchers consciously or unconsciously subjugate their inquiry to the ideological norms of political correctness.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Алексеевко Александр Николаевич, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Алтайтану», Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Арпентьева Мариям Равильевна, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга.

Атрашкевич Александра Николаевна, студентка V курса, факультет международных отношений Белорусского государственного университета.

Балдано Марина Намжиловна, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирское отделение Российской академии наук, Улан-Удэ.

Василенко Тимур Султанович, студент III курса Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

Васютин Сергей Александрович, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, Кемерово.

Вертоградова Виктория Викторовна, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения, Российская академия наук, Москва.

Галиймаа Нямаа, профессор Института управления бизнесом и гуманитарных наук, Монгольский государственный университет науки и технологии, Улан-Батор, Монголия.

¹ Приводятся по состоянию на 1 января 2017 г.

Дашковский Пётр Константинович, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Диденко Евгения Вадимовна, студентка IV курса, факультет международных отношений Белорусского государственного университета.

Дурсун Сонер (Soner Dursun), преподаватель Института принципов Атаюрка и истории революции, Университет Едитепе, Стамбул, Турция.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, профессор кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, Иркутск.

Есимова Айгуль Бегеновна, доцент кафедры истории Казахстана и общественных дисциплин, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент, Республика Казахстан.

Квилинкова Елизавета Николаевна, старший научный сотрудник сектора «Этнология гагаузов», Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова, Кишинёв, Республика Молдова.

Керимова Изумруд Агиларовна, доцент кафедры социальной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет, Москва

Кириченко Светлана Викторовна, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирское отделение Российской академии наук, Улан-Удэ.

Колесникова Ольга Николаевна, профессор кафедры социальной работы, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Крадин Николай Николаевич, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

Лебедева Ирина Олеговна, студентка III курса Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

Любарт Маргарита Кемальевна, старший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований, Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук, Москва.

Немировский Александр Аркадьевич, старший научный сотрудник Центра истории Древнего Востока, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, Москва.

Панарин Сергей Алексеевич, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения, Российская академия наук, Москва.

Перси Уго (Ugo Persi), профессор кафедры иностранных языков, литератур и коммуникативных исследований, заведующий отделением славянских языков, Университет Бергамо, Бергамо, Италия.

Петрова Анастасия Андреевна, научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения, Российская академия наук, Москва.

Полетаев Дмитрий Вячеславович, ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции, Институт народнохозяйственного прогнозирования, Российская академия наук, Москва.

Почекаев Роман Юлианович, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

Пузанов Владимир Дмитриевич, профессор кафедры истории, Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск.

Сакович Василий Андреевич, профессор Государственного института международных отношений Молдовы, Кишинев, Республика Молдова.

Саркисян Сергей Лаврентьевич, старший аналитик Центра стратегического анализа “Spectrum”, Ереван, Армения.

Тефerra Зелалем (Zelalem Teferra Getachew), заведующий исследовательским подразделением, Институт эфиопских исследований, Университет Аддис-Абебы, Аддис-Абеба, Эфиопия.

Тишкин Алексей Алексеевич, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Файзрахманова Юлия Сулеймановна, аспирантка по специальности «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (английский язык)», Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский.

Хайдаров Тимур Фаритович, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усматова, Институт истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, Казань.

Цветкова Нина Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения, Российская академия наук, Москва.

Шачин Святослав Вячеславович, доцент кафедры философии и социальных наук, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск.

Шевцова Елена Владимировна, доцент кафедры менеджмента, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск.

Шершнёва Елена Александровна, доцент кафедры политической истории, Алтайский государственный университет, Барнаул.

УКАЗАТЕЛИ (составлены С. Панариным)

СВОДНЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (имена, географические названия, названия учреждений, организаций, официальных документов, газет, сайтов и т.п.)

А

- Абаоцзи 57
Абд аль-Муним Мустафа Халима 251
Або 61
Абруццо 92
Абу Бакр аль-Багдади 247
Абу Муслим аль-Канади 247
Абулхаир 139
Авдарма 148
Австралия 322
Австрия 284, 285
Ададнерари II 207
Азербайджан 209, 226, 270, 271
Азия 20, 26, 34, 38, 54–58, 62, 63, 86,
98, 101, 103, 105, 109, 114, 118, 120,
124, 128, 138–140, 142–144, 158, 192,
201, 204–206, 210, 211, 234, 267, 274,
275, 279, 281, 283, 305, 322, 323
 Байкальская 34
 Внутренняя 38, 54–56, 58, 62, 63,
 139, 305, 323
 Восточная 56, 62
 Малая 124, 201, 204, 206, 210,
 211, 234
 Передняя 114
 Средняя 54, 55, 57, 63, 98, 109,
 128, 138–140, 142–144, 158, 267,
 274, 275, 279, 281, 283
 Центральная 55, 62, 101, 103, 105,
 118, 120, 124, 305, 322
 Юго-Восточная 26
Азовское море 128
Айртам 240, 243
Академгородок 225
Акмолинская область 155
«Ала-Тоо», столовая 109
Албания 86
Александр II 150
Александр III 40
Александр Великий / Македонский
233, 237
Александрия 233–235
Александровка 149
Алже 204, 206
Алишар IV 206
Алматинская область 174
Алматы 268
Алтай 55, 118, 152, 301–307
 Монгольский 301

Северный 304
Центральный 304
Алтайский край / регион 118, 177, 223
Алтын-хан / царь 136
Аль-Каида 246, 248
Амазонка 20, 21
Амель, Жак 289
Америка 20, 27, 41, 84, 85, 100, 184, 191–193, 265, 322
 Латинская 191
 Северная 85, 184, 193
Амфилох 204
Анатолия 115, 128, 203–205
 Восточная 204
 Западная 115
Англия 21, 255
Андалусия 27
Андия 210
Андхра 237
Антропов Е.В. 226
Ань Нопаньто 57
Арабская весна 253
Аракс 206, 210
Арал / Аральское море 120, 121, 128
Арендт, Ханна 327
Армения 226, 270, 271
Армия спасения 287
Армянский Тавр 201, 207, 209
Армянское нагорье 208, 210
Арпентьева М. 320
Ассархаддон 209
Ассирия 202, 207
Ассоциация китайских торговцев
Рима 88
Астана 268
Астрахань 130, 137, 43
Атилла 119
Атлантический океан 20
Ауяул 224
Афганистан 237, 240, 243, 250–252, 284, 285
Африка 124, 191, 250, 251, 285, 321
 Северная 124, 250, 251, 321

Ахейский регион 115
Ахмадинеджад М. 257
Ахсери 210
Ашина / ашина 55, 56, 305
Ашшурбелкал 208
Ашшурнацирапал II 207
Ашшурубаллит 202

Б

Бавария 290
Багдад 14
Баден-Вюртемберг 290
Бакиева Г.Т. 141
Бактрия 237–239, 240–244
Балканы 146, 203, 206, 211, 212, 214, 215
Бальш, помещик 147
Бангладеш 79, 84
Бауман, Зигмунт 68, 83
Баурчи 148
Бахтин 244
Бачкурская волость 136
Башкалия 149
Беларусь 270, 271
«Белая книга 1939 года» 42
«Белая лошадь», кафе 45
Белгород 177
Белгородская область 177
Бельгия 83, 285, 286, 289, 290
Бенхабиб, Сейла 71
Бердск 225
Березов 133, 134
Беркли университет 196
Берлин 256, 290
Бессарабия 144–148, 150, 211, 214–216, 218, 324
Бессарабская область / губерния 144, 146, 150
Бешалма 148
Бешгиоз 149
Би (Сило шичжу ги) 61
Бильге-каган 56, 58, 60
Бишкек 106

- Богазкёй 117
Болбока 149
Болгария 211, 213, 216, 285, 290, 317, 324
Болградский собор 149
Большой Кванджу 105
Бостон 198
Бохай 36
Бохтан 207, 208
Бредфорд 287
Бремен 290
Бретань 17
Бристоль 287
Британские острова 27
Британский Красный крест 287
Британский музей 239
Бродель, Фернан 17, 19–22, 319
Брокгауз и Ефрон 15
Брусина О.И. 177
Бугутская стела 57
Буджак 144, 147, 324
Булгарский вилайет 130
Бурятия / Республика Бурятия 34, 35, 97, 98, 104, 105
 Кижингинский район 98
«Буряты в Южной Корее», группа 108
Бухара 57, 137, 138
Бухарестский мирный договор 1812 г. 144, 146
Бухарский эмират 138, 140
Бэйди 58
Бэнулеску-Бодони, митрополит 145
- В**
- Вавилина Н.Д. 226
Вайс, Барри 115, 116
Валахия 145
Валлерстайн, Иммануил 305
Валя-Пержа 149
Ван, озеро 208, 209
Ван Сан 86
Василий Шуйский 136
Васильевский остров 180
Васишка 240
Васудева III 241
Вебер К.И. 93
Вебер, Макс 219
Великая Пермь 127
«Великий китайский голод» 45
Великий шелковый путь 127
Великобритания, -и 11, 41, 44, 54, 79–85, 268, 278, 285–288, 292, 294
 Департамент международного развития 268
Великое переселение народов 18, 305, 322
Вена 42
Венгрия 284, 285
Верхотурье 134
Вестфальский университет 259
Вима Кадфиз 239
Вима Так(то?) 239
Вима Такшума 239
Витторио Венето площадь 88
Владивосток 94, 268
Влах И. 152
Война, -ы:
 Вторая мировая 43–45, 85, 254, 255, 315
 Гражданская 41
 Джунгаро-китайские 139
 Иракская 253
 Кавказская 153
 Крымская 146, 214
 Ойрато-казахская 139
 Первая мировая 177, 254
 Русско-турецкие 144–146, 149, 211
 Русско-японская 94
 Троянская 203, 204, 210
 Холодная 45
Волга 38, 63, 125
Волжская Булгария 127
Волканешты 148
Воронежская область 177
Ворота независимости в Сеуле 93

Воскресенское 138
 Восток 20, 21, 28, 33, 34, 97, 116,
 124, 127, 154, 180, 191, 202, 250–
 252, 258, 284, 285, 292

Ближний 116, 124, 127, 191, 202,
 250–252, 284, 285, 292

Дальний 33, 34, 97, 154, 180

Средний 191, 250, 252, 284, 285

Восточно-Китайское море 40

ВЦИОМ 273

Вьетнам 79, 84

Вэй 55, 57, 58

Западная 57, 58

Северная 55

Вэйчжоу 36

Вэнчжоу 89

Вяземский А.А. 141

Г

Гавриил, митрополит 148

Гагаузия (*Гагауз Ери*) 151, 152, 219

Гайдары 148

Галибаф М.Б. 257

Галис 206, 209

Ганьсу 58

Гаочан 55

Гарвардский университет 11, 196

ГДР 256

Гейдельберг 255

Гекатей 206, 210

Гелиокл 238

Гераклео 233

Геркулесовы столбы 21

Германия, -и / ФРГ 41, 42, 77–81,

83, 88, 172, 173, 175, 176, 221, 250,

252–260, 265, 284–288, 290, 292,

293, 295, 310, 311, 313–317, 323

Институт образования мусульман
 259

Исламская конференция 259

Коммерцбанк 81

Конституционный суд 290

Конституция 1949 г. 290

Конфедерация иранских студен-
 тов 256

МВД 250

МИД 254

Мусульманская академия 259

Общество аналитической фило-
 софии 317

Персидский комитет 255

Телекомпания Zdf 310

Турецко-исламский союз по ре-
 лигии 259

Федеральное агентство по вопро-
 сам гражданского воспитания 259

Федеральное агентство по вопро-
 сам мигрантов и беженцев 258

Федеральное статистическое
 агентство 259

Геродот 116, 206, 209, 210

Герстен, Питер 246

Гессен 290

Гитлер 41

Гоби 61

Годунов М.М. 136

Гоминьдан 44

Гонконг 42, 44

Гохман И.И. 34

Грановеттер М. 178

Гребеншикофф, Бетти 42

Гренландия 17

Греция 34, 88, 114, 115, 265, 285,
 287, 317

Грузия 84, 270, 271

Грязнов М.П. 302

Гумилев Н. 18

ГУУАМ 151

Д

Давыдова А.В. 34

Дамже, Матильда 294

Дания 79, 80, 124, 285, 288, 293

Дархан 193

Дашт-Навур 243

Дезгинжа 148

Делёз, Жиль 18
Державин Н.С. 216
Дён-дерек 38
Дженкинсон Э. 130
Джолтай 149
Джосер 13
Джуди-даг 209
Джунгария 55, 57, 62, 301
Джунгарское ханство 139
Джучи Улус 124, 125, 127–131
Диауэхи (Дайаэни, Тао) 206, 209
Дивер, Джеффри 16
Димитрий, епископ 148
Димитровка 149
Дияла 209, 210
Днестр 144
Додон И. 152
Долукиой 148
Дон 125
Дунай 203, 211
Дунбэй 40
Дэн Сяопин 86
Дюркгейм, Э. 262
Дятлов В. 219

Е

Евкратид 238
Евразия 55, 118, 303
ЕврАзЭС / Таможенный союз 151, 152
Европа 20, 37, 39, 40, 42, 43, 77, 84, 85, 100, 112, 118, 124, 127, 184, 192, 193, 195, 245, 246, 249, 250, 253, 265, 286, 288, 289, 292–294, 310, 316, 323, 325
 Восточная 124, 195, 286, 310
 Западная 124, 193, 325
 Северная 127, 292
 Южная 316
Европейский союз / Евросоюз, -а / ЕС 151, 251, 284, 286, 288, 323, 325
 Комиссия христианских церквей по миграции в Европе 288

Евфрат 115, 205–207, 209, 210
(Древний)Египет 18, 78, 79, 84, 114, 115, 117, 118, 203, 228–236
 Греко-римской эпохи 233, 234
 Древнего царства 230
 Нового царства 114, 228–230, 232, 233, 235, 236
 Среднего царства 230
 Третьего переходного периода 229, 231
Егоров В.Л. 127, 128
Екатерина II 141, 142
Екатеринбург 268, 269
Екатеринославская губерния 147
Елюй Даши 62
Ермак 133

Ж

Жамбылская область 174
Желтое море 40
Женевская конвенция 1951 г. 284

З

Заб, -ы 201, 207, 210
 Верхний 207, 210
 Нижний 207, 210
Забайкалье 38, 55, 56
Загрос 209, 210
Зайсан 136
Закавказье 125, 127, 181
Запад 20, 21, 28, 193, 248, 256
Западно-Казахстанская область 174
Западно-Сибирская равнина 135
Зар-тепе 244
Зауралье 138
Защук А. 150
«Зеленое движение» в Иране 257
Зигерт, Андерс 309
Зияев Х.З. 141
Золотая Орда 37, 38, 123–126, 128, 129
Зомбарт, Вернер 219

И

Ибн Халдун 321
 Иван V 142
 Иванов Игорь 326
 Иванов И.С. 215
 Иванов П.П. 130
 Ивашенцев Е.А. 98
 Иволгинский могильник 34
 Иволгинское городище 32, 34
 Измаил 148
 Измаильский уезд 147
 Израиль 42, 44–46, 117, 172, 173, 221
 ИКЕА 82
 Илион 203
 Илионское царство (Вилуса) 203
 Ильмовая падь могильник 34
 Инд 21
 Индия 26, 37, 39, 79, 84, 241, 242
 Юго-Восточная 241, 242
 Индонезия 84
 Инзов И. 149
 Институт археологии РАН 18
 Институт востоковедения РАН 27, 28
 Иордания 153
 Ирак 39, 122, 153, 245, 246, 250, 251, 256, 284, 285
 Иран 37, 77, 172, 253–260, 284, 285
 «Ираншахр», журнал 254
 Иркутск 183
 Ирландия 78, 83, 285
 Иртыш 125, 133, 135, 136
 «Исламское государство» / «ИГИЛ» / «ИГ» 245–248, 251–252
 Испания 20, 80, 81, 285–287
 Испиджаб 187
 Истеми 62
 Исува 206
 Исхаков Д.М. 124
 «Исход», книга Ветхого завета 18
 Италия / Итальянская Республика 20, 43, 78–80, 85–88, 90–93, 285–287

Ишбулдина К.Р. 141
 Ишим 135, 137, 139

Й

Йемен 248
 Йохансон, Ильва 292

К

Кабо-Верде 84
 Кавказ 38, 124, 125, 128, 157, 181, 265, 270, 271, 275, 283
 Северный 38, 125, 181, 270, 271, 283
 Каганат:
 Восточно-тюркский 57, 59, 63
 Второй тюркский 58
 Западно-тюркский 63
 Караханидский 63
 Первый Тюркский 57, 61
 Уйгурский 58, 61, 63
 Кадури семья 40
 Казань 268, 269
 Казахстан / Республика Казахстан 38, 55, 62, 63, 102, 103, 106, 110, 112, 120, 121, 152, 171–178, 186–191, 213, 221, 225, 268, 301, 323
 Восточный 301
 Южный 55, 63
 Казаяклия 148
 Кале 292
 Калифорния 21
 Калхант 204
 Кампыр-тепе 244
 Камышлов, -ка 135, 136
 Канада 221, 312
 Канишка I 240
 Капаган-каган 58, 60, 62
 Каппадокия 211
 Карабалгасун (Орду-балык) 61
 Каракалпакстан / Каракалпакская АССР 120, 121
 Каракорум 37, 38
 Каракурт 148
 Караман 211

- Кара-тепе 241
Кара-Чурин Тюрк 61, 63
Карпенгер, Рис 114–116
Каспийская область 125
Каспийское море / Каспий 127–129
Кауфман А.А. 154
Кашкин Е.П. 142
Квебек 311, 312
КВЖД 40, 43
Квилликова Е.Н. 148
Кемеровская область 137, 223
Керулен 35
Кёльн 292
Киликия 204
Киньрская волость 136
Кишр 116, 85
Киргизия / Кыргызстан 63, 103, 221, 226, 268–270, 278, 279, 281, 282
Кириет-Лунга 149
Кирсово 148
Китай / КНР 26, 32–35, 37, 39, 40, 44, 45, 55, 57–61, 79, 84, 86, 88, 91, 92, 100, 110, 137, 139, 174, 192, 194, 196, 197, 226, 237, 248, 265, 275, 301, 305
Северный 35, 55
Кишиневская духовная консистория 148, 149
Клейн Л.С. 297–299, 302
Клингер, Рон 45
Кляшторный С.Г. 55, 62
Ковалев А.А. 301, 303
Коджон 94
Колер П. 311
Комрат 149
Конгаз 149
Конфуций 310
Копчак (Татар-Копчак) 148
Корейский полуостров 33, 34, 93
Коркина слобода 138
Корусенко С.Н. 141
Косово 322
Костанайская область 174
Краснодарский край 177, 221
Красноярский край 223
Крижанич Юрий 137
Крым 127, 130, 153, 213
Кубей 148
Кудзула Кадфиз 239
Кузнецкий уезд 137
Кукунор 135
Кунмин университет 105
Куропятник А.И. 72
Кучум 136, 138
Кызыл-Узен 210
Кэмбридж 11
Кюль-тегин 60
- Л**
- Ланьков А. 101, 105
Лас Вегас 198
Латвия 173, 285
Ле Пен, Марин 294
Левада-Центр 273
Левант 117, 201, 203, 204, 246
Левантийское побережье 115
Леви-Брюль, Л. 262
Легра, Жюль 186
Лейденский университет 26
Лейпцигский египтологический институт 235
Ленин 17
Ленинград 182
Ленинградская область 177, 221
Леонги, Жан 291
Лесков Н.С. 180
Ли Мэйшин 88
«Либеральный иудаизм», организация 287
Лиш, Буркхардт 315, 316
Ливан 77, 122
Лидия 116
Линчжоу 59, 60
Линью 60
Липецкая область 177
Литва 284, 285, 323

Лондон 21, 86, 287
Лотман Юрий 25
Люксембург 80, 81, 83, 285
Ляо империя 32, 35, 38, 56, 57
Ляо ши 36

М

Македония 234
Малый Тибис 224
Мальта 285
Малаявский Ф. 146, 148
Мангистауская область 174
Манна 210
Маньчжурия 32–34, 36, 41
Маньчжурский инцидент 1931 г. 41
Марокко 84, 86
Масальский И.В. 136
Масанов Н.Э. 187
Массачусетский технологический институт 195, 196
Махди 248
Мачинский Д.А. 118
Маяковский 17
МГУНТ 193, 199
Медина 157
Мекка 157, 158
Мернептах 117
Месопотамия 201, 204, 205, 210
Верхняя 201, 204, 205
Месси 210
Мехри 209
Мзилизикази 21
Мигдония 205
Мидия 209
Милан 86, 87, 89
Митанни (Ханильгальбат) 201, 202, 210
Михаил Федорович, царь 142
Младший жуз 139
Могойн Шине Усу 57
Модэ 305
Молдавское княжество 147
Молдова / Республика, -и Молдова 79, 84, 144, 145, 147, 151, 152, 213, 214, 218, 270, 271

Национальный архив 214
МОМ 268
Монголия, -и 32, 35, 37, 55–57, 63, 101, 102, 104, 106, 108–110, 112, 152, 173, 174, 192–200
Внешняя 55
Внутренняя 55
Западная 56–57
Министерство труда и социальной защиты 199
Национальный университет 192
Северная 56
Центральная 35, 56, 63
Монгольская империя 37
Москва 28, 82, 133, 221, 268, 269, 271, 277, 280, 309
Московичи С. 262
Московская область 177, 221, 261, 268
Московский Центр Карнеги 327
Московское государство 133
Мохаммед Реза Пехлеви 256
Мохтади, Шахрзад 122
Мошков В.А. 212
Мукден 41, 43
Мукиш 117
Мусульманский совет Уэльса 287
Мухан-каган 61
Мушков область / страна 205, 206
Мюнстер 259
Мюнхен 317
Мюс 204
Мясной Иван 133

Н

Навкратис 233
Нант 288
Народная партия Ирана 256
Нарышкин А.Ф. 138
Национальный Фронт Франции 294
«Незабудка», детский сад 309
Непал 79, 84
«Нестор – История», издательство 28

- Нигерия 84
Нидерланды / Голландия 284–289, 295
Нижний Новгород 155, 268
Нижняя Саксония 290
Николай II 40
Нил 234
Нинурта-апиль-Экур 204, 205
Нинья-Хуэйский автономный район 60
Новая Зеландия 322
Новгород 133
Новгородская республика 133
Новосибирск 222, 223, 225–227
Новосибирская область 137, 177, 219, 225, 226
 районы в ней 222–225
 Баганский 222
 Барабинский 224
 Здвинский 222
 Карасукский 225
 Коченевский 222, 223
 Красноозерский 225
 Купинский 222, 224
 Кыштовский 222
 Северный 222
 Татарский 224
 Убинский 223
 Чановский 224, 225
 Черепановский 222, 223
 Чистоозерный 222
Новый поселок 225
Ногайская Орда 130
Норвегия 78, 79, 285, 293
Нор-Ишим 135
Нюрнбергские законы 1935 г. 41
- О**
- «О дозволении ташкентцам...», указ 1789 г. 141
«О миграции населения», закон 121
«О поселении в Бессарабской области...», указ 1819 г. 146–148
«О разбирательстве дел третейским судом...», доклад Сената 1800 г. 143
«О статусе народа Гагаузии», закон 152
«Об оставлении тобольских бухарцев..», указ 1787 г. 142
Огненная Земля 17, 21
Одесса 155
Одесская область 213
Океания 20
«Окно в Корею», газета 98, 103
Оксфорд 311
Октябрьская И.В. 226
Олимп 18
Олланд, Франсуа 291
Омск 178
Омская область 137
Омь 135, 136
Онон 56
ООН 246, 284
«ООН женщины», организация 268
Ордос 55, 58, 59
Оренбургская область 177
Ориани, Рафаэль 85
Орхон 56
Осака 194
«Османие», орден 156
Османская империя 144, 153, 155, 156
Оснабрюкский университет 259
ОЭСР 77–80
- П**
- Павел I 143
Пак Вонсун 110
Пакистан 77, 84, 284, 285
Палестина 41, 42, 153
Палестэ 203
Пальме, Улоф 11
Памфилия 204
Пан Гуан 45, 46
Панин бугор 142
Паоло Сарпи улица 86, 87
Париж 86

- Парижский мирный договор 1856 г. 147
 Парнас 18
 Парфентьев Леонтий 139
 Паххува 206
 Пекин 46
 Пелопонесс 115
 Пелым 133, 134
 Пензенская область 177
 Перепись, -и населения 150, 173, 174, 216, 218, 268
 Казахстана 173, 174
 Румынии 218
 Всероссийская 1897 г. 150, 216
 Всероссийская 2010 г. 268
 Всесоюзная 1989 г. 173, 174
 Персия 127
 Петербург / Санкт-Петербург 28, 154, 180, 221, 268, 269
 Петр I 142
 Пистойеэе улица 91
 Пистойя 91
 Плодородный полумесяц 210
 Победоносцев К.П. 40
 Поволжско-Уральский регион 131
 Поволжье 128, 133, 138
 Подунавье 63
 Польша 78, 79, 84, 284, 285, 287
 Португалия 284, 285, 287
 «Посев», издательство 309
 Потсдам 311
 Праго 86, 88–90, 92
 Приазовье 213
 Приаралье 120, 121
 Прибайкалье 55, 56
 Прииртышье 63
 Прикаспий 63
 Приморский край / Приморье 36, 93, 104, 106
 Приобье 302, 306
 Прис, Людвиг 308
 Приурмийский район 210
 Причерноморье 62, 63, 130
 Северное 62, 63
 Пророк Мохаммед 247
 Протей 13
 «Протоколы сионских мудрецов» 40
 Прут 144
 Псамметих I 233
 Птолемеяв династия 233
 Пуришкевич В. 149
 Пуса 56
 Пусан 98
 Путин 13
 Путятин Е.В. 93
 Пфайфер Х. 310
- Р**
- Рабатак 240
 Равенштейн, Э. 175
 Радаев В. 219
 Разрядный приказ 138
 Райм, Линкольн 16
 Рамсес II 117
 Рамсес III 202–204
 Рашид-ад-дин 37, 124
 Революция
 Демократическая 1990 г. в Монголии 192
 Исламская 1978 г. в Иране 254–257
 «Культурная» в Китае 45
 Октябрьская 1917 г. в России 41
 Рейнтгес К. 235
 Ремезовская летопись 135
 Рес 204, 205
 Рим 86, 87, 89
 Римская империя 119, 322
 Западная 24
 Рома Тёрмини вокзал 88
 Российская, -ой империя, -и 140, 141, 144, 149, 151–158, 211, 214
 Военное министерство 157
 Департамент полиции 156
 Комитет об иностранных поселениях 149

- МВД 154, 155, 157
МИД 157
Министерство народного просвещения 156
Переселенческое управление 154
Полное собрание законов / ПСЗРИ 140, 141
Россия / Российская Федерация / РФ 26–28, 34, 39–43, 73, 79, 85, 86, 93–98, 100–104, 106, 108–110, 112, 138–140, 144, 145, 147, 151–154, 173, 174, 176, 179, 180, 182, 186, 187, 189, 190, 193, 197, 218, 248, 252, 264, 267–271, 273–275, 277–281, 283, 323, 325
Ростовская область 177
Ротшильд, Эмма 11
Румыния 86, 285, 287
Русская православная церковь 152
Русское государство / Русь 130, 133, 134, 138
Рязанцев С.В. 219
Рязань 178
- С**
- Саар 290
САВАК 256
Савинов Д.Г. 306
Саларес Р. 115
Салманасар I 208, 209
Салтыков С.И. 138
Самарканд 57
«Самарканд», кафе 108
Самарская область 177
Саратов 268
Саратовская область 177
Саргон Великий 13
Саргон II 207, 208
Сассун 40, 44
Саудовская Аравия 250
Сафронов А.В. 202
Саяно-Алтай, -ское нагорье 55, 56, 124
Святейший Синод 217
Свято-Афанасьевская церковь 149
Сгорлон, Карло 15
Север 85
Северная Корея / КНДР 36, 93, 226
Северное Лян 55
Северный Рейн-Вестфалия 290
Селенга 60
Семиречье 54, 55, 62, 63
Сенегал 84
Сен-Этьен де Руврэ, приход 289
Середин-Сабатин А.И. (Саль Пхачжин) 93
Сеул / в Сеуле 93, 98, 101, 102, 105, 106, 108, 110
«Дизайн Плаза», центр дизайна 102
«Дута», торговый центр 102
«Мильоре», торговый центр 102
Тондэму, квартал 102–104, 110, 111
«Хэлло», торговый центр 102
«Сеульский вестник», газета 98, 103
Сибирская губерния 142
Сибирский приказ 142
Сибирский федеральный округ 219
Сибирское ханство / царство 140
Сибирь 106, 125, 133–140, 143, 144, 153–155, 186, 300–303, 306
 Западная 125, 133, 135, 137, 139, 140, 155, 186, 300, 301, 303, 306
 Южная 323
Симиан, Франсуа 19
«Синьхуа», агентство 43
Синьцзян 301
Сирия 115, 121–124, 206, 245, 246, 248, 251, 252, 265, 284, 285
Сизтл 196
Словакия 284, 285
Словения 284, 285
«Слово», стихотворение Н. Гумилева 18
СНГ 98, 103, 107, 110, 112, 221–223, 225
Совет Безопасности 246

- Совет Европы 284
 Советский Союз / СССР 15, 94, 107, 121, 172, 174, 188, 195, 218, 250, 314
 Софья, царевна 142
 Сочи 265
 Союз Беларуси – России 151
 Сперанский М.М. 143
 Средиземное море 116, 291, 293
 Средиземноморье 19, 114, 116, 118, 322
 Ставрополь 268
 Стальяно, Риккардо 85
 Степной край 187
 Стримон (Палестинос) 203
 Стурдза А.С. 145
 Суй 61
 Сукин Василий 133
 Султанов М. 156
 Суппилиумас 202
 Сургут 133, 134
 Сурх-Котал 240, 243
 США 27, 41, 44, 78–81, 83, 173, 194, 195, 221, 256
 Сюй Цю Лин 91
 Ся Най 33
 Сяо Сиань 46
 Сячжоу 59
- Т**
- Табак 148
 Таджикистан 84, 102, 105, 109, 112, 173, 221, 224, 226, 268–270, 278, 279–282
 Тан / Танская империя 57, 58, 59
 Тан Пэйцзи 41, 43, 46
 Тара 134, 136, 137
 Тараклия 148
 Тармокуль 224
 Тарский уезд 136, 137
 Тарханский острог 138
 Ташкент 140
 Твардица 149
 Тегеран 257
 Телусин 210
 Тель Афек 117
 Тен М. 107
 Теплоухов С.А. 302
 Термез / Старый Термез 237, 238, 241
 Терсяцкая волость 136
 Терхинская надпись 57
 Тиглатпаласар I 208
 Тигр, река 201, 204, 205, 207, 210
 Тито 325
 Тихий океан 43, 93
 Тихомиров К.Н. 300, 301
 Тишков В. 219
 Тобол 133–135, 137–139
 Тобольск 133, 134, 136, 138, 139, 142, 155
 Тобольская губерния 155
 Тобольский разряд 134, 137
 Тобольский уезд 138
 Тола 35, 36, 56
 Томай 147, 148
 Томская область 137, 177, 223
 Тоньюкук 56
 Тохтамыш 130
 Трамп 13
 Транссиб 15, 43
 Треккани 15
 Третий рейх 225
 Трoада 203
 Троя 204
 Тува 38
 Тувинская котловина 125
 Тули (Жангар, Кежинь / Кеминь-каган) 61
 Тунис 78, 79, 248
 Тура 134
 Тур-Абдин 205
 Туринск 134
 Туринский острог 134
 Туркестан 54, 57, 58, 62, 63, 138–140
 Восточный 54, 63, 140

Туркестанский край 157, 187
 Туркменистан 174
 Турция 77–79, 122, 146, 154, 173,
 226, 252, 316
 Тушхан 207
 Тэйлор Ч. 311, 312
 Тюменский ссыльный приказ 155
 Тюменский уезд 136
 Тюмень 133, 134, 137
 Тюрк 306
 Тянь-Шаньский аналитический
 центр 269

У

У Сун 193
 Уалли 210
 Уаткун 208
 Угарит 117
 Узбекистан 102, 103, 105, 106, 110,
 112, 173, 174, 221, 224, 226, 237, 270,
 271
 Украина 79, 84, 103, 197, 226, 270,
 271
 Улан-Батор 35, 193
 Улан-Удэ 32, 105, 268
 Улисс 14
 Уполномоченный по правам челове-
 ка в Москве 268
 Ур 117
 Урал, река 125
 Урарту / Ур(у)атри 207–209
 Урмия (Ма(н)гиана) 209
 Уртену дом 117
 Устав о воинской повинности
 1874 г. 151
 Устав о паспортах 1903 г. 157
 Устав об управлении инородцев
 1822 г. 143
 Утяцкая слобода 138
 Уфимский уезд 137
 У-цзе 61
 Уэльс 287
 Уюань 58

Ф

Фабио Фильци улица 91
 Фанчжоу 36
 ФАО 122
 Ферганская долина 158
 Фёдор Иоаннович, царь 133
 «Фигаро», газета 293
 Филипины 84
 Финикия 204
 Финляндия 285, 293
 Фицо, Роберт 252
 Флоренция 89
 ФМС 268
 Форст, Райнер 313
 Фракция 234
 Франкфурт-на-Майне 309
 Франкфуртская школа 308, 312, 318
 Франциск, папа римский 288
 Франция 20, 21, 78–82, 88, 255, 285,
 286, 289–292, 301
 Французская концессия в Шанхае 42
 Фриуле 15
 Фудифу 60
 Фурсов А. 85

Х

Хабаровск 268
 Хабаровский край 104
 Хабермас, Юрген 312, 313
 Хабхи («страна Суги») 207–209
 Хаджи-Ахмед-Эфенди 155
 Хайфа 45
 Халифат 247, 248
 Ханаан 18, 117
 Хангай 56
 Хань, империя 32, 61, 305
 Харари, Юваль Ной 22, 328
 Харбин 40
 Хатти 117, 202, 207
 Хаттуса 205
 Хатын-Рабат 243
 Хаучжоу 59

Хели (Эль-каган) 59
 Херварц-Эдлер, Л. 311
 Херсонская губерния 147
 Хеттское государство / царство 114, 205
 Хёш, Матиас 317
 Хивинское ханство / «земля Юргенская» 138, 140
 Хилокский рынок 226
 Хорватия 284, 285
 Хорезм 37, 127
 Хотарничанский цынут 147
 Хох, Джеймс 229, 232
 Хувишка 240, 243
 Хулагу 37
 Хункоу 43
 Хунну / Хуннуская империя 32, 38, 60
 Хурри / «Страна Хурри» / Шубриа 201, 202, 206, 210
 Хухань 60, 61
 Хэ Фэньшан 42
 Хэси 55

Ц

Царёво Городище слобода 138, 139
 Цзи Вэнь Бо 91
 Цзинь 37, 57
 Цины 139

Ч

Чадыр 147
 Чадыр-Лунга 147, 148
 Чакир 216, 217
 Дмитрий 216
 Михаил 216, 217
 Чампи, Карло Адзельо 91
 Чанчжоу 59
 Черноземье 186
 Чехия 193, 197, 198, 284, 285, 287
 Чеховской В. 311
 Чехословакия 42
 Чешмеваруит 149

«Чёрная смерть» 123, 124, 129
 Чжоу Гоцзянь 46
 Чжэньу 61
 Чжэньчжоу 36
 Чжэцзян 89
 Чингис-хан 36
 Чинтолгой балгас 35, 36
 «Числа», книга Ветхого завета 18
 Чичагов П.В. 145
 Чишмекиной 148
 Чок-Мейдан 149
 Чолухоу 61
 Чорох 206, 210
 Чукотка 17
 Чулков Василий 133
 Чумляцкая слобода 138

Ш

Ша-бо-люэ 61
 Шамильоглу Ю. 129
 Шанхай 39–46, 323
 Шанхайский сеттльмент 40, 42
 Шаньси 59
 Швейцария 79, 80, 83, 256, 285, 290
 Швеция 78, 79, 81, 83, 284, 285, 292, 293
 Шефтсбери 17
 Шива 239
 Шиндлер 42
 Шишихуси 57
 Шмитт, Эрик-Эмманюэль 14
 ШОС 12
 Шоусянчэн 61
 Шофан 59
 Шуньчжоу 59
 Шымкент / Чимкент 176, 177
 Шэньси 59

Э

Эвианская конференция 1938 г. 42
 Эгеида 204
 Эгейские острова 234
 Эдзин-гол (Жошуй) 55

Эзра 40
Эко, Умберто 21
Эмар 117
Эпир 203
Эпштейн Михаил 320, 322
Эргани-Маден 207
Эрдэнэт 193
Эрикссон, Эрик 65
Эрисинни 210
Эритрея 284, 285
Эсвил(л)ино квартал 88
Эстония 284, 285
Этулия 149
Эфиопия 77

Ю

Юань ши 38
Юваль, Моше 44
Юг 85
Южная Корея / Республика, -и Ко-
рея / РК 93–98, 100, 101, 104–106,
108, 111–113, 193, 197

Агентство по международному
сотрудничеству 106
Агентство содействия внешней
торговле и инвестициям 100
Иммиграционная служба 104
Министерство труда 95
Статистическое управление 95
Южно-Казахстанская область 174, 177
Южно-Китайская железная дорога 41
Южно-Китайское море 12
ЮНИСЕФ 193
Юньчжун 58
Юн-юй-лю 61
Ючжоу 59

Я

Яик 135
Якутия 104
Ялпук 148
Ялutorовская слобода 138
Ямыш 138
Япония 26, 100, 194, 236

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

абешлайцы 205
 аборигены 23, 24, 35, 36, 66, 205, 322
 авары 62
 автоматизация 84
 автономия 60, 67, 70, 121, 151, 152, 155, 219, 313, 322
 автохтоны, -изм 24, 189, 191, 220, 302
 азбука катакана / хирагана 231
 албанцы 212, 322
 алфавит, -ы / письмо 61, 99, 117, 211, 228, 230, 231, 234, 235, 237–244
 арамейский 238
 бактрийское 238, 240–244
 брахми 238, 241, 242, 244
 греческий 211, 237, 239, 242, 244
 демотический 235
 дистрибуция их 237–244
 кхароштхи 238, 239, 242–244
 «неизвестное» 238, 239, 241, 243
 официальный 239
 англы 27
 анклав, -ы 60, 61, 90, 91, 101–103, 108, 111, 113, 185, 206–208, 210, 226
 мигрантский в Сеуле 98, 99, 101–113
 антисемитизм 40, 41, 45, 327
 античность, ее наследие 24
 антропогенез 13, 17
 арабы 27, 203
 арамен 209
 аридизация 116, 118, 122, 128
 климата 116, 118, 122
 степеней и плоскогорий 128
 археолог, -и, -ия 18, 27, 29, 33, 296, 297, 300–303, 307
 естественнонаучные методы в ней 300, 306, 307
 асабия 321
 аскании 203
 ассиане 63

ас-сулюль 247
 агропоноз 126
 аулы казахские 189, 225
 ахейцы 202, 203, 210

Б

байырку 56
 баргуты 124
 барсилы 62
 басмылы 57
 баты (байауты) 125
 башкан 152
 беженцы 41–43, 77, 78, 81, 122, 123, 251, 253, 258, 284, 286–288, 292, 293, 309, 315, 317, 318
 в Сирию / из Сирии 122, 123, 251
 в страны Евросоюза 251, 284–288
 в Турцию 77
 еврейские 41–43
 палестинские 122
 безработица, безработный, -ые 78, 84, 123, 224, 265, 316
 берекинты 203
 билингва, -ы 242, 243
 боевики 245, 246, 248
 болгарин, болгары, -ки 146–148, 152, 211–218, 324
 бохайцы 32, 35, 36, 56
 брак, -и 14, 32, 35, 36, 56, 61, 69, 100, 195, 224, 257, 270, 271, 308, 309
 межнациональные / смешанные 100, 224, 257, 270, 271, 308, 309
 буддизм, буддист, -ы 57, 237
 буддийская община / сангха 241, 242, 288
 буддийский, -ие монастырь, -и / монахи 237, 238, 244
 буркини 290
 буряты 97, 98, 105, 108
 «бухарцы» 140–144

В

валахи 145
ВВП 81, 197
весь 24
вилает 130
вифины 204, 205
военнопленные 33, 34, 229
воздействие антропогенное 128
волости «бухарские» 136, 143
выборка социологическая 30, 73, 95,
196, 219, 222, 261, 268–271, 274–
276, 278–282

Г

гагаузы 147, 148, 152, 211–218
Бессарабии, бессарабские 211–218
Болгарии 213
Греции 213
идентификация их 214–215, 217
Казахстана 213
Крыма 213
Молдовы 213, 218
Одесской обл. 213
переселение их 211, 214, 218
Приазовья 213
Причерноморья (*хасыл гагагуз*)
213
происхождение их 211–212, 215,
216
Северного Кавказа 213
гастарбайтеры 97, 98, 101, 111, 112
русские 97, 98, 101
география 20, 42, 177, 187
вселения 177
выселения / исхода 42, 177
расселения 187
герменевтика 313
гетто 43, 180
глобализация 25, 69, 318, 326
кризис ее 318
предпосылки 25
голод 37, 45, 85, 114–117, 125, 129–131

голядь 24
город, -а 28, 35, 36, 38, 40–45, 56,
57, 61, 63, 86–93, 103, 106, 107,
109–111, 122, 126–129, 134
Золотой Орды 126–129
русские 28
сибирские 134
средневековые 38
гостеприимство 313, 314, 316
государство 17, 24, 27, 35–37, 42, 45,
46, 62, 71, 80, 85, 93, 94, 114, 115,
121, 124–126, 131, 133, 134, 137, 138,
140, 141, 152–155, 172, 181, 187,
189, 197, 198, 201, 202, 213, 214, 229,
242, 245–254, 283–285, 288–294,
313–315, 317, 318, 322, 323, 325
демократическое правовое 313, 314
социальное 78
гражданство 43, 80, 86, 95, 105, 224,
250, 252, 258, 259, 268, 280, 283, 311
двойное 105, 311
немецкое 250, 252, 259, 311
русское 224, 268, 280, 283
граница, -ы 20, 27–29, 35, 37, 44, 55,
58, 61, 71, 72, 80, 83, 137–139, 171,
186, 187, 189–194, 201, 202, 210, 225,
237, 244, 247, 257, 264, 283, 294, 304
административные 186, 187
восприятие / перцепция 27, 244
государственные 27, 83, 94, 98,
171, 172, 178–180, 182, 187, 189,
190
(социо)культурные 27, 171, 186,
187, 189, 190, 244, 283
греки 202, 204, 206, 211–214, 233, 234
группа, -ы 13, 19, 24, 34–36, 42,
54–56, 58–60, 62, 63, 65, 70, 73, 74,
78, 80, 92, 96, 98, 100, 108, 120, 124,
125, 128, 134–136, 176, 181, 182,
196, 203, 213, 220, 221, 223–226, 229,
232, 237, 246, 252–256, 258–260,
262, 263, 270–272, 283, 298, 301,
302, 308, 327

- аборигенная 34, 35
 антропологические 34
 китайская 34
 кланово-племенные 54, 55, 59, 62, 63
 социальная, -ые 176, 262, 263
 хуннская 34, 55
 «цифровых номадов» 73, 74
 этнические / этнокультурная 36, 60, 92, 120, 124, 213, 220, 221, 223–225
 гунны / хунну / сюнну 21, 32, 34, 35, 55–58, 61–63, 118, 305
 северные 32, 58, 61
 южные 58, 61
- Д**
- дансяне (тангуты) 59
 дань / *двоеданство* 61, 133, 137, 138
 двязычие 224
 демографическая экспансия 185
 демографические процессы 119, 192
 демографический прогноз для Германии 311
 демографическое давление / нагрузка 94, 119
 денены (данайцы) 204
 депортация, -и / высылка 37, 38, 180, 293, 315, 318
 детерминизм экономический 175
 деятельность 12, 66, 222–224, 226, 241, 245–248, 253, 287, 313, 314, 321
 предпринимательская 224
 террористическая 246, 247
 трудовая 12, 66, 222, 223, 267
 хозяйственная 226, 244
 джихад, -изм, -ист(ы) 248, 252, 289
 диаспора 46, 58, 71, 86–88, 104, 106, 182, 188, 193, 221, 226, 251–260, 279, 324
 главенствующая в этноэкономике 221
 еврейская 46
- иранская 253–260
 исламская 251
 китайская 87
 монгольская 104, 106, 193
 русская 188
 согдийская 58
 узбекская 226
- дин 321
 динлины 58
 дискриминация, в том числе позитивная 13, 40, 41, 181, 259, 322, 325
 дискурс 183, 184, 294, 320
 гипотетический 320
 идеологический 184
 ксенофобский 294
 медийный 183
 дистанция 12, 182, 268, 326
 временная 326
 исследовательская 12
 культурная / межэтническая 182, 268
 диффузионизм 297
 дорийцы 115
 дуду / дудуфу 59
 дулу 62
- Е**
- евреи 18, 39–46, 265
 азиатские 40
 европейские 40, 42–44
 русские 40–44
 сефарды 39, 44
- Ж**
- животноводство 122, 125
 жужане / жуань-жуани 55, 56, 58, 62, 305, 321
- З**
- зависимость 55, 76, 78, 132, 133, 220, 221, 323
 завоевание, -я 23, 24, 27, 36, 55, 56, 115, 135, 215, 228, 233, 240, 255, 322, 323
 заимствованные слова 228–238

- в Древнем Египте 228–237
военные термины 229, 233
вторая волна их 233–236
из греческого 233–238
первая волна их 228–233, 236
из семитских языков 229
слоговое письмо для них 230
топографические термины 229, 233
- в японском языке 231, 236, 237
из европейских языков (*гай-райго*) 231
из китайского языка (*канзо*) 231, 236, 237
- занятость 66, 81–83, 95, 96, 219, 222, 225, 257, 258, 268, 269, 275, 276, 292
в домашнем хозяйстве 82, 276
в здравоохранении 82, 83
в науке и в образовании 96
в предпринимательстве 96
в промышленности 82
в секторе услуг / торговле 82
в сельском хозяйстве 82
на транспорте 82
нелегальная 268
- заработная плата 78, 79, 92, 97, 105, 108, 224, 281
- засуха, -и, в том числе в Сирии 85, 114–118
- захаб 35
- земледелие 118, 121, 125, 135
неполивное 121
рискованное 125
- зулусы 21
- И**
- идентификация 66, 111, 151, 187, 201, 213–217, 321
множественная 66
региональная / территориальная 111
хозяйственно-культурная 187
этническая 213
- идентичность, -и 24, 64–76, 101, 111, 147, 182, 211–220, 263, 290, 292, 293, 308–310, 312, 314, 321
бикультурная / гибридная 67, 70, 309
болгарская 214
гагаузская 211–219
гражданская 72, 213
греческая 214
групповая 263
двойственная 70, 72
европейская 293
коллективная 312
комплексная 310
«кочевническая» 70–76
культурная / культурно-историческая 218, 220, 292, 308–310
личная / личностная 64, 65, 67, 71, 74, 76, 314
локальная 314
национальная 308
региональная 72, 111
религиозная 147
ригидная 310
российская / русская 309
социальная 65, 67, 74, 76, 321
универсальная 314
французская 290
этническая 111, 182, 211, 212, 214
- иероглиф, -ы 33, 87, 231, 236
- иммигранты 33, 72, 78–84, 92, 111, 112, 154, 173, 196, 249, 251, 269
- империя, -и 15, 35, 37, 38, 55, 56, 58–63, 119, 137, 139, 141, 142, 153, 156, 180, 181, 202, 229, 306, 307, 324
- кочевая, -ые 35, 38, 56, 58, 60–63, 137, 139, 306
- инкорпорация правовая 325
- иностранец, -цы 40, 44, 80, 87, 89, 91, 96, 101, 104, 155, 180, 265, 277, 281, 288, 311
как категория 80, 311

- иностранцы граждане / подданные 153, 157, 192
- институт, -ы, -ции 102, 141, 179, 184, 226, 244, 248, 259, 309
- интеграция 67, 72, 111, 152, 184, 249, 250, 253–255, 258–260, 277, 278, 291, 294, 295, 310, 311, 316, 318, 323–327
- гражданская 325
 - диаспоральная 184
- интервью 73, 91, 219, 225, 268, 269
- глубинные 268, 269
 - свободные 73
 - экспертные 219, 225
- интернет 43, 68, 91, 97, 98, 105, 108, 291, 293, 294, 309
- блог, -и 291, 293
 - дискуссии 294
 - платформы 43
- интернет-форум, -ы 97, 105, 108
- «Вконтакте» 108
 - хамке 108
- информация 32, 146, 178, 194, 258, 262, 287, 288, 300, 310
- инфраструктура 102, 103, 183, 247, 294
- иранская диаспора в Германии 253–259
- современная 258–259
 - структура ее 255, 257, 258
- иранская (им)миграция в Германию 255–258
- вторая волна 255, 256
 - первая волна 254, 255
 - третья волна 256, 257
 - четвертая волна 257, 258
 - интеграция 253, 254, 257, 258, 260
- иранские студенты в Германии 254–256
- ислам 248, 259, 260, 289–291, 295
- интеграция в европейское общество 291
 - радикальный 295
 - «французский» 291
- исламофилия 289
- исламофобия 249
- исламская диаспора / община 251, 290
- исламский мир 37, 259
- «Исламское государство» / «ИГ» / «ИГИЛ» 245–248, 251, 252
- иностранцы боевики в нем 245, 246
 - особенности 246–248
 - социальная база в Европе 246, 249–252
 - цели 247, 248, 251
- история 11, 17–20, 22–26, 29, 31, 36–39, 46, 57, 64, 114, 123, 132, 144, 151, 184, 186, 188, 190, 202, 217, 228, 233, 236, 244, 253, 254, 296, 297, 303, 305, 307, 309, 320, 322, 323
- бесписьменная 297
 - демографическая 322
 - политическая 19
 - процессуальная 19
 - событийная 19
- ## К
- кавказские горцы, их переселение 153
- «кавказцы» 181, 182, 270
- казаки 93, 133
- казахи 107, 120, 121, 132, 135, 138–140, 155, 173, 176, 178, 186–192
- городские 187–191
 - миграция их в Казахстан 120, 121, 132, 173, 174, 176, 178
 - набеги на русские слободы 138, 139
 - постсоветская урбанизация 188–191
 - противоречия с ойратами 138
 - русифицированные 187–189
- калмыки 135–138
- кан, -ы (*ондоль*) 34, 36, 38
- каракалпаки, их миграция 120
- караманлийские книги 211
- карлуки 57
- каскасы 205
- категоризация 13, 263
- кидани 25, 36, 56, 57, 59, 62
- кимаки 63

- китайская миграция / мигранты 32, 36, 57, 86, 87, 89, 180, 183, 192
 земледельцы и ремесленники 32, 36, 87
- китайская община / колония 57, 87–89, 91, 93, 101, 180
- китайские хроники / источники 32, 43–45
- китайцы 32, 35, 44, 56, 57, 85–93, 180, 184, 185
 в Италии 85–93
- клан, -ы 59, 62, 125
- климат, его изменения 31, 114, 116, 118–120, 122, 125, 127, 176
- климатическая, -ие модель, -и 115, 116
- климатические условия 63, 64, 116, 120, 125, 176
- колонизация 16, 132–135
 русская Сибири 132–135
- колонисты 146, 147, 150, 211, 322
- колония, -и как владение 154
- колония, -и как поселение 147–150, 215, 322
 «болгарского водворения» 148, 215
- коммунитаристы 71
- контекст 14, 16, 64, 72, 75, 87, 92, 144, 152, 210, 211, 238, 242, 254, 267, 284, 306, 321
 глобальный 267, 284, 306
 исследовательский 64
 исторический 210, 254, 306
 (мульти-, социо)культурный 65, 72, 75, 87, 92, 238
 политики, -ческий 144, 152
- контент-анализ 73, 262
- концепция, -и 13, 27, 201, 262, 291, 296, 298, 305, 314, 321
- кооперация международная 317
- копты 234
- корейское общество 101, 112
- корейцы 93, 97, 98, 100, 101, 105, 107, 109, 110, 112, 113, 180
 их имена / фамилии 93, 98
 «местные» (*хангук сарам*) 109, 110
 «русские» (*корё сарам*) 97, 98, 101, 107, 109
 этнические 97, 100, 112
- коренные жители / народы / население 24, 79, 80, 110, 124, 191, 220, 221, 223, 225, 227, 294, 308, 310, 311
- косовары 322
- кочевник, -и 34, 35, 54, 56–60, 62–64
- кочевники «новые» / «цифровые» 64–69, 71–76
 идентичность их 67, 72, 74–76
 типы 72, 73
- кочевничество 68, 72, 73, 309, 316
- кошивон* 108
- крестьяне 15, 134, 138, 145, 315
- кризис 15, 87, 97, 114–123, 251, 253, 277, 284, 286, 293, 318
 аральский 120, 121
 глобализации 318
 доверия 277
 жилищный 293
 миграционный 15, 251, 253, 284, 286
 позднего бронзового века 114–118
 сирийский 121–123
 экономический 87, 97
- ксенофоб, -ия 292, 294, 327
- культура, -ы 14, 24, 25, 32, 36, 38, 65, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 83, 88, 100, 101, 107, 112, 124, 126, 154, 184, 188, 202, 206, 212, 213, 215, 218, 220, 221, 225, 229, 233, 236, 242, 244, 264, 266, 293, 295, 297, 300–306, 308, 311, 312, 326
 археологическая, -ие 36, 206, 297, 303–306
 андроновская 304
 афанасьевская 36, 303
 бийкенская 304
 бохайская 36
 булан-кобинская 305
 елунинская 303

- майэмирская 304
 найманов 306
 пазырыкская 304
 сротскинская 306
 старофригийская 206
 хурритская 206
 чжурчжэньская 36
 вестернизированная 69
 взаимодействие, -обогащение их
 32, 38, 72, 311, 326
 гагаузская 212, 218
 греческая 233
 Древнего Египта 233
 другая / чужая 264, 266, 295, 312
 духовная 215
 европейская 293
 исламская, ее восприятие 295
 итальянская 88
 корейская 100, 101, 112
 материальная 124, 202, 215, 229,
 302, 303, 305, 307
 мировая 312
 монгольская 107
 немецкая 225
 политическая 126
 равноценность их 326
 родительская / родная / предков
 71, 72, 74, 75, 184, 312
 русская 107, 154, 218
 смешанная 107
 советская 107
 узбекская 107
 трансформация ее, их 25, 301
 христианская 236
 этнические 220
 кутригуры 62
 кухня национальная 104, 109, 184
 кушане 238, 240–242
 власть у них 241
 знать / сановники 240, 242
 правитель, -и / царь, -и 238–241
 кушанский мир 241, 242
 кыпчаки / кипчаки 62, 125
 кыргызы / киргизы, -ки 12, 61, 107,
 124, 136, 274, 278, 279, 306, 327
- Л**
- «лесные народы» 124
 либерализм 312, 313
 люди «Мехрану» 209
- М**
- маркер, -ы 182, 183, 190, 212, 244
 марокканцы 252
 матиены (митаннийцы) 206, 209, 210
 мера 24
 методика 23, 261–263, 266, 267, 301
 ассоциаций 266
 биполярных шкал 262, 266, 267
 контент-анализа 263
 проективная 261
 мечеть, -и 142, 181, 265, 289–292
 строительство их 289, 290
 мигдоны 203, 205
 «мигрант», ассоциации к слову
 263–267
 мигрантов:
 адаптация 72, 102, 108, 109, 113,
 181, 184, 185, 191, 195, 220, 249,
 277, 287, 327
 аккультурация 101, 308
 ассимиляция 70, 308, 310
 восприятие 12, 13, 15, 39, 92, 93,
 273, 185, 261, 284, 290–295, 328
 второе поколение 112, 257, 311
 денежные переводы 84, 91, 105,
 197–199
 домохозяйства 55, 79, 199
 жилье 81, 108, 110, 286, 287, 292,
 294
 (само)изоляция 43, 277
 (ре)интеграция 67, 74, 111, 184,
 249, 250, 253–255, 258–260, 277,
 278, 283, 294, 295, 310, 311, 316,
 318, 324, 325, 327
 исключение 72, 183, 283

- квалификация 73, 96, 97, 100, 196, 198, 222, 308
- криминал 92, 182, 250, 264, 266, 310
- общение 68, 110, 113, 268, 271, 277–280
- с местным населением 110, 113, 277–280
 - с соотечественниками 110, 113, 277–280
- (само)отчуждение / (само)сегрегация 12, 67, 76, 109, 183, 185, 249, 277, 283, 322, 327
- поведение 120, 181, 263, 267, 272, 292, 309, 327
- право, -а 61, 90, 112, 140–143, 146, 147, 150, 249, 275, 276, 284, 294, 311, 325, 327
- равенство 289, 294, 310
- сексуальные домогательства 292
- сервисы 277
- статус 37, 67, 77, 80, 97, 140, 141, 143, 146, 153, 180, 183, 190, 222, 286, 293, 309, 310
- труд 66, 76, 78, 102, 107, 221, 222
- мигрантофобия 182, 269, 273, 283, 327
- мигранты:
- вахтовики 222–225
 - внешние 106, 193, 277, 283, 323
 - внутренние 123, 268, 278, 83, 226, 309, 310, 316
 - женщины 100, 195, 196, 257, 268, 279, 280
 - их брачные предпочтения 100, 279, 280
 - из Казахстана 102, 106, 112, 222
 - из Киргизии / Кыргызстана 221, 226, 269, 279, 282
 - из Китая 85–89, 91, 92, 180, 184, 185, 192
 - из Монголии 102, 104, 192–196
 - из РФ / российские в Южной Кореи 94–105
 - из Средней Азии 105, 140–144, 158, 267, 270, 274, 275, 279, 281, 283
 - из стран СНГ 98, 103, 107, 110, 221, 222, 223, 225, 270, 271
 - из Таджикистана 102, 106, 112, 173, 221, 224, 226, 268–270, 278, 279, 282
 - из Узбекистана 102, 103, 105, 106, 110, 112, 173, 174, 221, 224, 226, 270
 - из-за рубежа / иностранные 105, 106, 112, 146, 149, 153, 157, 182, 189, 192, 219, 222, 225, 226, 313 (высоко)квалифицированные 37, 73, 98, 100, 194, 196, 198, 269, 273, 274, 278–282, 308, 309, 311, 313
 - мужчины 89, 195, 196, 257, 269, 279, 280
 - мусульмане 144, 152–154, 157, 158, 245, 251, 258, 259, 261, 266, 267, 284, 285, 288, 289
 - наемники 229, 233
 - нелегальные / недокументированные 83, 92, 95, 97, 105, 107, 192, 194, 264, 268, 273, 275
 - неприязнь к ним / недоверие 259, 270, 280, 283
 - низкоквалифицированные 83, 97, 222, 226
 - обучение их / их детей 96, 108, 109, 111, 259, 288, 294
 - отношение к ним 15, 92, 110, 141, 185, 234, 252, 261, 263, 265–279, 283, 284, 286, 288, 289, 291, 292, 315, 316, 328
 - его изменение 267, 269, 292
 - к браку с ними 270, 271
 - москвичей 269–272
 - работодателей 275, 276
 - помощь им / взаимопомощь 106, 108, 113, 279, 287, 288, 317, 328

- волонтеров и правозащитников 287, 288
 диаспоры 113, 279
 посольств 279
 родственников / земляков 113, 279
 пособия им 77–80, 147, 158, 286, 293, 294, 311
 русскоговорящие, -язычные 98, 103, 107, 109, 110, 121, 173, 309, 323
 торговые / торговцы 24, 31, 86, 88, 140, 141, 181, 228, 229, 233
 трудовые 71, 77, 78, 81, 83, 94–98, 106, 192, 199, 219, 222–226, 267, 272, 275–277, 283
 миграционная, -ые волна, -ы 20, 37, 39–43, 63, 85, 116, 133, 144, 149, 153, 210, 221, 251, 284, 288, 303, 315
 в Бессарабию 144, 149
 в Европу 251, 284, 288, 315
 в Западную Сибирь 133
 в Османскую империю 153
 в Средиземноморье 116, 210
 евреев в Китай 39–43
 миграционная политика 111, 121, 127, 130, 140, 144, 145, 150–154, 158, 189, 200, 254, 284, 286, 313, 324, 325
 миграционные намерения / решения 148, 159, 172, 178, 280–283, 323
 миграционный кризис 251, 253, 284, 286
 миграционный поток 20, 27, 29, 31, 39, 55, 69, 71, 77, 85, 95, 97, 104, 140, 171, 191, 193, 195, 221, 222, 237, 249, 250, 252, 267, 309, 317, 323
 миграционный процесс 16, 23, 94, 119, 123, 127, 129–133, 152–154, 158, 175, 179, 182, 185, 192, 194, 200, 228, 233, 296, 297, 300–302, 305, 307, 320
 реконструкция его 129, 130, 296, 297, 302
 миграционный режим 133, 140, 180
 миграция, -и: 14, 17, 18, 21, 23–25, 55, 56, 63, 64, 123–125, 132, 152, 228, 308, 327
 артефактов культуры 24, 36
 археологические признаки ее 297
 археологические следы 298–300
 в Древнюю Бактрию 237
 Великая чемурчкская 301
 грызунов 125, 129
 домонгольская, -ие 55–63, 323
 евреев в Шанхай 39–43
 азиатских 39, 40
 европейских 41–43
 русских 40, 41, 43
 законодательство о ней 292, 293
 значение понятия 14–16
 и антропогенез 13, 16
 и этногенез 53, 201, 324, 325
 историческая, -ие 17, 18, 21, 23–26, 28, 29, 132, 228, 308, 327
 казахов 120, 121, 132, 138–140, 188–191, 321, 323
 катастрофические / травматические 24
 компоненты их 31, 298–300, 320
 кочевников / кочевые 54–56, 58–64, 132
 западного направления 62, 63
 китайского направления 58–62
 сезонные 54
 факторы их 54, 55, 63, 64
 лувийцев 115, 206
 модель 20, 23, 32, 37, 62, 71, 118, 120, 127, 135, 144, 149, 153, 178, 185, 187, 190, 201, 206, 211, 214, 215, 218, 237, 284, 305, 307, 322–324
 двухфазовая 322
 инфильтрация 23, 62, 323
 экспансия / переселение народа 20, 32, 37, 71, 118, 127, 135, 144, 149, 153, 185, 187, 190, 201, 206, 211, 214, 215, 218, 237, 284, 305, 307, 322, 324

- четырёхзвенная 322, 323
монголов 192–195, 197–199
негативные последствия ее 195
позитивные последствия 197, 198
последствия для семьи 198, 199
ойратов 132, 135–137, 321, 323
проблема, -ы 65, 121, 138, 184, 185, 193, 200, 294, 315–318
полюса 72, 309
постсоветские 181, 322
причина, ы 13, 19, 29, 31, 40, 44, 59–63, 104, 118, 172, 175–177, 222–224, 251, 254, 255, 257, 260, 297, 298, 321–323
военные и политические 31, 40, 44, 59–63, 104, 172, 251, 255, 257, 260
российских мусульман 152, 153, 157
русскоязычных из Казахстана 173, 323
следствия 13, 19, 23–25, 29, 32, 65, 71, 83, 152, 175, 179, 185, 190, 192, 194–199, 229, 248, 251, 252, 283, 296–298, 307, 311, 320, 321–323, 326
в прошлом 32, 152, 229, 296–298, 320
проекции в будущее 71, 185, 307, 311, 320
современная, ые 26–29, 64, 77, 221, 254, 307, 308, 320, 323, 327
статистика их 80, 95–97, 154, 157, 158, 172–174, 193, 194, 219
теория 175, 308–318
типологизация 25, 26, 65
типы их:
безвозвратная / постоянная, -ые 31, 101, 103, 108, 171, 224, 185, 249
ближние 31
вахтовая, -ые 223–225
внешняя, -ие 118, 120, 121, 158, 172, 179, 192–196, 277, 283, 323
внутренняя 55–58, 120, 121, 152, 154, 158, 172, 227, 268, 278, 323
возвратная 221, 227, 252
временная, -ые 31, 73, 101, 112, 113, 171, 233, 249
дальние 31, 62
добровольная, -ые 31, 57, 127, 128, 252
завоевательная, -ые 57, 135, 323
кросс-культурная 24
маятниковая / челночная 222, 225, 252
международная 78, 221, 222
межрегиональная 222
межреспубликанская 188
набеговая 35, 132, 138, 139, 323
насильственная / принудительные 31, 32, 37, 38, 57, 127, 128, 133, 324
образовательная / учебная 100, 104, 106, 108, 171, 172, 192, 193, 225, 227, 254–256, 309
паломническая 24, 157, 158, 242
«по цепочке» 63, 320, 323
сезонная 55, 224
семейная 69
трансграничные, -ая 27, 28, 64, 65, 77, 78, 80, 94, 114, 121, 132, 133, 152, 171–175, 177, 178, 180, 188, 192, 194, 195, 200, 214, 249, 267, 322
трудовая 69, 77, 78, 80, 83, 94, 95, 97, 98, 171, 180, 193, 197–199, 221, 227, 267, 280, 283, 285
экологическая 120, 121
факторы их 43, 54, 55, 63, 64, 77, 78, 84, 104, 114, 121, 123, 125, 301, 307, 321

военно-политические 55
 климатические 63, 114, 121, 123
 природно-экологические 54,
 63, 64, 114, 121, 123, 125, 307
 притяжения и выталкивания
 77, 78, 84, 114
 эффект, -ы 23, 26, 179, 245, 286, 308,
 311, 316, 323, 325

демографические 179, 286
 долговременные, -срочные 23, 311
 домино 323
 компенсирующий 311
 кумулятивный 323, 325
 социокультурные 26, 77, 179, 308
 мировоззрение 107, 256, 312

мир-система 39
 восточноазиатская 39
 евразийская 39

младотурки 154
 молдаване 145, 265
 молитвенный дом, -а 149, 150
 монах, -и 146, 237, 241, 242

«монголтаун» 101–103, 106–113
 адаптация им 102, 107–109, 113
 землячества / сообщества в нем
 106, 109, 111, 113
 как постсоветский анклав 102,
 103, 108, 111, 113

монгольская диаспора / мигранты
 104, 110–112, 192–194, 197, 198
 монгол, -ы 32, 37–39, 102–104, 106–
 108, 111, 124, 135, 136, 192–198, 306
 монета, -ы, -ная, -ный 238–241
 надпись / легенда 238
 чекан 240, 241

мультикультурализм 71, 312–315
 мурома 24
 мурувва 321

мусульмане / мусульмане-мигранты
 144, 152–158, 212, 248–252, 258–260,
 262, 265, 266, 267, 284, 288, 289, 290
 немецкие 250, 258
 радикальные 289

российские 152–158
 шииты 248
 мусульманские общины Европы
 246, 250–253, 258, 259
 радикализация 250–253
 самоотчуждение 249
 мушки 204–206

Н

нагыз-казах 189
 народности, -ь / народ, -ы 18, 20, 23,
 24, 32–34, 38, 39, 42, 46, 56, 67, 68,
 112, 116, 119, 124, 132, 133, 135, 138,
 143, 145, 152, 156, 188, 189, 201, 203,
 204, 212, 214–216, 218, 220, 221, 228,
 229, 284, 296, 303, 305, 313, 315, 322
 балканские 145, 203, 212, 218
 балтские 24
 Сибири 56, 132, 133, 143
 финно-угорские 24
 «народы моря» 114, 115, 206

население:
 Бессарабии 146, 150
 земледельческое / оседлое
 32, 57, 143
 Казахстана 173–175
 коренное / местное 24, 79, 80,
 215, 220, 221, 223, 225, 227, 252,
 267–269, 277, 278, 283, 294, 308,
 310, 311
 мусульманское 127, 152–155
 прирост / рост 31, 94, 126, 127, 131,
 150, 173, 174, 191, 194, 221, 256, 322
 естественный 94, 173, 174, 191,
 194, 256
 миграционный 221
 пришлое 24, 128, 283, 308, 311
 русское в Сибири XVII–XVIII вв.
 134, 135, 138, 140
 численность его и структура
 134, 135
 убыль / сокращение 129, 173–
 175, 194, 222

- миграционная 194, 222
трудоспособное 94, 105, 222, 224, 311
христианское 127, 144, 145, 151, 215
ясачное 135–138
настроения 45, 155, 156, 158, 250, 251, 255, 260, 288, 290, 293
алармистские 293
антиправительственные / протеста 155, 156, 158, 250
сочувствия 288
экстремистские 260
немцы 173–175, 180, 224, 259, 260, 295, 311, 317
казахстанские 173–175
нетократия 71
ногаи / ногайцы 130, 136, 144, 153, 324
номад, -ы 54–58, 62–64, 69–71, 73, 76, 118, 119, 186, 187, 321, 322
номадизм цифровой, его последствия 64–68, 72–76, 320–322
нормы 72, 113, 143, 218, 247, 272, 293, 312, 314, 318, 327, 328
культуры 72, 218, 327
общественные / социальные 314, 318
поведения 272, 327, 328
правовые 143, 293, 312
шариата 247
нушиби 62
- О**
- образ жизни 64, 71, 183, 187, 199, 277, 295, 316
городской 187
мигрантов и их семей 199, 277
мобильный 64
транснациональный 183
общественное мнение 181, 185, 292
общество, -а 42, 45, 78, 80, 83, 84, 101, 112, 157, 176, 179–181, 183–185, 187, 191–193, 198, 217, 226, 230, 242, 244, 249, 250, 253, 255, 256, 258–262, 268, 272, 277, 280, 287–291, 294, 309, 311–316, 318
глобальное 287
западное / европейское 249, 250, 253, 256, 258, 291, 314
корейское 101, 112
монгольское 192, 193
немецкое 253, 255, 256, 258–261, 311, 316, 318
отпускающее, -ие / исхода 42, 45, 78, 80, 83, 183, 250, 268, 280
принимающее, -ие 181, 183–185, 226, 249, 256, 272, 277, 288, 290, 309, 316
просветительские 157
российское 277
традиционные 176, 244
община, -ы 41, 44, 57, 58, 88, 89, 93, 94, 101, 156, 180, 183, 238, 241, 242, 245, 246, 249, 250, 253, 258, 259, 289, 290, 309
бухарская 57
еврейская 41
исламская / мусульманская, -ие 156, 245, 246, 249, 250, 253, 258, 259, 290
китайская 57, 88, 89
конфессиональные / религиозная, -ые 180, 289
русская 93, 94, 101
сефардская 44
согдийская, -ие 57, 58
турецкая 250
огузы / тогуз-огузы 56, 60, 62, 63
ойраты 133, 135–139, 321
оногундуры 62
опрос, -ы 175–177, 196, 219, 259, 268, 269, 273, 290, 292
анкетный, -ые 177, 219, 268, 269
общественного мнения 290
социологический 175, 176, 292

оралманы 121, 174

османское господство / завоевание 212, 215

(само)отчуждение 12, 68, 76, 249, 277, 283

П

пакистанцы 103

паломники / паломничество 24, 157, 158, 242

панисламизм 154

пастбища 54, 64, 118, 132

пелесет / пеласты / пеласги 203, 204

перемещение, -я / переселение, -я:

в Золотую Орду 127, 130

внутриросийские 158, 221

гагаузов 211, 214, 215, 218, 324

греческие 237

добровольные 57

-завоевания 56

задунайских христиан 144, 149

зулусов 21

жуань-жуанями тюрков 55

кидаными бохайцев 32, 36

китайцев хуннами 32, 35, 57

корейцев в Приморье 93

людей 14, 15

массовое, -ые 118, 187, 214

миграционные 18, 25

международное 78, 171

монголами чжурчженей 32, 38

народов / населения 31, 153, 201, 206, 303

насильственные 31, 32, 38, 57

племен / кочевых объединений 55, 57, 59, 62, 63, 118

постоянные 69

рабочей силы 78

спорадическое 73

физические 16, 175

частые 320

эллинизированных групп 237

переселенец, -ы 34, 146–148, 150, 151, 158, 186, 211, 214, 308, 324

гагаузы 211

задунайские 146, 147, 150, 151, 211

китаеязычные 34

православные 147

русский 186

печенеги 63

письменность китайская 33, 236

ее знаки на керамике 33

племя, -ена 20, 55, 56, 58–63, 115,

118, 119, 139, 202–204, 206, 212,

216, 237, 305, 321

плюрализм 71

политика 41, 45, 81, 94, 104, 124,

127, 141, 150–152, 156, 181, 192,

200, 229, 247, 288, 289, 294, 318, 325

антисемитизма 41

в отношении частной собственности 45

внешняя 151

Монголии 192

Республики Молдова 151

завоевательная 229

корейская 94

мировая 318

нацистроительства 181

«открытых границ» 294

патерналистская 325

правовая 141

религиозная / конфессиональная

127, 150, 152, 156

социальная исламская 247

социально-демографическая 200

урбанистическая 127

экономическая 127

югославского государства 325

Южной Кореи в сфере образования 104

политкорректность 289, 293, 326–328

популяция, -и 14, 126

божьих коровок 14

- крыс / грызунов 126
человеческая 126
посадские люди 134, 135
права человека 257, 258, 268, 284, 313, 325
православие 147, 151, 212, 218
предприниматели 44, 90–92, 103, 107, 110, 283
еврейские 44
итальянские 90–92
китайские 90, 91
Тондэмуна 103, 107, 110
представление, -я 16, 21, 22, 74, 124, 130, 179, 158, 182, 183, 185, 249, 261–267, 272, 286, 288, 297, 300, 309
поле их 262, 266, 267
властей 158
коллективные 262
молодежи 263–267
о мигрантах 182, 183, 266, 267, 272
об обществе и его развитии 297, 300, 309
о себе и мире 74
обыденные 183
социальные 261–263
концепция их 262
модель 262, 263
структура 261
продуктивность сельского хозяйства 115, 118, 119
Египта / в долине Нила 115, 119
промышленность 63, 82, 83, 89, 91, 103–105, 188
пищевая 63
текстильная 89
тяжелая 104
швейная 103
пространство, -а 15–17, 24, 29, 55, 62, 63, 66, 76, 101, 102, 109, 120, 123, 129, 135, 175, 179–183, 185, 187, 188, 190, 191, 200, 201, 210, 213, 214, 229, 237–242, 304, 308, 310, 316, 320, 322
безопасности 109
бывшего СССР / постсоветское 15, 102, 213
внешнее 239, 241
внутреннее («свое») 239
Внутренней Азии 55, 62, 200
воображаемое 16
городское / города 101, 179–183, 185, 187, 188, 190, 191
Евразии 129
жизнедеятельности 76
замкнутые 66
иммиграции 322
ментальное 182
многоалфавитное 238, 240
монастыря 242
племенное 120
повседневности 181
предгорные / горное 63, 210, 304
психологических проекций 310
русскоязычное 187
социальное, -ые 182, 183, 237, 308, 316
социокультурное 242
степные 135, 304
транснациональные 308
физическое 175, 182, 183
протест, -ы 73, 257
в Иране в 2009 г. 257
скрытый 73
психология социальная 14, 64
пугу 56, 59, 60
- Р**
- рабочая сила 78, 101, 181, 198, 273, 313
иностранная 273
(не)квалифицированная 101, 313
рабочие места 200, 223, 224, 294, 311
замещение их мигрантами 223, 224, 294, 311
работник, -и / рабочих, -е 12, 91, 95, 97, 103, 105, 108, 112, 194, 220,

- 221, 223, 224, 226, 257, 275, 276, 281, 308, 313
- администрации 111
 - временные 103
 - домашние 275, 276, 281
 - иностранные 105, 112, 224, 313
 - итальянские 91
 - (высоко)квалифицированные 194, 308
 - китайские 91
 - медицинский 105
 - местные 97, 223
 - наемные 220
 - научные 95
 - неквалифицированные 108
 - (не)оплачиваемые 224
 - офисные 257
 - разно- / подсобный 226, 265
 - семейные 220, 224
 - социальный, -ые 12, 311
- расист, -изм 266, 291, 327
- рафида* 247
- регион, -ы 27, 54, 55, 62, 68, 69, 97, 101, 111, 114–116, 118, 120, 121, 123, 125, 128, 129–132, 140, 158, 177, 181, 191, 210, 221, 223, 224, 237, 252, 269, 270, 274, 278–280, 283, 288, 301, 302, 304, 307
- аридные 129
 - Бактрии 237
 - Ближнего Востока 252
 - Внутренней Азии 55
 - Казахстана 191
 - культурно-исторические 27, 54
 - России / РФ 101, 177, 221, 223, 224, 269, 274, 278–280, 283
 - Северной Африки 252
 - Сибири 302, 304, 307
 - Средней Азии 140, 158
- религия, -и 70, 124, 235, 259, 263, 265–267, 289, 290, 291
- ремесленники 32, 37, 38, 87, 233
- репатриация 121, 172, 173, 189
- ресурсы 31, 37, 38, 63, 64, 92, 110, 185, 187, 200, 219, 220, 222, 223, 292, 306, 317, 318
- Китая 63
 - людские / человеческие 37, 38
 - природные 31, 187, 317
 - родственные 220
 - роста 200
 - сетевые 220
 - трудовые 37, 219, 222, 223
 - этнические 220
- реэмигранты 175
- робототехника 84
- румыны 212
- рурализация 191
- русский, -ая, -ие 93, 94, 98, 100, 106, 112, 132, 135, 137–140, 142, 158, 173, 174, 176–178, 189, 190, 252, 265, 271, 274, 309
- в Казахстане 173, 174, 176–178, 189, 190
- рынок, -ки 66, 69, 92, 97, 104, 175, 181, 183, 195, 226, 265, 283, 308, 311, 315
- брака / брачные 69, 195
 - китайский 183
 - «колхозные» 181
 - труда 66, 69, 92, 97, 104, 175, 283, 308, 311, 315
 - услуг 226
- С**
- саксы 27
- самозанятость 66
- самоидентификация 151, 201, 213–217
- двойная 214–217
- самоорганизация 181
- самосознание 153, 211, 212–214, 216–218, 324
- самоуправление 140–143, 313
- мигрантов из Средней Азии 140–143

- сарт 187
связь, -и 23, 27, 39, 45, 46, 67, 72, 74, 75, 96, 99, 102, 103, 111, 113, 119, 120, 123, 126–128, 141, 176, 178, 179, 182, 184, 220, 225, 227, 233, 242, 260, 295, 309, 313, 323
 бизнес- 260
 двусторонние с мигрантами 295
 дипломатические 128
 исторические 46
 казуальные 27, 120
 коммуникативные 309
 культурные 45, 46, 72, 74, 75, 128, 313
 обратная 309
 политические 141
 родственные 176
 социальные 178, 178
 экономические 127, 141
седе (аде, эдизы) 59, 60
сербы 145, 212
сеть, -и 28, 35, 39, 68, 69, 90, 98, 102, 103, 108, 110, 111, 113, 128, 146, 171, 172, 175, 176, 178, 183, 195, 220, 223, 262, 309
 информационные 68
 коммуникаций 39, 68
 культурных обменов 39
 мигрантские 223
 социальные 69, 98, 108, 171, 172, 175, 176, 178, 195, 220, 309
 торговые 39
 этнические 90, 220
сеяньто / яньто 56, 59, 60, 62
синантропные виды 125, 126
синтез 24, 112, 310
 идентичностей 310
 культур 112
 новой субъектности 24
система, -ы 35, 64, 68, 69, 71, 75, 104, 106, 111, 112, 115, 126, 141, 179, 182, 186–188, 191, 197, 198, 200, 218, 230, 231, 234, 236, 239, 243, 247, 295, 296, 300, 304, 309, 311, 317
 господства 317
 диспозиций 182
 жизнедеятельности 300
 жизнеобеспечения 296, 304
 иригационные 115
 образования 112
 обязательств / ориентаций 68, 111
 пенсионная 311
 письма / записи 230, 231, 234, 236, 239, 243
 расселения 187, 188, 191
 «свободного найма» 106
 социальных связей / отношений 71, 75, 179
 управления / судов 35, 141, 247
 ценностей и норм 218, 295
 цивилизационные 187
ситуация, -ии 13, 22, 27–29, 42, 45, 65, 67, 70, 71, 91, 104, 121–123, 130, 137, 138, 152, 171, 173, 175, 180, 182, 189, 193, 221–223, 227, 229, 231, 233, 235, 236, 238, 240, 244, 249, 250, 253, 257, 258, 278, 286, 289, 293, 295, 296, 304, 305, 307, 308, 314, 315, 317–319, 321, 326, 327
 демографическая 171, 173
 конфликтные 67, 327
 (этно)культурная 71, 91, 238, 304, 307
 личная / семейная 193
 миграционная 29, 221, 222, 227, 293, 308
 политическая 253
 социоскрипторная 238, 240, 244
 (социально-)экономическая 104, 250
 чрезвычайная / экстремальная 295, 317, 318
 этнорелигиозная 152
сицзе (сыцзе) 60
служилые люди 134, 135

- СМИ 45, 96, 105, 189, 195, 256, 273
- согдийцы 57–60
- сознание 13, 18, 24, 76, 140, 148, 181, 182, 184, 189, 217, 252
- автохтонного населения 189
 - гагаузов 217
 - групповое 24
 - личностное 24
 - массовое 181, 182, 184
 - народно-религиозное 148
 - правовое 140
- сообщество, -а 24, 39, 65, 92, 101, 107, 110, 111, 142, 182, 184, 223, 227, 283, 287, 309–316
- индейские 312
 - китайское 101
 - (мульти)культурное, -ые 65, 309, 314
 - местные 283
 - (э)мигрантское, -ие 92, 107, 111, 182, 184, 223, 227, 287, 309, 311, 313
 - преступное 310
 - самаркандцев 111
 - франкоязычное 312
- социоскрипторика 237
- среда 16, 19, 38, 39, 45, 65, 69, 75, 85, 111, 112, 120, 121, 154, 176, 179, 180, 187, 189, 196, 215, 232, 241, 254, 255, 257, 272, 280, 307, 315, 324
- академическая 315
 - виртуальная 69
 - городская / столичная 180, 187, 272
 - окружающая / природная 19, 38, 120, 121, 232, 307
 - социальная 16, 65, 75, 111, 241, 254, 280
 - социально- (этно)культурная 65, 75, 85, 111, 112, 154, 176, 179, 196, 215, 257, 324
 - студенческая / молодежи 254, 255
 - языковая 189
- статус, -ы 34, 37, 77, 80, 97, 140, 141, 143, 146, 151–153, 172, 180, 183, 187, 188, 190, 222, 242, 243, 286, 290, 293, 309, 310
- алфавита / письма 242, 243
 - беженцев 77, 293
 - легальный 80, 97
 - льготный 146
 - образовательный 222
 - (гео)политический 151, 152, 172
 - правовой 140, 141, 143, 153, 180
 - социальный 34, 37, 183, 187, 190, 309, 310
 - церкви / религии 290
- степь, -и 31, 35, 55, 57, 59–63, 124, 128, 129, 139, 155, 186, 321, 322
- стереотипы 90, 93, 182, 328
- страны исхода / доноры / отпускающие 78, 80, 83, 84, 89, 95, 101, 192, 250, 268, 269, 280
- страна, -ы принимающие / реципиент 80, 81, 84, 192, 195, 197, 254, 281, 292, 309
- страна, -ы проживания / пребывания / 43, 73, 75, 286, 293
- стримонии 204, 205
- структура, -ы 19–22, 34, 35, 69, 73, 82, 83, 92, 95, 102, 113, 135, 173, 174, 180, 184, 188–191, 242, 244, 247, 250, 255–257, 261, 262, 320
- властные / управления 188, 242, 247
 - города / поселений 135, 180, 190
 - диаспоры 255
 - занятости 82, 83, 95, 188
 - конфессиональные 244
 - (полу)криминальные 92, 250
 - миграционного процесса, -ов 21, 320
 - населения 69
 - общинные 180, 184
 - повседневности 20

половозрастная 257
представлений 261, 262
социальная, -ые 34, 35, 184, 189
этнодемографическая 173, 174
субкультура, -ы 68, 313, 314
субъект, -ы 12, 13, 23, 70, 71, 74, 75, 135, 220, 262
истории 23
колонизации Сибири 135
этноэкономики 220
субъектность 24, 181, 328
суд, -ы 140–143
словесные 143
третейский 143
у мигрантов из Средней Азии 140–143
сэ 63
сяньби / сяньбийцы 56, 58, 305

Т

таджики 111, 224, 226, 265
тайша, -и 136, 137
тасы 125
татары 124, 130, 133, 136, 138, 139, 142, 143, 153, 158, 173, 215, 224
«ташкентцы» 140–142
тегин 61
теккер-тевкры 204
текст, -ы 15, 18, 24, 29, 30, 57, 86, 116, 117, 207, 211, 230, 231, 234, 235, 237, 238, 242, 244, 263, 319, 320, 327
аккадские 116
(ново)ассирийские 207
древневосточные 116, 117
о голоде и нехватке зерна 116
(древне)египетские 116, 207, 230, 231, 234, 235
угаритские 116
хеттские 116
эпиграфические 238
теле 56, 59, 60, 62, 63
теленгуть 125
тенлеки 125

терроризм 245, 251, 260, 325, 326
идеологи его 251
исламистский 245, 251, 326
международный
социальная база
террористическая деятельность 245–248, 251
террористическая организация, -и 245–248, 252, 253
террористы-исламисты 325
ТНК 82
тоелесы 125
толерантность 254, 265, 266, 289, 293, 314, 325
торговец, -цы 32, 86–88, 140, 141, 181, 229, 233
греческие 233
китайский, -е 86–88
среднеазиатские 140, 141
тохары 63
традиционное природопользование 221, 224, 225
традиционный уклад 120, 221, 225
трансмигранты 309
трилингвы 242
туматы 124
тунисцы 252
турки 144, 146, 212–216, 250
турша 203
тюрки / -шато 56, 59, 62, 135, 306, 307

У

уезд, -ы 59, 60, 135–137, 147
сибирские 135–137
узбеки 107, 109, 111, 112, 120, 138, 173, 223, 224, 265
узбекистанцы 106
уйгуры 56, 58–63, 173
украинец, -цы 173, 174, 177, 186
улус, -ы 137, 224
урарты 206, 209
урбанизация 188, 189

урсуты 125
урумей 205
урумы 213
установка, -и 67, 104, 183, 189, 240, 241, 248, 260, 262, 267, 291, 312, 314
государственная 240, 241
исламские политические 291
определение ее 262
социокультурные 189
эмоциональная 267
«утечка умов» 195, 196
утигуры 62
ушкуйники 130

Ф

фракийцы 204, 205
фригийцы 203, 205
фриланс 66

Х

хабханасы 125
хадж 157
халлю 100
ханьцы 35, 36, 57
хеттские источники / памятники 116, 203, 209
хетты 115, 117, 201, 202
делегация их 117
царица / царь 117
«хивинцы» 140, 143
хиониты 241
хошоуты 137
христиане 144, 212, 215, 234, 251, 270, 288
египетские 234
задунайские 144
западные 288
тюркоязычные 215
христианство 212, 215, 234, 235, 290
хунь (кун) 60
хурриты 206–210
имена их 210
империя 202

миграция 209
мир / ареал 201, 202, 206, 208–210
области / царства 206, 210
племена / народы 206
традиции / культура 206
язык 208
хусе (хуса) 60
хуштемей 125
хэлянь 55

Ц

ценности 12, 66, 68, 69, 72, 75, 107, 113, 149, 189, 190, 192, 198, 218, 242, 250, 256, 257, 260, 288, 291, 293, 295, 316, 325

духовные / культурные 218, 316
европейские / западные 107, 189, 250, 257, 288, 291, 295, 325
иерархия их 242
индивидуальные 75
«исконно казахские» 189
левацкие / маоистские 256
либеральные / современные 192, 260
материальные 198, 293
общечеловеческие 75
светские 256
традиционные 69, 192
центры скриптопорождающие 238–242
церковь, -кви как здание 142, 147–151
деревянная, -ые 149
каменная, -ые 149, 150
приходская 147
строительство их 147–150
церковь, -кви как организация 289–291, 309, 328
иудейская 290
католическая 289
православная 309
христианская 290
циби 60

Ч

чайнатаун, -ы 86, 91, 92, 101, 184, 185

в Милане 86

в Прато 91, 92

«черта оседлости» 180

чжурчжэни 32, 36, 38

чигили 63

чума, -ы 124–126, 128–131

бактерия 125

бубонная 128

как причина и следствие миграций 131

легочная 128

носитель, -и 125

пандемия 124

природные очаги 129

смертность от 123, 124, 129

факторы распространения 126, 130

форма, -ы 126

эпидемия 126, 129, 130, 131

Ш

шала-казах, -и 189

шаньюй 60, 61, 305

шивэй 62

Э

экспертное сообщество / среда 39, 45

экстремисты исламские 289, 290

элита, -ы 57, 60, 111, 139, 151, 241, 249, 254, 286

джунгаров 139

европейские 286

иранская 254

киданьские 57

кушанская 241

политические 249

Республики Молдова 151

тюркская 60

эльтебер 56, 58, 60

эмигранты 41, 43, 73, 84, 153, 254, 258, 312, 315

эмиграция 15, 40, 41, 43, 45, 116, 123, 131, 153, 172, 188, 193, 198, 258, 298, 309

эпидемия, -и 124, 126, 129–131, 139
моровой язвы / поветрия 129, 139

очаг, -и 124, 129

тифа 126

холеры 129

чумы 126, 130, 131

эпизоотия, -и 54, 126

этническая, -ий, -ое, -ие:

анклавы 226, 325

большинство 121

группа, -ы 60, 92, 120, 220, 221, 224, 225

дифференциация 186, 188, 190, 191

доминирование 220

идентичность 111, 182, 211, 212, 214, 218

иерархия 189

кластер, -ы / квартал, -ы 180, 184

консолидация 324

культура 219

маркер 190

меньшинство, -а 121, 182

мобилизация 219

общность 16, 55, 213, 215, 220

предпринимательство 220

предубеждения 274

принадлежность 107, 211, 212, 216, 288

продукт 184

процесс, -ы 212

ресурсы 220

рынки 179, 183

самоорганизация 181

сеть, -и 90, 220

(само)сознание 212–214, 216, 218, 324

сообщество, -а 70, 182, 225, 226
специализация 225
этноним, -ы 203, 204, 213, 217
гагауз 217
мюс («мис»)/месс 203, 204
пеласги 203
фрюг- 203
этнос, -ы 158, 189, 190, 212, 214,
217, 218
этноэкономика, -и / этническая эконо-
номика, -и 184, 186, 219, 220–227
влияние миграции 221, 222, 226
инновационные формы 221, 225,
227
коренных народов 220, 224, 227
мигрантская 220, 221–224, 226,
227
понятие 220
эфталиты 241

Я

ягма 57
язык, -и 12, 14, 15, 27, 39, 71, 75, 80,
85, 96, 99, 102, 103, 106–109, 112,
113, 120, 143, 156, 188, 189, 192, 195,
199, 208, 209, 211–213, 215–218,
220, 225, 228–237, 244, 249, 250,
255, 262–266, 288, 306, 308, 312
администрации 234
аккадский 230
аллародийские 208

английский 231, 288
богослужебный 215, 234
восточнокавказские 208
гагаузский 211, 217
греческий 233–236, 288
государственный 249
делопроизводства 312
демогический 232
европейские 230, 231
(древне)египетский 229, 230–234
итальянский 15
казахский 189
китайский 236
коптский 234, 235
корейский 109
культуры / литературный 14, 218
монгольский 99, 103
национальные 14
немецкий 225, 250, 288
отраслевые 14
персидский 255
русский 15, 85, 99, 102, 103, 107,
108, 113, 192, 199, 218
семитские 229, 235
татарский 156
турецкий 211, 215
тюркчя / тюркские 213, 306
урартский 208
французский 288
хурритский 208
школьный 215
японский 231, 236

INDEX

A

Adal 162
 Adana 47, 49
 Adulis (Zulla) 161, 162
 AFAD 49–51
 Afghanistan 159
 Africa 159, 160, 164
 Africans 160
 Aksum 161
 Ankara 47, 50
 Arab, -s 48, 162, 163, 380
 countries 163
 Arabia 160–162, 164, 168–170
 Saudi 160, 164, 168–170
 South(ern) 160–162
 Arabian
 Peninsula 161, 163, 170
 Sea 169
 Arsi-Bale 164
 asylum seekers 46, 160

B

Bab-es Selame 51
 Birr 169
 Blue Diamond 198
 Bundeskriminalamt 252

C

charity organizations 50
 Christians 160, 162–164, 384
 Ethiopian Orthodox 163, 164
Coccinellidae 14
 communities 165, 167, 169, 389, 390, 392
 local 52, 390
 transnational 165
Confindustria 91
 CONTACT 98
 country 159, 160, 162–164, 166, 167,
 169, 381, 385, 387
 destination 169

high-wage 166
 low-wage 166
 receiving 159, 169
 sending 159, 167

D

Dalain Salkhi 108
Dasein 309
Derg 163
 Djibouti 160
Dongdaemun 102, 103, 382
Doota 102

E

East 46, 53, 160–166, 168, 170, 379,
 382, 385, 390, 391
 Far 382
 Middle 46, 53, 160–166, 168, 170,
 379, 385, 390
 Egypt 160, 388
 Erdogan 47, 380
 Eritrean Liberation Front 163
 Erlich, Haggai 164, 165
 Ethiopia 159–171
 Christian Kingdom of 162
 migration from 159–161, 163, 165,
 166, 170
 siege mentality 162, 164, 165
étranger 80

F

family, -ies 159, 167, 168, 170
 farm, -s 168
fast fashion 90
foreign-born 80
 foreigners 50, 80, 96, 100, 379, 385
 fun 66

G

Gaziantep 47–50, 52

Gibbon, Edward 165
“Giupel” 91
Gragn, Ahmed 162
Gulf of Aden 160
Gulf states 160, 170

H

Harar 164
Hatay 47, 48, 52
Hello 103
Himyar 161
household, -s 165, 167, 168, 170
human traffick(ers) 160, 170
Humera 168

I

IHH 51
Il 47, 48
Immigré 80
individual, -s 162, 166–170
INSEE 80
IOM 168
Iraq 159
Islamische Religionspädagogik 259
Israel 160, 380
Istanbul 47, 48, 50
Izmir 48, 50

J

Jimma 164
Jordan 46

K

Kaleb 161
Kenya 160
“Khora centre” 288
Kilis 47, 48, 50, 52
KSA (Kingdom of Saudi Arabia) 169

L

labour(ers) 159, 160, 164, 166–169
market, -s 167
migration 160, 163, 164, 166, 167

policy 164
power 159, 165
productivity 166, 167
unskilled 160, 169
wage 169

laïcité 290

Law on Foreigners Protection 50

Lebanon 46, 163

Libya 159

Libyan Desert 160

longue durée 11, 17–21, 25, 30, 378, 379

Lucretius 11

M

Massava 161

Mecca 161, 162

media 169

Medina 162

Mediterranean Sea 160

Mersin 47, 52

migration 48, 50, 52, 159, 171, 378–392

culture of 166, 170

effect(s) 48, 159, 378, 387

informal routes of 160

labour 159, 160, 163, 164, 166, 167,
170, 385, 388

Neoclassical theory of
160, 166–170, 385

New Economics theory of
160, 166–168, 385

Syrian 48, 52

youth 160, 164, 385

“Migrant Help” 287

migrants 159–161, 167–169

economic 160

international 159

labour 161, 168, 169

potential 167, 169

returnees 168

Migliore 102

Milliyet 52

mobility 162, 163

muslims 162, 164, 385

- N**
native-born 80
 nation-state 24, 322, 392
 NBICS 317
 North 53
- O**
one room 108
 Osmaniye 47, 50
 out-migration 163, 385, 387
- P**
 poverty 53, 159, 163, 164
 Prophet Mohamed 161
pronto moda 90
- R**
 Red Sea 161, 162
 “Refugees Welcome” 287
 refugees in Turkey 46, 48, 52, 53
 camps 48, 49
 distribution 47, 48
 education problem 50
 remittances 387
 RusKorTV 98
 “Russian Korea” 98
 “Russian Mart” 110
- S**
sarvaloga 241
sarvalogišvara 240
 service 48, 49, 160, 163–165
 Sinai Peninsula 160
 SMIKM 50
 Somali(land) 160, 164
 South 53
 STEEP 192
 Sudan 160
 Syria 46, 51, 52, 380
 Syrians 46–52, 380
 camps for 48, 49
 in Turkish cities 49–52
 internally displaced 51, 52
 number of 46–48
- Ş**
 Şanlıurfa 47–49
- T**
 Tanzania 160
Tūda / Tudeh 256
 Turkey 46–53, 380, 385
 border regions 47
 cities 49, 52
 Civil Law 52
 companies 49, 52
 Ministry of Education 50
 Parliament 50
 Red Crescent 51
 Turks 52, 380
- U**
 Umit, Ahmet 53
 Unemployment 159, 381
 UN High Commissioner for Refugees 46
 unknown lettering 238
- W**
 wage differential 167, 169
 Wallo 165
 West 53, 383, 389
 workers 52, 160, 163, 164, 166
 female domestic 160, 163, 164, 169,
 170, 385
 qualified 382
- Y**
Yersinia pestis 125

Научное издание

ОТ ВЕКА БРОНЗОВОГО ДО ВЕКА ЦИФРОВОГО: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Коллективная монография

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

В оформлении обложки использована репродукция картины Павле Йовановича «Миграция сербов / Сеобе срба» (1896, Национальный музей в Панчево), источник: <https://i.pinimg.com/originals/d4/73/98/d47398e18a75758dd32760ee84007912.jpg> и фотография «Мигранты на сборном пункте в Венгрии в очереди на автобусы» из «Нью-Йорк Пост» от 11.09.2015, источник: <https://nypost.com/2015/09/11/refugees-reality-whats-really-going-on-in-europe/>

Подписано в печать 28.02.2018. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 25,6.
Тираж 500 экз. Заказ 52.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66